

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки

Институт Дальнего Востока
Российской академии наук

Центр изучения Вьетнама и АСЕАН

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 2

Вьетнам сегодня
и вчера

Москва
ИДВ РАН
2012

УДК 908(597)
ББК 26.89(5Вье)
В96

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

к. и. н. *В.Н. Павлятенко*, к. и. н. *А.А. Козлов*

Ответственные редакторы:

к. и. н. *Е.В. Кобелев*, к. и. н. *Г.М. Локшин*

В96 Вьетнамские исследования. Выпуск 2. Вьетнам сегодня и
вчера. — М.: ИДВ РАН, 2012. — 392 с.

ISBN 978-5-8381-0216-4

Предлагаемый читателю сборник статей подготовлен на основе материалов II научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения», которая состоялась 18 мая 2011 г. в Институте Дальнего Востока РАН. Конференция была посвящена главным образом рассмотрению проблем и перспектив развития СРВ в свете итогов состоявшегося в январе того же года XI съезда Коммунистической партии Вьетнама.

Сборник состоит из двух частей: «Современный Вьетнам» и «Традиционный Вьетнам». В первой части помещены статьи, в которых на базе документов прошедшего съезда КПВ и собственных исследований авторов анализируются внутренняя и внешняя политика СРВ, её успехи в развитии экономики за последнее десятилетие, особенности нового этапа политики обновления и открытости, провозглашенного XI съездом КПВ, а также рассматриваются состояние и перспективы российско-вьетнамского сотрудничества и некоторые аспекты вьетнамо-китайских отношений. Во второй части помещены статьи вьетнамоведов-историков о некоторых новых моментах известных событий древней и новой истории Вьетнама, а также статьи специалистов по вьетнамской лингвистике и филологии.

Материалы сборника рекомендуются к использованию преподавателям и студентам, изучающим восточноазиатский регион.

**УДК 908(597)
ББК 26.89(5Вье)**

ISBN 978-5-8381-0216-4

© Коллектив авторов, 2012
© ИДВ РАН, 2012

Содержание

Введение. Актуальные проблемы российского вьетнамоведения	6
---	---

Часть первая **СОВРЕМЕННЫЙ ВЬЕТНАМ**

<i>Локшин Г.М.</i> XI съезд КПВ: политике обновления («ДОЙ МОЙ») альтернативы неТ	14
<i>Воронин А.С.</i> XI съезд КПВ и российско-вьетнамское стратегическое партнерство	41
<i>Мазырин В.М.</i> Вьетнам: закономерности и особенности процесса обновления	67
<i>Тригубенко М.Е.</i> Участие иностранного капитала в развитии и обновлении экономики Вьетнама	88
<i>Цветов П.Ю.</i> XI съезд КПВ о международной обстановке и задачах вьетнамской дипломатии	97
<i>До Минь Као</i> Негативные факторы во вьетнамо-китайских отношениях	105

Новакова О.В.

Вьетнам в XXI веке: историческая парадигма —
возвращение к национальным традициям (к вопросу
о поиске национальной идентичности) 112

Познер П.В.

Вьетнам: традиции и современность 130

Марченко Е.А.

Характерные черты политической культуры
современного Вьетнама 138

Часть вторая ТРАДИЦИОННЫЙ ВЬЕТНАМ

Федорин А.Л.

Некоторые вопросы вьетнамо-китайских
отношений в X—XI вв. 160

Поляков А.Б.

Роль буддизма в политической жизни Вьетнама
при первых независимых вьетских династиях
(последняя треть X — начало XI вв.) 184

Григорьева Н.В.

Ранняя этническая история вьетнамцев в свете истории
вьетнамского языка: проблема этнонимов 198

Мурашева Г.Ф.

Морская политика вьетнамской династии Нгуенов
в первой половине XIX века (по материалам
хроники *Дай Нам Тхык Люк*¹) 228

¹ Dai Nam Thuc Luc — (Правдивые записи о Великом Юге), tt I—XXXVIII, Hanoi, 1962—1978 гг.

<i>Кобелев Е.В.</i>	
Бао Дай, последний император Вьетнама (Исторический очерк)	251
<i>Усов И.В.</i>	
Визит рабочей делегации по расследованию положения дел в колонии под руководством М. Г. Пери в Индокитае в 1934 году и его влияние на последующее развитие вьетнамского национально-освободительного движения	296
<i>Соколов А.А.</i>	
Русские в иностранном легионе: Индокитай (конец XIX — середина XX века)	309
<i>Сюннерберг М.А.</i>	
Инновационные подходы к изучению вьетнамского языка в рамках курса домашнего чтения: проект учебно-методического пособия по роману Нгуен Нят Аня «Девушка из вчерашнего дня»	337
<i>Роговцева А.В., Соколовский А.Я.</i>	
Принцип подачи материала в учебном пособии «Вьетнамский язык каждый день»	356
<i>Филимонова Т.Н.</i>	
Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кхана «Хо Куи Ли»	370
Краткие данные об авторах	388
Summary	390

Введение

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ВЬЕТНАМОВЕДЕНИЯ

18 мая 2011 года в Институте Дальнего Востока РАН прошла II научно-практическая конференция «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения», организатором которой вновь, как и в 2010 году, выступил Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. В конференции приняли участие более 50 научных работников из различных исследовательских и учебных центров России и Вьетнама, представители МИД РФ и посольства Социалистической Республики Вьетнам в России. Работу конференции освещали российские и вьетнамские средства массовой информации.

С приветственным словом к участникам конференции обратились директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л. Титаренко, советник—посланник посольства СРВ г-жа Фам Тхи Бить Нгок и председатель Центрального правления Общества российско-вьетнамской дружбы, ректор Московской академии экономики и права проф. В.П. Буянов. Все трое с удовлетворением отмечали неуклонное успешное развитие отношений стратегического партнерства между Россией и Вьетнамом, расширяющийся год от года обмен визитами государственных и общественных деятелей, приобретающий интенсивность и регулярность доверительный диалог между политическим руководством двух стран, расширение сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической областях, в сфере обороны и безопасности, крепнущие связи в области образования, культуры и туризма.

Развитие этих положительных тенденций, подчеркнул, в частности, академик М.Л. Титаренко, требует постоянной научно-практической и научно-пропагандистской поддержки со стороны ученых обеих стран. И потому превращение конференций российских вьетнамоведов в устойчивую традицию имеет большое значение не только для тех, кто посвятил себя изучению Вьетнама, но и для формирования компетентного и хорошо информированного общественного мнения в нашей стране, где дружественное отношение к вьетнамскому народу имеет глубокие исторические корни.

М.Л. Титаренко поблагодарил представителей различных научных центров, откликнувшихся на приглашение принять участие во II научно-практической конференции российских вьетнамоведов, позволяющей всем участникам ознакомиться с результатами своих научных исследований и высказать соображения относительно повышения качественных характеристик российского вьетнамоведения, подготовки «новой волны» вьетнамистов и совершенствования научного сопровождения всего комплекса отношений между Россией и Вьетнамом.

Руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН к.и.н. Е.В. Кобелев ознакомил собравшихся с работой Центра и перспективами намеченных научных исследований на предстоящий период. Он подчеркнул, что в условиях успешно развивающихся межгосударственных, торгово-экономических и культурных связей России с Вьетнамом достоверные, лишенные идеологических штампов и стереотипов, объективные и документально обоснованные результаты анализа происходящих событий в дружественной нам стране, ее проблем и достижений, так же как и вводимые в научный оборот новые данные об истории отношений и важнейших этапах сотрудничества наших стран в новой и новейшей истории, представляют не только научный интерес, но и имеют сугубо прикладное значение.

Первая часть настоящего сборника посвящена актуальным проблемам современного Вьетнама. За последние десятилетия в России сформировалась группа высококлассных специалистов по новой и новейшей истории Вьетнама, перу которых принадлежит большое число научных и научно-популярных исследований

по указанной тематике. Среди них следует назвать А.С. Воронина, Е.В. Кобелева, Г.М. Локшина, В.М. Мазырина, Г.Ф. Мурашеву, О.В. Новакову, А.А. Соколова, П.Ю. Цветова и др. В сборнике представлены новые работы указанных специалистов, основой для которых послужили их доклады на II конференции российских вьетнамоведов.

2011 год начался с важнейшего события в общественно-политической жизни СРВ — XI съезда Коммунистической партии Вьетнама, и в этой связи ряд докладов прошедшей конференции был посвящен анализу основных выводов и решений съезда. Так, в докладе ведущего научного сотрудника Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН к.и.н. Г.М. Локшина, в частности, отмечалось, что СРВ — одно из пяти оставшихся в мире государств, позиционирующих себя именно как социалистические. Но она явно не относится к числу таких стагнирующих стран, как Куба, КНДР и Лаос. Четверть века назад судьбоносными решениями VI Съезда КПВ в декабре 1986 года во Вьетнаме начался исторический эксперимент с построением «социалистически ориентированной рыночной экономики». При этом одни ученые видят в этом эксперименте попытку конвергенции капиталистической и социалистической моделей социально-экономического развития, другие — некий «конфуцианский капитализм с человеческим лицом». Однако вьетнамские идеологи этой политики твердо стоят на том, что, в конечном счете, она нацелена на построение социализма, как они его понимают, с учетом национальной специфики страны.

Актуальным проблемам российско-вьетнамского стратегического партнерства в свете итогов XI съезда КПВ посвятил свой доклад старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН А.С. Воронин. Съезд, по его мнению, дал богатую пищу для выработки идей, реализация которых способствовала бы выходу стратегического партнерства двух стран на новый уровень, отвечающий возрастающим требованиям динамичного и устойчивого развития России и Вьетнама, обеспечению их геополитических интересов.

В работе XI съезда КПВ особое важное заняли вопросы мировой политики и внешнеполитической деятельности партии и

государства. Им посвятил свое выступление ведущий советник Управления международных связей Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ к.и.н. П.Ю. Цветов. Он, в частности, отметил, что как на глобальном, так и на региональном уровнях вьетнамская внешнеполитическая служба действовала и действует солидарно, в тесном контакте с российской дипломатией. Есть основания полагать, что такое взаимодействие и впредь будет оставаться ключевой, неотъемлемой чертой стратегического партнерства России и Вьетнама на мировой арене и прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Важнейшим закономерностям и особенностям процесса обновления во Вьетнаме посвятил свой доклад ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН к.и.н. В.М. Мазырин. 25 лет назад, сказал он, VI съезд КПВ положил начало всесторонним реформам переживавшей кризис административно-командной системы, известным сегодня как политика обновления («*дой мой*»). За это время осуществлен переход от планово-распределительной экономики к рыночной, проведены преобразования во многих других областях, которые вызвали позитивные изменения в обществе и жизни населения. Эти реформы и преобразования, естественно, вызывают повышенный интерес ученых и практических работников к изучению опыта и «скрытых пружин» весомых достижений СРВ.

Своего коллегу поддержала ведущий научный сотрудник Института экономики РАН к.э.н. М.Е. Тригубенко. Она остановилась на проблемах участия иностранного капитала в развитии и обновлении экономики Вьетнама. Особенности модернизации во Вьетнаме, считает автор, связаны с тем, что эта страна не завершила индустриализацию, т. е. не отказалась от развития многоотраслевого промышленного комплекса. Поэтому модернизацию в СРВ надо рассматривать как процесс технологического обновления промышленности и развития некоторых отраслей новой экономики при опоре на иностранные инвестиции.

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад сотрудника Института китаеведения Академии общественных наук СРВ доктора До Минь Као о негативных факторах во вьетнамо-китайских отношениях, проявившихся в последние годы.

Прежде всего речь идет о стремлении Вьетнама к чрезмерному подражанию Китаю в решении общих проблем; о разрыве в темпах развития двух стран, особенно в области взаимного торгового обмена; о возникших различиях в национальных интересах; о нарастающем влиянии так называемой мягкой силы Китая. Доклад еще раз подтверждает, что совпадение или близость идеологий двух правящих партий не всегда означают общность национальных интересов возглавляемых ими стран.

В этом же разделе содержится обстоятельный доклад доцента ИСАА МГУ к.и.н. О.В. Новаковой на тему: «Вьетнам в XXI веке: историческая парадигма — возвращение к национальным традициям». По мнению автора, стремительная трансформация Вьетнама в XX и XXI веках, вобравшая в себя элементы сразу нескольких социальных эпох и цивилизаций, убеждает в том, что перед нами завершается очередной цикл эволюции вьетнамского социума после нескольких десятков лет многочисленных политических и экономических экспериментов и происходит возвращение на твердую и веками проверенную почву вьетнамской национальной политической традиции.

Доктор исторических наук П.В. Познер (Институт востоковедения РАН) выступил с сообщением «Вьетнам: традиции и современность», основанным на впечатлениях и выводах из поездки в СРВ делегации научных работников Российской академии наук с целью сбора иллюстративного материала для приоритетного научного исследования РАН — издания «Полной академической истории Вьетнама» в 6 томах.

Достойна высокой оценки работа аспирантки Института Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова Е.А. Марченко «Характерные черты политической культуры современного Вьетнама», выполненная на добротном научном уровне. Автор рисует широкое полотно политической культуры СРВ, которая, по мнению автора, является одним из важнейших факторов социально-политической жизни любой страны: это накопленный опыт поколений народа в его общении с властью, который складывается веками и не может быть изменен за несколько лет и даже десятилетий.

Вторая часть сборника, названная «Традиционный Вьетнам», открывается работами известных российских медиевистов

д.и.н А.Л. Федорина «Некоторые вопросы вьетнамо-китайских отношений в X—XI веках» и к.и.н. А.Л. Полякова «Роль буддизма в политической жизни Вьетнама при первых независимых вьетских династиях (последняя треть X — начало XI в.)». Обе работы выполнены на высоком научном уровне и представляют собой серьезный вклад в изучение специфических особенностей вьетнамского средневековья.

Привлекает внимание научной новизной исследование сотрудницы Института востоковедения РАН к.и.н. Г.Ф. Мурашевой об основных особенностях морской политики вьетнамской династии Нгуенов в первой половине XIX века (по материалам хроники *Дайнам тхык люк*). Автор рассказывает о практических действиях династии по укреплению морской безопасности Вьетнама, о минимизации ею контактов с Западом, о борьбе с пиратством в Южно-Китайском море (ЮКМ), о контроле, который Нгуены стремились осуществлять над состоянием морских бухт и портов страны. По мнению автора, у вьетнамских феодальных властей довольно рано сформировалось представление о близких и отдаленных островах как части собственной территории (в число этих островов, в частности, входили архипелаги Хоангша (Парасельские) и Чьонгша (Спратли), а также об узаконенном разграничении морских пространств с соседними странами, в первую очередь с Китаем.

Представляет интерес попытка к.и.н. Е.В. Кобелева в форме исторического очерка познакомить коллег с исторической судьбой последнего императора Вьетнама Бао Дая (1913—1997 гг.). До начала реализации в СРВ политики «дой мой» имя Бао Дая редко встречалось в исторической и мемуарной вьетнамской литературе. Однако в последние годы, по мере расширения гласности и открытости во вьетнамском обществе, в Ханое и Хошими не вышло в свет довольно много книг и публикаций, в которых подробно и вполне объективно прослеживается жизнь последнего императора Вьетнама, насыщенная невероятным политическим многообразием и авантюрными приключениями.

Для тех, кто интересуется особенностями вьетнамского национально-освободительного движения, представляет интерес статья ст. преподавателя Национального исследовательского

университета «Высшая школа экономики» к.и.н. И.В. Усова о визите во Французский Индокитай в 1934 году Рабочей делегации по расследованию положения дел в колонии под руководством Г. Пери и влиянии этого визита на последующее развитие ситуации во Вьетнаме.

Вновь порадовал старший научный сотрудник Института востоковедения РАН к.и.н. А.А. Соколов, который постоянно находит новые, мало изученные темы для исследований. На этот раз он выступил с весьма интересным докладом «Русские в Иностранном легионе: Индокитай (конец XIX — середина XX в.). На основе французских и вьетнамских исторических материалов он сумел восстановить из небытия имена и судьбы нескольких десятков россиян, которые по разным причинам оказались участниками колониальных войн Франции во Вьетнаме и Индокитае в целом.

Раздел «Традиционный Вьетнам» завершают работы лингвистов и литературоведов. Доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского университета к.и.н. Н.В. Григорьева провела тщательное исследование проблемы древних этнонимов в свете истории вьетнамского языка, которое позволяет пролить дополнительный свет на многие неясные места ранней этнической истории вьетнамцев, воссозданной на основе древних письменных памятников и археологических артефактов.

Доцент ИСАА МГУ к.и.н. М.А. Сюннерберг в своем докладе рассматривает инновационные подходы к изучению вьетнамского языка в рамках курса домашнего чтения, в частности, предлагает проект учебно-методического пособия на основе известного романа современного вьетнамского писателя Нгуен Нят Аня. С его подходами перекликаются предложенные сотрудниками Дальневосточного государственного университета (Владивосток) ст. преподавателем кафедры филологии ЮВА Восточного института А.В. Роговцевой и проф., деканом факультета изучения стран Южной и Юго-Восточной Азии Восточного института проф. А.Я. Соколовским принципы подачи материала в учебном пособии «Вьетнамский язык каждый день».

В докладе доцента ИСАА МГУ к.ф.н. Т.Н. Филимоновой на основе романа вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя под-

робно рассматривается трагическая судьба одного из великих реформаторов вьетнамского средневековья императора Хо Куи Ли.

По завершении конференции ее участники позитивно оценили содержание и доброжелательную атмосферу проведенной научной дискуссии. Они высказались за продолжение начатой традиции ежегодных встреч и за расширение состава их участников путем более широкого приглашения зарубежных специалистов и российских преподавателей вузов, студентов и аспирантов.

Предлагаемый вниманию читателей сборник материалов II конференции российских вьетнамоведов содержит работы, естественно, различные по тематике и по своему научному уровню. Все содержащиеся в них выводы и оценки не обязательно совпадают с теми или иным общими позициями Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН.

Часть первая СОВРЕМЕННЫЙ ВЬЕТНАМ

Г.М. Локшин

XI СЪЕЗД КПВ: ПОЛИТИКЕ ОБНОВЛЕНИЯ («ДОЙ МОЙ») АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕТ

1. Пришло время перемен

Стратегическое положение Вьетнама как соседа Китая, расположенного параллельно большим морским торговым маршрутам Азии, — всегда делало эту страну важной в геополитическом и стратегическом отношении. В последние годы её роль и значение ещё более возросли. Преображенный двумя десятилетиями экономического роста и открытости Вьетнам стал влиятельным игроком в региональной экономике и политике. В 2010 г. это было убедительно продемонстрировано эффективным председательством Вьетнама в АСЕАН.

Социалистическая Республика Вьетнам — одно из пяти оставшихся в мире государств, позиционирующих себя именно как социалистические. Но она явно не относится к числу таких стагнирующих государств, как Куба, КНДР и Лаос. Четверть века назад судьбоносными решениями VI съезда КПВ в декабре 1986 г. во Вьетнаме начался исторический эксперимент с построением «социалистически ориентированной рыночной эко-

номики». Вопреки тяжелейшим обстоятельствам он оказался однозначно успешным. При этом одни увидели в нем попытку конвергенции капиталистической и социалистической моделей социально-экономического развития, другие — некий «конфуцианский капитализм с человеческим лицом»¹, но сами вьетнамские идеологи этой политики твердо стоят на том, что, в конечном счете, она нацелена на построение социализма с учетом национальной специфики страны.

VI съезд КПВ стал результатом многолетних поисков и началом качественно нового этапа в истории Вьетнама. Он взял курс не на совершенствование существующей системы управления хозяйством, а на обновление всей экономической структуры по всем направлениям и на всех уровнях, всей системы управления, не отказываясь от главной цели, постоянно декларируемой КПВ, — создания на основе такого обновления, но в далеком и пока не определенном будущем социалистического Вьетнама.

Так или иначе, но общепризнанным фактом является то, что вьетнамским коммунистам — кто и как бы к ним не относился — невероятным напряжением всех сил страны и народа удалось вывести Вьетнам из тяжелейшего кризиса 70 -80-х годов прошлого века. Из беднейшей, разоренной двумя войнами страны с пустой казной и огромными долгами, оставшейся после распада СССР без друзей и союзников, Вьетнам за прошедшие 25 лет политики обновления превратился в быстро развивающееся государство, ныне второе в мире после Китая по темпам ежегодного роста ВВП, в надежного партнера в интеграционных процессах в АСЕАН, Восточной Азии и во всем АТР, в ответственного и достойного доверия члена мирового сообщества.

По примеру Китая и других стран ЮВА, ранее добившихся значительных успехов, Вьетнам избрал высокоскоростную модель развития, опирающуюся на многоукладную экономику, активное привлечение иностранного капитала, технологий и профессионального опыта передовых государств, а также широкое включение в систему международного разделения труда. И, словно джин, выпущенный из бутылки, потенциал страны, десятилетиями подавленный войнами с последовавшими про-

блемами восстановления и болезненным процессом интеграции двух частей страны и национального примирения, заработал с такой силой, которую никто не мог даже себе представить².

В отчетном докладе XI съезду КПВ, который проходил 12—19 января 2011 г. в Ханое, бывший генеральный секретарь ЦК КПВ Нонг Дык Мань с полным основанием говорил о том, что Вьетнам покончил с экономической отсталостью, вошел в десятку наиболее динамично развивающихся стран мира. Рост его ВВП за прошедшее десятилетие составил в среднем 7,2 % в год, что позволило увеличить его объем за годы обновления в 3,4 раза и довести в 2010 г. до уровня свыше 100 млрд. долл., а в расчете на душу населения поднять с 280 до 1168 долл.³ Это ещё в 2 раза ниже, чем в среднем по АСЕАН и в 3 раза ниже, чем в соседнем Таиланде, не говоря уже о Сингапуре и Брунее⁴. Но все-таки страна вышла из разряда самых бедных стран мира (по классификации ООН) и вошла в группу стран «со средним доходом» (1-4 тыс. долл. год), хотя и в её самый нижний ряд. Бедность, в которой в начале этих лет находилось более 60 % населения, сократилась к 2008 г. до 14 %⁵. Произошли заметные сдвиги в структуре производства и накопления. Решена продовольственная проблема, и обеспечена относительная продовольственная безопасность. Вьетнам стал вторым в мире экспортером риса и кофе. Эти и другие успехи позволили сохранить политическую стабильность и укрепить суверенитет и безопасность страны

Значительные успехи, особенно за последние 5 лет (2006—2010 гг.), были достигнуты во внешней политике. Это — успешное проведение саммита АТЭС в Ханое (2006 г.), вступление в ВТО (2007 г.), завершение демаркации сухопутной границы с Китаем, избрание непостоянным членом Совета Безопасности ООН (2008—2009 гг.), нормализация отношений со всеми ведущими державами мира, включая США, успешное во всех отношениях председательство в АСЕАН в 2010 г. Они заметно укрепили позиции страны на международной арене и её авторитет в мировом сообществе.

Однако при всем этом XI съезд КПВ в январе 2011 г. проходил не в эйфории от успехов. Сложившееся к этому времени

экономическое, внутривластное и международное положение Вьетнама оказалось далеким от благой идилии. Последствия мирового кризиса и последующей рецессии, хоть и в меньшей степени, чем у соседей, но достаточно больно ударили по экономике, зависимой от заметно сократившегося экспорта. Дефицит торгового баланса в 2010 г., по официальным данным, превысил 12 млрд. долл. (главным образом, в торговле с Китаем). Дефицит бюджета в 2009 г. составил 9 %, а в 2010 он снизился до 7 %, однако, по мнению наблюдателей, на практике он гораздо выше, так как статистика не учитывает большие внебюджетные расходы. Это заставляет часто прибегать к эмиссии и иностранным займам. В 2009 г. они увеличились на 43 %, а за 4 года внешний долг вырос с 26 до 37 млрд. долл. Уровень инфляции во Вьетнаме тоже выше, чем в соседних странах (в 2009 г. она доходила до 25 %, в 2010 г. снизилась до 11,7 % и в 2011 г. опять пошла вверх, превысив 12 %). Донг остается слабым, и с ноября 2010 г. трижды девальвировался по отношению к доллару. В феврале 2011 г. он вновь упал на 7 %⁶. Сохранение макроэкономической стабильности и достаточно высоких темпов роста — главные проблемы, на которые направлены все усилия партии и правительства.

В отчетном докладе партийному съезду назывались и такие системные недостатки и проблемы, как слишком медленная реструктуризация экономики, её неравномерное развитие, низкая производительность труда, недостаточная квалификация рабочей силы, неконкурентоспособность продукции, высокая безработица, особенно в сельских районах, многие проблемы в социально-культурной области, в сфере образования и науки, в защите окружающей среды.

К ним добавилась целая череда тяжелейших стихийных бедствий и осложнения в международной обстановке в регионе Южно-Китайского моря, потребовавшие значительного увеличения расходов на оборону⁷. Вырос разрыв в доходах между бедными и богатыми, между городом и деревней, между населением равнинных и горных районов. И самое главное — это коррупция на всех уровнях, ставшая, как признается официально, подлинным «национальным бедствием».

Ещё в период подготовки съезда среди политической элиты и интеллигенции в различных интернет-изданиях прошла широкая и небывало откровенная дискуссия о судьбах страны, о роли и путях развития самой КПВ в новых условиях, о демократизации в партии и государстве⁸. Несмотря на некоторые ограничения, во Вьетнаме, как и повсюду в мире, Интернет, доступ к которому имеет более половины населения, де-факто создает относительно свободные СМИ и закладывает основы гражданского общества⁹. Активное участие в дискуссии принимали многие ветераны партии, включая целый ряд её бывших высокопоставленных руководителей. Политически активная часть общества ждала, что съезд найдет ответ на накопившиеся проблемы и даст новый импульс несколько притормозившей в последнее время политике обновления и открытости. Ответ был дан однозначный — **этой политике альтернативы нет, и она будет продолжена, но уже применительно к новым условиям развития страны.**

2. Курс на социализм, но не так скоро

Идеология по-прежнему играет важную роль в общественно-политической жизни страны. Она поддерживается мощным аппаратом партийной пропаганды и агитации.. В основном это — китаизированный марксизм, синтезированный с традиционной политической культурой, вобравшей в себя многие элементы конфуцианства¹⁰. На заметную девальвацию коммунистической идеологии в мире КПВ ответила мощной пропагандой «идей Хо Ши Мина», ядром которых, по сути, является проповедь конфуцианской этики, осуждение индивидуализма и стремления к личному обогащению. Однако сегодня уже видно, что индивидуализм и материализм всё-таки берут верх и становятся доминирующими среди молодого поколения. Вступление в КПВ превратилось для значительной части молодежи, прежде всего, в выбор бюрократической карьеры, а вовсе не выбор какого-то жизненного идеала.

XI съезд КПВ принял новую редакцию Программы партии под названием «Программа строительства государства в пере-

ходный период к социализму». Она показывает, что партия сделала свои выводы и извлекла уроки из краха СССР, оценив его не как поражение социализма вообще, а как провал только одной его модели — советской (сталинской)¹¹. Руководство КПВ исходит из того, что объективно может существовать множество моделей социализма. Ведь единого определения, что такое социализм, действительно, нет. Существовали самые разные системы, называвшие себя социалистическими: от Сталина до Пол Пота и Ким Чен Ира. Но если исходить из опыта стран, входивших в так называемый «социалистический лагерь», есть несколько главных критериев, а именно:

- главенствующая или преобладающая роль государственной собственности в экономике и второстепенная, подчиненная роль частной собственности;
- политическая монополия марксистско-ленинской (или называющей себя так) коммунистической партии, программа которой направлена на ликвидацию капиталистической системы и борьбу с частной собственностью и рынком;
- централизованная система управления социально-экономическими процессами, которая опирается на бюрократический аппарат, или командно-административная система, где рыночное регулирование играет второстепенную роль.

Если исходить из этих критериев, то все они во Вьетнаме имеются. Но вместе с тем в стране успешно утверждается многоукладная экономика, в которой доли государственного и частного секторов уже примерно равны, хотя доля частного сектора с каждым годом растет. В системе управления медленно, но верно идет процесс либерализации и перехода к рыночным формам регулирования, хотя всё это делается гораздо медленнее и осторожнее, чем было, например, в странах Восточной Европы.

Главный вывод из уроков истории, который был сделан руководством КПВ вслед за их китайскими коллегами, связан с тем, что нельзя успешно развиваться, не открываясь миру, не становясь активными участниками международного разделения

труда, не используя всех выгод экономического и научно-технического сотрудничества.

Новая редакция программы КПВ, принятая XI съездом, представляет социализм как весьма далекий идеал, к которому надо стремиться. Переход к нему, подчеркивается в ней, это длительный, исключительно сложный процесс. Ни о каких сроках вообще нигде и никогда не упоминается. Говорится только, что страна находится сейчас **в самой начальной стадии** строительства социализма и будет пребывать в ней ещё неопределённо долго. К середине XXI века предполагается в основном создать лишь его материально-техническую основу.

Тем не менее, что же такое социализм в представлении вьетнамских коммунистов, и как к нему идти? Полного ответа на эти вопросы у них пока нет, и они остаются в центре теоретической работы КПВ, которая по-прежнему пытается следовать неким общим принципам и одновременно учитывать особенности своей страны. Программа КПВ в новой редакции гласит: «Социалистическое общество — это общество живущего в достатке народа, с сильным государством, демократическое, справедливое и цивилизованное, где хозяином является народ, где создана высокоразвитая экономика, опирающаяся на современные производительные силы и соответствующие им передовые производственные отношения, где построено социалистическое правовое государство, которое принадлежит народу, им управляется и действует ради народа под руководством коммунистической партии»¹².

И всё же продолжающееся падение веры в социализм, особенно после распада СССР, остается весьма актуальным для КПВ. Задолго до съезда и на самом съезде вокруг этих принципиальных вопросов среди научной общественности шли горячие споры. Внимание привлекло опубликованное в декабре 2010 г. в ряде интернет-изданий интервью с бывшим членом Политбюро ЦК КПВ и председателем Национального собрания Нгуен Ван Аном, который, в частности, заявил, что вьетнамская революция началась как освободительная, национально-демократическая. С победой в 1975 г. завершился ее первый этап — национально-освободительный. Второй — демократический — не за-

вершен до сих пор, так как в стране построена не демократия, а партократия, и потому утверждение, что вьетнамская революция уже вступила в этап перехода к социализму, явно преждевременно, и вообще ориентация на некую социалистическую модель общества и экономики толкает партию и страну в тупик.

На съезде подобных высказываний, естественно, не было, но в привычной для всех формуле политики обновления — «зажиточный народ, сильное государство, справедливое, демократическое, цивилизованное общество» — произведено незаметное, на первый взгляд, изменение порядка слов, а именно: *демократическое* поставлено впереди *справедливого*. Казалось бы, какая разница? А дело в том, что перед съездом на этом настаивали многие ветераны КПВ, делавшие акцент на необходимость дальнейшей демократизации в партии и государстве. Они утверждали, что общество не может быть справедливым, если в нем нет демократии. И к ним, похоже, прислушались.

Серьезные расхождения сначала в ЦК КПВ, а затем и на съезде произошли вокруг признания главенствующей роли государственной собственности в экономике страны в переходный период к социализму. На последнем пленуме ЦК КПВ 10-го созыва большинством всего в 5 % в проекте «Стратегии социально-экономического развития до 2020 г.» была зафиксирована формула, неоднократно ранее встречавшаяся в программных статьях нынешнего генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга, о необходимости построения высокоразвитой экономики, «опирающейся на современные производительные силы и общенародную собственность на главные средства производства». Однако на съезде многие делегаты, в числе которых были видные ученые и некоторые министры правительства, выступили против этой формулировки, настояв на возвращении принятой на прошлом съезде, а именно: «... опирающейся на современные производственные силы и соответствующие им прогрессивные производственные отношения». К ней добавлено только одно слово «прогрессивные», что и было принято большинством уже в 2/3 голосов.

Спор этот никак не был пустой схоластикой. За ним стояла острая проблема структурных реформ, приватизации и акцио-

нирования всё ещё многочисленных государственных предприятий, многие из которых остаются неэффективными и даже убыточными. Им ещё предстоит пройти сложный переход на новую систему бухгалтерского учета, принятую в других странах АСЕАН, а это, как показал опыт, для многих оказывается крайне трудным делом, так как зачастую при этом вскрываются факты вопиющей коррупции и хищений.

В течение всего 2010 г. внимание общественности было приковано к скандалу, вызванному банкротством крупнейшего в стране объединения судостроительных предприятий «Винашин», получавшего огромные ассигнования из бюджета и набравшего долгов на 4,3 млрд долл. — почти на 4,5 % ВВП страны в 2009 г. Руководитель этой госкорпорации Фам Тхань Бинь в июле 2010 г. был уволен и вскоре арестован. Оказалось, что в течение длительного времени руководство «Винашин» растратило все средства не на развитие производства, а на приобретение отелей, земельных участков, на биржевые спекуляции и другие «нецелевые расходы».

Банкротство «Винашин» не только сильно подорвало доверие иностранных инвесторов, но и вскрыло существенную системную ошибку правительства в отношении государственных предприятий. Её приписывают премьеру Нгуен Тан Зунгу, который попытался применить опыт Южной Кореи, где при поддержке государства создавались крупные картели в виде так называемых «чеболей». Однако разница была в том, что там они создавались частными предпринимателями на семейной основе, хотя и при активной поддержке государства, а здесь формировались из государственных предприятий, оставшихся под контролем назначаемых государством и, к сожалению, как оказалось, нередко коррумпированных чиновников часто из числа ближайших родственников и друзей руководящих работников партии и государства.

Прошедшее десятилетие в целом показало, что экономические реформы во Вьетнаме идут медленнее, чем в соседнем Китае. КПК удалось добиться большего в управлении государственными предприятиями и в повышении их эффективности и конкурентоспособности. Вьетнам на порядок уступает северно-

му соседу в развитии инфраструктуры и в эффективности капиталовложений в этой области. Но не следует забывать, что Китай начал реформы на 10 лет раньше и совсем в других условиях.

XI съезд КПВ обратил на это самое пристальное внимание. Развернувшаяся на съезде и продолжающаяся после него дискуссия в обществе вокруг проблем собственности и роли государства в экономике свидетельствует о новой атмосфере в партии и в стране, где сопротивление «твердых искровцев» реформам ослабевает, а партия всё дальше отходит от ряда догматических установок прошлого, не подтвержденных практикой.

3. Рыночная экономика — не изобретение капитализма

Свою главную задачу КПВ видит в постоянном совершенствовании системы рыночной экономики, «ориентированной на социализм». Новый лидер партии Нгуен Фу Чонг считает эту концепцию, «основополагающим теоретическим прорывом и творческим достижением партии», её важным вкладом в теорию марксизма-ленинизма. Вьетнамские коммунисты, утверждает он, пришли к выводу о необходимости «применять экономические формы и рыночные методы управления экономикой для того, чтобы использовать их положительные качества для целей строительства социализма, минуя капиталистическую стадию развития».

Рыночная экономика, как он признает, имеет такие тенденции, которые прямо противоречат социализму. Вступая на путь её развития, необходимо решительно их преодолевать и ограничивать. Это, по идее, и является главной особенностью рыночной экономики с ориентацией на социализм, а именно: единство экономической и социальной политики, когда экономический рост идет вместе с социальным прогрессом и социальной справедливостью. «Не может быть быстрого, эффективного и устойчивого роста экономики, — пишет он, — если в обществе нет определенной социальной справедливости, если большинство народа живет в бедности, невежестве и лишениях, а значи-

тельная часть трудящихся страдают от безработицы и голодают, оставаясь вытесненными за рамки общества»¹³.

Ещё на предыдущем X съезде КПВ в 2006 г. были сформулированы пять главных признаков рыночной экономики, ориентированной на социализм:

1. Её цель в том, чтобы сделать народ богатым, страну сильной, построить справедливое, демократическое и цивилизованное общество, освободить и развить производительные силы, улучшить условия жизни народа, уменьшить бедность и *поощрить людей к законному самообогащению и помощи бедным в улучшении их жизни.* (Курсив здесь и ниже мой. — Г.Л.)

2. Она стремится развивать многоукладную экономику с разными видами собственности, в которой государственный сектор играет доминирующую роль.

3. Она предусматривает распределение по труду, а *также в зависимости от экономической эффективности и вложенного капитала в социальное благосостояние страны.*

4. В социальной сфере должно быть тесное сочетание экономического роста с развитием культуры, образования и воспитания, с успешным разрешением социальных проблем в целях повышения квалификации и качества трудовых ресурсов.

5. В управлении экономикой должно быть максимальное использование знаний и профессионального мастерства людей, но при ведущей роли социалистического правового государства под руководством КПВ.

Рыночная экономика — это не изобретение капитализма, говорят вьетнамские идеологи. Она может существовать и при социализме. Однако они же утверждают, что рыночная экономика характерна только для переходного периода к социализму. Это и вызывает смущение у думающих коммунистов, ибо означает, что когда кто-то решит, что этот переход уже состоялся, то с рыночной, многоукладной экономикой будет покончено, как это и было в России с нэп в 30-х годах. Если так, то зачем частнику или иностранному инвестору сегодня вкладывать свои средства?

Говорят, что это будет только тогда, когда построят мощную современную экономику. Значит, как только она будет создана,

все частные предприятия национализируют? Ведь социализм — это прежде всего общественная собственность на средства производства. О каком же инвестиционном климате в стране можно рассуждать при такой постановке вопроса? Потому большинство делегатов прошедшего съезда и предпочли пока об этом промолчать, укрывшись приведенной выше весьма туманной формулировкой о неких «прогрессивных производственных отношениях» в будущем.

Проводя осторожную приватизацию и акционирование государственных предприятий, нынешнее руководство КПВ по-прежнему поощряет частное предпринимательство и даже разрешает заниматься этим членам партии. Все трудности и противоречия между рыночной экономикой и государственным планированием, судя по принятой программе, решаются и будут решаться в пользу рынка, что видно из стремления развивать здоровую конкуренцию и свободу рынка. Так что ориентация на социализм в основанной на частной собственности рыночной экономике просматривается пока с трудом. Она выражается лишь в том, что КПВ удерживает в своих руках все так называемые «командные высоты» в экономике и как-то пытается противодействовать негативным проявлениям, присущим рыночной экономике: прежде всего, углублению разрыва между бедными и богатыми.

На практике это получается не всегда и не совсем так, как декларируется в партийных документах. Американский журнал *Foreign policy* в феврале 2009 г. опубликовал некоторые данные о богатейших людях Вьетнама из наиболее состоятельных и влиятельных кругов, тесно связанных с руководством КПВ. И оказалось отнюдь немало примеров семейных отношений между большими деньгами и властью. Сейчас уже известно, что в стране более 100 долларовых миллионеров. Для 86-миллионного населения это не так много, но уже бросаются в глаза их комфортабельные современные коттеджи в пригородах Ханоя.

Один из самых богатых людей страны, президент крупнейшей во Вьетнаме информационно-коммуникационной фирмы ГРТ Чыонг За Бинь в прессе чаще всего упоминается с приставкой «бывший зять», потому что он действительно до недавнего

времени был женат на дочери легендарного героя войны генерала армии Во Нгуен Зиапа и обеспечивал тесные контакты ряда армейских генералов с бизнесом.

В ноябре 2008 г. много шума наделала грандиозная свадьба в самом шикарном отеле г. Хошимина «Каравелла» двух вьетнамских предпринимателей. Женихом был 36-летний Нгуен Бао Хоанг, генеральный управляющий, партнер инвестиционной фирмы IDG Ventures Vietnam, а невестой — 27-летняя Нгуен Тхань Фьонг, глава другой инвестиционной компании Viet Capital. Обе фирмы вместе контролировали инвестиции примерно в 150 млн. долл.. Но всё дело было в том, что невеста была дочерью премьер-министра Нгуен Тан Зунга, а жених — американским гражданином и сыном родителей, которые бежали из Вьетнама в 1975 г., спасаясь от коммунистов, а теперь вернулись на свадьбу своего сына и дочери одного из их главных руководителей. Столь неординарное событие не могло пройти незамеченным во Вьетнаме и далеко за его пределами.

Так что, не случайно, и в отчетном докладе, и в выступлениях на съезде часто говорилось, что партия должна ещё «усилить теоретические исследования и, опираясь на практический опыт, прежде всего на опыт процесса обновления, глубже прояснить, что же такое социализм и каким должен быть путь к нему во Вьетнаме»¹⁴.

4. Цели намечены, задачи поставлены

А пока принятая съездом «Стратегия социально-экономического развития на 2011—2020 гг.» указывает, что путь к преодолению возникших трудностей лежит через переход от экономической модели развития, основанной на эксплуатации природных ресурсов страны и дешевой рабочей силы, к современной модели устойчивого развития. Она предусматривает сочетание достигнутых темпов роста экономики с устойчивостью и надежностью экономического развития, причем именно эти два элемента становятся главными. Намечены меры по совершенствованию структуры экономики, развитию транспортной инфраструктуры, росту производительности труда, улучшению качест-

ва и конкурентоспособности продукции, созданию условий для здоровой конкуренции, для продолжения реформы административной системы, повышению уровня трудовых ресурсов, совершенствованию систем народного образования и здравоохранения. Необычно много внимания уделяется вопросам сохранения окружающей природной среды, которые всё более становятся жизненно важными для Вьетнама. Предполагается отладить рациональные отношения между рыночной экономикой и государством, усилить борьбу с коррупцией, хищениями, бюрократизмом и произволом местных властей.

Поставлена задача до 2020 г. обеспечить средний годовой рост экономики на 7—8 %, (практически на уровне прошлого десятилетия), что должно дать общий рост ВВП в 2,2 раза по сравнению с 2010 г., а доход на душу населения довести до 3 тыс. долл. в реальных ценах¹⁵.

В принятой стратегии говорится об одновременном обновлении в экономике и политике, о необходимости дальнейшей демократизации политической системы, о максимальном развитии человеческого фактора, о совершенствовании институтов социалистически ориентированной рыночной экономики. Партия намерена всеми силами строить независимую, самостоятельную экономику, но в условиях всё более глубокой интеграции в региональную и мировую экономику.

Основу будущего индустриально развитого Вьетнама должна заложить предстоящая пятилетка 2011—2015 гг. Она намечает средний рост ВВП в 7—7,5 % в год. Подушевой ВВП в 2015 г. должен достичь 2000 долл., доля промышленности в ВВП составить 41—42 %, а сельского хозяйства — 17—18 %. Намечен рост экспорта в 12 % ежегодно, что приведет к существенному сокращению дефицита торгового баланса с тем, чтобы к 2020 г. ликвидировать его полностью. За пятилетку намечено создать 8 млн новых рабочих мест и сокращать уровень бедности, по критериям ООН, на 2 % ежегодно¹⁶.

Новым «главным словом» пропаганды сегодня является не рост любой ценой, а качество и устойчивое развитие. Правительство проявляет большую заинтересованность в обеспечении страны энергетическими ресурсами, шоссейными и железными

дорогами. Инвесторы опять оживились. Обсуждаются крупнейшие инфраструктурные проекты, вроде строительства высокоскоростной железной дороги Ханой—Хошимин и др.. Всемирный банк и Азиатский банк развития готовы чуть ли не удвоить свои ассигнования Вьетнаму. Япония (несмотря на произошедшее в марте 2011 г. землетрясение) собирается строить крупнейший в ЮВА грузовой порт рядом с Хайфонгом, вышеупомянутую скоростную железную дорогу Ханой — Хошимин и другие крупные объекты транспортной инфраструктуры.

В целом же стратегия КПВ сегодня достаточно проста и понятна. Она заключается в том, чтобы к 2020 г. превратить Вьетнам в нормальное государство, в котором людям будет удобно жить, где не будет унижительной нищеты, в которой ещё прозябает 14 % населения, не будет безработицы, которая гонит сотни тысяч людей за куском хлеба за тридевять земель от родного дома, где для всех будет нормальное жильё, чистая вода, канализация, электричество и т. д.

Кризис 2008—2009 гг. в целом показал устойчивость экономической модели развития СРВ, при которой государство остаётся главным инструментом защиты интересов широких масс населения и сохранения социальной и политической стабильности. Монополия КПВ в политике и многоукладная рыночная экономика пока антиподами не стали. При этом вьетнамские руководители вслед за их китайскими коллегами игнорируют явно устаревшие догмы и прагматично исходят из практики как главного критерия истины. В условиях глобализации, информационной революции и «экономики знаний» они *приспосабливаются*. Насколько успешно — покажет время.

5. Правовое государство в однопартийном варианте

Руководство КПВ делает ставку на строительство правового государства, действующего строго по законам. Оно решительно отвергает такие элементы демократии, как многопартийность и политический плюрализм, которые, по его мнению, противостоят сложившейся в стране системе власти, угрожают подорвать

политическую стабильность, национальную культуру и идентичность. Тем не менее, по мере перехода к рыночной экономике и открытия внешнему миру сложившаяся здесь политическая система тоже изменяется в сторону демократизации и либерализации. Во Вьетнаме, хоть и медленно, с учетом местной специфики, но идет процесс демократизации и расширения гражданских свобод.

В соответствии с решениями съезда в стране развернута подготовка к изменению Конституции 1992 г. Действующий при Национальном собрании Институт исследований законодательства уже начал серию научных конференций на эту тему. Работа финансируется за счет Программы развития ООН. Ожидается, что на этот раз Конституция будет приниматься не Национальным собранием, как раньше, а референдумом и после всенародного обсуждения. Изменения должны базироваться на принятой в КПВ концепции социалистического правового государства.

Идеологи КПВ считают эту концепцию ещё одним своим теоретическим новшеством. Они категорически отрицают мнение, будто правовым может быть только буржуазное государство. Правовое государство, считают они, это общее достижение мировой цивилизации, которое означает легитимное, конституционное государство, где всё подчинено конституции и закону. Строительство правового, социалистического государства во Вьетнаме закреплено в статье 2 Конституции 1992 г. (измененной и дополненной в 2001 г.), которая гласит: « Социалистическая Республика Вьетнам является правовым социалистическим государством народа, созданным народом и для народа».

Основное отличие их концепции правового государства состоит в том, что они отрицают общеизвестный принцип разделения властей. Свою концепцию они строят на базе представления о государственной власти как о единой системе, внутри которой есть как разделение функций, так и согласованность между всеми органами, осуществляющими законодательную, исполнительную и судебную власть. Эту согласованность обеспечивает правящая единолично КПВ. В ст. 4 Конституции СРВ, как это было и в бывшем СССР, записано положение о руково-

дящей роли Коммунистической партии Вьетнама в государстве и обществе, что делает формальное применение доктрины разделения трех ветвей власти не соответствующим Конституции.

В строящемся правовом государстве всё заметнее выдвигается на первое место Национальное собрание. Прогресс демократизации призвана показать его новая роль, значительно активизированная за прошедшее десятилетие под руководством спикера Нгуен Фу Чонга, избранного ныне руководителем КПВ.

В отличие от некоторых известных нам парламентов, Национальное собрание СРВ в эти годы не раз становилось действительно местом острых политических дискуссий. Здесь кипели нешуточные страсти вокруг проектов разработки богатейших залежей бокситов и совместного с Китаем строительства алюминиевых заводов на Центральном плато Тэйнгуен, которые грозят тяжелыми экологическими последствиями для расположенных там важнейших для страны плантаций чая и кофе. В результате широкой дискуссии масштабы строительства были серьезно ограничены. Депутаты также вынудили правительство отложить строительство совместно с японскими компаниями сверхскоростной железной дороги Ханой — Хошимин из-за непосильно высокой стоимости проекта (56 млрд долл.). Резкой критике было подвергнуто правительство и в связи с упомянутым выше коррупционным скандалом в обанкротившейся корпорации «Винашин».

Национальное собрание, где уже больше половины депутатов работают на постоянной основе, получило полномочия отстранять от должности даже президента и премьер-министра. Его открытые заседания, посвященные вопросам и ответам правительства, вживую транслируются ТВ и радио. Каждый депутат отныне имеет свой сайт в Интернете, куда могут обращаться его избиратели с любыми вопросами. Ответ депутата обязателен.

Национальное собрание, очередные выборы в которое прошли в мае 2011 г., призвано интегрировать в себя новые политические силы, рожденные политикой обновления, в том числе предпринимателей, молодежь, женщин, выходцев из национальных меньшинств, прошедших через систему государственного образования и воспитания. По решению ЦИК страны, на

прошедших выборах, как и на предыдущих, около 20 % депутатов должны были быть беспартийными. Было рекомендовано не выдвигать кандидатов из числа уже избранных председателей провинциальных народных советов, ответственных руководителей различных ведомств и предприятий ввиду невозможности для них заниматься одновременно парламентской работой. Выборы повсеместно должны были проходить на альтернативной основе. Сообщалось, что 4 депутата были избраны из числа самовыдвиженцев. Не было только одного — оппозиционных партий и соперничающих политических сил.

Политическая и общественная жизнь современного Вьетнама значительно разнообразнее и богаче, чем это может показаться из скудных и крайне поверхностных заметок, изредка публикуемых в российских СМИ. Но КПВ сохраняет контроль за всеми проявлениями коллективной, а тем более массовой активности граждан не только в политике, но и в социальной практике, культуре и образовании. Однако она допускает, а в ряде случаев и поощряет определенные формы более или менее автономной общественной деятельности в рамках Отечественного фронта и входящих в него многочисленных неправительственных организаций и общественных движений.

Реформистский курс КПВ и растущая открытость страны внешнему миру привели к усложнению социальной структуры, диверсификации интересов и массового сознания, к возникновению новых противоречий и конфликтов в обществе, особенно в условиях информационной революции в мире. Всё это, как ещё раз напомнил XI съезд КПВ, требует от политического руководства умелого использования различных общественных институтов, постоянного обновления идеологического арсенала, чтобы не только не утратить своей легитимности, а, напротив, укрепить социальный фундамент власти. В связи с этим особое значение в последнее время КПВ придает административной реформе, подотчетности и прозрачности в деятельности всех органов власти, всё более четкому разделению функций партийных и государственных органов.

КПВ ставит одной из главных своих задач создание в стране атмосферы общественного согласия, преодоление остатков

многолетней вражды и размежевания в обществе, принятие широкими слоями некоторых последствий многоукладной рыночной экономики с её неравенством доходов, уровня жизни и различия интересов различных классов и слоев.

Пока особых успехов в этом не отмечено. Оказалось, что глубокие раны двух войн не смогли затянуться за прошедшие 30—35 лет мирной жизни. И к социальному неравенству привыкнуть оказалось не просто. Но вьетнамцы, пережившие тяжкие годы до начала политики обновления, почти все говорят, что «сейчас живется гораздо лучше, чем тогда». Всё познается в сравнении. Режим тогда, действительно, был тоталитарным и полицейским. На то была война и тяжелейшие 70—80-е годы.

Сейчас не совсем так или даже совсем не так. Ограничения свобод не такие жесткие, и все это признают. Режим стал более терпимым, но по-прежнему достаточно суров по отношению к инакомыслящим, особенно если имеет место хоть какой-либо их контакт с заморскими покровителями. Особенно опасной считается роль различных политических организаций, действующих во вьетнамской диаспоре. Судебные процессы против них в последние годы отличались крайне суровыми приговорами, что вызвало соответствующую реакцию на Западе, особенно в США, куда перебралась большая часть старой политической элиты.

Как бы там ни было, но с 1990 г. Вьетнам обходят стороной экономические и политические кризисы и государственные перевороты, которые потрясли или свергли вообще многие режимы в странах ЮВА. Его политический режим самый стабильный в регионе. Стабильность Вьетнама — предмет зависти правителей многих стран. И эту стабильность КПВ постоянно призывает беречь как зеницу ока.

В последние годы обозначилось одно довольно опасное направление действий враждебных политических сил из-за рубежа. Это — спекуляции по поводу якобы капитулянтской политики КПВ в отношении китайской экспансии в Восточном (Южно-Китайском) море. Они выражаются в разжигании националистических настроений и подталкивании молодежи на антиправительственные акции под прикрытием антикитайских

лозунгов. Проводя взвешенную и ответственную политику в отношениях с КНР, руководство страны пока удерживает массовое возмущение действиями китайских властей под контролем и не допускает провокационных эксцессов, несмотря на все обвинения в нарушении прав человека.

Политическая ситуация действительно стабильна, потому что при всех ошибках и недостатках нынешней власти противостоящие ей силы (которые лишь условно можно называть оппозицией) слабы и не организованы, не имеют сколько-нибудь значительной поддержки ни в стране, ни за рубежом. Вьетнамская оппозиция, как признают и сами её деятели, остается бельмом в глазу у деловых кругов стран Запада, для которых политическая стабильность в стране и безопасность их инвестиций всё-таки гораздо важнее любых демократических характеристик существующего строя.

В долгосрочной же перспективе Вьетнам, по мнению некоторых экспертов, эволюционирует в сторону политической системы, наиболее успешно реализованной в Сингапуре. Недаром её творец и выдающийся азиатский политик Ли Куан Ю несколько лет был советником президента СРВ при становлении политики обновления. Это — парламентская республика, формально многопартийная, хотя де-факто непрерывно управляемая одной партией, *но с развитой внутрипартийной демократией, разделением властей, независимостью суда и свободными СМИ.* (Курсив мой. — Г.Л.)

Правда, надо признать, что до такой модели Вьетнаму ещё очень далеко.

6. Партия — главный двигатель модернизации

Из сложившейся практики однозначно вытекает, что решающим фактором сохранения «социалистической ориентации» рыночной экономики страны и в целом взятого курса на строительство социализма, хотя и в неопределенном будущем, является безраздельное и эффективное руководство коммунистической партии. И это подводит некоторых наблюдателей к выводу, что так называемый «социализм с вьетнамским лицом»

можно в упрощенном виде представить в формуле: «социализм — это партия плюс капитализм»¹⁷.

Не случайно, главной темой, которая красной нитью прошла через все дискуссии и принятые документы XI съезда КПВ, было обновление самой партии, повышение её роли и боеспособности как руководящей силы в обществе и государстве в новых условиях, совершенствование качества и методов её работы, укрепление и омоложение её кадрового состава, расширение социальной базы и очищение от карьеристов и коррупционеров. За прошедшие годы в этой сфере проделана большая работа, которую можно оценивать по-разному, но общее настроение в партии и обществе, как отмечают наблюдатели из относительно независимых вьетнамских СМИ, отражает «неудовлетворенность и даже тревогу за качество и способности кадрового состава партии решать поставленные задачи».

Состав нового ЦК КПВ изменился на треть. Из 15 членов Политбюро ЦК КПВ по возрасту (65 лет) не были переизбраны 6 человек, в том числе генеральный секретарь ЦК и президент СРВ. Генеральным секретарем ЦК КПВ стал спикер Национального собрания 66-летний Нгуен Фу Чонг — уроженец Ханоя, специалист по русскому языку и литературе, выпускник АОН при ЦК КПСС. В прошлом он занимал пост главного редактора журнала «Коммунист» и считается одним из ведущих идеологов и теоретиков в КПВ.

Характерно, что на прошедшем съезде делегаты не просто штамповали ранее намеченные решения и списки кандидатов. Выборы в ЦК и Политбюро проходили на альтернативной основе, причем число кандидатов во все руководящие органы было увеличено самим съездом, а не спущено сверху, как раньше.

Существенного омоложения или даже ожидавшейся смены поколений в высшем звене не произошло. Заметным явлением стало включение в состав избранных членов и кандидатов в члены ЦК КПВ около десятка детей бывших и нынешних руководителей страны, получивших образование в США, Канаде, Австралии и Японии. В их числе отмечены сыновья бывшего генерального секретаря КПВ и премьер-министра Нгуен Тан Зунга,

занимавшие до съезда довольно скромные должности в партийных и государственных органах¹⁸.

От съезда к съезду в руководстве партии увеличивается число практиков из Южного Вьетнама с их идеями и предложениями, опирающимися на реальное положение в стране. Заметно растет и число высококвалифицированных специалистов из различных отраслей народного хозяйства. Они смогли преодолеть сопротивление партийных функционеров, особенно в среднем звене. Но никаких политических «катаклизмов» при этом не произошло, потому что участники всех споров превыше всего ставят сохранение единства и сплоченности партии как главного условия сохранения её у власти.

Легитимность старшего поколения руководителей партии обуславливалась их революционным прошлым и военными заслугами. У нынешних руководителей этого уже нет, и они должны подтверждать свое право на власть, решая насущные проблемы, что повседневно проверяется на практике. Как заметил известный австралийский (в прошлом американский) эксперт Карлиль Тэйер, «легитимность однопартийного режима проистекает из различных источников, включающих: легитимность успеха или эффективность экономической политики; традиционную легитимность любой существующей власти, независимо от её происхождения (в соответствии с традиционными понятиями конфуцианства); незыблемую легитимность национализма и руководства, которое привело народ к победе над чужеземными захватчиками; харизматическую легитимность президента Хо Ши Мина, в верности заветам которого присягают его наследники»¹⁹.

Терпимость к однопартийным режимам действительно свойственна политической культуре в ареале китайского влияния. И нет ничего необычного для этого региона, что компартии единолично правят Китаем и Вьетнамом уже многие десятилетия. Это вполне в конфуцианской традиции, когда социальная гармония достигается правильно построенным консенсусом. Его противники воспринимаются как анархисты и отщепенцы, а это — абсолютное зло. И если ограничения свобод являются условием сохранения социального порядка, то необходимо их

принимать. И легитимность власти не зависит от её происхождения, а от её эффективности в поддержании порядка и гармонии. В той мере, в какой КПВ сумеет сохранять гражданский мир и высокие темпы экономического роста, у неё будет «мандат Неба», который легитимен для большинства населения.

Однопартийный режим дает немало преимуществ. Он предоставляет правящей партии время, которое не ограничено возможным результатом ближайших президентских или парламентских выборов. Единственная партия во Вьетнаме — это также фактор географического единства страны. Это кровью миллионов завоеванное единство и сейчас является довольно хрупким, так как возникло совсем недавно. В КПВ есть неписаное правило, по которому в руководстве должны быть более или менее равномерно представлены Север, Центр и Юг страны.

Но слабости однопартийного режима тоже очень велики. Главное — коррупция, бюрократизм и кумовство. Руководство страны постоянно выражает решимость преодолеть это явление, но пока усилия правительства желаемого результата не принесли. Вот уже несколько съездов подряд лозунг борьбы против коррупции используется различными группировками в руководстве КПВ скорее для борьбы друг с другом и для смягчения растущего недовольства привилегиями номенклатуры (кан бо), а коррупция по-прежнему остается «национальным бедствием страны». Как с ней бороться, если нет оппозиции, которая разоблачает коррупционеров? Как бороться со злоупотреблениями властью на местах, если ей нет никакого противовеса? Прошедший съезд КПВ не дал ответов на эти вопросы, хотя на нем приводились внушительные цифры исключенных из партии и привлеченных к суду ответственных работников.

Очевидно, что многие партийные функционеры всё теснее сращиваются с бизнесом непосредственно и через многочисленную родню. Вместо декларируемого социализма, таким образом, рождается некий клановый, кровнородственный капитализм (англ. *crony capitalism*), а по-русски его ещё называют «блатной социализм». Процесс конвергенции, едва начавшись, уже угрожает синтезировать не лучшие, а, наоборот, самые худшие стороны двух систем. Да и вообще довольно трудно гово-

речь о конвергенции, когда никакого социализма пока в стране по-настоящему ещё и не было, зато были привнесенные извне элементы командно-административной системы, скопированные с бывшего СССР.

Нельзя сказать, что руководство КПВ не замечает этих тенденций. Партия монопольной власти, насчитывающая уже 3,7 млн членов, постепенно превращается в единственный карьерный лифт и из революционного авангарда может выродиться в рыхлый конгломерат различных групп лоббистов и патронажно-клиентских объединений. Процесс явно угрожает выйти из-под контроля. Об этом открыто говорилось на XI съезде КПВ, в резолюции которого подчеркивается, что недостатки в деятельности партии, особенно в работе с кадрами, подрывают её авторитет в обществе. Съезд внес изменения в партийный устав, в котором отныне записано, что партия «действует строго в рамках конституции и законов».

Главная угроза для КПВ находится не вовне, а внутри самой партии, переживающей серьёзный разрыв между словом и делом. Съезд и руководство КПВ принимают правильные решения, а на местах многое делается совсем иначе, исходя из силы родственных кланов, руководствуясь местническими и ведомственными интересами.

Бывший генеральный секретарь ЦК КПВ Нонг Дык Мань ещё на X съезде КПВ (2006 г.) говорил: «...Положение с политическими и идеологическими дискуссиями, моральный уровень, образ жизни, ревизионизм, начетничество, консерватизм, индивидуализм, бюрократизм, взяточничество и расточительство бытуют среди немалого количества кадровых работников и служащих на разных уровнях и приобрели серьёзные размеры. Многие низовые организации парализованы, теряют боеспособность и возможности руководить и разрешать сложные проблемы, которые ставит жизнь. *В выработке курса ещё много несуразностей, не хватает убежденности и боевитости* (Курсив мой. — Г.Л.). Теоретическая работа ещё не осветила много проблем процесса обновления. Не высок уровень контрольной и ревизионной работы»²⁰. За прошедшее с тех пор время ситуация не стала многим лучше.

Один из ведущих идеологов КПВ, занявший ныне второй по значению в партии пост члена ПБ и секретаря ЦК КПВ, То Хюи Рыа писал о явлениях в партии, которые он считает даже более опасными, чем постоянно упоминающаяся в партийной печати якобы навязываемая извне «мирная эволюция». Это явление он назвал «самоперерождением».

В создавшихся условиях партия концентрирует усилия на идеологическом фронте, на подготовке кадров и воспитательной работе среди членов КПВ, а также и в широких слоях общества, особенно среди молодежи. КПВ ещё обладает значительными внутренними ресурсами для развития на длительный период времени. С 1945 г. она не раз показывала удивительную способность к адаптации в труднейших условиях. Партия опирается на естественное желание большинства народа сохранить мир и политическую стабильность в стране. Это позволяет ей оставаться у власти ещё очень долго. И в этом важное отличие положения во Вьетнаме от обострившейся обстановки в арабских странах. Революции не сметают правительства, обеспечивающие непрерывный экономический рост.

Пока у КПВ влиятельных оппонентов в стране нет и в обозримом будущем не предвидится, так как нынешний курс КПВ опирается на достаточно широкий общественный консенсус в стране. На сегодня очевидно, что именно КПВ выступает главным двигателем модернизации страны. Она подтверждает эту свою роль и в политическом развитии, из которого сама, скорее всего, выйдет тоже сильно изменившейся.

Примечания

¹ Foreign Affairs. 2010. № 2. P. 29. Подробнее можно познакомиться с достижениями «обновления» в монографии Мазырина В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006 гг.): направления, динамика, результаты. М., 2007.

² Подробнее можно познакомиться с достижениями «обновления» в монографии В.М. Мазырина Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006 гг.): направления, динамика, результаты. М., 2007.

³ www.Nhan dan. vn 13 01 2011 (Центральный орган КПВ газета «Нян Зан»)

⁴ www.aseansec.org/aseanstat/Table7; www.saigonbao.com/A tin?RFA/2-10.05.18

⁵ *Le Courier du Vietnam* 13. 01. 2011

⁶ *Việt Nam, con hổ kinh tế châu Á đang đi khắp khiêng* (Вьетнам: азиатский экономический тигр спотыкается). www.RFA. com/2011-01-13; *ibid* 2011 09 02

⁷ Подробнее см. : Е.А.Канаев. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М., 2007; Г.М. Локшин. На Востоке тучи ходят хмуро. Азия и Африка сегодня, 2010 № 8

⁸ Подробнее см. Вьетнамские исследования. Вып. 1. Вьетнам сегодня и вчера. ИДВ РАН, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН. М.2011

⁹ Следует, однако, заметить, что главный редактор самого популярного интернет-издания *Vietnamnet* Нгуен Ан Туан вскоре после съезда был уволен. Похоже, за то, что слишком много позволял себе в критике политики правительства.

¹⁰ Подробнее см. А.Д.Воскресенский Проблемы модернизации и политической трансформации в макрорегионе «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. Под ред. А.Д. Воскресенского. М. 2010.С.64-67

¹¹ Избранный XI съездом генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг является автором вышедшего перед съездом подробного исследования исторических уроков крушения КПСС и распада СССР

¹² Программа Коммунистической партии Вьетнама 1991 г., дополненная и переработанная XI съездом КПВ. www.cong.san.vn/17. 01. 2011

¹³ Нгуен Фу Чунг Председатель Национального собрания и одновременно председатель Теоретического совета ЦК КПВ «Социалистически ориентированная рыночная экономика — вклад КПВ в теорию марксизма-ленинизма» в газете «Нян Зан. Цит по www.Vietnamnet. vn/06.05.2010

¹⁴ Отчетный доклад генерального секретаря ЦК КПВ XI съезду КПВ // www.cong san.vn/13.01.2011

¹⁵ *Le Courier du Vietnam*. 13.01.2011.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ Pepe Escobar, Vietnam, Leninism and capitalism/ www.atimes.com/ 24-01-2011

¹⁸ BBC tiếng viet (Би Би Си на вьетнамском языке от 20 января 2011 г. со ссылкой на сайгонскую газету «Tuoi Tre»(Молодость).

¹⁹ Carlyle A.Thayer, Background briefing^ Communist Party of Vietnam at Eighty, 1930—2010 // saigonbao.com/BBC/28.01.2010.

²⁰ Nhan Dan («Народ» — орган ЦК КПВ)19. 04. 2006.

А.С. Воронин

XI СЪЕЗД КПВ И РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Возросшая турбулентность мировых процессов обостряет спрос на научные прогнозы. В такой постоянной интеллектуальной подпитке нуждается и российско-вьетнамское стратегическое партнерство. Это необходимо как для выработки иммунитета к глобальным и региональным потрясениям, так и для повышения качества решений, принимаемых в сфере сотрудничества.

В контексте сказанного богатую пищу для выработки идей, реализация которых способствовала бы выходу стратегического партнерства двух стран на новый уровень, отвечающий возрастающим требованиям динамичного и устойчивого развития России и Вьетнама, обеспечению их геополитических интересов в АТР, дают документы XI съезда Коммунистической партии Вьетнама. В них требование повысить уровень стратегического прогнозирования, в том числе в сфере внешней политики, поставлено перед вьетнамскими специалистами в качестве одной из важнейших задач¹.

Съезду удалось сформулировать общенациональную идею, объединяющую внутреннюю и внешнюю политику страны, которая будет определять алгоритм развития СРВ на длительную перспективу. «Укрепление мирной обстановки для усиления индустриализации и модернизации, надежной защиты незави-

симости, суверенитета, единства и территориальной целостности государства», — так сформулирована эта задача в резолюции съезда².

Очевидно, что в своей внешней политике, в том числе в отношениях с Россией, вьетнамское руководство будет действовать, исходя, прежде всего, из этой стратегической установки, которая, следует подчеркнуть, созвучна с национальными интересами России, отвечает её устремлениям в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такое совпадение долгосрочных задач и направления развития двух стран является фундаментальной предпосылкой для дальнейшего укрепления их стратегического партнерства, создания и использования синергетического эффекта от наращивания совокупного потенциала сотрудничества в интересах народов России и Вьетнама, мира, безопасности, стабильности и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Взяв на вооружение выводы и аргументы съезда КПВ, целесообразно еще раз посмотреть на результаты реализации программы стратегического партнерства, сформулированной в российско-вьетнамском Заявлении от 1 марта 2001 г.³ Речь также должна идти о выработке новых идей, инициатив и программ, способных обеспечить восходящую динамику сотрудничества двух стран в непростых международных условиях, которые будут оказывать своё неоднозначное и порой драматическое воздействие на весь комплекс российско-вьетнамских отношений, чего тоже нельзя исключать.

В таком контексте полезно напомнить данную XI съездом КПВ оценку международной обстановки, наиболее опасных, универсальных по своему характеру, рисков, угроз и вызовов, с которыми в предстоящий период придется столкнуться Вьетнаму и России. В Стратегии социально-экономического развития СРВ в 2011—2020 гг. отмечается, что в последние годы «ситуация в мире была сложной и трудно прогнозируемой». Несмотря на то, что «мощными тенденциями» по-прежнему оставались стремления к миру, сотрудничеству и развитию, для многих регионов мира были характерны локальные войны, вооруженные конфликты, террористические акты, социально политическая нестабильность, споры по территориальным проблемам и во-

просам суверенитета. Стихийные бедствия, эпидемии, энергетический кризис, загрязнение окружающей среды, изменение климата стали серьезными проблемами всемирного масштаба. Финансовый кризис, начавшийся в США, перерос в мировой финансовый кризис и глобальный экономический спад.

Наряду с перечисленными вызовами съезд назвал также «конфликты на религиозной и этнической почве, сепаратизм, политические мятежи, вмешательство во внутренние дела, перевороты, терроризм. Будут расти «нетрадиционные угрозы государственной безопасности, высокотехнологическая преступность в денежно-финансовой, электронно-коммуникационной, биологической и экологической областях», — предупредил съезд⁴.

С этими выводами трудно не согласиться. Они носят объективный, взвешенный и ответственный характер. Перечисленные выше факторы и тенденции называются и в выступлениях российских государственных, политических деятелей, в работах авторитетных российских и зарубежных ученых. Вместе с тем следует обратить внимание на алармистскую расстановку акцентов в оценке соотношения позитивных и негативных тенденций в мире, данных съездом. Так, если позитивные факторы, считает съезд, «останутся важной тенденцией», то негативные факторы «могут усилиться»⁵.

Симптоматично, что среди негативных факторов, которые будут оказывать свое воздействие на ситуацию в ЮВА, приоритетное место в материалах съезда занимают локальные войны и вооруженные конфликты. В то же время не называются некоторые угрозы регионального и внутринационального характера, которые уже в ближайшие годы способны оказать негативное воздействие на ситуацию (рост социальных диспропорций, демографический прессинг, стихийная урбанизация, дефицит водных ресурсов и т. д.).

Для понимания самой логики внешнеполитической деятельности СРВ, что является необходимым условием дальнейшего эффективного взаимодействия России и Вьетнама на международной арене, представляется важным учесть оценку, данную съездом деятельности вьетнамской дипломатии в последние годы. Внешнеполитической победой называется тот факт, что в

2009 г. страна успешно исполнила роль непостоянного члена Совета Безопасности ООН. Думается, что такая оценка является признаком того, что в предстоящие годы вьетнамская дипломатия, добиваясь укрепления своего международного авторитета и влияния, усилит свое внимание к работе в ООН и её специализированных организациях.

В том же ключе говорится и о результатах внешнеполитической деятельности Ханоя в Юго-Восточной Азии, важнейшем для Вьетнама регионе мира. «Вьетнам, — подчеркивается в Отчетном докладе съезду, — внес большой вклад в формирование Сообщества АСЕАН и в разработку её основополагающего документа — Хартии. В 2010 г. Вьетнам успешно исполнил роль председателя АСЕАН и председателя Межпарламентской ассамблеи АСЕАН». Руководство СРВ — страны, в столице которой в октябре 2010 г. проходил Второй саммит Россия—АСЕАН, многое сделало и для его успеха⁶.

Следует подчеркнуть, что как на глобальном уровне, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе вьетнамская внешнеполитическая служба действовала и действует солидарно, в тесном контакте с российской дипломатией. Есть основания полагать, что такое взаимодействие и впредь будет оставаться ключевой, неотъемлемой чертой стратегического партнерства России и Вьетнама на мировой арене, и прежде всего, в зоне наиболее совпадающих, жизненно важных национальных интересов двух стран, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Практический интерес представляют и оценки съездом экономической ситуации в мире. Обращает на себя внимание, что они лишены какой-либо пропагандистской гиперболизации и идеологических натяжек. Эти выводы выстроены на основе, прежде всего, собственного международного опыта. Они представляют собой удачную попытку в концентрированном виде сформулировать объективные ориентиры для дальнейшей работы на внешнеполитическом и внешнеэкономическом направлениях. В Стратегии социально-экономического развития СРВ в 2011—2020 гг. ситуация в глобальной экономике прописана настолько развернуто и транспарентно, насколько позволяет сам жанр подобного рода документов. Это лишний раз подтвержда-

ет заинтересованность руководства СРВ в освоении Вьетнамом мировых рынков капиталов, труда, услуг, инноваций.

В указанном документе говорится буквально следующее: «В новых формах, на разных уровнях и в разном объеме протекает процесс экономической глобализации, который оказывает на страны-участницы как положительное, так и отрицательное влияние, создает как новые возможности взаимодействия, так и многочисленные, сложные вызовы. Всё более заметную роль в мировой экономике играют транснациональные компании, углубляется процесс интернационализации производства и разделения труда. Страны мира все больше испытывают потребность участия в производственной сети и цепочке создания стоимости, среди них распространяются взаимозависимость, интеграция, конкуренция и сотрудничество. Быстрыми темпами распространяется экономика знаний, «человек и знания становятся факторами, определяющими развитие каждого государства»⁷.

Съезд пришел к выводу, что между крупными странами резко меняется соотношение экономической мощи. Обостряются торгово-экономическая конкуренция и борьба между странами за захват природных ресурсов, энергетических источников, рынков, технологий, финансовых и высококачественных человеческих ресурсов. Нарастают сложности в решении таких глобальных проблем, как финансовая, энергетическая, продовольственная безопасность, изменение климата, подъем уровня моря, стихийные бедствия, эпидемии⁸.

Заслуживает внимания и вывод съезда о том, что «после завершения мирового финансового кризиса мир вступает в новую стадию развития. С изменением соотношения сил между экономиками разных стран и полюсами глобального развития появятся новые альянсы. Процесс перестройки мировой экономической архитектуры и глобальных финансовых институтов будет происходить очень активно, в тесной связи с прогрессом в науке, технологиях, более экономичным использованием энергии и ресурсов. С другой стороны, кризис оставит после себя негативные последствия, протекционизм вновь усилится и будет серьезным препятствием для развития международной торговли. Хотя мировая экономика вступила в период восстановления,

тенденция роста останется в начале декады слабой, а риски и нестабильность, наоборот, будут высокими»⁹.

Съезд дал высокую оценку внешнеэкономическим успехам страны за последние годы. С его трибуны приводились такие факты. Страна вступила в ВТО, стала членом большинства международных специализированных организации, подписала двусторонние и многосторонние соглашения о свободной торговле с рядом государств — членов АСЕАН, с КНР и другими странами. В 2006—2010 гг. СРВ смогла привлечь в свою экономику и реализовать около 45 млрд долл. иностранных инвестиций. Вьетнам поддерживает торгово-экономические отношения с более чем 170 странами мира. С 70 странами у него налажено инвестиционное сотрудничество¹⁰.

Внешнеполитическое сообщество СРВ стало смелее использовать возможности, которые предоставляют поддержание и развитие межпартийных связей. При этом вьетнамская сторона руководствуется положением о том, что межпартийные связи не могут и не должны подменять отношений межгосударственных. Последние должны быть свободны от идеологического фактора. Межпартийные связи лишь дополняют межгосударственные отношения, делают их более разносторонними и содержательными.

Сегодня, по данным вьетнамского посольства в Москве, приведенным на встрече с российскими учеными 18 августа 2011 г., КПВ поддерживает контакты более чем с 220 коммунистическими, рабочими, левыми, правящими партиями, в том числе с КПРФ и «Единой Россией». Это, пожалуй, новое, характерное для последнего времени явление во вьетнамской внешней политике в целом и в российско-вьетнамских отношениях в частности. Рост этой тенденции можно объяснить стремлением вьетнамского руководства максимально учесть и задействовать в своих национальных интересах всю палитру и особенности политической ситуации в зарубежных государствах, расширить социально-политические основы внешней политики своей страны.

Характерной чертой внешнеполитического курса СРВ, и это отчетливо прослеживается в материалах съезда, стало повышение требовательности к эффективности парламентской и народ-

ной дипломатии, международного сотрудничества в сфере культуры, информации, туризма, миграционных процессов. Очевидно, что масштабы этих видов внешнеполитической деятельности СРВ в ближайшие годы будут только расти. Это объективная тенденция. Она имеет под собой серьезную материальную базу. Достаточно привести такой факт. Сегодня в 103 странах, проживает около 4 млн вьетнамцев. Более 80 тыс. из них работает или учится в России¹¹. Демографическая и социально-экономическая ситуация в СРВ говорит о том, что в среднесрочной перспективе миграционные потоки будут только нарастать. В ближайшее десятилетие они способны увеличиться в полтора — два раза. Массовая трудовая миграция будет все более важным гуманитарным фактором в отношениях Вьетнама с зарубежными государствами, что требует специального к себе внимания и всестороннего внешнеполитического сопровождения со стороны государственных органов и институтов.

В документах съезда сформулирована специфика геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Акцент сделан на Юго-Восточную Азию. Что касается ситуации в Азии в целом, то вьетнамские аналитики констатируют возрастание её роли, особенно роли КНР в мировой экономике. «АТР, включая Юго-Восточную Азию, продолжит свое динамичное развитие, однако, — предупреждает съезд, — ему придется столкнуться с рядом дестабилизирующих факторов; территориальные споры, в том числе споры о суверенитете над морскими акваториями и островами, станут более острыми. Появятся новые формы объединения сил и переплетения интересов». «АСЕАН, несмотря на многочисленные трудности и испытания, продолжит сохранять важную роль в регионе»¹². В октябре 2010 г. в Ханое Россия и Вьетнам договорились о взаимодействии с целью всемерной поддержки инициатив Ассоциации по укреплению мира и безопасности, региональной экономической интеграции в Юго-Восточной Азии, в которой АСЕАН принадлежит важная стимулирующая роль. Это направление российско-вьетнамского сотрудничества и впредь будет одним из базовых элементов стратегического партнерства двух стран на международной арене.

Анализ геополитического аспекта внешней политики СРВ, данного в материалах съезда, сама тональность и язык, которым излагается данная тема, дают ключ к лучшему пониманию позиции Вьетнама по наиболее чувствительным для него региональным проблемам, свидетельствуют о намерении вьетнамского руководства последовательно продолжать линию на обеспечение мирных, добрососедских отношений со своими соседями. Достижения на этом направлении значительные, подчеркивается в материалах съезда. Завершена демаркация сухопутной границы с Китаем. Начались переговоры с КНР по определению территориальных вод в заливе Бакбо (Тонкинский залив). Форсированным темпами шла работа по делимитации морской границы с прилегающими государствами в юго-западной части Вьетнама. Осуществлены важные меры по укреплению вьетнамо-лаосской границы. Ведется работа по демаркации сухопутной границы с Камбоджей¹³.

Съезд заявил, что Вьетнам будет добиваться укрепления своих позиций на мировой арене, укреплять мир и стабильность. С этой целью СРВ предстоит расширять международное сотрудничество, успешно выполнять задачи в международных организациях, особенно в ООН, активно и инициативно продолжать интеграцию в мировую экономику, содействовать расширению торговли и инвестиций, открытию рынка, успешному использованию механизмов международного сотрудничества, источников капитала, достижений науки и технологий и новейших методов в сфере управления.

На съезде были одобрены меры, направленные на повышение эффективности внешнеполитической деятельности. Признано необходимым продолжить линию на обеспечение «единого руководства партии и централизованного управления государства внешнеполитической деятельностью», координацию международной деятельности КПВ с дипломатической деятельностью государства и с народной дипломатией. Съезд потребовал добиваться более тесной координации дипломатической работы в политической, экономической и в культурной сферах, а также внешнеполитической деятельности с обороной и безопасностью¹⁴.

Из сказанного видно, что важнейшие вопросы внешней политики Вьетнама, в том числе и российско-вьетнамских отношений, как и прежде, будут находиться в центре внимания Политбюро ЦК КПВ. И из этого факта следует исходить всем российским организациям, поддерживающим отношения с вьетнамскими партнерами.

Материалы съезда подтверждают, что в основе долгосрочной концепции внешней политики СРВ лежит идея верховенства национальных интересов, приоритета внутренних целей над внешними, самостоятельности и независимости в проведении многовекторной политики. В целом декларируемая съездом концепция внешней политики СРВ носит неконфронтационный характер, что, тем не менее, не означает отказа от инициативности и активности вьетнамской дипломатии в достижении поставленных целей. Эта концепция отражает объективное и прагматичное понимание политическим руководством Вьетнама стоящих перед страной политических, экономических и социальных задач.

И еще одно, важное для выстраивания российско-вьетнамского партнерства, обстоятельство. Под воздействием глобальных процессов, по мере активизации участия Вьетнама в международной жизни, всё больше внутренних дел Вьетнама смыкаются с внешнеполитическими проблемами. Эта связь прослеживается не только в сфере общегосударственной политики, но и безопасности — экономической, финансовой, энергетической, природоохранной и информационной, — что по вполне понятным причинам раздвигает рамки, увеличивает масштаб внешнеполитических задач, повышает ответственность вьетнамской дипломатии за результаты их реализации.

Весьма убедительно эта связь прослеживается в следующей установке, содержащейся в Стратегии социально-экономического развития, утвержденной съездом: «Проводить взвешенную внешнюю политику, расширять международное сотрудничество, укреплять мир и стабильность, привлекать ресурсы извне в целях развития страны. Активно и инициативно продолжать эффективную и глубокую интеграцию в мировую экономику, тем самым, способствуя быстрому и устойчивому развитию и обес-

печению экономической независимости. Ответственно выполнять международные обязательства. Повышать роль вьетнамской диаспоры за рубежом в национальное развитие. Улучшать инвестиционный климат, создавать благоприятные условия для привлечения иностранного капитала и крупных инвесторов, обладающих высокими и базовыми технологиями; расширять экспортный рынок»¹⁵.

Анализ материалов XI съезда КПВ показывает, что у России и Вьетнама в целом совпадают стратегические оценки положения дел в мире, основных международных вопросов. Перед Россией и Вьетнамом стоит общая задача, единые цели: обе страны считают своим высшим внешнеполитическим приоритетом обеспечение мира и безопасности, стабильности и развития в АТР и Юго-Восточной Азии. Россия и Вьетнам едины в том, что устройство мира всё более приобретает многополярный характер. Нет принципиальных различий и в оценке процессов глобализации. Схожи оценки наших стран и в том, что касается системы глобальных вызовов и угроз, хотя имеются и некоторые нюансы в расстановке их приоритетности. Но это вполне закономерно, если принять во внимание геополитические и социально-экономические различия в ситуации, в которой действуют две страны.

Беспрецедентная по своей новизне и противоречивости обстановка на общемировом уровне и в Азиатско-Тихоокеанском регионе открывает перед Россией и Вьетнамом широкие возможности. Но в то же время таит в себе новые трудности, вызовы и опасности. Разительные перемены на геополитической и геоэкономической карте мира, возникновение все новых вызовов и угроз настоятельно требуют обновления видения места российско-вьетнамского стратегического партнерства в системе внешнеполитических приоритетов двух стран, его позиционирования в создании в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на нормах и принципах международного права. Эта тема уже в ближайшее время может выдвинуться в центр российско-вьетнамского стратегического диалога.

Сторонам предстоит разработать, принять и реализовать новые, масштабные, взаимовыгодные программы сотрудничества, как уже на подтвердивших свою эффективность и конкурентоспособность направлениях, так и в новых сферах. Без этого стратегическое партнерство двух стран ожидают торможение, стагнация и возвращение к ситуации, в которой оказались российско-вьетнамские отношения в начале 90-х гг. Для Вьетнама это будет означать дальнейшее ухудшение геополитической ситуации, а для России — ослабление жизненно важных позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Автор сформулировал ряд практических предложений, реализация которых, как представляется, способствовала бы расширению самих рамок партнерства, динамичному росту его потенциала, приданию ему всеобъемлющего, поливалентного характера. Эти предложения охватывают как двусторонние отношения в политической, экономической, научно-технологической, гуманитарной сферах, так и взаимодействие российской и вьетнамской дипломатии на международной арене, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Очевидно, что «пакет» двусторонних стратегических инициатив должен постоянно пополняться как с российской, так и вьетнамской сторон, новыми идеями и предложениями. Они будут рождаться в ходе двусторонних встреч российских и вьетнамских политиков, дипломатов, ученых, специалистов, бизнесменов, общественных деятелей. С этой точки зрения особую ценность представляют сложившиеся глубоко доверительные и конструктивные контакты между высшими руководителями двух стран.

Опыт такого рода деятельности подсказывает, что все эти идеи, предложения и программы должны работать на центральную, сквозную, долгосрочную, объединяющую энергию обеих сторон идеологему, которая призвана содержать в себе мощный прогностический и в то же время конкретный субстанциональный заряд. Такой подход создает синергетический эффект и в политике, и в экономике. В данном случае такой «сверхидеей» в силу самого хода вещей может стать задача модернизации. Решению именно этой сверхзадачи должны быть подчинены все стороны российско-вьетнамского сотрудничества.

Постановка вопроса о модернизации как центральной и всеохватывающей стратегической задачи партнерства носит императивный характер. Без ответа на него обоснование ныне действующей модели российско-вьетнамских отношений не выйдет за рамки хорошо и давно известного, но всё более слабо работающего набора штампов. И, стало быть, межгосударственные отношения двух стран могут попасть в зону риска, став заложником внутривнутриполитических колебаний или просчетов, допущенных в сфере управления двусторонним сотрудничеством, равно как и внешнеполитических комбинаций или глобальных экономических катаклизмов, что, собственно, уже наблюдалось в истории отношений двух стран.

Достаточно вспомнить ситуацию начала 90-х годов XX века, когда во внешней политике России возобладала прозападная тенденция со всеми негативными последствиями для отношений России со странами Востока, включая Вьетнам. И, если во внешней политике за последнее десятилетие этот «крен» удалось выправить, то во внешнеэкономической сфере «евроцентризм» еще долго будет оказывать своё негативное воздействие, в том числе и на процессы модернизации, превращая Россию в сырьевой придаток Европы, и сокращая возможности страны играть роль поставщика инновационной продукции в бурно развивающиеся страны Восточной Азии.

Необходимые предпосылки для постановки задачи модернизации в качестве центрального вопроса российско-вьетнамского стратегического партнерства имеются. И Россия, и Вьетнам сформулировали, пусть пока зачастую в общих чертах, национальные модели, основополагающие задачи и особенности данных процессов. Они определили основные параметры этого процесса. В общем виде уже просматриваются также очертания модернизации и концепции российско-вьетнамского стратегического партнерства. Достаточно под этим углом зрения посмотреть выступления российских и вьетнамских руководителей по вопросам российско-вьетнамских отношений. Тем не менее, специалистам еще предстоит провести огромную работу по «переводу» этих директивных установок, идей и предложе-

ний на язык конкретных договоренностей и проектов, облеченных в необходимую нормативно-договорную форму.

Опыт такого рода работы у наших стран имеется. Успех советско/российско-вьетнамского сотрудничества всегда обеспечивался наличием политической воли у руководителей обоих государств, умением находить ответы на самые драматические вызовы времени, выстраивать и реализовывать на практике адекватную меняющимся условиям модель сотрудничества.

В пятидесятые-шестидесятые годы XX века в условиях внешнеполитической блокады ДРВ речь шла об оказании Советским Союзом разноплановой помощи Вьетнаму в сфере внешней политики, в создании основ экономической, промышленной, культурной модернизации. В 60—70-е гг. на первый план вышли вопросы модернизации Вьетнамской народной армии. Тогда при помощи Советского Союза в ДРВ создавалась современная, регулярная армия, оснащенная различными видами новейшего советского вооружения. В ДРВ появились истребительная авиация, войска ПВО, ракетные войска, военно-морской флот, войска связи, инженерные и химические войска, бронетанковые войска, артиллерия¹⁶. Советская помощь позволила Вьетнаму успешно отразить американскую агрессию, отстоять суверенитет и независимость, добиться воссоединения страны. В восьмидесятые годы при помощи СССР в СРВ были созданы новые базовые отрасли вьетнамской промышленности, в том числе нефтедобыча, гидроэнергетика. Они и сегодня служат надежным фундаментом индустриализации и модернизации Вьетнама, мощным «мотором» российско-вьетнамского сотрудничества.

Видимо, излишне доказывать, что модернизационное сотрудничество России и Вьетнама на современном этапе имеет ряд принципиально новых качеств и особенностей, отличающих его от ситуации, характерной для советско-вьетнамских отношений во второй половине 20-го столетия. Эта новая реальность носит объективный характер. Речь, прежде всего, идет о том, что политический вес развивающегося Вьетнама, его экономический потенциал сегодня многократно окрепли. Ему по плечу осуществление таких проектов, которые стране были не-

посильны еще двадцать-тридцать лет тому назад. Кардинально изменилась международная обстановка, в которой приходится действовать нашим странам. Изменились сами наши страны. Их многоукладная экономика прочно встала на рыночные рельсы. А внешняя политика приобрела многовекторный характер.

При модернизационном наполнении российско-вьетнамского стратегического партнерства, с тем чтобы оно приобрело максимально эффективный, взаимовыгодный характер, российская сторона должна точно и полно учесть особенности динамики потенциала СРВ, специфику современного этапа вьетнамской политики «обновления», в которой требование всесторонней модернизации занимает одно из центральных мест. Вопросы модернизации весьма подробно изложены в материалах XI съезда КПВ. Этот процесс всесторонне описан в исследованиях вьетнамских, а также российских ученых. С учетом сказанного в рамках данной статьи представляется целесообразным лишь в самом сжатом виде выделить те её элементы, которые непосредственно и в наиболее полном виде оказывают и в ближайшей перспективе будут оказывать своё воздействие на формирование масштабов, структуры и особенностей российско-вьетнамского сотрудничества.

Представляется важным учитывать, что, во-первых, проблема модернизации ставится в материалах съезда как долгосрочный, комплексный и сложный процесс, реализация которого позволит Вьетнаму уже «к 2020 году стать современной промышленно развитой страной»¹⁷. Вторая особенность модернизационной политики состоит в том, что её решение связывается с проблемой индустриализации нового, современного типа. Третья особенность вьетнамской модернизации состоит в том, что её осуществление взаимоувязывается с решением задач современного этапа научно-технической революции, с созданием интеллектуальной экономики, что на одно из первых мест выдвигает задачу развития и повышения качества человеческих ресурсов. Четвертая особенность современной вьетнамской модернизации состоит в том, что она проводится в условиях открытой экономической политики, направленной на укрепление экономиче-

ского потенциала СРВ для её активного и эффективного участия в международной интеграции.

Для формирования модернизационного «пакета» российско-вьетнамского сотрудничества важно учитывать отраслевые особенности предстоящей в ближайшее десятилетие реструктуризации промышленного производства СРВ. В Отчетном докладе ЦК КПВ XI съезду говорится о необходимости наращивания «мощностей обрабатывающей промышленности, машиностроения, высокотехнологичных отраслей, энергетики, добывающей и металлургической отраслей, химической, оборонной промышленности. Приоритетное внимание будет уделяться развитию производства продукции, имеющей конкурентные преимущества, и продукции, которая может участвовать в глобальной товарно-распределительной сети и производится в отраслях высоких технологий, информационных технологий, телекоммуникаций, машиностроения, фармацевтики»¹⁸.

Такая отраслевая структура вьетнамской промышленности открывает новые перспективы для модернизационного наполнения российско-вьетнамского сотрудничества. Учитывая исторически уже достигнутый уровень совместимости российской и вьетнамской экономик, модернизационное взаимодействие на базе кластерного подхода просматривается, прежде всего, в таких отраслях, как гидро- и теплоэнергетика, нефте — и газодобыча, атомная энергетика. Речь также может идти, учитывая долгосрочные планы социально-экономического развития сторон, об аэрокосмической отрасли, горной и металлургической промышленности, судостроении, информационных технологиях, оборонной промышленности. Отдельная, весьма емкая тема модернизационного сотрудничества — реконструкция предприятий, построенных в разные годы в СРВ при советском и российском содействии. Таких во Вьетнаме около 300¹⁹. Большая часть из них выработала свой физический ресурс и нуждается в модернизации.

Что касается сотрудничества в сфере сельского хозяйства, то здесь решения вьетнамского съезда также открывают немалые возможности для расширения масштабов российско-вьетнамского сотрудничества на базе извлечения преимуществ из тро-

пического характера сельского хозяйства, а также морского промысла СРВ.

В «дорожной карте» российско-вьетнамского сотрудничества должны быть прописаны вопросы инвестиционного сотрудничества на базе его масштабного расширения, диверсификации, взаимной сбалансированности, в том числе за счет более широкого участия вьетнамского бизнеса в крупных проектах реального производства на территории России, прежде всего в её восточной части. А этого невозможно будет добиться без налаживания государственно-частного партнерства, без развития и модернизации сферы услуг, в том числе транспортной инфраструктуры, финансово-банковской сферы, кредитных отношений, в страховом деле, в логистике.

В целях наращивания научно-технического потенциала СРВ съезд выдвинул требование «сделать акцент на тех сферах науки и техники, которые способствуют развитию экономики знаний». Речь, в частности, идет об информационных технологиях, биотехнологиях, технологиях получения новых материалов. Что касается государственных инвестиций в науку и технику, то они, как это вытекает из документов съезда, будут направляться, прежде всего, на внедрение достижений науки и техники в производство ключевых видов продукции и носить в первую очередь прикладной характер²⁰.

Такой подход и растущая инновационная емкость вьетнамского рынка открывают новые возможности для многократного увеличения масштабов поставок в СРВ готовой продукции с повышенным валовым доходом, высокотехнологичной, наукоемкой и инновационной продукции, а также для дальнейшего наращивания российско-вьетнамского научно-технологического сотрудничества. Важнейшие точки роста в этой сфере — уже успешно функционирующие совместные научные и научно-производственные коллективы, прежде всего такие, как Тропический центр, «Вьетсовпетро» и другие. Реально и создание совместных инновационных коллективов на базе университетов с участием обучающихся в них студентов, аспирантов и стажеров. Таким коллективам, особенно на российском Дальнем Востоке, должны быть предоставлены организационные и финансовые

преференции. Особое внимание должно быть уделено развитию сотрудничества по тем направлениям, где инновационные интересы двух стран совпадают. Речь идет, в частности, о развитии биотехнологий, сельского хозяйства, аквакультуры, медицины, информационных технологий, создании новых материалов, мирном использовании атома и космических технологий.

Инновационная тема, кстати, особенно актуальна для развития сотрудничества российского Дальнего Востока с Вьетнамом. Приморский край, к примеру, является одним из немногих регионов Российской Федерации, в которых имеются практически все условия для активного развития инновационной деятельности: богатейшие природные запасы, соответствующие производственно-технологические мощности, интеллектуальные и научно-технические ресурсы, развитая образовательная система. Есть и готовность региона активно участвовать в трансграничном инновационном сотрудничестве, в том числе и с вьетнамскими партнерами. Важный импульс развитию сотрудничества Владивостока с СРВ может дать участие вьетнамского президента Чыонг Тан Шанга в предстоящем саммите АТЭС во Владивостоке 8—9 сентября 2012 г.

Здесь же следует отметить, что широкие возможности для активизации сотрудничества российского Дальнего Востока с Вьетнамом в сфере подготовки высококвалифицированных кадров, ориентированных на работу в отраслях новой экономики, в том числе в нанотехнологиях, квантовой и оптической электроники, новых материалов, компьютерных технологий, открываются в связи с решением о создании во Владивостоке Тихоокеанского научно-образовательного центра (ТНОЦ) на базе объектов, которые сооружаются в связи с проведением саммита АТЭС.

В условиях нынешнего глобального экономического кризиса изменениям, направленным на повышение в российско-вьетнамском экономическом сотрудничестве модернизационной составляющей, должна быть подвергнута система макроэкономического управления процессами взаимной торговли, инвестиций, инноваций. Именно здесь с наибольшей очевидностью просматриваются противоречия между уровнем политического

и экономического взаимодействия сторон, между масштабами экономических задач и темпами их решения.

Ныне действующая система управления процессами технико-экономического сотрудничества слабо стимулирует участие российского и вьетнамского бизнеса в этих процессах. В то время как во Вьетнаме действуют сотни крупных транснациональных компаний, все российские компании, действующие в этой стране, можно пересчитать буквально по пальцам. Эта система вяло реагирует на требования глобальной конкуренции, предъявляемые к её инфраструктурной и инновационной составляющим. Она остается практически глухой к возросшим требованиям к структуре, номенклатуре и качеству поставляемых друг другу товаров и услуг, к масштабам, сферам, региональному размещению и сбалансированности инвестиционного сотрудничества. В результате, хотя в последние годы количественные показатели российско-вьетнамской торговли несколько выросли, они не сопоставимы с масштабами торговли Вьетнама с другими странами региона. Существенно отстают они и от масштабов торговли России с Китаем, Республикой Корея, Японией, Сингапуром.

Очевидно, что дальнейшее инерционное движение системы управления есть тупиковый путь. Оно не способно вывести экономическое сотрудничество на новые темпы, новые масштабы и новую структуру. Государственные органы макроэкономического управления двух стран должны создать новые рычаги и механизмы управления, предложить к реализации внятные, осязаемые цели, конкретные, долгосрочные ориентиры партнерства, пополнить его новым комплексом крупных совместных проектов, реализация которых способна в разы увеличить объемы взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества.

Важнейшей задачей самого ближайшего будущего становится разработка комплексной программы сотрудничества двух стран на новую долгосрочную перспективу, с прицелом на двадцать лет вперед, что возможно только на базе макроэкономических консультаций сторон. Постановка такой задачи вызвана, в частности, тем, что по ряду стратегически решающих направлений российско-вьетнамского сотрудничества, в том числе в

работе СП «Вьетсовпетро», в создании при российском содействии ядерной энергетики в СРВ, такие программы, по существу, уже созданы или находятся в процессе создания. Немаловажной задачей является выработка ответа на вопрос: на какие физические объемы и финансовые параметры способно выйти российско-вьетнамское сотрудничество и что для этого должны предпринять обе стороны. Это важно уже в силу того, что заданный ранее объем взаимной торговли в 2020 году на уровне 10 млрд долл., как показывает практика, весьма относительно связан с реальной действительностью и её требованиями.

В этой программе должен быть найден ответ и на задачи, связанные с многократным увеличением межрегионального сотрудничества. Опыт взаимоотношений России с другими странами на этом направлении показывает, что сотрудничество регионов способно составить до 40 % от общего объема товарооборота. Эта тема особенно актуальна для дальневосточных регионов России, опережающему развитию которых российское руководство уделяет повышенное внимание, поскольку это позволит ускорить участие России в бурно развивающихся процессах региональной интеграции в АТР. Еще в октябре 2008 эта проблема была поставлена на российско-вьетнамских переговорах на высшем уровне. Тогда речь шла даже о разработке специальной программы. Однако с мертвой точки эту тему сдвинуть так и не удалось.

Еще одна из важнейших особенностей вьетнамской, впрочем, как и российской, модернизации состоит в том, что она проходит не только в экономике, но и в сфере обороны и безопасности. Это диктуется международной обстановкой, наличием опасных вызовов и угроз. XI съезд КПВ заявил об «угрозе войны с помощью высокотехнологичного оружия, опасности споров о суверенитете над акваторией моря, островами и воздушным пространством, а также навязывания так называемой мирной эволюции, провоцировании политических мятежей, терактов, высокотехнологичной и транснациональной преступности». Была поставлена задача «наращивать мощности военной промышленности и техническую оснащенность сил безопасности, укреплять их материально-техническую базу, добиваться

позападного обеспечения новейшим вооружением вооруженных сил»²¹. Речь идет о ВМС, ПВО, ВВС, силах безопасности, разведывательной службе и мобильной полиции с целью обеспечения победы, в том числе и в войне с применением противником высокотехнологического оружия. Такая установка не может не оказывать своего воздействия и на характер российско-вьетнамского военно-технического сотрудничества. Можно смело утверждать, что модернизационная тематика в нем будет занимать все более существенное место. Это, в свою очередь, будет требовать значительного расширения его финансирования, что в условиях мирового финансового кризиса и экономической стагнации является весьма нелегкой задачей.

Постановка вопроса о создании комплексной программы сотрудничества на новую, длительную перспективу выдвигает на передний план еще один пласт российско — вьетнамского сотрудничества. Речь идет о создании совместных макроэкономических разработок, поскольку органы управления стратегическим партнерством, другие субъекты, участвующие в сотрудничестве, должны располагать достаточным, максимально точным, системно выстроенным, прогностически ценным, постоянно пополняемым массивом информации по самым различным направлениям. Без этого сложно рассчитывать на принятие максимально эффективных управленческих решений стратегического характера.

Российско-вьетнамское стратегическое партнерство должно иметь возможность опереться на совместный, регулярный и комплексный мониторинг основных тенденций в мире и в Азии, на анализ вызовов и угроз для мира и безопасности, стабильности и развития. Осмысление радикально меняющихся геополитических условий, политической и экономической ситуации, негативных тенденций в развитии всё более многомерной и сложной международной обстановки с особой настоятельностью требует налаживания координации и совместного использования аналитического потенциала сторон.

В условиях нарастающей интеграции в АТР, в которой наряду с Россией и Вьетнамом участвуют десятки государств, это требование всё более будет затрагивать и сферу многосторонней

международной политики российской и вьетнамской дипломатии, в том числе в рамках таких региональных механизмов, как АТЭС, Восточноазиатские саммиты, АСЕАН, АРФ. Множество практических вопросов для российско-вьетнамских отношений встает и в связи с процессом формирования нового интеграционного образования — Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии.

Логика укрепления коллективных начал в решении важнейших проблем требует от России и Вьетнама новых совместных, скоординированных и инициативных шагов по обеспечению мира, безопасности и развития в АТР, в том числе и в сфере энергетической безопасности, которая обеспечивала бы баланс интересов всех вовлеченных сторон: экспортеров, импортеров и транзитных стран. Выработка взаимоприемлемых решений такой транснациональной задачи, как подсказывает европейский опыт, требует многолетних аналитических усилий больших коллективов специалистов самого разного профиля. Для такой совместной работы у России и Вьетнама имеются хорошие стартовые условия — наличие многотысячного, высококвалифицированного отряда специалистов во всех сферах энергетического комплекса, сформировавшегося за годы работы по созданию современной энергетики Вьетнама. Это уникально благоприятный для наших стран фактор. И им непременно следует распорядиться самым рачительным образом.

Этот же метод применим и при скоординированном анализе других, общих для двух стран стратегических вызовов и угроз, для своевременного и адекватного на них реагирования. Полезность такой совместной работы подтверждается уже наработанной практикой. Об этом говорит, к примеру, опубликованный в 2010 году в России и во Вьетнаме совместный труд «Китай в начале 21-го века», подготовленный российско-вьетнамским авторским коллективом, возглавляемым директором Института Дальнего Востока РАН академиком М.Л. Титаренко и директором Института изучения Китая Академии общественных наук СРВ профессором До Тьен Шамом.

Важно добиться, чтобы сотрудничество ученых двух стран носило приоритетный, плановый, упреждающий характер, а не

стреляло, образно говоря, по давно ушедшим целям. Главный потребитель продукции, производимой учеными — это государство. Поэтому научное сотрудничество должно активно поддерживаться обеими странами как организационно, так и финансово. Рынок сам по себе здесь ничего не урегулирует.

Модернизация, в том числе и как процесс двустороннего сотрудничества, имеет еще один основополагающий аспект — кадровый. Нельзя добиться кардинальных успехов в сотрудничестве, продолжая закрывать глаза на существующую проблему кадрового ресурса. Кадровый кризис в российско-вьетнамских отношениях носит системный характер. Здесь в последние двадцать лет обе стороны понесли большие потери, в том числе и в сфере научного сопровождения сотрудничества. В результате во всей российской вьетнамистике сегодня имеется всего лишь два доктора наук. Не лучше обстоят дела и на вьетнамском «берегу». Самые болевые точки кадровой проблемы хорошо известны. Это острая нехватка высококвалифицированных специалистов со знанием языка. Это слабая мотивированность их работы, в результате чего молодежь предпочитает другие, более престижные и высокооплачиваемые направления деятельности. Это несовершенство системы планирования подготовки кадров и упование на то, что рынок сам все расставит по местам. Трудно рассчитывать на принятие и грамотную реализацию научно выверенных решений в сфере сотрудничества, если уже в ближайшие годы обе стороны не предпримут самые кардинальные шаги по формированию «новой волны» высококвалифицированных специалистов, занятых в сфере российско-вьетнамского сотрудничества. Без государственного вмешательства в этот процесс решение этой проблемы невозможно.

Через призму перспектив российско-вьетнамского стратегического партнерства представляется важным поднять еще одну тему, обозначенную в материалах XI съезда КПВ. Речь идет о сотрудничестве и обмене опытом в обеспечении информационной безопасности, в решении проблем, связанных с бурным развитием в мире цифровых информационных технологий. Сегодня общепризнана реальная опасность использования высоких технологий в обход национального суверенитета, в ущерб

информационной и финансово-экономической безопасности государств. Об этом говорилось и на XI съезде КПВ.

Россия и Вьетнам не могут безучастно проходить мимо попыток отдельных государств использовать IT-технологии, мобильную связь, социальные сети Твиттер и Фэйсбук, а также неправительственные организации для вмешательства в их внутренние дела. Этот процесс специалисты уже признали новым видом военных действий и окрестили «сетевыми войнами». В полной мере адекватного ответа, своеобразного «иммунитета» на эти новые глобальные вызовы пока не выработано. У России и Вьетнама имеется широкое поле для совместной работы по проблемам кибербезопасности, в том числе и в плане укрепления международно-правовых основ работы Интернета, других новейших глобальных средств коммуникаций, принятия в рамках ООН международных правил поведения и норм по действиям в информационном сетевом пространстве в целях защиты и сохранения международной стабильности и безопасности.

Общность целей и задач развития и модернизации — это основа и движущая сила стратегического партнерства двух стран. Но межгосударственные отношения не могут строиться только на данной базе. Они должны также иметь под собой постоянно обновляемую, высококачественную юридическую основу. С учетом сказанного следует принять во внимание, что ныне действующий Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам был подписан в 1994 года. Это был период, когда российско-вьетнамские отношения находились на самой низшей точке своего развития, когда сторонами еще не были сформулированы и приняты на вооружение принципы стратегического партнерства.

Конечно, следует отдать должное самому Договору. Он сыграл решающую роль в подготовке и переводе отношений двух стран на платформу современных норм и требований международного права, открыл саму возможность построения отношений между Россией и Вьетнамом на базе принципов стратегического партнерства. В то же время важно учитывать, что новая модель российско-вьетнамских отношений, как по содержанию,

так и по масштабам, далеко вышла за рамки, очерченные в Договоре 1994 года. Новаторство этой модели, постоянное наполнение российско-вьетнамских отношений качественно новыми, масштабными проектами, видами и формами сотрудничества постоянно требуют своего осмысления и модернизации правовой основы с тем, чтобы эта модель отвечала новой практике и новым тенденциям как самого сотрудничества, так и окружающего мира. В своевременном договорно-правовом оформлении нуждаются и принятые в последнее десятилетие двусторонние политические декларации и устные договоренности. Но, при всём этом, незыблемой правовой платформой должны оставаться закрепленные в Договоре 1994 года и доказавшие свою действенность и эффективность принципы международного права. Речь идет, прежде всего, о дружественном характере отношений, о взаимном доверии и равноправии, о взаимном уважении государственного суверенитета и независимости, о невмешательстве во внутренние дела друг друга, взаимной выгоде, неучастии в политических союзах или военных блоках, непротивостоянии, ненаправленности против третьих государств.

Опираясь на документы XI съезда КПВ, можно с большой долей уверенности сделать следующий вывод. Курс России и Вьетнама на стратегическое партнерство, провозглашенный в марте 2001 года, останется неизменным и определяющим характер отношений двух стран на обозримую перспективу. Имеется также достаточно оснований утверждать, что отношения будут развиваться по восходящей, приобретать всё более зрелый, динамичный и устойчивый характер. Однако для перевода стратегии в плоскость реальной действительности стороны уже в самые ближайшие годы должны добиться в сотрудничестве кардинальных качественных перемен. Эти перемены объективно назрели.

Для перехода к качественно новому этапу стратегического партнерства имеются необходимые предпосылки. Это — политическая стабильность, поступательное социально-экономическое развитие, укрепление международных позиций двух стран. Это — наличие огромного и постоянно растущего материального потенциала партнерства и высокий уровень взаимодополняе-

мости экономик России и Вьетнама. Это — совпадение долгосрочных национальных интересов, общественный консенсус в отношении курса на поступательное развитие стратегического партнерства и отсутствие каких-либо нерешенных политических вопросов. Это — политическая воля руководителей обеих стран вести дело на дальнейшее увеличение масштабов, совершенствование качественных параметров сотрудничества, на дальнейшее укрепление доверительного характера отношений. Всемерного укрепления российско-вьетнамских отношений нового, исторически беспрецедентного типа требует политика России по упрочению своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подхлестываемая глобальной тенденцией переноса в этот регион центра тяжести мировой политики и экономики. Вьетнам заинтересован в упрочении стратегического характера отношений с Россией. В лице России ему важно в сложных геополитических условиях иметь мощного и надежного стратегического партнера, на высокотехнологичный производственный, научно-технологический, образовательный потенциал которого можно смело опереться при реализации планов превращения СРВ к 2020 году в индустриально развитое современное государство. Курс России и Вьетнама на укрепление стратегического партнерства работает на упрочение позитивных тенденций в мире. Он отвечает принципам международного права, интересам мира и безопасности, стабильности и развития в АТР. Перед российско-вьетнамским стратегическим партнерством открывается новое пространство и новые горизонты. И стороны должны не упустить этот уникальный шанс.

Примечания

¹ Van kien Dai hoi dai bieu toan quoc lan thu XI, Hanoi, 2011, tr.19 (Документы XI съезда КПВ).

² Ibid. tr. 47.

³ Это незабываемое слово «Льенсо». М., 2006. С. 409—413.

⁴ Van kien dan hoi dai bieu toan quoc lan thu XI, Hanoi, 2011, tr.95—96 Документы XI съезда КПВ.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid, tr.46—47.

⁷ Ibid, tr.47.

⁸ Ibid.

⁹ www.mofa.gov.vn 22-09-2011

¹⁰ [www/mofa.gov.vn](http://www.mofa.gov.vn) 04-11-2010

¹¹ Проблемы Дальнего Востока, № 2, 2011, стр.31—32.

¹² Van kien dan hoi dai bieu toan quoc lan thu XI, Hanoi, 2011, tr.96.

Документы XI съезда КПВ.

¹³ Ibid, tr.156.

¹⁴ ibid.

¹⁵ ibid.

¹⁶ А.С. Воронин, Е.В. Кобелев. «СССР/Россия-Вьетнам. Вехи сотрудничества». М. 2011 г., стр. 64.

¹⁷ Van kien dan hoi dai bieu toan quoc lan thu XI, Hanoi,2011, tr.31

Документы XI съезда КПВ.

¹⁸ Ibid, tr.112.

¹⁹ А.С. Воронин, Е.В. Кобелев. СССР/ Россия с Вьетнамом-60 лет вместе. М. 2010, стр.78.

²⁰ Van kien dan hoi dai bieu toan quoc lan thu XI, Hanoi,2011, tr.42

Документы XI съезда КПВ.

²¹ Ibid tr.45.

В.М. Мазырин

ВЬЕТНАМ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ОБНОВЛЕНИЯ

Постановка вопроса

25 лет назад VI съезд Компартии Вьетнама (декабрь 1986 г.) положил начало всесторонним реформам переживавшей кризис административно-командной системы, известным как политика обновления («*дой мой*»). За это время осуществлен переход от планово-распределительной к рыночной экономике, проведены преобразования в иных областях, которые вызвали позитивные изменения в обществе и жизни населения.

Такие изменения вызывают повышенный интерес к изучению опыта и причин, «скрытых пружин» успеха СРВ. Рассмотрим их, обратив внимание на общие для переходных стран закономерности развития, которые выявил Вьетнам, и присущие ему специфические черты процесса модернизации.

Подъем и преобразование экономики

Макроэкономическая стабилизация, отражающая выздоровление национальной экономики, проявилась в устойчиво высоких темпах ее роста, что привело к быстрому увеличению ВВП. По абсолютному размеру национального богатства, измеренному в ППС, Вьетнам во второй половине 2000-х годов оказался на рубеже 3—4-й десятки стран мира. Это исключительный ус-

пех, учитывая, что в 1980-е годы он входил в разряд беднейших государств на нашей планете. Валовой продукт, рассчитанный по обменному курсу, вырос вдвое сначала за 10 лет (1995—2004) — с 20,7 до 45,3 млрд долл., а на следующее удвоение понадобилось всего 5 лет (2005—2009). При прямом сравнении этого показателя в 1986 г. и 2010 г. на базе текущих цен мы констатируем увеличение ВВП в 12,5 раз¹. Более точную картину — без инфляционной составляющей — дает расчет в местной валюте в постоянных ценах 1994 г., показывая четырехкратный рост за 1990—2010 гг.²

Среднегодовые темпы прироста ВВП составили 7,5 % в год: по этому показателю успеха рыночных реформ и стабильности Вьетнам во всем мире уступает только Китаю и далеко опередил другие бывшие соцстраны. Темпы роста в СРВ оказались намного стабильнее, чем за предыдущие три пятилетки (1976—1990 гг.). Они соответствуют показателям идущих впереди азиатских НИС (новых индустриальных стран) на стадии ускоренной модернизации. За счет повышения экономической динамики решена принципиальная задача обеспечения расширенного воспроизводства: при снижении темпов естественного прироста населения с 2,6 до 1,1 % в год прирост валового продукта стал превосходить их в 6—7 раз (необходимый минимум — 4)³.

В итоге во Вьетнаме произошли стремительные по историческим меркам сдвиги в структуре и объемах производства, потребления и накопления. Были восстановлены и стали широко развиваться частная собственность и рыночные институты. Товарно-денежные отношения и капиталистический способ производства проникли в различные районы, быстро расширяясь в наиболее выгодно расположенных центрах и городах. Трезво оценивая эти успехи, учтем преимущественно аграрно-сырьевой тип хозяйства при наличии в СРВ богатых сырьевых ресурсов, обширного и неудовлетворенного внутреннего рынка.

Благодаря динамике роста успешно решалась задача догоняющего развития (если понимать ее как подтягивание к уровню соседних стран — прямых конкурентов), которая оказалась непосильна большинству стран Юга. Данная задача очень актуальна для Вьетнама: в начале этого века он отставал как мини-

мум на 10 лет от КНР, 15 лет — Таиланда, 20 лет — Малайзии, 25 лет — Южной Кореи, 35 лет — Сингапура, 40 лет — Японии⁴.

Подушевой ВВП Вьетнама за 1991—2009 гг. вырос со 158 до 1074 долл. (в 2010 г. он достиг 1200 долл.), а в ППС — до 2957 долл. По этому показателю СРВ занимала 125-е место из 177 стран⁵. Хотя абсолютный разрыв в показателях подушевого дохода с передовыми государствами региона продолжал увеличиваться, относительное отставание сократилось (помимо Китая), особенно при измерении в ППС (табл.1).

Заметное ускорение темпов экономического роста во Вьетнаме, как и других развивающихся странах, связано с активной индустриализацией и развитием сферы услуг. Они привели к соответствующим сдвигам в структуре занятости населения, основного капитала, валового продукта, а также совокупного спроса. Так, вклад первичного сектора сократился за последние два десятилетия примерно с 40 до 20 %, вторичного в такой же пропорции вырос, а третичного поднялся незначительно (рис. 1). В ходе дальнейшей структурной перестройки экономики долю первого из них предполагается снизить к 2020 г. до 15 %, двух других увеличить до 85 %⁶. Эти изменения подтверждают закономерности процесса модернизации, который охватил страны «третьего мира» в 1980—2000-е годы.

Во Вьетнаме, как и Китае, экономические реформы были начаты с аграрного сектора, что дало крайне важные результаты. Увеличение объемов производства и продуктивности в сельском хозяйстве во многом помогло преодолению основных трудностей, ускорению экономического роста. Только урожай риса выросли в СРВ вдвое — почти до 40 млн т, составив около 450 кг на душу населения⁷, что обеспечило национальную продовольственную безопасность и позволило выйти в мировые лидеры по экспорту риса. Начало коренных преобразований с деревни, которая поставляла сырье и продукты в город, сосредотачивала подавляющую часть населения, выступает одним из основных отличий реформ в СРВ по сравнению с бывшими соцстранами Европы и республиками СССР.

Руководство Вьетнама ставит стратегическую цель превращения его в современную индустриальную страну к 2020 г., что

должно выразиться в следующих конкретных показателях. Среднегодовой подушевой доход достигнет в абсолютном выражении 3000—3200 долл., и это переместит Вьетнам в более высокую группу стран со средними доходами. С точки зрения места в мировой экономике он претендует на среднюю «весовую категорию», намереваясь поднять свой ВВП до 225 млрд долл. (в 2010 г. 102 млрд)⁸. Поэтому правы ведущие мировые инвесторы, которые ставят СРВ во вторую группу наиболее перспективных, быстро развивающихся мировых рынков — ВИСТА вслед за БРИК.

Со второй половины 2000-х годов в СРВ формируются сегменты постиндустриального технологического уклада. На XI съезде КПВ (январь 2011 г.) поставлена задача ускорения перехода к экономике знаний, качественной перестройки хозяйства за счет роста производительности, применения новейших технологий, преодоления его экстенсивности и обеспечения интенсивного характера развития. Понятно, что пока не исчерпаны имеющиеся ресурсы и более доступные (зачастую ввиду своей дешевизны) механизмы роста. Однако это наносит возрастающий ущерб окружающей среде, вызывает перегрев и диспропорции в экономике, не позволяет придать развитию устойчивый характер⁹. К тому же лидеры СРВ стремятся использовать глубинные сдвиги в глобальной экономике как уникальный шанс для рывка (скачка) вперед.

Экономические достижения во многом опираются на использование сравнительных преимуществ страны. Наряду с уже упомянутыми, к ним следует отнести выгодные социальные характеристики: демографический дивиденд¹⁰, ум, трудолюбие, дисциплинированность, неприхотливость и образованность вьетнамцев, их умение делать накопления, стремление к увеличению доходов и конкуренции. Важное отличие от большинства бывших соцстран заключается в сохранении традиций и опыта частного предпринимательства (они не были искоренены, как, например, в СССР), формирование у активной части населения рыночного сознания. Наиболее полно эти определяющие для рынка черты проявились на Юге, который почти век после французской колонизации успешно строил капитализм и дал мощный

«демонстрационный эффект» в северной половине страны. Сказался уникальный опыт сначала параллельного существования (1955—1975 гг.), а затем совмещения различных социально-политических систем на одной территории (1976—1986 гг.). В нем кроется характерная особенность, не исключено и уникальность, общественной трансформации Вьетнама.

Активизация внешней политики и экономических связей

Хотя естественные (статические) преимущества послужили основой быстрого роста рыночной экономики, очень важную роль в успехе реформ сыграла активная и разумная внешняя политика. Руководство СРВ сумело адаптировать страну к глобальным переменам, принять новые вызовы и испытания. Путем формирования благожелательного к себе отношения и льготного инвестиционного климата удалось обеспечить активный приток из-за рубежа капиталов, технологий, знаний и опыта управления, получить поддержку для проведения реформ, найти новые экспортные рынки.

Благодаря максимальному использованию внешнего фактора, Вьетнам смог в сравнительно короткие исторические сроки пройти простейшие фазы своей хозяйственной модернизации и специализации, передвинуться с периферии на полупериферию мировой экономики, что, как отмечают российские ученые, оказалось по силам немногим странам.

Очевидна реализация здесь внешнеориентированной модели развития, опирающейся на интеграцию в мировую экономику, привлечение внешних инвестиций, торговлю. Это широко распространенная модель, однако СРВ удается в отличие от многих других стран, в частности стран Центральной и Восточной Европы, защищать свои национальные интересы при очень высокой степени экономической открытости, а одновременно и зависимости. Показатель внешнеторговой открытости превышает 150 % ВВП, открытости иностранному капиталу находится на уровне Китая (соответственно 3,8 и 4,1 %), доля ПИИ в валовых капиталовложениях достигает 25—30 %, а предприятия

этого сектора обеспечивают 35 % производства промышленной продукции в стране, 55 % экспорта, приносят 40 % доходов госбюджета¹¹.

Страна включилась в международное разделение труда, достигла крайне важного эффекта масштабов производства. Вьетнам стал одним из мировых цехов (в производственно-сбытовой сети ведущих ТНК) сначала по пошиву одежды и обуви, затем сборке компьютеров и изделий бытовой электроники, наконец, производства сложных электронных компонентов¹².

Показательный эффект принесли новые формы интеграции СРВ в мировую экономику — заключение ССТ (соглашений о свободной торговле) и создание ЗСТ, вступление в ВТО (конец 2006 г.). Так, переход к принципам свободной торговли с США позволил поднять товарооборот с этой страной всего за 10 лет почти с нулевой отметки до 18 млрд долл. (в 2010 г.). Активное развитие прямой приграничной торговли и переход к расчетам в местной валюте наряду с формированием КАФТА сделал Китай первым торговым партнером СРВ (27 млрд долл. в 2010 г.)¹³. Членство в ВТО и открытие внутреннего рынка при неоднозначных последствиях этого шага для местных производителей и торговых сетей привело в течение первых же 4 лет к удвоению объемов внешней торговли и увеличению в 3—4 раза потока прямых инвестиций¹⁴.

Важная роль в подъеме экономики и уровня жизни населения принадлежит большой эмигрантской общине (свыше 3 млн человек или около 4 % всего населения, большая часть которых проживает в США). Эти люди направляют растущий объем средств на помощь родственникам, в инвестиционные проекты, недвижимость¹⁵. Хотя переводы от эмигрантов активно пополняют фонды развития ряда стран Юга, «вьеткиеу» ставят рекорды: их вклад достигает 8 % ВВП (в среднем в «третьем мире» — 2 %), превосходит суммарную помощь СРВ со стороны международных доноров (4 млрд долл.) и приближается к размеру освоенных ПИИ (в 2008—2010 гг. 10—11 млрд долл. ежегодно), по привлечению которых страна с учетом ее размеров занимает лидирующие позиции в мире¹⁶.

Получая большие выгоды от интеграции в мировую экономику, СРВ применяет тактику маневрирования, многовекторности отношений при опоре на ведущие мировые центры силы. В частности, быстро расширяется сотрудничество с США, ЕС, Японией, Индией, Австралией. Во многом благоприятный внешний фон обеспечен эффективным участием Вьетнама в АСЕАН, интеграционных группировках АТР (АТЭС, АСЕМ, ВАС, ТТП). Высокая активность на мировой арене и в регионе, координация усилий с международными организациями и донорским сообществом помогают обеспечить стабильное развитие национальной экономики. СРВ, пожалуй, выделяется желанием и умением поддерживать эффективные отношения как с прежними, так и новыми союзниками, что дает ей особые выгоды. Признанием растущего авторитета страны в мире и регионе является проведение саммита АТЭС в 2006 г., председательство в АСЕАН в 2010 г., место непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2008—2009 гг.

Показательна активизация в последние годы сотрудничества Вьетнама с Россией, которая по объемам торговли и прямым инвестиций далеко отстает от его ведущих партнеров (занимая места в середине 2-й десятки). В то же время РФ остается главным поставщиком современного оружия и ряда технологий стратегического назначения (в атомной, космической, нефтегазовой, телекоммуникационной отраслях, биомедицине). Это делает нашу страну важным противовесом растущему влиянию КНР и США, а с учетом традиционной дружбы и доверия, наличия большой прослойки интеллигенции, воспитанной в СССР и занимающей сегодня руководящие посты в партии и государстве, перспектив экономического роста РФ превращает её в подлинную опору независимости и прогресса Вьетнама. Он, в свою очередь, является нашим реальным стратегическим партнером.

Социальная ориентация реформ

Важнейшим преимуществом трансформации вьетнамского общества является ее социальная ориентация, проявляющаяся в форме сочетания экономического роста с мерами государствен-

ной поддержки малоимущих, уязвимых слоев населения, отказа от политики «шоковой терапии». Эти задачи решаются по европейской модели социального государства путем перераспределения бюджетных доходов и внебюджетных источников внешней помощи. Коренное отличие от прежнего подхода состоит в отказе от уравниловки и попыток бесплатного социального обеспечения всех трудящихся. Власти СРВ исходят из того, что возродившееся социальное неравенство не тормозит, а до известных пределов даже стимулирует экономический рост. Благодаря регулированию удается поддерживать относительный баланс интересов и пропорции в обществе. Такая политика с опорой на рыночные механизмы носит социал-демократическую окраску и до сих пор была не характерна для правящих компартий.

В среднем по стране жизненный уровень значительно вырос (в 6 раз по душевому ВВП при расчете по обменному курсу), в городе процесс шел существенно быстрее, чем в деревне. Доля населения, живущая за чертой бедности, снизилась за 1993—2010 гг. с 56 до 14 % (рис.2). Конечно, улучшение жизни многих крестьян происходило стихийно и достаточно болезненно — в ходе их активной миграции в крупные города (пока затель урбанизации вырос за 25 лет с 20 до 30 %). Но в целях устойчивого смягчения территориальных различий государство активно создает новые полюса роста в отсталых районах. Показательно появление крупной промзоны в центре морского побережья с первым в стране нефтеперерабатывающим заводом Зунгкуат (в южной части побережья решено возводить центр атомной энергетики), зон выращивания экспортных технических культур, добычи полезных ископаемых и гидроэнергетики на плато Тэйнгвен.

Созданы страховые механизмы социальной защиты, расходы на которую суммарно выросли до 3,4 % ВВП. Пенсионная система охватила пока 15 % занятого в экономике населения (в основном в госсекторе, но распространяется и в частном), система обязательного медицинского страхования — 16 % всего населения.

Развивается и добровольное страхование¹⁷. Государство в 2009 г. ввело страхование по безработице, что стало необходи-

мым условием социальной защиты в рыночной среде. Ввиду тяжелых последствий войн оно также оказывает необходимую поддержку инвалидам (оценочно около 5 млн)¹⁸. Эта система обеспечивает минимальный уровень защиты и лишь для части населения. Недостаток средств компенсируется за счет развитых во Вьетнаме, как и в других традиционных обществах, сетей социальной, клановой и иной взаимопомощи, зачастую действующих дистанционно (как в примере с денежными переводами от эмигрантов).

Государство обеспечивает и другие основы социального прогресса, развивая образование и здравоохранение. На первое расходуется порядка 4 % ВВП, на второе 1,4 %. Суммарные затраты на социальную сферу, включая науку и технику, приближаются к 10 % ВВП, выделяя СРВ среди стран «третьего мира» по этому критерию. Из средств центрального и местных бюджетов содержатся дошкольные учреждения, осуществляется охрана детства и материнства. Но охват общественными услугами и особенно их качество не покрывают растущие потребности населения, поэтому получили развитие частные образовательные и медицинские учреждения. Поскольку их оплата доступна более состоятельным слоям, в обществе возникли новые проявления социального неравенства. Важную роль в его сдерживании играют средства, привлекаемые властями по линии международного содействия развитию, организаций ООН, фондов НПО.

Все эти механизмы обеспечили Вьетнаму такие показатели в сферах образования и здравоохранения, в качестве и продолжительности жизни, которые характерны для стран с существенно более высокими душевыми доходами (в том числе соседей в регионе ЮВА)¹⁹. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в СРВ превзошла 71 год (56-е место в мире); индекс развития человеческого потенциала превысил 0,73, т. е. уровень, типичный для среднеразвитых стран (105-е место)²⁰.

Другие показатели также подтверждают социальные достижения Вьетнама, выгодно отличая его от большинства государств Юга. Так, более 90 % населения грамотно (57-е место в мире), 65 % имеет среднее образование разных ступеней, 10 % — высшее²¹. Среднее количество лет обучения равняется 8

и увеличивается, в т.ч. в отсталых районах, что создает надежные предпосылки роста уровня жизни, доходов и экономики в целом. Квалифицированная рабочая сила составляет лишь 22 % занятых, поэтому ощущается ее дефицит для развития современного производства.

Еще острее стоит проблема подготовки условий для перехода к инновационному этапу: государственные затраты на НИ-ОКР не достигают 1 % ВВП (2,13 % расходной части бюджета), научных кадров не хватает (их насчитывается 21 тыс., в том числе изобретателей 0,18 на 1000 человек)²². Последние годы сделан качественный рывок в освоении информационных и прочих высоких технологий : так, по индексу развития экономики знаний СРВ заняла в мировом рейтинге 94-е место (2006 г.), по так называемой «электронной готовности» — 65-е (2007 г.)²³.

Условия для более продолжительной, активной, обеспеченной жизни созданы благодаря снижению прежде высоких уровней рождаемости и смертности. В частности, коэффициент фертильности у женщин снизился до 2 детей (четверть века назад — 4,4), младенческая смертность с 44 до 17 ‰²⁴. В стране преодолены традиционные эпидемические заболевания, успешно сдерживается распространение новых, таких как «птичий грипп», ВИЧ. Растет доступ населения к источникам чистой воды, средствам гигиены.

Благодаря росту доходов заметно улучшилось не только питание, но и обеспеченность одеждой, жильем, предметами домашнего обихода, в том числе электротехникой. Началась трансформация образа жизни, прежде всего молодежи. Вместе с тем, усилилась имущественная дифференциация по линии богатые и бедные, жители города и деревни, выходцы из титульной нации и малых этносов. Отражающий этот процесс коэффициент Джини по доходам пока находится на приемлемом уровне (0,37—0,38), но по расходам уже свидетельствует о серьезных различиях (выше 0,42). Другой метод сравнения (доходов пропорциональных групп населения), выявил растущую разницу между самыми богатыми и самыми бедными — по квинтильному коэффициенту в 8 раз (рис.3) и по децильному в 15, что существенно ниже, чем например, в Китае и, особенно в России²⁵.

Приведенные данные говорят о закономерных изменениях в составе вьетнамского общества. Позиции среднего класса занимает прослойка предпринимателей, из них выделяется богатая, но крайне малочисленная верхушка²⁶. Остальная часть населения (за исключением тех, кто с трудом живет индивидуальным хозяйством) превращается в наемных работников. С укреплением экономических позиций у новой буржуазии начала расти потребность в политическом представительстве. Пока она отстранена от власти, и в обществе нарастает конкуренция двух правящих элит — новой деловой, технократической и старой партийно-бюрократической.

Как мы видим, формирование рыночной экономики проходит в СРВ менее болезненно, чем в других бывших соцстранах. Государство отчасти смогло минимизировать негативные последствия действия рыночных сил и снизить цену перехода к новой системе хозяйства. Сделана ставка на рыночные механизмы регулирования социальной сферы при сохранении сильной государственной поддержки. Рыночные реформы не разрушили общество, а помогли его стабилизировать, переориентировать на другие цели, добиться поддержки политики властей, обеспечить легитимность монополю правящей компартии. Это является важной характеристикой Вьетнама, причиной стабильности и быстрого роста.

Государственное управление и политическое устройство

Вьетнаму, как и ряду других государств Восточной Азии в начале процесса модернизации, присущ авторитарный стиль правления, который во многом востребован в сложной внутренней и внешней обстановке и сохраняющейся опасности подрыва господствующей идеологии, культурных традиций и внутреннего единства. Так удается обеспечить стабильность общества в ходе глубоких перемен, саму возможность их спокойного проведения. Вьетнамский опыт говорит о необходимости сохранения общественных институтов, через которые осуществляется стратегия модернизации. Это — важнейшая особенность вьетнам-

ского «обновления». Как и в КНР, она представляет исключение среди стран переходного типа.

Определенное ограничение демократических свобод характерно для стран, в которых отношения государства и общества издавна основаны на патернализме, а личные права до конца не осознаны. Его не следует рассматривать как несоответствие «передовым образцам» либеральной демократии. К тому же процесс демократизации постепенно — по мере «созревания масс» ускоряется, проявляясь в расширении парламентской и электоральной демократии, прав граждан на самоуправление («низовая» демократия), создании неправительственных организаций, других ростков гражданского общества, модернизации законодательства (реализуется концепция социалистического правового государства). Демократизируются и механизмы управления, включая компартию: в практику вошла ротация и обновление руководящих кадров (пребывание на одном посту не более 10 лет, выход на пенсию после 60 лет, смена 1/3 состава ЦК, Политбюро и т. п.), растет самостоятельность исполнительных государственных органов относительно партийных.

Политическая власть во Вьетнаме действует эффективно, занимает прорыночные позиции, ориентирована на рост экономики, проводит взвешенный макроэкономический курс. К тому же здесь сформировались достаточно компетентные, быстро обучающиеся, ориентированные на бизнес элиты. Политика обновления отличается выработкой и применением методов, учитывающих национальную специфику. Лидеры СРВ отталкиваются от практики, двигаются от решения простых задач к сложным, применяют накопленный КПВ за 80 лет уникальный организационный опыт, умение мобилизовать силы и средства нации для решения стратегических задач. Гибкий, поэтапный подход к преобразованиям учитывает реальность и всю сложность действующих факторов. Высокие результаты достигнуты за счет комплексного и поэтапного характера реформ.

Российские исследователи считают эти черты, механизмы и условия обязательными для успеха в других проводящих модернизацию странах²⁷. Спецификой Вьетнама является то, что, как и в Китае, реформы ведет компартия. Сохраняя прежние атри-

буты, она меняет ключевые установки внешней и внутренней политики, социальный состав (допуск в партийные ряды предпринимателей), многие идеологические взгляды, вырабатывает новаторские теоретические подходы. Она претендует на роль выразителя общенародных интересов, по сути, выступает за создание государства всеобщего благосостояния.

Переход от старой системы хозяйства к новой осуществлен успешно благодаря умелому сочетанию макроэкономического контроля с действием рыночных сил. Это позволило корректировать и дозировать развитие экономики, регулировать стихийный ход событий. Отличие Вьетнама от России и европейских соцстран состоит в том, что роль государства в управлении оставалась ведущей, хотя и снижалась, а рынка — подчиненной.

Высокие темпы социально-экономического развития СРВ указывают на отсутствие прямой связи между уровнем радикальности рыночных преобразований и их результатами в хозяйственной сфере. Длительность и постепенность трансформации экономики оказались не тормозом, а важным условием утверждения рыночных отношений. Очевидны многие преимущества такого типа трансформации, по крайней мере, на начальном этапе, в виде меньших социальных и политических издержек.

Конечно, глубокое реформирование, развитие любого общественного организма не проходят без проблем. Сказываются сложность, масштабы задач, стоящих перед СРВ. Ушедшие вперед страны решали их постепенно или частично. Вьетнаму же все приходится делать быстрее и по определенным правилам, в частности, действующим в ВТО. Допущенные в этой обстановке ошибки и потери, спешка осложнили развитие экономики и ее перспективы. По мере подъема экономики и уровня жизни населения страна оказывается в «ловушке среднего уровня развития», выход из которой нашли немногие.

Противоречия и перспективы смешанной модели развития

Вьетнамская модель перехода к рыночной системе с неизбежностью содержит ряд серьезных противоречий. Действуют

не только рыночные, но и специфические закономерности, присущие переходному состоянию экономики и общества, отражающие сохранение механизмов командно-административной системы. Сосуществуют элементы капиталистической и социалистических форм собственности, производства и управления (не говоря уже об исторически более отсталых формах). Рыночная экономика пока еще не достигла зрелости и масштабов всей страны, ее институты функционируют недостаточно стабильно, имеют разную степень зрелости. Чрезмерное вмешательство в нее государства сопровождается ростом влияния и обогащением госкорпораций и близких к ним лоббистских групп.

Это определяет дуализм хозяйственного механизма и общественной системы в целом, снижает темпы обновления. Экономический рост сложно сочетается с социальным равенством, экологическим равновесием, равномерностью этнического, гендерного и территориального развития, сохранением ценностных ориентаций и каналов социальной мобильности. Такой путь отличается невысокой эффективностью и устойчивостью.

Во Вьетнаме господствует многоукладность, сохраняется большой немодернизированный сектор. В этом отношении показательны тенденции изменения общей хозяйственной структуры. Например, за 1996—2009 гг. доля госсектора в ВВП снизилась с 40 до 35 %, кооперативного сектора — с 10 до 6 %, индивидуальных предпринимателей осталась на уровне 30 %, частнокапиталистических и смешанных предприятий выросла с 7 до 11 %, а сектора с иностранным капиталом — с 7 до 18 %²⁸.

Хозяйственное развитие СРВ на протяжении 25 лет реформ велось в основном в экстенсивных формах. Преобладали вложения в физический, а не человеческий капитал, предпочтение отдавалось экспорту сырья и продукции традиционных отраслей, реализации капиталоемких и трудоемких проектов, а не применению передовых технологий. В результате ВВП рос в основном за счет вклада труда и капитала, роль качественных факторов, новых технологий, отражающихся в многофакторной производительности, оставалась невысокой, хотя росла

(табл. 2). Увеличение инвестиций давало все менее адекватный прирост национального богатства, что отражается в растущей капиталоемкости ВВП (табл. 3). Такой характер роста, будучи более доступным для слаборазвитой страны, ограничивал международную конкурентоспособность Вьетнама, замедлял преодоление отсталости.

Практика реформирования общественной системы во Вьетнаме явно отклонилась от типовых рекомендаций западных держав и международных финансовых институтов, хотя в целом идет в проложенном русле. Это доказывает общность вьетнамских системных реформ с другими странами переходного типа. В СРВ нашла применение двухсекторная модель развития, пока утвердилась смешанная экономика. Произошедшие сдвиги привели даже не к возникновению нового варианта нэпа, а к своего рода конвергенции элементов противоположных общественных систем.

Характерно, что они не соединяются, не проникают друг в друга, а существуют здесь параллельно, притом рыночные элементы постепенно вытесняют прежние, начинают доминировать. Капитализм развивается в СРВ традиционным путем, «снизу», вырастает на фундаменте массового частного предпринимательства. Одновременно «сверху» демонтируются и перестраиваются неэффективные институты административно-командного образца. Разрыв между капиталистическим базисом и социалистической надстройкой общества усугубляется, содержит конфликтный потенциал.

Видимо, понимая это, сами вьетнамские руководители не стремятся дать характеристику реально сложившейся модели развития, не спеша ведут поиск теоретического обоснования нового курса. Официально же ввиду большой длительности переходного периода планируется завершить построение материально-технической базы социализма к середине XXI века. В отличие от КПВ лидеры КНР выдвинули четкую теорию развития своей страны, заявляя, что в ней построена «социалистическая рыночная экономика». Хотя оба эти подхода — эмпирический и официальный — во многом противоречат известным определениям, они не мешают движению по пути прогресса.

Приложение

Таблица 1. Сравнение показателей национального дохода (по ВВП) на душу населения Вьетнама с рядом стран Азии в 2000 г. и 2008 г.*

Страна	Душевой ВВП, долл.				Разница с СРВ, кол-во раз			
	текущие цены		по ППС		текущие цены		по ППС	
	2000	2008	2000	2008	2000	2008	2000	2008
Вьетнам	402	1052	1390	2700	1,0	1,0	1,0	1,0
КНР	856	3267	2330	6010	2,1	3,1	1,7	2,2
Таиланд	1970	4043	4850	7770	4,9	3,8	3,5	2,9
Малайзия	3881	8209	8350	13740	9,7	7,8	6,0	5,1
Южная Корея	10 890	19 115	17 130	27 840	27,1	18,2	12,3	10,3
Сингапур	22 757	37 597	32 870	47970	56,6	35,7	23,6	17,8
Япония	37 549	38 455	25 950	35 190	93,4	36,6	18,7	13,0
Филиппины	980	1847	2430	3900	2,4	1,8	1,7	1,4
Индонезия	730	2247	2200	3600	1,8	2,1	1,6	1,3
Камбоджа	291	711	860	1870	0,7	0,7	0,6	0,7
Лаос	332	893	1130	2050	0,8	0,8	0,8	0,8

См.: Statistical Yearbook of Vietnam 2004. P. 642—643; 2009. P. 693—694, 701—702. Hanoi, 2005, 2010.

Примечание: * Показатели 2000 г. основаны на результатах раунда международных сравнений ВБ 1993 г., а 2008 г. — раунда 2005 г. (по итогам раунда 2007 г. они уточнены).

Таблица 2. Структура и динамика факторов прироста ВВП за 1992—2008 гг., %

Периоды	1992—1997	1998—2004	2005—2008	1992—1997	1998—2004	2005—2008
Факторы	Ср. вклад в год, периоды			Внутренняя структура		
Капитал	6,01	4,10	4,50	69	60	57
Труд	1,47	1,73	1,56	17	25	20
МФП	1,24	0,98	1,76	14	15	23
Суммарно в год	8,72	6,82	7,83	100	100	100

Рассчитано по: Kinh tế Việt Nam năm 2004: những vấn đề nổi bật. Nguyễn Văn Thương, Nguyễn Kế Tuấn chủ biên. Hà-nội, 2005. T r.39; Prolonged discussion, opportunities may be missed // Vietnam Economic Times / www.gda.com.vn/?page=news&code=news&id=1529, 02.01.2009.

Таблица 3. Изменение капиталоемкости ВВП в 1990–2008 гг. (в текущих ценах, %)

	1990	1996	1999	2002	2005	2008
Валовые капвложения	12,6	28,1	27,6	37,4	40,9	43,1
Валовые внутренние сбережения	3,3	17,2	24,6	33,2	35,6	33,5
Индекс ICOR*	4,3	3,0	5,8	5,3	6,1	6,9

Рассчитано по: Statistical Yearbook of 2007. P.82, 93; Доклад ГСУ СРВ о социально-экономическом положении в 2008 г. (на вьетн. яз.). С.2, 16; Vietnam's economy: one year, two crises // Vietnam Economic Times, 29.12.2008.

Примечание. * Индекс ICOR рассчитан как частное от деления удельного веса общественных капиталовложений в ВВП на темп прироста ВВП (см. Kinh tế Việt Nam năm 2004: những vấn đề nổi bật. Nguyễn Văn Thương, Nguyễn Kế Tuấn chủ biên). Hà-nội, 2005. Tr.37.

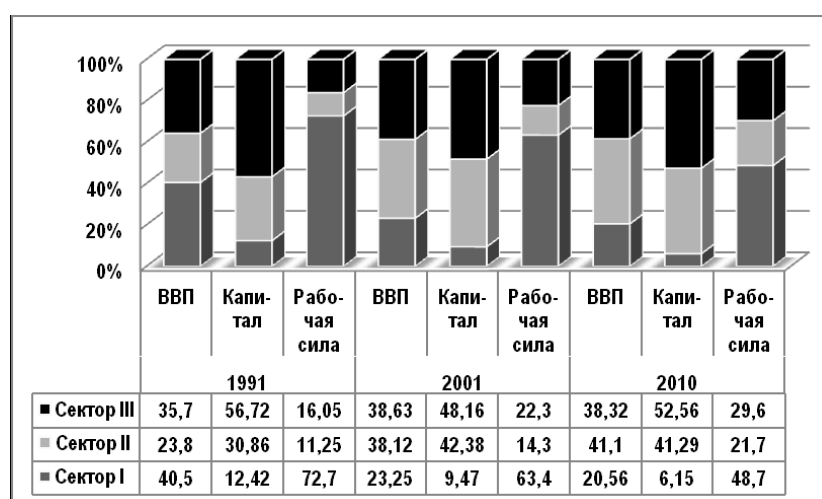

Рис. 1. Изменение структуры ВВП, инвестиций и рабочей силы во Вьетнаме.
Рассчитан по: Statistical Yearbook of Vietnam 1996. P.16; 2004. P.53, 93; 2010. P. 102, 130, 153. Hanoi: NXB Thống kê, 1997, 2005, 2011.

Примечание. В сектор I входит сельское, рыбное и лесное хозяйство, в сектор II — промышленность и строительство, в сектор III — сфера услуг

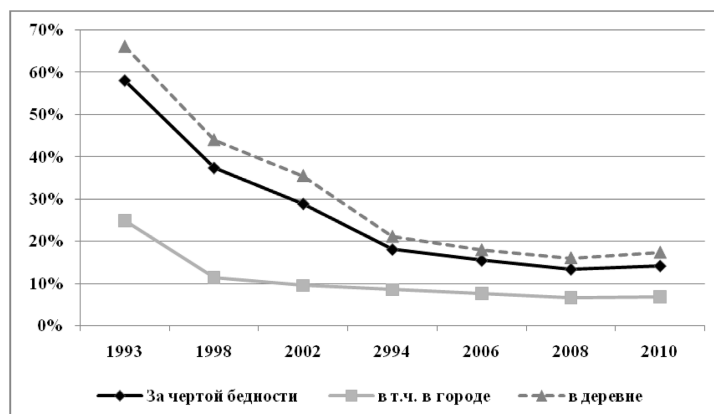

Рис. 2. Сокращение бедности во Вьетнаме в период 1993—2010 гг.

Источник: Statistical Yearbook of Vietnam 2010. Hanoi, 2011. P.693.

Примечания. Показана доля населения, живущая за чертой бедности, критерий которой определен по вьетнамской методике и повышался в каждый взятый период

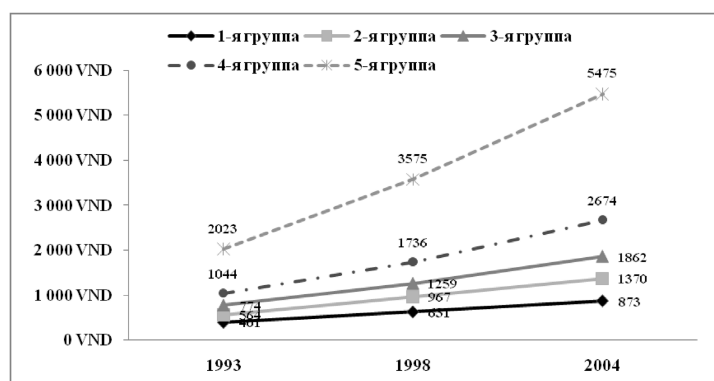

Рис. 3. Рост дифференциации доходов населения в 1993—1998—2004 гг. по квинтилям, тыс. вьетнамских донгов (VND).

Источник: Viện Khoa học Xã hội. Báo cáo cập nhật nghèo 2006. Nghèo và giảm nghèo ở Việt Nam giai đoạn 1993—2004. NXB. Chính trị Quốc gia. Hà Nội, 2007.

Примечания. Порядок 20-процентных групп (квинтилей) означает повышение уровня месячного дохода от самого низкого (1-я) до самого высокого (5-я)

Примечания

¹ За период 1986—1995 гг. размер ВВП увеличился, по нашим расчетам, более чем в 2 раза, но этот рост следует признать менее показательным, учитывая крайне низкий стартовый уровень вьетнамской экономики. Расчеты сделаны на базе данных ГСУ СРВ. См. *Statistical Yearbook of Vietnam* 2004. P.70—71; 2009. P.84—85. Hanoi, 2005. 2010; *World Development Indicators* 2009.Wash. The World Bank. 2009. P.45.

² По оценке экономистов СРВ за 1990—2005 гг., вьетнамский ВВП вырос в 3 раза, что соответствует нашим расчетам.

³ *Statistical Yearbook of Vietnam* 2004. P.70—71; 2009. P.84—85; Доклад ПРООН о развитии человека 2006. М., 2006. С.333.

⁴ Tăng trưởng kinh tế Việt Nam: Những rào cản cần phải vượt qua. *Nguyễn Văn Thường* chủ biên. Hà Nội, 2005. Т. 14, 17—18; *Statistical Yearbook of Vietnam* 2005. P.641.

⁵ *Human Development Report 2007/2008 — Fighting Climate Change: Human Solidarity in a Divided World*. UNDP. NY, 2007. P.230; *World Development Indicators* 2009. P. 40.

⁶ *Statistical Yearbook of Vietnam* 2004. P.70—71; 2009. P.84—85; Стратегия социально-экономического развития СРВ в 2011—2020 гг. // Материалы XI съезда Коммунистической партии Вьетнама. М., 2011. С.130.

⁷ *Statistical Yearbook of Vietnam* 2009. P. 231.

⁸ См. Стратегия социально-экономического развития СРВ в 2011—2020 гг. С.129.

⁹ На преодоление последствий природных катаклизмов приходится тратить все большую часть созданного национального богатства (даже по официальным данным в 2007 г. около 1 % ВВП).

¹⁰ В возрасте от 15 до 64 лет в середине 2000-х в СРВ находилось 64,2 % населения. По демографическому дивиденду Вьетнам близок к самым динамичным странам — КНР (71,1 % в 2006 г.) и Индии (62,4 %), и не случайно темпы его экономического роста находятся с ними в тесной корреляции, см. *World Development Indicators* 2008.Wash. The World Bank 2008, P.40—42; *Statistical Yearbook of Vietnam* 2009. P.39.

¹¹ *Statistical Yearbook of Vietnam* 2009. P.453; *World Investment Report* 2007. NY, 2007. P. 259; *World Development Indicators* 2008. P.16; Доклад ПРООН о развитии человека 2006. С.345.

¹² Во Вьетнаме ширится выпуск мобильных телефонов мировыми лидерами этой отрасли, недавно начал работу крупнейший в мире завод по производству микрочипов компании Интел.

¹³ <http://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=629&ItemID=10906>, 14.06.2011.

¹⁴ За 1988—2009 гг. зарегистрированы иностранные проекты стоимостью 194 млрд долл., что равно двукратному объему ВВП. Хотя из них освоено только 37 %, эффект для экономики остается очень высоким: по расчетам увеличение ПИИ на 1 % в год вызывает прирост ВВП на 0,2 % в год. Поскольку приток иностранного капитала увеличивается минимум на 20—25 % ежегодно, за счет этого обеспечивается более половины роста экономики Вьетнама. См.: *Statistical Yearbook of Vietnam 2009*. P.115—116.

¹⁵ Хотя «утечка мозгов» и рабочих рук продолжается, Вьетнаму удалось наладить живую связь с соотечественниками за рубежом (притом, значительная их часть эмигрировала после 1975 г. и придерживается антикоммунистических взглядов) и ускорить благодаря этому национальное возрождение.

¹⁶ По накопленным за первые 20 лет реформ зарегистрированным ПИИ Вьетнам вдвое опередил Китай: 533 долл. на душу населения против 250 долл. Переводы от вьеткиев достигли 7—8 млрд долл.. См.: *Tăng trưởng và công nghiệp hóa hiện đại hóa ở Việt Nam. Võ Trí Thành chủ biên. Hà Nội, 2007. Tr.232, 236; UNCTAD. Development and Globalization: Facts and Figures. NY, 2008. P. 35; Vietnam: Selected Issues. IMF Country Report 2006. Wash., 2006. Statistical Yearbook of Vietnam 1999. P. 389; 2007. P. 39, 103. Hanoi, 2000, 2008; Жэньминь Жибао онлайн // russian.people.com.cn/31518/6341704.html.*

¹⁷ Расчет автора на основе данных: *McCarty A. The Social Impact of the Reform Process // Globalization and the Third World Socialism: Cuba and Vietnam. Ed. by Brundenius C., Weeks J. New York, 2001. P.246—249.*

¹⁸ *Vietnam News*, 05.07.2001.

¹⁹ Если исходить из корреляции между уровнем дохода на душу населения и продолжительностью жизни в разных странах, Вьетнам должен иметь доходы на 20—30 % выше фиксируемых статистикой или другие веские причины долгожительства. См. *Мельянецов В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009. С.205, 213.*

²⁰ *Human Development Report 2007/2008. UNDP. P.230; Tốc độ và chất lượng tăng trưởng kinh tế ở Việt Nam. Nguyễn Văn Nam, TrầnThế Đạt chủ biên. Hà Nội, 2006. Tr.127—128.*

²¹ Доклад ПРООН о развитии человека 2006. С. 325; Statistical Yearbook of Vietnam 2006. P. 18.

²² В 2003 г. на весь Вьетнама было зарегистрировано 69 патентов в национальной системе и 2 в международной (WIPO). См. Phát triển kinh tế tri thức gắn với quá trình công nghiệp hóa, hiện đại hóa ở Việt Nam. *Đặng Hữu chủ biên*. Hà Nội, 2009. Tr. 198—199, 204.

²³ Высокотехнологичная продукция в экспорте достигла 11 %, число пользователей Интернет выросло за 2007—2010 гг. с 19 до 35 % населения, индекс проникновения мобильной связи с 27 до 78 %, проведена компьютеризация государственных учреждений, создано несколько парков высоких технологий. См. Phát triển kinh tế tri thức...Tr. 204—211.

²⁴ Доклад ПРООН о развитии человека 2006. P. 299; Statistical Yearbook of Vietnam 2009. P.594.

²⁵ Tốc độ và chất lượng tăng trưởng kinh tế ở Việt Nam... Tr. 130.

²⁶ С конца 2000-х годов в СРВ составляются списки 100 и 500 самых богатых людей страны. Его участники — крупные бизнесмены, владельцы акционерного капитала — имеют состояния в сотни и даже миллиарды долларов. Но даже с учетом тех, которые не афишируют свое богатство, эта группа вряд ли превышает доли процента от всего населения. Относительно зажиточными можно считать порядка 200 тысяч частных предпринимателей (с семьями около 1 % населения), создавших собственные компании. Более многочисленна партийно-государственная бюрократия, наживающая крупные состояния за счет коррупции, расхищения общественного имущества и создания льготных условий для бизнеса своих родственников.

²⁷ См. *Мельянцеv В.А.* Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен. С. 64; *Бельчук А.И.* Системные реформы в России и в других постсоциалистических странах // Россия в окружающем мире. М., 2006. С. 214, 319—320 и др.

²⁸ Statistical Yearbook of Vietnam 2009. P.86.

М.Е. Тригубенко

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ И ОБНОВЛЕНИИ ЭКОНОМИКИ ВЬЕТНАМА

1. К вопросу о модели модернизации

Задача модернизации экономики была поставлена правительством СРВ в 1986 г. под брендом *«дой мой»*, т. е. обновления. В расширительном понимании ресурсную базу модернизации обеспечивают инвестиционный капитал, доходы от внешней торговли, трудовые и естественные ресурсы.

Особенности модернизации связаны с тем, что Вьетнам не завершил индустриализацию, т. е. не отказался от развития многоотраслевого промышленного комплекса. Поэтому модернизацию во Вьетнаме надо рассматривать как процесс технологического обновления промышленности и развития некоторых отраслей новой экономики при опоре на иностранные инвестиции.

К Вьетнаму в XXI веке не применима модель «чистой модернизации», т. е. модель инновационной экономики. Здесь формируется некая смешанная модель капиталотрудозатратной экономики с экспортной ориентацией. Судя по документам XI съезда КПВ (январь 2011 г.), на сохранение именно этой модели ориентируется Вьетнам на ближайшие 10 лет.

Вьетнам не готов перейти от индустриализации к чистой модернизации по нескольким причинам. Отсутствуют научно обоснованные разработки о смене модели и качестве модерниза-

ции. Преобладают количественные оценки на перспективу по макроэкономике. Руководство страны не представило разработанную в деталях программу модернизации на XI съезде компартии. Медленно идёт ротация и обновление административных кадров. Крупные заёмные средства, предназначенные для модернизации, из-за коррупции используются непроизводительно или попросту расхищаются.

Основная стратегическая цель развития экономики, озвученная на XI съезде КПВ в январе 2011 г., состоит в том, чтобы к 2020 г. Вьетнам в ходе индустриализации и модернизации превратился в индустриально развитую страну с богатым народом, справедливым, демократичным и цивилизованным обществом.

В течение ближайших 10 лет рост ВВП запланирован в 2,2 раза, в т.ч. рост ВВП на душу населения, рассчитанный по валютному курсу будет доведён в 2020 г. до 3200 долл. США против 1200 долл. в 2010 г.¹

Основное направление экономической политики остаётся неизменным: повышение конкурентоспособности традиционных экспортных продуктов аграрной экономики, лесного и рыбного хозяйства, при всемерной поддержке негосударственных укладов (домашних хозяйств, малого частного предпринимательства); повышение уровня технического оснащения предприятий лёгкой, текстильной, обувной, пищевой промышленности. В тяжёлой промышленности продолжится развитие нефтегазовой, энергетической, металлургической промышленности, судостроения и судоремонта. Из отраслей новой экономики получат интенсивное развитие телекоммуникации, включая интернет, электроника, информатика, малое и среднее машиностроение, сборка легковых автомобилей. Их продукция не конкурентоспособна на мировом рынке и поэтому предназначена только для внутреннего потребления.

2. Итоги политики обновления («дой мой»)

Инвестиционный капитал за весь период обновления был основным ресурсом развития экономики Вьетнама.

Экономическая реформа в период «дой мой» привела к формированию многоукладной экономики, в которой быстрый рост частного сектора и иностранных инвестиций обеспечил сбалансированную структуру использования инвестиционного капитала по трём хозяйственным укладам (табл. 1).

Таблица 1. Структура инвестиций по формам собственности в 2005—2009 гг., %

	2005	2006	2007	2008	2009
Госинвестиции — всего	47.1	45.7	37.2	28.5	34.8
В том числе:					
бюджет	25.6	24.8	20.2	16.2	21.8
госкредиты	10.5	6.6	5.7	4.1	—
госпредприятия	11.0	14.3	11.3	8.2	—
Частные инвестиции	38.0	38.1	38.5	40.0	39.5
Иностранный капитал	14.9	16.2	24.3	31.5	25.7
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Источник: Vietnam's Economic Review. 2008. № 3. P.8

Итогом индустриализации в 1987—2009 гг. стал рост промышленности и сферы услуг. Доля промышленности в ВВП выросла с 28,9 % до 40,24 %, услуг с 33,06 % до 39,4 %, а непромышленных отраслей (сельского, лесного и рыбного хозяйства) сократилась за указанный период с 30,06 % до 20,66 % (табл. 2).

Таблица 2. Структура ВВП по отраслям народного хозяйства в 2000—2009 гг., %

	1987	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	30,06	24,53	20,97	20,40	20,34	22,10	20,66
Промышленность и строительство	28,9	36,73	41,02	41,54	41,48	39,73	40,24
В том числе обрабатывающая промышленность	—	18,56	20,63	21,25	21,26	21,10	20,90
Сфера услуг	33,6	38,73	38,01	38,06	38,18	38,17	39,10
ВВП	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные ГСУ СРВ (GSO) и Центрального института экономического управления Вьетнама (CIEM).

Начиная с 2008 г. Вьетнам испытал влияние глобального кризиса главным образом в трёх сферах экономики: рост инфляции, снижение темпов роста ВВП с 6,15 % в 2008 г. до 5,32 % в 2009 г.²; снижение объёма экспорта.

Валютные накопления от активной экспортной деятельности позволяли продолжить индустриализацию и осуществить переход к модернизации народного хозяйства. Если в 1989 г. внешнеторговый оборот был равен 4 млрд долл. США, то в 2009 г. он вырос до 125,4 млрд долл., в том числе экспорт увеличился с 1,9 млрд долл. до 56,6 млрд долл. Снижение объёма экспорта-импорта из-за кризиса создало трудности с накоплением валютных ресурсов для последующего развития.

Из-за кризиса произошло сокращение в 2009 г. экспорта СРВ в страны Азии в целом на 13,1 %, до 25,3 млрд долл. США. Особенно пострадала торговля с Японией: за 2009 год экспорт СРВ в Японию сократился на 27,4 %, до 6,2 млрд долл. Экспорт в страны АСЕАН упал на 16,2 %. В другие азиатские страны: Китай, Гонконг, Республику Корея экспорт СРВ в 2009 г. вырос на 5,4 %, 15,7 % и 17 % соответственно. Экспорт в ЕС сократился на 14,4 %, до 9,2 млрд долл. США.

Рынок США отреагировал на кризис сокращением импорта из Вьетнама на 7,2 %, до 12,9 млрд долл. В африканские страны поставки из СРВ выросли на 17,5 % (общий экспорт в объёме 1 млрд долл.). Обвал вьетнамских поставок в 2009 г. имел место в страны Океании на 47,2 % до 2,3 млрд долл., в основном из-за уменьшения вьетнамского экспорта в Австралию³.

Выполнение антикризисной государственной программы утверждённой в 2008 г., позволило сохранить положительную динамику основных макроэкономических показателей в 2010 г. и избежать рецессии.

В 2010 г. рост ВВП составил 6,78 %, в т.ч. в промышленности-строительстве — 7,6 %, секторе услуг — 7,5 %, сельском хозяйстве — 2,6 %. Тем самым среднегодовой темп роста ВВП в 2006—2010 гг. удалось удержать на уровне 7 %⁴.

Объём инвестиций в 2010 г. на 12,9 % превысил уровень 2009 г. и достиг 41 % ВВП. Продолжал укрепляться частный сектор, число частных компаний за 2010 год возросло на 85 ты-

сяч с общим объёмом инвестиций в 500 трлн донгов, что в среднем составляет 6 млрд донгов на одно частное предприятие. Несмотря на огромные суммы антикризисного правительственного пакета, что привело к дефициту госбюджета в 2010 г. на уровне 6 % ВВП, доходы бюджета возросли в 2010 г. по сравнению с 2009 г. на 17,6 %.

Правительство СРВ продолжало осуществлять активную социальную политику: число занятых увеличилось в 2010 г. на 1,7 млн. человек, 62 экономически отсталые провинции получили помощь на строительство жилья, на уменьшение уровня бедности, доведя его до 9,5 %⁵.

3. Прямые иностранные инвестиции: динамика, распределение по странам, отраслевая структура

Вьетнам стал одной из стран, куда устремился международный инвестиционный капитал (табл. 4). За более чем 20 лет (1988—2009 гг.) из 194,4 млрд долл. лицензированных ПИИ было использовано 66,9 млрд долл., или 36 %, т. е. остался большой объём незавершённых или не начатых инвестиционных проектов.

В сотрудничестве с иностранным капиталом возникла тенденция к сокращению СП из-за нехватки финансовых ресурсов и низкого уровня квалификации персонала с вьетнамской стороны. Как показал анализ деятельности совместных предприятий за 1988—2005 гг., доля вьетнамской стороны равнялась 34,2 % в общем объёме уставного капитала. Вьетнамская сторона обычно вкладывала в СП земельные наделы и права на их использование — 90 %, амортизационную стоимость заводских помещений и другого имущества — 10 %. Денежные средства вьетнамцев занимали 1—2 %, и то они вносились не регулярно. С вьетнамской стороны в совместных предприятиях, как правило, принимали участие государственные предприятия, поэтому во многих случаях имело место прямое вмешательство государства в организацию и управление их хозяйственной деятельностью.

Отраслевая структура ПИИ во Вьетнаме соответствует основным целям экономической политики государства. В 1988—

Таблица 4. Накопленные ПИИ в экономике СРВ за период 1988—2009 гг.

	Число проектов	Зарегистр. ПИИ, млн долл.	Реализованные ПИИ, млн долл.
ПИИ всего	12 575	194 429,5	66945,5
1988	37	341,7	
1989	67	525,5	
1990	107	735,0	
1991	152	1291,5	328,8
1992	196	2208,5	574,0
1993	274	3037,4	1017,5
1994	372	4188,4	2040,6
1995	415	6937,2	2556,0
1996	372	10 164,1	2714,0
1997	349	5590,7	3115,0
1998	285	5099,9	2367,4
1999	327	2565,4	2334,9
2000	391	2838,9	2413,5
2001	555	3142,8	2450,5
2002	808	2998,8	2591,0
2003	791	3191,2	2650,0
2004	811	4547,6	2852,5
2005	370	6839,8	3308,8
2006	987	12 004,0	4100,1
2007	1544	21 347,8	8030,0
2008	1557	71 726,0	11 500,0
2009	1208	23 107,3	10 000,0

Источник: Statistical Yearbook of Vietnam. 2009. Hanoi. 2010. P. 115.

2007 г. структура ПИИ была представлена следующим образом: промышленность и строительство — 50,6 %, промышленность, обрабатывающая сельхозпродукцию — 5,3 %, услуги — 44,1 %. В промышленности за указанные годы 35,17 % ПИИ были вложены в тяжёлую, 18,16 % — в лёгкую промышленность. В таких ключевых экспортных отраслях, как обувная и текстильная промышленность, а также производство электроники, компьютеров и их комплектующих, доля сектора с иностранным капиталом неизменно увеличивалась и составила 42 %, 43 % и 84 % соответственно. Вся добыча нефти и газа на континентальном шельфе юга СРВ ведётся с участием иностранных компаний. Почти вся сборка автомобилей, около 50 % производства мотоциклов и 85 % велосипедов, а также более половины металлопроката производится на предприятиях с иностранным капиталом. Анализ отраслевой структуры использования иностранных инвестиций показал, что наиболее активно ПИИ направлялись в обрабатывающую промышленность, ТЭК, строительство жилья, сферу услуг (табл. 5).

Таблица 5. Структура ПИИ во Вьетнаме по видам экономической деятельности в 1988—2009 гг.

	млн долл.	%
Всего	194 430	100
В том числе		
Сельское и лесное хозяйство	3838	2,0
Рыболовство	541	0,3
Добыча и разработка полезных ископаемых	10 980	5,6
Обрабатывающая промышленность	88 579	45,7
Электро-, газо- и водоснабжение	2231	1,1
Строительство	7964	
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотехники, бытовые услуги	1042	0,5
Отели и рестораны	19 403	10,0
Транспорт и связь	8435	4,3
Финансовые услуги	1104	0,6

Окончание табл. 5

	млн долл.	%
Недвижимость	45 506	23,4
Образование	276	0,1
Здравоохранение	1033	0,5

Среди большого числа иностранных инвесторов крупные ресурсы поступили из 20 стран мира, среди которых присутствовали оффшорные территории: Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Самоа. В действительности, это были инвестиции в основном вьетнамских бизнесменов, проживающих за рубежом.

Обращает на себя внимание, что в первую пятёрку входили страны Восточной Азии: Республика Корея, Тайвань, Малайзия, Япония, Сингапур. Китай занимал 15-е место, Россия — 16-е место.

Одновременно активизировалась инвестиционная деятельность в экономике Вьетнама США, они заняли 6-е место в страновой структуре зарегистрированных прямых инвестиций за период с 1988—2009 гг. (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ПИИ в экономику Вьетнама по странам в 1988—2009 гг., млн долл. США

Страны	Число проектов	Зарегистрированные ПИИ
Республика Корея	2560	26 880,4
Тайвань	2260	22 618,8
Малайзия	395	17 202,3
Япония	1247	17 149,6
Сингапур	870	16 345,7
США	589	15 403,1
Британские Виргинские острова	495	15261,4
Гонконг	740	8540,0
Каймановы острова	44	6758,4

Окончание табл. 6

Страны	Число проектов	Зарегистрированные ПИИ
Таиланд	284	6158,4
Канада	120	4932,0
Бруней	95	4638,3
Франция	347	3895,4
Самоа	80	3394
Китай	810	2930,3
Россия	117	2321,7
Австралия	276	2070,0
Великобритания	148	2783,0
Швейцария	85	1746,0
Кипр	8	2212

Источник: Statistical Yearbook of Vietnam. 2009. Hanoi, 2010. P.118.**Примечания**

¹ Материалы XI съезда КПВ. Ханой, 2011 // Нян Зан. 19.01.2011.

² СИЕМ: Vietnam's economy in 2009. Hanoi, 2010. P.14.

³ Ibid. P. 19, 22.

⁴ Vo Hong Phuc. Overview of Vietnam's Socio-Economy in 2010 and Tasks for 2011 // Vietnam Economic Review. 2011. № 2.

⁵ Ibid.

П.Ю. Цветов

ХІ СЪЕЗД КПВ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ И ЗАДАЧАХ ВЬЕТНАМСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Вопросы мировой политики и внешнеполитической деятельности КПВ заняли особое место в работе ХІ съезда КПВ. В документах съезда, в первую очередь в Отчетном докладе ЦК КПВ и Программе партии, были даны оценки хода мирового развития, современной ситуации в мире, выполнения внешнеполитическими ведомствами страны задач, поставленных на предыдущем Х съезде КПВ, определены будущие горизонты вьетнамской дипломатии.

В целом оценка тенденций мирового развития, обстановки на мировой арене, международных связей Вьетнама носит оптимистический характер. С удовлетворением отмечается достигнутая стабильность, демонстрируется уверенность в позитивном развитии в будущем. Ушло чувство, что Вьетнам живет во враждебном окружении, а тем более, что ему угрожает непосредственная военная опасность. Поэтому Программа КПВ названа по-новому, не «Программа строительства и защиты Родины в период перехода к социализму», как она называлась, когда принималась в 1991 году, а «Программа строительства Родины в период перехода к социализму» (то есть без «защиты», что конечно не означает отказа от важнейшей функции государства — защищать национальный суверенитет).

Характеризуя современную эпоху, теоретики КПВ выделяют, прежде всего, такие присущие ей черты как научно-техни-

ческая революция, экономика знаний, глобализация. Последняя понимается как историческая неизбежность, обусловленная высоким уровнем развития производительных сил, которая ведет к миру как единой справедливой системе. **Ведущими тенденциями названы мир, национальная независимость, демократия, сотрудничество и развитие**¹.

Наряду с этим признается, что в мире сохраняются противоречия и конфликтные ситуации (на религиозной и национальной почве, из-за претензий на участки территорий или месторождения полезных ископаемых, в результате экономической конкуренции). Противоречия проявляются в разной форме и на разном уровне. Однако какое оно, основное противоречие нашей эпохи не говорится в документах нынешнего съезда, что его отличает от ситуации 1970-х — 1980-х годов. Тогда в материалах КПВ четко указывалось, что существуют четыре противоречия: первое, между системой социализма и системой капитализма; второе, между рабочим классом и капиталистами; третье, между угнетенными нациями и империализмом; четвертое, между империалистами, между их различными группами. Из них главное между социализмом и капитализмом. В 1990-е — начало 2000-х годов от такой детализированной схемы противоречий современной эпохи вьетнамские коммунисты начинают отказываться, речь в документах съездов идет о противоречиях, в том числе о противоречиях между социализмом и капитализмом, но особого акцента на нем не делается.

Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе представлена в документах съезда в диалектическом ключе — на первое место выдвигается позитив — регион развивается динамично, в основном стабильно, здесь началось восстановление после кризиса мировой экономики в целом, в то же время отмечается вероятность дестабилизации ситуации, в первую очередь из-за споров за пограничные территории и острова в Южно-Китайском море.

Оценка состояния мирового социализма тоже оптимистичная. В Программе партии говорится, что страны, идущие по пути социализма, в том числе Вьетнам добились многих успехов, коммунистическое и рабочее движение возрождается².

В пропагандистских материалах³, распространенных в связи со съездом, этот тезис развернут следующим образом.

За последние 2—3 десятилетия социализм продемонстрировал свою жизненную силу и преимущества. КНР, где проживает 1/5 населения Земли, в течение 30 лет лидирует по темпам экономического роста, стала 2-м государством мира по темпам ВВП. Вьетнам достиг больших успехов в обновлении. Куба пользуется поддержкой многих стран мира. Коммунистическое движение, куда входят 130 партий с 80 млн. членов, остается фундаментом надежд на светлое будущее для всего человечества.

Из анализа ситуации в мире делается вывод о неизбежности победы социализма. Как отмечается в Программе КПВ: «По законам исторического развития, человечество непременно придет к социализму»⁴.

(Характерная деталь — в большинстве отчетных докладов КПВ в прошлые годы истории развития мирового социализма уделялось гораздо больше места, на VIII и IX съездах анализировались уроки поражения социализма в Восточной Европе. XI съезд в этом плане продемонстрировал новый подход, понизив степень актуальности этого вопроса.)

Достаточно взвешенной представляется оценка, данная Компартией Вьетнама капитализму. Признается, что у этой формации еще остается потенциал развития. Потом говорится о сохраняющемся внутри нее противоречии между постоянно растущим общественным характером производства и частнокапиталистической собственностью. Разрешение этого противоречия и борьба трудящихся против капитализма определяют судьбу этого строя.⁵

В целом нынешняя ситуация на международной арене охарактеризована в Программе партии следующим образом: «Страны с разным социальным строем и уровнем развития сосуществуют, сотрудничают и одновременно жестко конкурируют и ведут борьбу, защищая государственные и национальные интересы. Борьба народов всех стран за мир, национальную независимость, демократию, развитие и социальный прогресс, хотя и сталкивается со многими трудностями и препятствиями, будет ознаменована новым движением вперед»⁶. В этой связи хоте-

лось бы заметить, что внешнеполитические прогнозы в документах КПВ традиционно носят оптимистический характер, и XI съезд не стал тут исключением.

XI съезд подвел итоги деятельности вьетнамских внешнеполитических ведомств за прошедшие после X съезда пять лет. Оценки были даны положительные, отчетный период был отмечен успехами, хотя главным образом, были упомянуты события последнего перед съездом 2010 года. Как известно, в тот год СРВ председательствовала в АСЕАН, успешно провела два саммита АСЕАН, Генассамблею АИПА, Восточноазиатский саммит, конференции ARF, ADMM, MACOSA и другие. Как положительное, оценивается членство СРВ во Всемирной торговой организации.

О недостатках вьетнамской дипломатии почти не говорилось. Признавалось лишь, что отставала работа по стратегическому прогнозированию, научному анализу международных отношений.

В отличие от практики прошлых съездов, когда в отчетном докладе давались оценки отношениям Вьетнама с отдельными странами, важными для внешней политики СРВ, на этот раз это практически не было сделано. В самом общем плане затронуты отношения с Китаем, Лаосом и Камбоджей. Но по статьям руководителей МИДа СРВ (министра Фам Зя Кхиема и его зама Буй Тхань Шона)⁷, появившимся накануне, во время и сразу после XI съезда можно представить картину двусторонних связей Ханоя. При этом очевидно, что важен и порядок представления стран-партнеров СРВ, ибо он говорит о приоритетах во внешних связях Вьетнама.

В первую очередь в этих статьях говорится о развитии отношений с **Китаем**, которые названы отношениями «всестороннего партнерства и сотрудничества». Отмечен активный делегационный обмен между двумя странами. О многом говорит и такой факт: торговый оборот между двумя странами в 2010 г. достиг 25 млрд долл. В том же 2010 году был проведен первый стратегический диалог между представителями двух стран по вопросам обороны и безопасности, впервые проведены совместные учения по спасательным операциям на море. По пограничной

проблеме приняты три важных документа, официально завершена демаркация сухопутной границы между двумя странами.

Отношения с **Лаосом** по традиции названы «особыми», с **Камбоджей** «всесторонними». В качестве показателя успешного развития отношений с этими странами названы начавшиеся работы по разграничению границы. Торгово-экономические отношения с этими странами укреплялись и развивались. Конкретные цифры, касающиеся торгового оборота с этими двумя странами, не назывались, но из других источников известно, что они настолько малы, что не идут ни в какое сравнение даже с торговлей с Россией.

Связи с другими странами **ЮВА** укреплялись как на двусторонней основе, так и в рамках АСЕАН. Особо были выделены отношения с Мьянмой, где в апреле 2010 года с официальным визитом побывал премьер-министр СРВ Нгуен Тан Зунг.

Далее идут отношения с **Россией**. В статье министра иностранных дел СРВ Фан Зя Кхиема они характеризуются следующим образом: «Отношения стратегического партнерства с Российской Федерацией вступили в этап, когда обе стороны пришли к единству мнений в составлении перечня приоритетных вопросов сотрудничества — это атомная энергетика, добыча нефти и газа, военно-техническое сотрудничество»⁸.

С позиции не стороннего наблюдателя, а сотрудника одного из внешнеполитических ведомств Российской Федерации могу сказать, что в реальной практике вьетнамская внешнеполитическая служба действует в тесном контакте с российской дипломатией. Есть основания полагать, что такое взаимодействие и впредь будет оставаться неотъемлемой чертой стратегического партнерства России и Вьетнама на мировой арене и прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На следующей позиции оказываются отношения с бывшим жестоким врагом Вьетнама — американским империализмом, развязавшим против вьетнамского народа, как известно, самую кровавую войну в новейшей истории.

Сегодня отношения с **США** вьетнамскими дипломатами названы «отношениями дружеского партнерства, многопланового сотрудничества, взаимного уважения и взаимной выгоды»⁹. В от-

четный период они стали более «широкими и глубокими, устойчивыми и долговременными». С американцами было проведено несколько диалогов по вопросам обороны и безопасности, обсуждались вопросы американского участия в освоении бассейна р. Меконг. Вместе с тем, руководитель вьетнамского МИДа счел необходимым сказать и о существующих с Вашингтоном разногласиях. К вопросам, которые по-разному понимаются сторонами, относятся демократия, права человека, религиозные свободы, гуманитарные проблемы, оставшиеся в результате войны. Ведя диалог с американскими представителями по этим вопросам, вьетнамские дипломаты решительно отражали попытки противной стороны вмешиваться во внутренние дела Вьетнама.

Далее в табели о рангах партнерства с Вьетнамом шли **Евро-союз, Япония, Южная Корея, Индия** (отношения с тремя последними странами охарактеризованы как «стратегическое партнерство»), **Австралия и Новая Зеландия** (отношения с этими двумя странами названы «всесторонним партнерством»). Для характеристики положительной динамики отношений с этими странами упор делается на экономическую сферу. Например, говорится о достижении договоренности с Японией о строительстве АЭС во Вьетнаме и о разведке, добыче и переработке редкоземельных элементов. Также отмечается поддержание каналов диалога по проблемам прав человека со странами ЕС, улучшение отношений с Ватиканом.

Контакты с другими странами не подверглись сколь-нибудь подробному анализу. Только перечислены регионы — Африка, Латинская Америка, Ближний Восток, Персидский залив, отношения с которыми развиваются, прежде всего, в том, что касается вопросов капиталовложений, использования вьетнамской рабочей силы.

Съезд правящей партии не мог не коснуться целей и задач вьетнамской дипломатии на новом этапе. Цель внешнеполитической деятельности министерств и ведомств СРВ была сформулирована следующим образом: «Сохранять мирную обстановку, создавать благоприятные международные условия для дела обновления, ускорения социально-экономического развития, индустриализации, модернизации, защиты независимости, су-

веренитета, единства и территориальной целостности, повышать международный статус страны, вносить активный вклад в общую борьбу народов за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс во всем мире»¹⁰.

Обновленная Программа КПВ определила, что следует проводить в жизнь независимую, самостоятельную, мирную внешнюю политику, содействующую сотрудничеству и развитию, многостороннюю и многоаспектную дипломатию, инициативно и активно вступать в международные связи, повышать роль Вьетнама в мировой политике в интересах государства, богатого и сильного социалистического Вьетнама, являющегося надежным другом и партнером, ответственным членом мирового сообщества, вносящим вклад в дело мира, национальной независимости демократии и социального прогресса во всем мире¹¹.

Более конкретными выглядят такие задачи, поставленные перед вьетнамской дипломатией, как продолжать расширять международные связи, делать отношения с партнерами, прежде всего с соседями и крупными странами более широкими, глубокими, стабильными и прочными. В Политотчете XI съезду также ставились задачи уменьшать негативные последствия вхождения в мировое сообщество, активно работать в международных организациях, прежде всего в ООН, срывать попытки вмешательства во внутренние дела СРВ, стремиться к решению пограничных проблем на основе международного права. Самым конкретным заданием для вьетнамских дипломатов можно считать выдвинутое в Программе КПВ положение бороться за то, чтобы страны АСЕАН превратили Юго-Восточную Азию в регион мира, стабильности, сотрудничества, развития и процветания¹².

Правовые основы международной деятельности определены в документах съезда рамками Устава ООН и общепризнанных норм международного права.

Что касается развития международных связей самой КПВ, то, продолжая практику, начатую еще 1990-е годы, Программа партии призывает развивать отношения не только с коммунистическими и левыми партиями, но также с правящими в других странах партиями и как сказано в документах съезда «другими», под которыми можно понимать многое. Единственный критерий

тот, что это сотрудничество должно вестись в интересах мира, дружбы и развития. Очевидно, что идеологические барьеры в этом вопросе уже сняты. Реальность сегодня такова, что среди российских партнеров, например, КПВ поддерживает межпартийные связи не только с КПРФ, но и с «Единой Россией».

Примечания

¹ Văn kiện đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XI. Hà Nội, 2011, tr.64.

² Op.cit. tr.68

³ Phạm Gia Khiêm. Việt Nam tích cực, chủ động hội nhập quốc tế vì sự phát triển bền vững của đất nước. //www.cpv.org.vn/cpv/ Modules/ News/ News. Details.asp?co id=44411. Дата вхождения 5 мая 2011 г. Bùi Thanh Sơn. Hoạt động đối ngoại của Việt Nam năm 2010, những mục tiêu và nhiệm vụ của ngoại giao Việt Nam trong năm 2011. //www.mofahcm.gov.vn/en/mofa/cs/_doingoai/nr070523093001/ns11022810371#cOvhS02jcr il. Дата вхождения 5 мая 2011 г.

⁴ Văn kiện đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XI. Hà Nội, 2011, tr.68.

⁵ Op.cit., tr.69

⁶ Ibid.

⁷ В июле 2011 г. министром иностранных дел СРВ был назначен бывший вьетнамский посол в США Фам Бинь Минь. Phạm Gia Khiêm. Việt Nam tích cực, chủ động hội nhập quốc tế vì sự phát triển bền vững của đất nước. //www.cpv.org.vn/cpv/Modules/News/News. Details.asp?co id=44411. Дата вхождения 5 мая 2011 г. Bùi Thanh Sơn. Hoạt động đối ngoại của Việt Nam năm 2010, những mục tiêu và nhiệm vụ của ngoại giao Việt Nam trong năm 2011. //www.mofahcm.gov.vn/en/mofa/cs/_doi ngoai/nr070523093001/ns11022810371#cOvhS02jcril. Дата вхождения 5 мая 2011 г.

⁸ Phạm Gia Khiêm. Việt Nam tích cực, chủ động hội nhập quốc tế vì sự phát triển bền vững của đất nước. //www.cpv.org.vn/cpv/ Modules/News/ News. Details.asp?co id=44411. Дата вхождения 5 мая 2011 г.

⁹ Ibid.

¹⁰ Văn kiện đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XI. Hà Nội, 2011, tr.236

¹¹ Op.cit. tr.83—84.

¹² Op.cit. tr. 84/

До Минь Као

НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ВО ВЬЕТНАМО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В последние годы вьетнамо-китайские отношения обычно рассматриваются во Вьетнаме как хорошие и дружественные. Китай и Вьетнам — две социалистические страны, обе верны марксизму-ленинизму и руководству коммунистических партий, обе осуществляют реформы и курс открытости, проводят индустриализацию и модернизацию страны. Конечно, эти отношения могли бы быть еще лучше, если бы не существовало некоторых негативных факторов, а в ряде случаев и серьезных препятствий, которые обе страны должны признать и найти способ их преодолеть.

Есть негативные факторы принципиального характера, для разрешения которых необходимо стратегическое видение проблем и искренние чувства дружбы со стороны руководства и народов двух стран. Если такой подход будет реализован, то будущие поколения народов двух стран смогут жить в духе известных «16 золотых иероглифов» и четырех принципов «хорошо», а отношения будут развиваться в благоприятном направлении устойчивого развития.

Речь идет о следующих четырех негативных факторах:

- стремление Вьетнама к чрезмерному подражанию Китаю в решении общих проблем;
- разрыв в темпах развития двух стран;

- различия в национальных интересах;
- «мягкая сила» Китая.

1. Обратная сторона общности или сходства

Когда ученые и исследователи всего мира пишут о вьетнамо-китайских отношениях, то многие, как правило, переоценивают общность между двумя странами, полагая, что в этом заключаются главные факторы, делающие особо тесными отношения между двумя странами, и что в этом кроется причина их «общих побед». Речь идет о многих совпадающих элементах в марксистско-ленинской идеологии, в конфуцианско-буддистской культуре, в экономике, что стимулирует рост торгово-экономического сотрудничества двух стран, побуждает поддерживать обстановку мира и стабильности в отношениях друг с другом.¹

Очевидно, что и обратная сторона такого рода «схожести» оказывает немалое воздействие на отношения между двумя странами. Многие исследователи-вьетнамеды, как внутри страны, так и за рубежом, полагают, что, коль у Вьетнама и Китая имеется так много общего, то и многие успехи Китая, признанные во всем мире, представляют собой «ценный опыт и уроки» для Вьетнама. В результате во многих вьетнамских исследованиях по Китаю, как правило, содержится раздел, в котором ставятся эти проблемы, и при этом утверждается, что изучение Китая имеет своей целью обеспечение стабильного и долгосрочного развития Вьетнама.

Но реальное положение вещей обстоит не совсем так. Опыт и уроки, которые китайские исследователи Вьетнама в большинстве случаев преподносят как «позитивные», на деле зачастую являются всего лишь, так сказать, «бескорыстной» пропагандой, которая не отражает истинный образ Китая, страдает поверхностностью и не носит подлинно научного, комплексного характера. При этом хотелось бы обратить внимание на тот факт, что китайские исследователи Вьетнама в своем большинстве владеют всего лишь одним языком — китайским. И в этих

исследованиях язык «Срединного государства» (Китая) просматривается со всей очевидностью.

Когда говорят об общности политического строя и путях развития, которые избрали обе страны, то многие не задумываются над тем, что обратной стороной такого рода совпадений является потеря Вьетнамом творческого подхода к своему развитию, а порой и ведет к ненужному подражательству.

Один пример: китайские реформы и политика открытых дверей и вьетнамская политика *«дой мой»*. Их содержание во многом весьма похоже друг на друга. Различие имелось лишь в самом начале и лишь в некоторых чертах в ходе их последующей реализации. С точки зрения теории, достойное сожаления обстоятельство для Вьетнама состоит в том, что зачастую Вьетнам должен смотреть, что появилось нового в Китае после каждого очередного съезда КПК, что идет успешно, а что нет, и, в случае успеха, приступать к изучению этого опыта. Но, говоря по правде, во многих случаях всё происходит совсем не так. Многие китайские теоретические идеи, концепции, соображения реализуются во Вьетнаме настолько, с позволения сказать, «добросовестно», что кроме смеха ничего не вызывают. Примеров тому предостаточно. Мне как-то не с руки критиковать Вьетнам, но вьетнамцам, как мне кажется, следует действовать по-иному, более творчески, не доводя дело до досадного ошибочного представления о Вьетнаме со стороны внешнего мира.

Подобное «планирование» со стороны ряда руководящих кадров высшего звена — это непрерывная и надоедливая история, «переливание старого вина в новые меха», это тормоз на пути появления новых идей и форм развития в стране.

Приведу пример из экономической сферы. Множество совпадений в методах производства, в производственных отношениях приводят во многом к схожим производственным результатам. Но есть и разница. Она состоит в том, что продукция (товары), произведенная в Китае, более конкурентоспособна, чем вьетнамская, в силу чего промышленность и сельское хозяйство Вьетнама испытывают большие трудности. Дешевые китайские товары стоят на пути вьетнамских товаров не только на международной арене, но даже внутри самого Вьетнама.

1. Разница в темпах развития

В последние годы мир находится под большим впечатлением от мощного развития Китая. Ежегодные темпы роста ВВП составляют в среднем около 10 %, в результате чего Китай стал второй экономикой мира. Вьетнам также входит в число стран Азии, ежегодные темпы роста ВВП которых составляют 6—7 %. Однако по сравнению с темпами роста ВВП Китая это — весьма скромный показатель.

В силу многочисленных совпадений, о чем говорилось выше, экономическое развитие Вьетнама во многом зависит от Китая. Многие отрасли, особенно промышленность и сельское хозяйство Вьетнама, без китайского рынка будут испытывать исключительные трудности. Вот типично вьетнамский пример. Вьетнам вынужден покупать в Китае большое количество удобрений, семян (особенно риса), сельхозтехники и оборудования (в силу их дешевизны и знакомства потребителей с этими товарами). Если их не будет из Китая, то неизвестно, как будет развиваться сельское хозяйство Вьетнама. Большое количество вьетнамской сельхозпродукции может потреблять только китайский рынок — каучук, маниока, арбузы, вышитые швейные изделия и др. Хорошо зная это, китайские торговцы часто вынуждают своих вьетнамских партнеров к убыточным сделкам. В качестве примера можно сказать о скоплении на складах вьетнамской сельхозпродукции, подготовленной на экспорт, которую китайцы не принимают, требуя снижения цены.

В результате разрыва в развитии образуется ежегодно огромный дисбаланс во вьетнамо-китайской торговле и возникает нарастающая зависимость от Китая.²

2. Государственные интересы

Китайцы рассматривают свои государственные интересы в качестве «основополагающих интересов», поэтому на всех этапах истории в отношениях с другими странами мира они их ставят превыше всего. Не случайно, что во многих международных изданиях встречается такое понятие, как «китайский колониализм».

лизм». В отношениях с Вьетнамом Китай также весьма жестко демонстрирует свои государственные интересы.

Во имя государственных интересов Китай «завладел» Парасельским архипелагом, принадлежащим Вьетнаму. Требование о суверенитете над архипелагом Спратли также постоянно является острым вопросом в отношениях двух стран.

Китай неоднократно отдавал приказы о запрещении вьетнамским рыбакам вести лов рыбы в зоне Парасельского архипелага. Китайская сторона неоднократно подвергала аресту многочисленные рыболовные суда Вьетнама. В отношении рыбаков демонстрировалось неправильное отношение, вплоть до избиения и штрафов. Отмечались случаи несоблюдения многих положений международного морского права.

Китай ищет пути выхода на большие морские пространства. Восточное море³ рассматривается в качестве единственного направления, где он может реализовать эту цель, а Вьетнам видится ему в качестве препятствия на этом пути. Поэтому между двумя странами по вопросу о Восточном море существуют многочисленные сложности.

Государственные интересы Китая в отношениях с Вьетнамом просматриваются и по многим другим направлениям.

4. «Мягкая сила»

В последние годы «мягкая», но в действительности очень жесткая сила Китая оказала на Вьетнам определенное воздействие.

В политической сфере, благодаря использованию многих совпадений в позициях и в политическом курсе многочисленные китайские оценки и выводы проникли в ряд вьетнамских решений.

В сфере экономики многие соглашения, экономические проекты с китайскими инвестициями были подписаны на китайских условиях. На реализации очень многих проектов, в том числе в сфере энергетики, в разработке бокситных месторождений на центральном плато Тэйнгуен, Китай не использует вьетнамскую рабочую силу, а привозит рабочих из Китая. Это соз-

дает немало трудностей для Вьетнама в деле управления иностранцами, в том числе и в сфере безопасности.

В социально-культурной сфере это проявляется в том, что по вьетнамскому телевидению по многочисленным каналам и в самое различное время вьетнамцы могут смотреть китайские фильмы. Причина простая: показ этих фильмов не облагается налогом. А в результате многие вьетнамские дети историю Китая знают лучше, чем историю своей страны. Многие китайские «ценности» тихо внедряются в духовную жизнь и повседневный быт, а также в способ жизни многих слоев вьетнамского народа.

Китайский язык имеет большое распространение во Вьетнаме, и не только в связи с потребностями общения или в целях торговли.

Имеется еще множество других негативных факторов, оказывающих воздействие на развитие вьетнамо-китайских отношений.

Каждый из вышеназванных негативных факторов оставил и оставляет след, сдерживающий развитие отношений между двумя странами. Признаки «государственного интереса» наиболее легко распознаются и имеют множество способов своего разрешения, что пока, правда, не привело к результату. Однако имеются еще трудно распознаваемые следы этих факторов, которые пока не имеют адекватных способов своего решения.

Признав наличие ряда факторов, оказывающих негативное воздействие на развитие отношений между двумя странами, между их партиями, правительствами и народами, можно найти рациональные, конструктивные способы вывода этих отношений на новый, более высокий уровень. Только в духе подлинной дружбы, на цивилизованной и культурной основе будущие поколения двух стран могут надеяться на прочный мир и стабильность.

Примечания

¹ 16 золотых иероглифов : добрососедские отношения, дружба, всестороннее сотрудничество, длительная стабильность, нацеленность на будущее (февраль 1999г); «четыре хорошо»: хорошие соседи, хорошие друзья, хорошие товарищи и хорошие партнеры.

² « Две наши нации — Вьетнам-Китай — на протяжении нескольких тысячелетий, единокровны, взаимосвязаны, имеют общую культуру, и в истории назывались братскими странами» . См. «Обращение к хоакьеу», 2 сентября 1945 г., Хо Ши Мин, ПСС. Т.4 (1945—1946 г.), Госполитиздат, Ханой, 1995 г, стр. 5; Китай и Вьетнам — две социалистические страны, обе верны марксизму-ленинизму и руководству коммунистических партий, обе осуществляют реформы и курс открытости, проводят индустриализацию и модернизацию страны. Обе нацелены на развитие экономики, поэтому обе нуждаются в мирном, стабильном окружении.

³ TQ không chế VN trên lĩnh vực kinh tế. Mạc Lâm, biên tập viên RFA 2011-09-18 Вьетнам в сфере китайского влияния в экономике (РФА).

⁴ Вьетнамское название Южно-Китайского моря.

Перевод с вьетнамского Воронина А.С.

О.В. Новакова

ВЬЕТНАМ В XXI ВЕКЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА — ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ТРАДИЦИЯМ (к вопросу о поиске национальной идентичности)

В Восточной Азии с давних времен сформировался обширный очаг цивилизации, включивший в себя комплекс стран, отмеченных сильным влиянием китайской цивилизации. Культура этих стран постепенно приобрела унифицированный, сходный характер, прослеживающийся на протяжении многих веков, вплоть до того момента, когда произошло столкновение с западноевропейской цивилизацией, что произвело на страны Восточной Азии впечатление шока. Концептуальным центром этой культуры стало конфуцианское учение с его шкалой морально-этических ценностей, базирующееся на огромном пласте традиционных идей и представлений, характерных не только для Китая, но и для народов других стран Восточной Азии, относящихся к так называемому конфуцианскому ареалу. С течением времени, особенно в связи с бурными событиями XX века, происходил процесс эрозии традиционных ценностей, в том числе и конфуцианских.

Одно из основных положений современной теории модернизации развивающихся стран Азии и Африки состоит в том, что их включение в мировую экономическую систему развития означало для них переход в качественно иное состояние, рывок в совре-

менность, приводившие, как правило, к периферийному развитию капиталистической системы. Становясь не только объектами, но и субъектами истории, эти страны предпринимали постоянные попытки выйти из этого периферийного состояния. Вместе с тем современные развивающиеся страны, их общества представляют собой своего рода сплав нового с традициями.

Уже с 1970-х годов было замечено, что группа стран Северо-Восточной Азии (сначала Япония, а затем так называемые страны НИС — Тайвань, Южная Корея) по темпам своего экономического роста опережают многие страны Южной и Юго-Восточной Азии. Довольно скоро мировое сообщество осознало, что АТР представляет собой наиболее динамично развивающийся регион земного шара, страны которого не только совершили рывок в современность, выйдя из состояния периферийного развития, но впервые отодвигая на второй план преобладавший половину тысячелетия в экономическом развитии бассейн Атлантики.

Для объяснения этого экономического «чуда» закономерно задаться вопросом: не существует ли у этих стран свой особый динамизм развития, который будет способствовать своеобразному возрождению их мира, существовавшего ранее?

Среди стран, испытавших влияние китайской цивилизации, есть только один пример контрастировавший с успешным экономическим развитием рассматриваемых стран, и это пример Вьетнама. Начало старта его экономического развития должно бы отсчитываться с даты воссоединения страны в 1975 г. Но этот старт не состоялся. Официальная статистика СРВ приводит цифры годового роста ВВП в это время на 2,6 %, одни из самых низких на земном шаре¹. Но и этот рост был уничтожен демографическими процессами при увеличении населения за это же время с 47,6 млн человек до 56,1 млн². Журнал «Фар Истерн Экономик Ревю» оценивал душевой доход во Вьетнаме в 1982 и 1983 гг. в сумму 160 ам. долл. на человека³. Сравнение с Северной Кореей, где много аналогий с Вьетнамом, показывало результаты развития не в пользу Вьетнама, даже при разнице в 10 лет: за период 1975—1986 гг. Северная Корея намного обогнала Вьетнам в 1982 г. по основным показателям экономиче-

ского развития, например, по производству электроэнергии — в Корее 28 млрд квт, во Вьетнаме — 4 млрд квт.⁴ при территории Вьетнама в 2,5 раза больше Северной Кореи. Даже по производству угля прекрасного качества, в изобилии имеющегося во Вьетнаме и залегающего почти под открытым небом, когда достаточно только срыть верхний слой травы, его добыча была в 8 раз меньше, чем в Корее.

Многие неудачи экономики Вьетнама в эти годы объясняются не только страшными разрушениями войны, но и провалом попыток механического переноса на местную почву методов хозяйствования, опиравшихся на командно-административную систему, в том числе и в южной части страны, где они не применялись ни в один из периодов исторического развития Вьетнама. Страна испытала глубокий социально-экономический кризис, сопровождавшийся такими негативными явлениями, как спад производства, нарастание безработицы, увеличение численности маргинальных слоев.

В Ханое не скоро осознали, что после блестящей победы, завершившей длительную революционную войну, политическое руководство СРВ не в состоянии осуществлять мирное государственное экономическое строительство теми же методами. Даже спустя десять лет после победы, во Вьетнаме не наблюдалось никаких серьезных экономических подвижек, что ставило эту страну в особое, маргинальное положение по отношению ко всем другим странам региона. И только в 1986 г. в условиях глубокого экономического кризиса и под воздействием начавшихся либеральных экономических реформ в Китае, а также успехов НИС ЮВА, партийно-государственное руководство СРВ провозгласило начало политики реформ — политики обновления.

Экономические трудности 70—80-х годов прошлого века нелепо объяснять историческими традициями Вьетнама. И тем не менее нужно учитывать, что идея создания процветающей, успешной экономики, основанной на рациональном принципе ведения хозяйства и получения максимальной прибыли в целом была чужда вьетнамскому правящему классу, вьетнамской государственности не только в ее северных исторических границах, но и в империи Дайнам XIX века.

Экономика традиционного Вьетнама характеризовалась всесторонним вмешательством государства в лице чиновничьего аппарата в экономическую жизнь страны, подавлением развития рыночных отношений (особенно в период 1830—1850-х годов) и попытками всеми способами поддержать и сохранить общинное землевладение. Идеологической основой вьетнамской государственности оставалось коллективистское сознание основной массы населения — общинного крестьянства с преобладавшими идеями уравнилельного распределения, а также конфуцианское учение, объявленное вьетнамской монархией и учеными «ши фу» как совершенное, провозглашавшее моральные ценности высшим критерием⁷.

Эти основные традиционные параметры развития Вьетнама стали причиной того, что в северной части страны сформировалась модель экономики натурального типа, направленной на выживание, с очень низким уровнем индивидуальных потребностей, в первую очередь, у крестьянства. Города как экономические центры на Севере отсутствовали, существовал лишь один город — столица государства как его административно-политический центр с резиденцией верховного правителя, что делало столицу сакральным городом.

Согласно конфуцианской концепции правитель — Сын Неба, обладающий Мандатом Неба. Войны за независимость против Франции и США во второй половине XX века требовали мобилизации всех сил нации на борьбу с врагом и не способствовали выработке опыта экономического строительства в мирных условиях.

Сходная структура развития

Указанные черты развития, были присущи не только Вьетнаму, но и другим странам «конфуцианской» цивилизации. Существовавшие сходства и совпадения в развитии этих стран распались, фактически были взорваны начавшимся колониальным вторжением Запада в этот регион. Но это произошло не столько в результате непосредственных завоеваний колонизаторов, сколько фактом крушения влияния древней китайской культу-

ры в этих странах перед лицом непобедимой новой цивилизации. Потому что в реальности основополагающую роль, больше, чем экономика, играют такие факторы, как жизнеспособность нации и культурные традиции народов.

Этот процесс сопровождался другим, совершенно новым для этих стран процессом, а именно, не только разрывом со старым традиционным миром, но и происходившей одновременно заменой старой конфуцианской идеологии, бывшей много веков общей для всех стран Северо-Восточной Азии, новыми западными идеологиями, которые, в силу их модернистских идей, казались части элит этих стран в тот период времени наиболее способными вывести их из отсталости и обеспечить им современное развитие¹¹.

В Китае, Северной Корее и в ДРВ после Второй мировой войны и победы революционных марксистско-ленинских национально-освободительных движений западная идеология проявилась в форме социализма.

К концу 1970-х годов для ученых, наблюдателей и политологов западноевропейского мира становится ясно, что у стран Восточной Азии имеются некие особые общие корни развития, природу которых следует не только изучать, но и дать им новую оценку с точки зрения их живучести и выживаемости. Возникает фундаментальный вопрос: в чем же источник этой поразительной устойчивости и жизненности организации общества и государства стран, отмеченных сильным влиянием китайской цивилизации, их удивительной способности к саморегулированию, ассимиляции чужеродных элементов и регенерации собственных институтов и идей?

Естественно, что все взгляды в Восточной Азии поворачиваются к лидеру — к Японии. Но в эти же годы в Восточной Азии происходил и другой процесс: страны «конфуцианского мира» стали, в свою очередь, задаваться вопросом: что в конце XX в. может иметь ценность в их собственной культуре, какие ее элементы могут быть возрождены в современности?¹²

Некоторые примеры из реальной жизни рассматриваемых нами стран можно интерпретировать как символы возрождения интереса в конце XX и начале XXI века к конфуцианству, этому

древнейшему идеологическому и морализаторскому учению Китая, оказавшему такое влияние на мышление, обычаи и нравы народов Восточной Азии: в Китае, на Тайване, в Южной Корее, во Вьетнаме (Ханое), в Токио в эти годы были восстановлены известные Храмы литературы, они же Храмы Конфуция¹³.

Что позволяет Китаю, Тайваню, Вьетнаму и другим странам Северо-Восточной Азии в контексте современности использовать символы подобного рода? То обстоятельство, что эти символы бесповоротно ушли в прошлое, мир слишком сильно изменился. Именно это обстоятельство стало главным моментом объясняющим, почему прежние духовные ценности были возвращены из небытия и стали плодотворно применяться в странах «конфуцианского мира» Восточной Азии, но без налета того консерватизма, который был им свойственен в прошлые века. Необходимо было, чтобы прошло время для того, чтобы традиция трансформировалась в нечто совершенно отмершее, потерявшее свою жизненность, чтобы затем продуктивно использоваться и помогать отвечать на современные вызовы и изменения в странах региона Северо-Восточной Азии.

Но, когда мы говорим о возрождении и применении конфуцианских традиций в указанных странах, необходим осторожный подход. Это положение нельзя воспринимать однозначно и прямолинейно, так как доктринальные постулаты и императивы современного развития зачастую выступают как антиподы основных формулировок конфуцианской идеологии. Да, она отмерла и не может быть реанимирована в прежнем своем виде. Но вместе с тем все новые модели поведения и отношений, которые вписываются в современную гамму активности стран ареала влияния китайской культуры, отмечены теми необычными отклонениями, смысл которых невозможно объяснить, не прибегая к ссылкам на конфуцианское наследие. Имеются в виду три таких важных его составляющих понятий, как коммунитаризм, ритуальность и функционализм.

Одно из главных отличий коммунитаристского общества от западного состоит в том, что конфуцианское мышление отмечено глубоким антииндивидуализмом. То есть, общество придает смысл индивиду, а не индивид обществу, как на Западе. В инди-

видуалистическом же обществе в юридическом плане выявляется понятие свободы, не имеющее ничего общего с понятием коммунитаризма, где общество родственное, где никто не посторонний другому, но где социальное давление может возрастать до необычайных размеров, иногда до нетерпимых.¹⁴ В современном мире принцип коммунитаризма проявляется в социальной обстановке, которая существует в странах Северо-Восточной Азии: общество там в целом намного более компактное, уравновешенное и сплоченное, чем на Западе, потому что оно связано отношениями солидарности. Один из самых впечатляющих примеров на эту тему — это необыкновенно высокий уровень сплоченности вьетнамского общества времен первой войны Сопротивления, достигнутый благодаря сочетанию нескольких традиционных факторов: энтузиазма борьбы за главную ценность — независимость и традиционного патриотизма, во многом основанного на давнем принципе коммунитаризма. Но стоит отметить, что принцип коммунитаризма не имеет ничего общего с понятием социализм, достаточно сказать, что он аполитичен по своей сути.

В современном мире коммунитаризм сумел проникнуть в структуры непосредственно присущие индустриальному обществу стран Северо-Восточной Азии, создавая тот новый социальный динамизм, который может быть назван основным фактором развития стран этого региона.¹⁵

Но не стоит идеализировать отголоски прежних традиций. Результатом их проявления остается подчиненное положение в обществе отдельной личности перед государством, преобладание во всех сферах системы «неформальных» личных связей, что ведет к налоговым льготам, экспортно-импортному протекционизму и спонтанному росту коррупции и nepотизма на всех уровнях общественной пирамиды.

В настоящее время во Вьетнаме вопрос о путях более эффективного и динамичного развития экономики все еще не имеет внятного ответа. Модернизация, как и в Китае, объявлена стратегическим направлением. Но происходит «модификация» по-вьетнамски, когда стремятся побороть пороки системы, не выходя за ее рамки.

Живучесть командно-административного стиля регулирования всех сфер экономики во вьетнамском варианте объясняется не только рядом противоречий, порождаемых попытками соотнести представления о социализме, существующие в рамках классического марксистско-ленинского наследия, с сиюминутными потребностями экономической модернизации, сколько фундаментальными социокультурными и психологическими факторами. Реформы во Вьетнаме типологически не выходят за рамки классической конфуцианской традиции «роста без развития» и причудливым образом на нее накладываются. Наглядно это проявилось в тяготении реформаторов XXI века к постепенно-поступательным темпам внедрения рыночных принципов, не создающим угроз социально-политической стабильности авторитарного режима, в стремлении сохранять жесткий контроль на макроуровне и не допускать развития частной инициативы, предприимчивости и энергии индивида в полном масштабе. Эти реформы похожи на те, что проводились в Китае во второй половине XIX века, в период так называемого «самоусиления», когда, как и сегодня, модернизация процесса экономического развития не сопровождалась всесторонней политической реформой, то есть введением соответствующих общественно-политических институтов и демократических свобод. Этим объясняется столь быстрое по времени поражение синхайской революции 1911—1913 гг. Творцы этой революции ясно осознали, что для того, чтобы окончательно утвердить новый республиканский строй в Китае, мало было просто свергнуть монархию, необходимо было, чтобы в головах людей произошла культурная революция, то есть отказ от конфуцианских традиций. Как было показано в начале данного сообщения, эти традиции оказались практически не подвластны времени.

Неизменным остается ориентация на «двухколейное развитие экономики» — то есть длительное сосуществование двух гетерогенных хозяйственных систем: демонтируемой планово-распределительной и нарождающейся рыночной, осторожное дозированное увеличение доли рынка, в том числе, частной собственности на средства производства и параллельное свертывание сектора экономики, регулируемого, главным образом, ди-

рективным планом. Такое состояние экономики получило название модели «меломинового»¹⁶, то есть неполноценного, ущербного экономического роста в ее нынешнем мобилизационно-трудозатратном варианте, когда происходит «рост без развития», «выборы без выборов» и провозглашается «управляемая открытость». Все это создает некую ситуацию иллюзорности и ставит вьетнамский социум на грань перманентной угрозы финансового кризиса и политического конфликта.

В этих условиях различные группы вьетнамского социума прибегают к личным неформальным связям в поисках безопасности и комфорта. В роли смягчающих средств, до поры до времени обеспечивающих устойчивость вьетнамского образа жизни, выступают опять же факторы культурного наследия, такие, как дисциплинированность и организованность вьетнамцев, до сих пор ценящих моральные конфуцианские устои, трудолюбие, почтение к старшим и к обычаям, а с другой стороны — постоянное стремление к повышению своего социального статуса и состоятельности.

Именно традиционные морально-этические ценности, императивом которых является стремление к гармонии и бесконфликтности, и которые по своему умению довольствоваться малым, а также по некоторым своим креативным и инновационным параметрам превосходят воспетые Максом Вебером «ценности протестантизма», помогают вьетнамцам (и не только им) смягчать действия слепых сил рынка и снижать социальные издержки реформ. Конфуцианская традиция, обогащенная современными достижениями производства и культуры, оказывается на поверку более жизнеспособной, чем все известные европейские образцы, включая стремительное капиталистическое развитие, а также попытки реализации марксистской утопии.

Но когда обнажаются и обостряются социальные противоречия у групп, мало выигравших от реформ, неизбежно возникает ностальгия по временам всеобщей уравнительности, и на этом фоне монополюльно руководящая партия обретает повышенные шансы повернуть руль к курсу «социально-уравнительного» государства. Это и произошло в годы так называемого «левого уклона», возникшего во Вьетнаме в годы пребывания у власти бывшего генерального секретаря КПВ До Мьюя (1996—2001).

Хотелось бы привести три впечатляющих, на наш взгляд, примера в подтверждение сказанного о воспитании патриотизма в современных условиях при опоре на традиционные конфуцианские ценности. Эти примеры очень разные, но они очень похожи. Их можно обобщить под одним названием **«Скромные герои»**. В феврале 2003 г. в Китае была предпринята попытка развернуть в стране очередную новую кампанию «учебы у Лэй Фэна» — молодого солдата, погибшего в начале 1960-х годов и ставшего в маоистском Китае национальным символом скромности и бескорыстного служения народу¹⁷.

Другой пример касается КНДР. В 1999 г. девушка по имени Чон Сен Ок стала чемпионкой мира по марафонскому бегу. В стране была развернута пропагандистская идеологическая кампания по ее чествованию в очень традиционном стиле: она была названа «дочерью Кореи», власть призывала молодежь «учиться у Чон Сен Ок!» и «Стать всем такими, как Чон Сен Ок!»¹⁸.

Третий пример касается Вьетнама. Речь идет о девушке-партизанке Мак Тхи Бьой, которая, будучи взята в плен французами, ничего не сказала на допросе и была расстреляна. Французский исследователь Бенуа де Треглоде назвал значимо свою статью: «Новые герои, традиционное почитание», в которой он сравнивает подвиг вьетнамской партизанки с подвигом Зои Космодемьянской и рассказывает о традиционном посмертном культе почитания духа героини, созданном ее земляками в ее родной деревне, где в ее доме был создан музей ее имени с алтарем, где стояла ее фотография, курились благовонные палочки и воздавались обычные, многовековые почести духу героини, ставшей духом — покровительницей деревни¹⁹.

Все три примера говорят об одном и том же: героем может стать только тот, кто безусловно выполняет партийные установки, не боится никаких трудностей и не пасует перед ними. В этих странах устраивались слеты «скромных героев», чтобы учиться брать с них пример, пропагандировался настрой «жить во имя будущего», но все это в рамках давних традиций. Так в обществах стран, развивавшихся под влиянием китайской культуры возникает впечатляющий патриотизм, привязанность к своей семье, общине, деревне.

Даже самые радикальные идеологические концепции, от либерально-националистических до социалистических и троцкистских типологически не могли выйти во Вьетнаме за рамки конфуцианской парадигмы. Например, видный представитель националистической элиты Вьетнама колониального периода, известный историк и политический деятель — Чан Чонг Ким (1883—1953) в 1930-х годах в условиях идеологического вакуума и поиска национальной идентичности обращается к конфуцианскому учению и публикует большую работу под названием «Конфуцианство»²⁰, в которой красной нитью проходит мысль о том, что это самое совершенное учение, дающее ответы на все жизненно важные вопросы, но его требуется «очистить» от поздних наслоений и воспринимать в первоначальном виде.

Выразители непримиримых идейно-политических течений — КПВ (КПИК) и персоналистская партия Нго Динь Зьема — обе эти партии имели общую уверенность в том, что всеобщее регулирование всей общественной жизни сильным государством способно в кратчайшие сроки вывести бедную страну на качественно новый экономический уровень развития, а «политическая опека» над неготовым к демократии народом со стороны «партии-поводыря» приведет народные массы к светлому будущему.

Приверженность идеям национализма и конфуцианским принципам в странном смешении с модным французским философским течением того времени — персонализмом мы находим во взглядах одной из ключевых фигур в истории Вьетнама в XX веке, Нго Динь Зьема, который в 1955 году стал президентом Республики Вьетнам на Юге. В своих теоретических построениях основ новой, создаваемой им партии, — опять же, рассматриваемой как главной опоры сильного государства, Нго Динь Зьем включал в нее, наряду с персонализмом — западным философским учением — главные элементы конфуцианского учения.

Хо Ши Мин, харизма которого в посмертном прославлении продолжает неуклонно возрастать, был выходцем из традиционной конфуцианской семьи. Он с детства усвоил основные постулаты конфуцианского учения, что находило неоднократное и разнообразное проявление в его идеологии и политике: напри-

мер, щедрая благодарность «большому (старшему) брату» — Советскому Союзу за помощь ДРВ в первые годы ее существования. Ядром идеологии Хо Ши Мина, мощная пропаганда которой развернута в настоящее время во Вьетнаме, является проповедь высокой морали и осуждение всякого индивидуализма²¹, а конфуцианство, как известно, не допускает каких-либо проявлений самоидентификации. Создавая коммунистическую партию во Вьетнаме, Хо Ши Мин мечтал о том, что она будет служить образом и носителем морали и цивилизации²².

Легкость, с которой Ханой воспринимал советский опыт, а вместе с ним и «сталинскую модель» социально-экономического развития, объясняется тем, что все атрибуты «реального социализма» удачно ложились и вписывались в идеальные представления вьетнамской (идушей от китайской) традиции от конфуцианского этатизма до даосского эгалитаризма. В этой связи хотелось бы отметить, что конфуцианские традиции были переняты и имели наибольшее влияние именно в области государственного управления, его механизмов (государственные конкурсные экзамены, система чиновной иерархии — например, в КНР, так же, как и во Вьетнаме, в настоящее время существует институт кадровых работников — «ганьбу», имеющих иерархизированную структуру в формате 15 рангов), а также структуры государственной вертикали.

Однако усложнение социальных структур во вьетнамском обществе в связи с проводящимися реформами, появление новых социальных противоречий — все эти новые явления все более обнаруживают недостаточность существующих средств для увязки конфликтующих интересов, делают все более актуальным выработку новых сбалансированных подходов в социальной политике.

Но как показывает практика, руководство СРВ стремится максимально использовать ресурсы прежнего авторитарного государства для достижения новых целей, стараясь для этого, насколько возможно, ограничить эрозию идейного наследия. Сохраняя словесную и ритуальную верность «идеям социализма», руководство СРВ, по сути дела, пошло по пути все большей деидеологизации своей политики, выдвигая на первый план

лишь патриотические идеи строительства богатого и процветающего Вьетнама и, скрывая за этим лозунгом националистическую позицию «...как самую прагматическую идеологию на все случаи, позволяющую никогда не отказываться от власти. Не интернационализм и не солидарность пролетариата всех стран, а обыкновенный национализм способен сегодня по-настоящему сплотить народ под знаменем КПВ»²³.

«Историческая память» о великих достижениях прошлого на уровне общественного и индивидуального сознания выступает мощным консолидирующим фактором, а также формой идентификации социума, что в условиях глобализации мира имеет решающее значение. Но необходимо подчеркнуть, что проведение масштабной и всесторонней модернизации при осуществлении догоняющего пути развития в рамках общемирового процесса — а именно такая задача стоит в XXI веке перед вьетнамским обществом и государством, необходимо предполагает сохранение и увеличение значимости индивидуальных цивилизационных ценностей.

Необходимо рассмотреть еще один аспект, характерный для современного развития стран Азиатского региона и Вьетнама в том числе. Речь идет о степени восприятия и внедрения в государственные структуры демократических институтов. После получения независимости во Вьетнаме к власти пришла новая в социальном плане элита²⁴. Еще сильно было влияние метрополии — Франции, западных ценностей, насаждавших ее, а также в сложившейся в то время обстановке для ДРВ существовала необходимость в создании демократического имиджа нового государства, так как ДРВ не была еще признана ни одной страной мира. Большую роль в этом процессе сыграли взгляды Хо Ши Мина²⁵, вождя, обладавшего уже в то время бесспорной харизмой. Сыграли свою роль его длительный опыт пребывания во Франции и в Советском Союзе, а главное, понимание им задач текущего момента. Все это определило ту высокую степень демократизации ДРВ на первом этапе ее существования: слом старых институтов власти — монархии и чиновного аппарата, утверждение нового, республиканского строя со всеми атрибутами демократии, с выборной системой, созданием Националь-

ного собрания — высшего законодательного органа, правительства, поста президента, созданием на местах новых, выборных органов власти — народных комитетов, равенством мужчин и женщин, национальных меньшинств, закрепленных в законодательном порядке, и, наконец, принятием Конституции 1946 г.

Знаменитая Декларация независимости, озвученная Хо Ши Мином 2 сентября 1945 г. на площади Бадинь в Ханое, была написана им под влиянием положений Декларации независимости США и республиканских идеалов Франции, а Конституция 1946 г., также написанная при участии Хо Ши Мина, в настоящее время считается некоторыми вьетнамскими исследователями лучшей из 4-х Конституций, принятых в независимом Вьетнаме.

Все это было процессом, который можно охарактеризовать как процесс «забегания вперед», что провоцировало неизбежный «откат» (блестящий анализ этих категорий был проведен отечественным востоковедом, академиком Н.А. Симонией в его работе: «Страны Востока: пути развития», М., 1975). Эти процессы характерны для всех бывших колониальных стран. По мере смены поколений элиты (сейчас во Вьетнаме после Августовской революции 1945 г. к власти пришло 3-е или 4-е поколение руководства — так называемое поколение «принцев», имея в виду не только Вьетнам, то есть дети или родственники высокопоставленных работников.

В условиях жестких вызовов XXI века, глобализации и конкуренции, прежде всего, влияние традиционных цивилизационных ценностей в обществе будет только возрастать. Это положение иллюстрируется тем фактом, что в арсенале политической риторики и практики руководства прочно утвердился тезис: «либо социализм — либо хаос».

Все вышеизложенное позволяет типологически идентифицировать современное вьетнамское общество. 2005 год ознаменовал собой 60-летнюю годовщину ДРВ-СРВ — значимый для вьетнамского массового сознания факт, так как с момента создания современного государства колесо истории совершило полный шестидесятиричный цикл. Стремительная трансформация Вьетнама в XX и XXI веках, вобравшая в себя элементы сразу не-

скольких социальных эпох и цивилизаций, убеждает нас в том, что перед нами завершается очередной цикл эволюции вьетнамского социума после нескольких десятков лет многочисленных политических и экономических экспериментов. Происходит возвращение на твердую и веками проверенную почву вьетнамской национальной политической традиции, где главным стержнем выступает тандем «партия (правитель) — государство» как олицетворение единства власти и собственности, политики и экономики, скрепляемой родственными, брачными и иными отношениями.

По мнению многих экспертов, Вьетнам эволюционирует в сторону известного в Восточной Азии типа политической системы, наиболее успешно реализованной в Сингапуре. Это подтверждается тем фактом, что при выработке вьетнамским руководством политики «обновления» советником тогдашнего президента СРВ был сам Ли Куан Ю²⁶. Увлечение сингапурской моделью развития во Вьетнаме не случайно, а позаимствовано у китайских политологов и ученых, разрабатывающих уже упоминавшуюся «народно-центричную» модель развития, сторонники которой выступают против дальнейшего внедрения рыночной экономики и либерализации общественно-политической жизни Китая и восприятия универсальных ценностей, но восхищаются авторитарными политическими системами Сингапура и Гонконга и выражают недоверие к якобы ставшей «западнѐй для развития» демократической политической системе Тайваня²⁷.

Перед нами повторяющаяся не раз в истории Вьетнама (и не только) ситуация, когда подавляемые низовые сегменты общества, развиваются более быстрыми темпами, чем контролирующая их политическая система. Это тормозит процессы модернизации и созревание тех политических сил, которые заинтересованы в этих процессах.

Модернизация — явление уникальное. Оно присуще именно периоду превращения человечества в единое целое. Модернизация охватывает почти все сферы общественной жизни: экономику, общественно-политические структуры, образование, науку и технику. Но нигде она не протекает так сложно и так трудно для осмысления, как в сфере культуры.

Происходит трудная операция «совмещения», в результате которой во всех модернизирующихся обществах духовная культура «раскалывается» на свою, старую, локальную, и чужую, новую, универсальную. Но при всех вариантах взаимодействия различных частей культуры при ее «расколе» неизменным остается одно: рано или поздно автохтонная культура бывает вынуждена примириться с соседством науки и всех сопредельных и подверженных ее влиянию областей духовной культуры. Раскол традиционной культуры — это наиболее характерная и драматическая фаза культурной модернизации. Но уже начинаются поиски, которые приводят к трансформациям в сфере общественного сознания, равно как и к частичным изменениям в некоторых культурных областях. Это — начальная фаза модернизации, которая может оказаться длительной и протекать тем болезненней, чем богаче традиционное культурное наследие. Эта борьба старого и нового в области культуры, а главное, в осознании необходимости признания универсальности общечеловеческих, а не каких-нибудь «азиатских» ценностей происходит в настоящее время в большинстве стран Восточной Азии.

Естественно предположить, что в культурной трансформации вслед за фазой раскола должна последовать завершающая стадия. На этой стадии в традиционном некогда обществе процесс культурного развития освобождается от давления извне и входит в свое нормальное русло. Раскол преодолевается, а духовное наследие общества, совместившись с новыми универсальными ценностями, должно превращаться в равноправную составную часть общечеловеческой культуры.

Таким образом, процесс культурной трансформации в традиционных обществах, вступая в заключительную стадию, предполагает достижение устойчивого синтеза местной культурной традиции с общечеловеческой культурой²⁸.

Происходящий процесс переоценки затронул самые главные, «структурообразующие» ценности, а не отдельные области, в этом и заключалось основное значение того, что происходило в культурной жизни Восточной Азии в XX веке и продолжается в наступившем новом XXI веке.

Примечания

¹ Objectif coopération. Le Dossier franco-vietnamien. Paris, 1985. P. 263

² Ibid. P.262.

³ Ibid. P.263.

⁴ Ibid. P.263.

⁵ Index de l'Asie du Sud-Est 1983. Tokyo, 1983. p.1—27

⁶ Vandermeerch L. Le nouveau Monde sinisé. Paris, 1986. P.35

⁷ Для примера приведем один из указов императора Тхань То (де-виз правления Минь Манг, 1820—1840): В государстве — радость, каждое счастье осыпано нашими милостями. В книге Ли цзи сказано: «...совершай благодеяния, чтобы выразить великий долг императору...

Всегда в начале года Мы издаем эдикт, который следует Небесному велению. Счастье! Благодарим Небо за помощь, реки и горы тоже чудесно помогают, все большие и маленькие чиновники относятся к Нам с большим уважением, четыре внутренних и внешних океана полны богатством и спокойны» [«Дайнам тхык люк» («Правдивые записи о Великом Юге») Т.8. Тг.152].

⁸ Kazawa G. Les relation sino-vietnamiennes. Tokyo, 1978. P.115

⁹ Vandermeerch L. Le nouveau Monde sinisé. Paris, 1986. P.122. Например, известный исторический деятель Вьетнама второй половины XIX в.- Фан Тхань Зян происходил именно из такой семьи китайских переселенцев, осевших ко времени восстания Тэйшонов в южновьетнамской провинции Виньлонг. Pham Phu Thu. (Quang Uyên dịch). Nhất ký đi Tây. Đà Nẵng, 1999.

¹⁰ The Developing Economic, XX. Tokyo, 1982. Vandermeerch L. Le nouveau Monde sinisé. Paris, 1986. P.46—49.

¹¹ Vandermeerch L. Le nouveau Monde sinisé. Paris, 1986. P.59.

¹² Например, в КНР сторонники так называемого «китаецентричного» направления считают важным для процесса модернизации все наследие КНР и выступают против идеи, что «будущее Китая — это настоящее стран Запада». Они видят свою задачу в том, чтобы осмыслить способ выживания и развития китайской нации, бросить вызов ментальному доминированию гегемонистского дискурса Запада и утвердить уверенность жителей Китая в полноценности своей культуры и цивилизации. Карнеев А.Н. «Китайская модель» и споры по поводу ее сущности в КНР//Владивосток 2012: АТЭС и новые возможности России. М. 2011. С. 264

¹³ Vandermeerch L. Le nouveau Monde sinisé. Paris. 1986. P.160.

¹⁴ Ibid. P. 166.

¹⁵ Ibid. P. 168.

¹⁶ Корсун В.А. Правящая элита современного Китая: тенденции модернизации и архаизация.// Элиты стран Востока, М., С. 113.

¹⁷ Корсун В.А. Правящая Элита современного Китая: тенденции модернизации и архаизации.//Элиты стран Востока. М., 2011. С. 112.

¹⁸ Денисов В.И. Политическая система и политическая элита КНДР: генезис, эволюция, проблемы.//»Элиты стран Востока». М., 2011. С. 134.

¹⁹ Бенуа де Треглоде. Новые герои, традиционное почитание. Очерк о культе Мак Тхи Бьой// Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006. С. 167—175.

²⁰ Trần Trong Kim «Nho giáo», Hà Nội. 1930

²¹ Локшин Г.М. Некоторые особенности идейно-политической жизни Вьетнама до и после XI съезда КПВ.//Вьетнамские исследования. Выпуск 1. М., 2011. С.44.

²² Там же. С. 50.

²³ Там же. С.47.

²⁴ В этом плане Вьетнам представляет собой уникальный пример восточного государства: традиционная конфуцианская элита сменилась профранцузски настроенной в колониальный период, после 1945 г. ей на смену пришла коммунистическая элита. Важно отметить, что в этой трансформации практически отсутствовал религиозный элемент.

²⁵ Мы не видим противоречия, характеризуя взгляды Хо Ши Мина как демократические и в то же время носившие следы конфуцианского учения. Это было типичным для представителей элиты того поколения, а в какой-то мере и для руководства настоящего времени: некий симбиоз вьетнамского национализма с вестернизмом, что мы старались показать на приведенных примерах.

²⁶ Локшин Г.М. Некоторые особенности идейно-политической жизни Вьетнама до и после XI съезда КПВ // Вьетнамские исследования. Выпуск 1. М., 2011. С. 40.

²⁷ Карнеев А.Н. «Китайская модель» и споры по поводу ее сущности в КНР//Владивосток 2012: АТЭС и новые возможности России. М., 2011. С. 265.

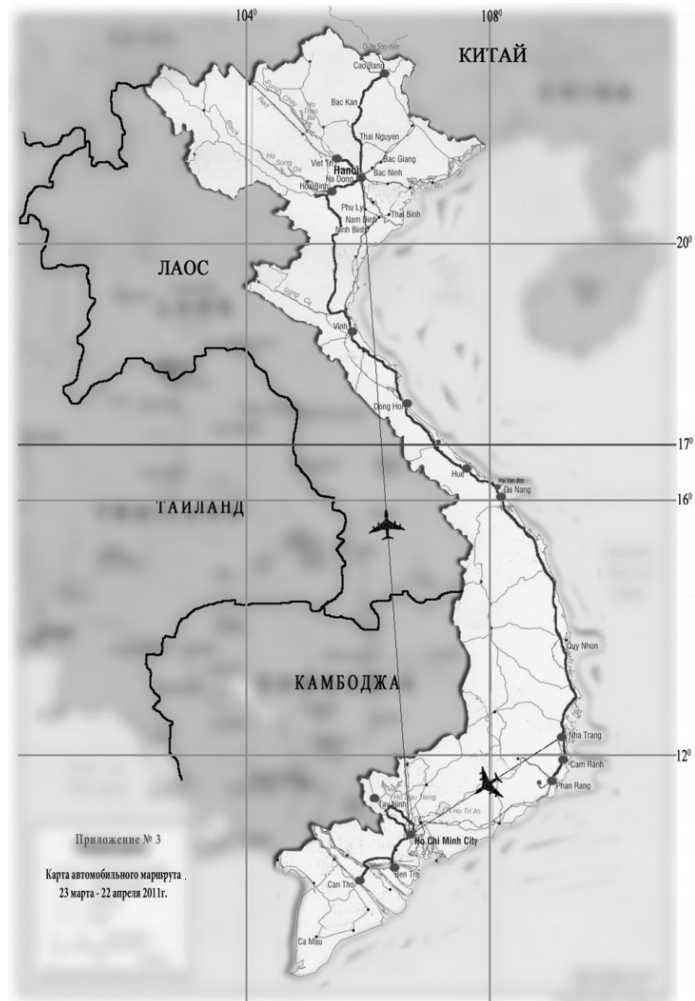
²⁸ История Востока: Том IV. Книга 2. М., 1995. С. 5—11.

П.В. Познер

ВЬЕТНАМ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С 22 марта по 21 апреля 2011 года состоялась поездка делегации Российской академии наук из четырёх человек в Социалистическую Республику Вьетнам с целью сбора иллюстративного материала для «Полной академической истории Вьетнама» в шести томах. В роли принимающей стороны выступал президиум Вьетнамской Академии общественных наук в лице руководства Института истории, которому была поручена вся организационная работа.

В течение месяца делегация проехала на машине практически весь Вьетнам с севера на юг. Вкратце можно указать следующие пункты её маршрута. **1.** 22—25 марта: Ханой с выездами в прилегающие к нему провинции. **2.** 25—28 марта: поездка на север через Тхайнгуен, Лангшон и Каобанг на вьетнамо-китайскую границу с ночёвкой в Каобанге. **3.** 29 марта: Ханой. **4.** 30 марта: начало поездки на юг, провинция Ниньбинь, ночёвка в г. Винь. **5.** 31 марта: продолжение поездки через г. Донгхой до г. Хюэ. **6.** 01—02 апреля: г. Хюэ с посещением его окрестностей, главного храма Као Дай и мавзолеев императоров династии Нгуенов. **7.** 05 апреля: продолжение поездки через Дананг с посещением тямских памятников и музея тямского искусства до Нячанга. **8.** 06—08 апреля: г. Нячанг с поездками по прилегающим провинциям вплоть до Фанранга. **9.** 08—09 апреля: *перелёт* (порядка 200 км.) и сутки в г. Хошимин. **10.** 10—12 апреля: поездка в про-

винции Бенче и Кантхо с ночёвками в одноимённых городах. **11.** 11—15 апреля: г. Хошимин и его окрестные провинции; *вылет* в г. Ханой. **12.** 16—22 апреля: г. Ханой и прилегающие к нему провинции.

Даже с научно-познавательной точки зрения этот маршрут представляет огромный интерес, однако главное в этой поездке было то, что вьетнамская сторона не только не препятствовала, но и всячески поощряла прямое общение членов делегации с любыми вьетнамцами. Такого рода встречи происходили по нескольку раз на дню в самых разных точках Вьетнама, как на Севере, так и в Центре и на Юге. А учитывая, что автор настоящей статьи является специалистом по древней истории Вьетнама, то при разговорах с вьетнамцами над ним не довлела необходимость соблюдения какой-либо политкорректности. Поэтому статью вполне можно было бы озаглавить не «Традиции и современность», а, например, «Культурно-этнографический очерк» или как-нибудь ещё в том же духе.

Итак этнография. Нам удалось несколько раз пообщаться с представителями народностей *чёрные таи* и *нунг* в Каобанге, *мыонг* в Хоабине, *тям* в районе Фанранга и этническими китайцами (*хуацяо*) в Хошимине. Конечно, это немного, но всё-таки позволяет представить себе образ жизни этих народностей. Если не считать города, то основная часть населения проживает в традиционных свайных домах. Нередко эти дома стоят на своеобразной основе из камня и земли, высота которой достигает полутора метров. Интересно, что у *нунгов* даже стойло для буйволов находится в самой свайной постройке. Однако это не означает, что они живут так же, как и на протяжении многих веков. В деревнях национальных меньшинств можно увидеть рекламу современных товаров, магазины с этими товарами, во дворах многих домов стоят новые современные автомобили, включая джипы, и почти на всех крышах красуются спутниковые антенны.

В то же время достаточно традиционное хозяйство национальных меньшинств по-прежнему связано с террасным земледелием, в котором наряду с выращиванием риса значительную роль играет овощеводство. При этом продаваемые на импровизированных рынках товары позволяют говорить о значительной роли животноводства, прежде всего — о разведении крупного рогатого скота, свиноводства и птицеводства. Судя по всему, сохраняется и традиционное ремесленное производство, о наличии которого можно судить по украшениям и поделкам, ко-

торые также продаются на рынках. О наличии традиционного гончарного ремесла свидетельствуют не только товары на деревенских рынках, но и существование специализированных деревень по производству керамических изделий. Одна такая *тямская* деревня находится в южной части Центрального Вьетнама недалеко от Фанранга.

Также интересно отметить, что в предгорьях Северного Вьетнама сохраняется традиционная система орошения, при которой вода поднимается на поля с помощью специального колеса, которое напоминает колесо водяной мельницы. Однако, надо полагать, что таким способом орошают свои поля не национальные меньшинства, а вьетнамские крестьяне, проживающие в этих районах. И хотя основным видом сельскохозяйственного производства, безусловно, является рисоводство, вьетнамцы выращивают множество других сельскохозяйственных культур, что можно было наблюдать во время нашей поездки по стране.

О трудолюбии вьетнамских крестьян можно говорить долго, но представляется, что о нём наиболее ярко свидетельствует следующий факт. В километрах сорока от Ханоя в уезде Мелинь мы увидели огромное поле, края которого терялись где-то за горизонтом. Оно было плотно засажено какими-то прямыми растениями метра полтора высотой, среди которых едва можно было различить головы вьетнамских женщин в традиционных наонах (соломенных шляпах). На вершине каждого растения красовался белый набалдашник. И таких растений было несколько тысяч, если не десятков тысяч! При ближайшем рассмотрении оказалось, что это очень высокие розы с одним цветком, каждый из которых был плотно обёрнут бумагой. Как нам объяснили вьетнамки, это было сделано для того, чтобы бутон не раскрылся до того, как роза не будет срезана!

В зависимости от региона вдоль дороги простираются то заливные, то просто орошаемые с помощью сети каналов рисовые поля, поля с овощными и бахчевыми культурами, кокосовые и банановые рощи и многое другое. Однако одним из самых ярких впечатлений, связанных с этими полями, стали не сельскохозяйственные культуры, а захоронения. Известно, что погребальный

обряд является тем культурным явлением, которое наиболее полно и долго сохраняет традиции того или иного общества;; вьетнамское в этом смысле не исключение. В городах, как и во всём мире, вьетнамцы хоронят своих покойников на кладбищах. Точно также на кладбищах их хоронят вьетнамские католики — южане. Как правило, места для кладбищ выбирают холмистые с хорошим обзором. Никаких высоких стен или ограждений у них нет. Могилы достаточно типичные: прямоугольная плоская или с выпуклым верхом каменная плита, к которой спереди примыкает также прямоугольная плита с описанием деяний покойника. Иногда на ней также имеется его фотография. Социальное и материальное положение погребённого определяется материалом, из которого сделаны плиты, а также пространностью надписей. Рядом с богатыми захоронениями могут находиться бедные. Нередки и анонимные захоронения, где на плите просто написано «Без имени». Свежие могилы, как правило, украшены лентами, венками и флагами буддийских цветов. В одном месте в Южном Вьетнаме относительно недалеко от Хошимина мы столкнулись со своеобразным кладбищенским «гибридом». В этом месте традиционное кладбище примыкает непосредственно к дороге, за которым находится католическое, связанное с ним особой дорожкой — переходом.

Наибольшее же впечатление на нас произвели сельские захоронения в Северном и большей части Центрального Вьетнама. Достаточно часто на рисовых полях встречаются одиночные могилы или их группы, в которых количество могил достигает десяти — пятнадцати единиц. Сохраняя традиционную форму памятников, эти могилы могут иметь каменную беседку, в которой находится плита (мини-стела) с надписью. Они также могут иметь каменное ограждение, защищающее их от воды на заливных полях. При этом все они находятся в пределах видимости из какого-либо дома. Оказалось, что это — так называемые вторичные захоронения. Согласно традиции, вьетнамские крестьяне хоронят умершего рядом с его домом, а место его захоронения отмечают малозаметным знаком. Через три года тело выкапывают, очищают сохранившиеся кости и хоронят их в поле в пределах видимости домов родни усопшего. Такие могилы

встречаются не только на рисовых полях низменности Северного Вьетнама, но и на террасных полях предгорий и горных долин. На сегодняшний день власти СРВ пытаются приучить вьетнамцев хоронить своих близких на кладбищах, но, видимо, победить традицию и религиозные представления крайне сложно, так как мы сталкивались с «полевыми» могилами 2008—2010 гг. и даже 2011 года.

Не секрет, что наиболее распространённой во Вьетнаме религией является буддизм в форме буддизма школы Созерцания.¹ Но при этом в традиционном вьетнамском обществе широко распространены местные культы, прежде всего — культ предков. В каждом доме на почётном месте стоит алтарь предков, перед которым воскуряются благовония, а во дворах домов на столбах стоят специальные алтари для защиты дома от злых духов. На задних дворах более зажиточных домов, особенно в Центральном Вьетнаме в районе Хюэ, стоят собственные поминальные храмы культа предков. Интересно, что такие алтари культа предков находятся как перед входом в квартиры, так и в самих квартирах вьетнамских китайцев — *хуацяо* в районе Тёлон города Хошимин.

Наконец, крайне интересен момент сочетания государственной и религиозной идеологий. Как известно, во Вьетнаме церковь официально отделена от государства. Тем не менее, в Нячанге во время одного из праздников мы увидели на каменной арке перед католическим храмом государственный флаг СРВ, развевающийся рядом со скульптурами Девы Марии и Георгия Победоносца! Вряд ли можно предположить, что флаг был водружён по указанию местных партийных или городских властей. Более того, в Южном Вьетнаме практически не существует различия между общинными поминальными храмами (*ден*) и общинными домами (*динь*), в которых вьетнамцы проводят много времени и собираются на совместные трапезы. В особых помещениях этих храмов — общинных домов находится не только алтарь того, кому посвящён этот храм, но и алтари обожествлённых исторических деятелей, которым поклоняются и у которых просят помощи. Так вот, во дворах всех храмов стоят флагштоки с буддийским флагом и государственным флагом

СРВ, а в числе обожествлённых лиц много политических и общественных деятелей XIX—XX вв., прославившихся своей борьбой за независимость страны, среди которых особое место занимает Хо Ши Мин! Типичным образцом такого общинного поминального храма — дома является поминальный храм XVIII века рода Нгуенов² в общине Футы уезда Фухынг провинции Бенче.

И, наконец, последнее, о чём хотелось бы сказать в этом кратком очерке. Весь современный Вьетнам с севера на юг выглядит как перманентная стройка. Строятся дома, дороги, предприятия и многое другое. Стройка идёт не только в крупных городах, но и в провинциях. Так, в горах Каобанга мы видели строительство крупной гидроэлектростанции, в Центральном Вьетнаме — новых дорог и повсюду — строительство домов, при этом — весьма специфических. Эти дома выглядят как вытянутые параллелепипеды шириной в одну и длиной в три — пять комнат. Как правило, фасад этих домов представляет собой террасу-комнату без передней стены, а вместо внутренней стены стоят раздвижные двери. В боковых стенах дома либо окон вообще нет, либо они очень маленькие, тогда как в его задней стене прорублено очень большое окно, закрытое регулируемой, как в кондиционере, решёткой. Вследствие такой конструкции в основных комнатах дома летом всегда прохладно, а зимой в них сохраняется тепло. Обычно такие частные дома имеют от одного до четырёх этажей, но иногда в случаях с пригородными гостиницами они достигают десяти и более этажей. Интересно отметить, что в старых кварталах городов Северного Вьетнама, включая Ханой, большие дома внешне имеют точно такую же конструкцию. Каждый подъезд выглядит как отдельный дом, примыкающий к соседнему дому-подъезду. Надо полагать, что эту конструкцию следует связывать с повсеместным началом строительства каменных домов во Вьетнаме при французах в начале XX века. Вероятно, она идеально соответствует климату Северного и северной части Центрального Вьетнама, так как в Южном Вьетнаме такие дома почти не встречаются.

И последнее — люди. То, что пережили вьетнамцы в современной истории, трудно себе представить. При этом надо понимать, что накопившиеся за тридцать пять лет непрерывных войн

с Японией, Францией, США и КНР проблемы продолжают тяжёлым бременем лежать на вьетнамском обществе. И, тем не менее, редко приходится встречать столь доброжелательных и открытых людей. Речь идёт не об официозе, а о простых людях. В какой бы дом или в какой бы храм — общинный дом мы не заходили незваными гостями, нас везде встречали улыбкой, разрешали фотографировать всё, что мы хотели, и нередко пытались усадить с собой за стол. И так было везде — на Севере, в Центре, на Юге, в деревнях и уездных и провинциальных центрах...

Пожалуй, это самое яркое впечатление от нашего месячного путешествия по Вьетнаму, в жизни которого причудливо переплелись многовековые традиции и новейшие достижения науки и техники.

Примечания

¹ Вьетнамское «Тхиен», китайское «Чань», японское «Цзэн».

² Представители этого рода стали основателями последней вьетнамской императорской династии (1802—1945 гг.)

Е.А. Марченко

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМА

Политическая культура — один из важнейших факторов социально-политической жизни любой страны, это накопленный опыт поколений народа в его общении с властью, который складывается веками и не может быть значительно модифицирован за несколько лет. Основы политической культуры составляют традиции: восприятия власти, коммуникации с властью, воспроизводства власти, а также самоидентификации народа, легитимации власти и мобилизации населения.

Сегодня магистральным путем движения вьетнамского государства и общества объявлена модернизация и интеграция в мировое сообщество, в последние годы все чаще и настойчивее дополняемые условием: «при обязательном сохранении культурной самобытности и прекрасных традиций вьетнамского народа»^{1,2}.

В статье сделана попытка определить набор исконно присущих вьетнамской политической культуре традиций, характерных черт вьетнамской политической культуры, как общеригиональных, так и самобытных, которые до сих пор играют роль в политическом процессе и в повседневной жизни граждан страны.

Вьетнамцы представляют собой относительно гомогенный этнос. Подавляющее большинство традиций носят общенациональный характер и развивались со времен компактного проживания вьетнамцев в дельте Красной реки: региональные различия в язы-

ке, менталитете, кухне и преобладающих конфессиях присутствуют, но говорить о существовании южновьетнамского субэтнуса с отдельными исконными традициями было бы некорректно.

Географически и исторически Вьетнам принадлежит к Юго-Восточной Азии, при этом культурно тяготеет к китайскому ареалу, а не к ареалу распространения индийского культурного влияния и буддизма тхеравады.

Анализ элементов политической культуры Вьетнама требует знания в общих чертах политических культур соседних стран и народов, их основных общих черт для выделения как специфических проявлений общих черт, так и исключительных, чисто вьетнамских явлений.

Для всех восточноазиатских государств характерны черты **патримониальной государственности**, где власть по-отечески должна заботиться о благе народа. Никакого гражданского общества, диалога с властью на равных здесь быть не могло. Права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, права индивида по отношению к государству отсутствовали.³ Данная черта характерна не только для конфуцианского ареала (Китай, Тайвань, Сингапур, Вьетнам), но и для буддийского (Таиланд, Камбоджа, Лаос, Мьянма), индуистского (изначально Индонезия, Малайзия) и других (Филиппины, Бруней и т. д.). Отсюда респонсивно-репрессивные⁴, а не партнерские отношения власть-общество во Вьетнаме.

Общей чертой менталитета является преобладание **коллективистского сознания** и представления об аморальности индивидуализма. В прошлом единственный способ выживания, коллективизм в наши дни в некоторых странах стал залогом успеха и подъема экономики. Во Вьетнаме коллективизм проявляется весьма отчетливо.

Представления о **естественности иерархического строения общества** характерны для всех не-западных стран, но для стран индуистской и конфуцианской культуры — особенно. Иерархия выстраивается как во внешне-, так и во внутривластной сфере, а также в сознании каждого отдельного члена общества.

Традиционно для рассматриваемого региона и неприятие оппозиционных выступлений, открытого конфликта и соперничества, видение оппозиции как отклонения от нормы, опасно-

сти для общества. Соответственно притеснение властями оппозиции находит понимание и поддержку в массе вьетнамского общества, которое едино с властью в стремлении **сохранить гармонию и стабильность** этого самого общества.

Приверженность религиозным (или **морально-этическим**) **нормам** поведения и суждения в социально-политической сфере является общей особенностью всех не-западных обществ, и в Юго-Восточной Азии она отчетливо проявляется. Воспитание послушного и патриотичного члена общества является в странах региона задачей как системы образования, так и средств массовой информации, общественных организаций и даже семьи. Многие процессы носят показательный характер, критика подавляется, плюрализм не поощряется. Все это так или иначе связано с приверженностью общей морально-этической (а не юридической) норме.

При этом для Вьетнама в меньшей степени, чем для других стран в регионе, характерно влияние полиэтничности и поликонфессиональности на политический процесс. Здесь титульная нация составляет 86 % населения, другие этнические группы не превышают каждая 2 % населения, а их интересы более или менее учитываются властями, что не позволяет неудовлетворенности накапливаться и превращаться в угрозу. Конфессиональные различия представлены прежде всего 6 млн католиков (в основном на юге Вьетнама).

Вестернизация, несомненно, является общим для всех стран региона и вообще всех не-западных стран фактором мощного влияния на культуру, в том числе политическую. Вьетнам также, еще со времен французского господства и до сих пор, подвергается влиянию вестернизации.

В целом Вьетнам органично вписывается в свой регион по основным общим чертам политической культуры, что обусловлено географической близостью, общим ходом исторического развития, культурным взаимодействием, схожим способом ведения хозяйства — всеми этими факторами в комплексе.

Отдельные черты политической культуры, общие для стран Юго-Восточной и Восточной Азии, нашли во вьетнамской политической культуре индивидуальное проявление.

Несомненно, что вьетнамская культура испытала огромное влияние китайской культуры, а точнее, китайской культуры первого тысячелетия нашей эры. **Конфуцианская этика** во многом определяет отношения в рамках социальной иерархии и по сей день. Из Китая во Вьетнам проникли буддизм махаяны, учение Конфуция, многие институты государственного управления и организации власти, социальные нормы и обычаи. Применение конфуцианских принципов оказалось исключительно эффективным в управлении и поэтому было взято на вооружение во Вьетнаме на достаточно раннем этапе, благодаря характерной для вьетнамцев практичности. Все заимствования во Вьетнаме подверглись модификации и адаптации к местным условиям, но нельзя не признать, что всюду во вьетнамской культуре просматривается «китайский след». В последнее время во Вьетнаме особенно усиливается национализм и стремление к самоутверждению перед Китаем. Вьетнамские ученые и публицисты, не отрицая основополагающего значения для вьетнамской культуры заимствованной в Китае конфуцианской этики, стараются подчеркнуть ряд ее элементов, не усвоенных или отвергнутых вьетнамской культурой, показать их в негативном свете, подчеркнув в противовес вьетнамские «глубинные пласты». Например, верность стране, родине, в противовес конфуцианской личной преданности правителю, хозяину, эгалитаризм общины в противовес сословности феодального Китая.

Нельзя не упомянуть о таком традиционном институте, как **монархия**. Хотя институт монархии во Вьетнаме прекратил свое существование более полувека назад, в исторической памяти народа остается его влияние, поскольку он был центральным элементом политической системы доколониального и колониального Вьетнама, одним из ключевых элементов политической культуры. Ниша, занимаемая институтом монархии в политическом сознании народа, столь велика, что, при десакрализации института и его ликвидации эту нишу в той или иной степени неизбежно занимает другой институт. Упразднение монархии во Вьетнаме в 1945 г. сопровождалось передачей символической власти Вьетмину, которая была очень эффективна с точки зрения легитимации новой элиты. Вьетминь потом эволюциониро-

вал в Отечественный фронт Вьетнама, основной силой которого является Партия, которая наследует остатки сакрального облика монархической власти и, главное, выполняет функцию духовного единения нации.

Исконно вьетнамские национальные традиции можно схематично объединить в три комплекса: традиции патриотизма и отстаивания национальной самобытности, культ предков и исключительное положение семьи в национальной культуре. Указанный набор традиций является основанием такого явления, как общий патриотизм, любовь к родине и ощущение всеобщей сопричастности у вьетнамцев, а оно, в свою очередь, составляет культурную основу как одну из основ независимости Вьетнама, которые можно условно объединить в четыре группы: военная (военный потенциал государства), геополитическая (позиции мировых держав и соседних стран по этой проблеме), культурная и идеологическая (которая, в свою очередь, опирается на культурную, но не сводится к ней).

В переломные моменты общество апеллирует к базисным духовным ценностям, прежде всего, к национальной культуре и традиционным религиозным и этическим ценностям.⁵ Для большинства людей культурная **самоидентификация** — самая важная вещь⁶. Именно она определяет модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта и именно «вопросы идентификации являются предметом интереса политики»⁷. Механизмы самоидентификации в разных обществах и в разное время могут быть разными, основанными на религии (протестанты в Европе в Новое время), на общей цели или — позже — «мечте» (американцы), на признании одного суверена (империи). Но в азиатских обществах, особенно современных, особенно постколониальных, основой для самоидентификации всегда служат традиции прошлого, базовые культурные ценности.⁸

Современное вьетнамское государство отличается сильной исторической инерцией — оно впитало в себя многие стереотипы и черты прошлого⁹, а по оценкам некоторых западных ученых, «во Вьетнаме настоящее — это прошлое»¹⁰. Традиции давнего и недавнего прошлого умело используются вьетнамскими руководителями благодаря присущей всем вьетнамцам удивитель-

тельной способности к адаптации. Успешная адаптация и интеграция традиций прошлого, иногда даже не связанных с политической напрямую, в повседневную жизнь вьетнамского общества — процесс отчасти естественный и спонтанный, но в большей мере контролируемый и направляемый.

Основным условием жизнеспособности политической элиты, носителя политической власти на данном этапе политического процесса, является, безусловно, **легитимность** — соответствие политической власти основным ценностям большинства общества и его устремлениям. Независимо от того что нужно легитимировать, одним из основных инструментов легитимации является традиция. Во Вьетнаме сложилась традиция? связанная с коммунистической партией и социалистическим режимом. Видный западный исследователь, специалист по Вьетнаму и ЮВА, КарлайлТэйер считает, что с 1986 г. легитимность вьетнамской однопартийной системы подпитывалась из нескольких источников, таких, как харизматическая фигура лидера (Хо Ши Мина) и его наследие, успех в противостоянии мощным захватническим вторжениям во Вьетнам, а также достижения правящего режима: эффективное снижение уровня бедности и высокие темпы роста экономики. В последнее время однопартийная система старается выстроить новую грань легитимности на основе «главенства закона» и конституционализма.¹¹ Однако закон законом, а старые методы до сих пор кажутся вернее и эффективнее. Новые концепции разрабатываются, внедряются, но не сменяют старые ценности и традиции, а дополняют их, пользуясь их многовековой укорененностью во вьетнамском обществе.

По мнению российского ученого Г.Ф. Мурашевой, в доколониальную эпоху главными доказательствами легитимности во Вьетнаме были преемственность власти, достижения в укреплении государственности, сохранение территориальной целостности страны, победы над иноземцами собственными силами и опора на собственные силы во внутренних и внешних делах.¹² Очевидно, что указанные традиции легитимности продолжают быть актуальными и в наши дни.

Анализ вьетнамского научного подхода к легитимности представляется затруднительным по причине отсутствия самого по-

нения «легитимность» во вьетнамском языке. При переводе слово «легитимность» передается как «законность», что не является аналогом легитимности. Собственный термин еще не выработан во вьетнамской политологии, которую, строго говоря, еще нельзя считать окончательно оформившейся, так как собственно ученых-политологов во Вьетнаме пока нет, все они приходят из смежных научных сфер — юриспруденции, культурологии, истории, военного дела. Однако сама проблема легитимности власти, «право» той или иной элиты удерживать власть и управлять народом, затрагивается во вьетнамской научной литературе и публицистике. Условно она обозначается как «обоснование власти», «основа, причина, по которой правитель может пользоваться народным доверием», что, в целом, соответствует понятию легитимности. По мнению вьетнамских ученых, соблюдение принципа «заботиться о народе, народ — корень всего» является ключевым для поддержания легитимности власти, ее стабильности¹³. Опора на народ является необходимым условием удержания власти, защита национальных интересов — неперемнная задача для правящего класса. Власть, не справляющаяся с этой задачей, лишается авторитета и права на управление народом.

Широко известна цитата из наследия Нгуен Чая: «Народ — как вода, власть — как лодка. Вода лодку несет, но может и перевернуть», «только когда лодка перевернется, узнаешь, что народ как вода»¹⁴. При этом немаловажно, что слово «вода» и слово «страна» являются омонимами во вьетнамском языке.

Если говорить о **модели политического участия**, то на первый взгляд вьетнамцы могут показаться в массе своей аполитичным, то есть апатичными к политике, подходящими под парохиаальный тип из трех типов политической культуры Алмонда и Вербы. Однако это поверхностная оценка. Большинству вьетнамцев чужда политика западного стиля, основанная на споре и конфликте, соперничестве и партнерстве, динамической смене ролей в отношениях государства и общества. Другое дело, если встать на позицию культурного релятивизма и посмотреть на политическое поведение вьетнамцев их глазами: «будучи жителем страны, называемой страной Юга, то есть на юге от мощнейшей державы, всегда готовой к вторжению и завоеванию,

каким образом можно оставаться вне политики, над политикой?».¹⁵ Политикой для вьетнамца стала оборона, политическими интересами — интересы государства. Народ, способный быстро мобилизоваться на решение общегосударственных задач, способный жертвовать личными интересами, к тому же до сих пор не глубоко вошедшими в привычную жизнь, не вникающий в повседневную политику и пока не осознающий базовые гражданские права — такой народ чрезвычайно удобен для власти.

Чтобы сохранить такие качества политического поведения народа, власть должна неустанно работать над политическим воспитанием граждан, преодолевая усиливающееся воздействие культуры общества потребления, достатка и западную пропаганду приоритета прав человека. Судя по ситуации на сегодняшний день, эта мирная борьба идет с переменным успехом, но идеалы «общее выше личного» и «патриотическое мышление» уже не находят живого отклика в рядах нового поколения людей, родившихся в 1990-е годы.

И по сей день распространен подход в либеральной политологии, согласно которому только демократия — форма правления, необходимая и достаточная для эффективного управления и развития, а все общества рано или поздно по мере своего развития должны двигаться к демократии. Перед западными политологами применительно к Вьетнаму возникает конфликт: несоответствие между недостатком демократических институтов и механизмов и позитивными сдвигами в развитии и управлении. Австралийский ученый Б. Керквлиет, проанализировав развитие двух стран — Вьетнама и Филиппин, делает смелый вывод, что демократические институты не обязательно необходимы для улучшения благосостояния людей, для отчетности государственных органов и для влияния граждан на принятие решений национального масштаба.¹⁶ Необходимо другое — **отношения между государством и обществом**, между властями и гражданами. Во Вьетнаме понятия «общество», «граждане» часто отождествляют с понятием «народ». По крайней мере, именно это слово употребляется в СМИ, в программных документах и в речи представителей власти. Когда отношения между властями и населением достаточно позитивны и основаны на диалоге, развитие и эф-

фактивное управление будут наблюдаться и при недостатке или отсутствии демократии в привычном понимании этого термина. Это и есть «респонсивно-репрессивное» государство.¹⁷ Постепенно и совокупно малые, неорганизованные, часто непреднамеренные политические действия (повседневная политика) вносят вклад в изменение государственного политического курса. Это определение подходит и к религиозным практикам, и к национальным традициям.

По мнению В.М. Мазырина, отличительной чертой вьетнамской политической системы являются традиционная послушность и доверие населения к правящей элите, прежде всего к компартии, и способность последней к мимикрии и эволюции¹⁸. Он указывает на своеобразие вьетнамской политической культуры в силу определенных приоритетов, не включающих активное участие народа в процессе формирования элит или свободное волеизъявление: демократия западного образца пока не востребована, для этого должны созреть основные внутренние условия в виде правовой грамотности, демократического сознания и опыта, повышения общественной самостоятельности¹⁹. Значительные ограничения демократических институтов в СРВ следует рассматривать не как аномалию, несоответствие «передовым» образцам, а как типичную черту стран, в которых отношения государства и общества основаны на патернализме.

Для понимания современной политической культуры Вьетнама полезно взглянуть на ее проявления до Августовской революции, в эпоху, которую во Вьетнаме принято называть «феодалной». Нго Хыу Тхой в книге «Вьетнамский национализм» выводит схему политического мироустройства традиционного Вьетнама: триаду Небо (Trời) — Император (Vua) — Народ (Dân). «Национальная концепция, таким образом, была ни чем иным, как политико-религиозной концепцией, и вся соответствующая социальная активность была сосредоточена на верности верховному властителю, связующему звену между Небом и Народом»²⁰. Схема отношений «власть — народ» важна для нас с той точки зрения, что при определенных допущениях можно предположить, что она осталась в политическом сознании вьетнамцев и неявно поддерживается правящими кругами в моди-

фицированном виде: Партия (Đảng) — Правительство-Государство (Nhà nước) — Народ (Dân). В любом обществе, а тем более восточноазиатском, гораздо удобнее и вернее взять уже имеющуюся традицию и модифицировать ее, незаметно положить в основу современной системы, чем вводить совершенно новую практику и превращать ее в традицию.

Восприимчивость вьетнамцев к лозунгам и участию в общенациональных движениях объясняется другой особенностью вьетнамской политической культуры — **мифологичностью сознания**. Например, идея «строительства страны» имеет в случае Вьетнама вполне определенное выражение — основание вьетского государства приписывается полулегендарной династии Хунг Вьонгов, мифические персонажи и события плавно и безразрывно перетекают в исторически достоверную хронику. В политическом сознании вьетнамцев, вплоть до научной элиты, специалистов-историков, политологов, партийных и государственных деятелей, отсутствует конфликт между мифологизированной и объективной реальностью, не ставится задача доказать или опровергнуть их реальное существование. Не только лидеры устраивают сложившиеся представления, но общество не видит необходимости в сугубо научном подходе, который грозит внести неопределенность и пошатнуть этнокультурные устои.

Можно уверенно говорить об успешном применении государственной мифологии, эффективность которой складывается из долгой традиции преемственности и последовательной поддержки со стороны политических элит. Причины эффективности также лежат глубоко в социо-психологических особенностях вьетнамцев: им присуще добровольно поддаваться самообману (до определенной степени) ради сохранения гармонии — социальной, семейной, личностной, а также в других целях. Яркий тому пример — уже завершившийся процесс сакрализации Хо Ши Мина, превращение его в национального духа-героя, по словам О.В. Новаковой, «возведение в статус духа-покровителя нации»²¹.

Приоритет национальной независимости. В самом Вьетнаме вьетнамскую политическую культуру ученые начали анализировать с научных позиций совсем недавно, и общепринятой стала

следующая точка зрения: ввиду особенностей географического положения и исторического развития квинтэссенцией политики во Вьетнаме всегда была государственная оборона, поэтому политическая культура Вьетнама постоянно была ориентирована на противостояние вторжению захватчиков.²² Идеологема «строить страну, защищать страну» возникла в ранние времена и сохраняет значение в наши дни — это одна из ключевых формул в речи руководителей государства всех уровней, понятная и знакомая народу.

По мнению В.М. Мазырина, «фактор сплочения и консолидации перед лицом внешней угрозы обусловил раннее появление государства во Вьетнаме, способствовал формированию у местного населения представлений о своей стране как о единой семье, оборонного сознания, стремления противостоять чужеродному влиянию и тем более грубому давлению, агрессии»²³. «Оборонное сознание» — это и приоритет обеспечения безопасности, независимости над потребностями развития экономики, общества и т. п., и трепетное отношение к территориальной целостности (в отличие от, например, Камбоджи в прошлом, где территория имела второстепенное значение по отношению к населению, а четкое обозначение государственных границ не считалось необходимым), высокая степень патриотизма, в том числе на бытовом уровне, всех слоев вьетнамского общества (в отличие от современного общества российского, например). Хо Ши Мин сформулировал идеологическую основу этой черты национального характера в своей самой известной фразе: «Нет ничего дороже независимости, свободы!».

Укрепление обороноспособности страны осуществляется не только по линии закупки вооружений и модернизации Вьетнамской народной армии (ВНА), но и по линии пропаганды и агитации²⁴ патриотических ценностей. Основополагающим фактом является именно соседство с Китаем: в сознании вьетнамцев «Франция была врагом сотню лет, Америка лишь десять лет, а северный сосед — наш тысячелетний враг». Внешняя угроза никуда не исчезла, а лишь ненадолго снята с повестки дня. Националистические настроения в поддержку суверенитета и призывы к укреплению обороны особенно оживились в последние годы,

когда северный сосед часто позволяет себе идти на провокации, претендуя не просто на доминирование, а на владение Южно-Китайским морем.

Вьетнамцы за долгую историю подчинения и противостояния северному соседу успешно преодолели угрозу этнической и культурной ассимиляции. Австралийский исследователь Дэвид Марр определил, что «вьетнамцы культурно схожи с китайцами, исторически испытывали их культурное влияние, но сохраняли собственный язык и противостояли китайскому политическому господству»²⁵. Принимая во внимание феноменальную способность китайской классической культуры к постепенной, но полной ассимиляции подчиненных народов, **сохранение вьетнамской самобытности** и языка (при использовании китайской письменности) является показательным. Вьетнамский ученый Фан Нгок поясняет исконно вьетнамский метод противостояния ассимиляции именно как метод «приобщения к культуре ради удержания независимости», и этот метод «является самым мудрым из тех, что возможно себе представить»²⁶.

По словам другого вьетнамского ученого Нгуен Тхе Кыонга, «для небольшой страны и немногочисленного народа, постоянно вынужденного отражать внешнюю агрессию или экспансию более развитой культуры, стремящейся к ассимиляции, единственным путем сохранения нации было сохранение самобытности и укрепление национальной культуры»²⁷. Феномен сохранения вьетнамской самобытности в условиях постоянно нависающей угрозы ассимиляции он объясняет цельностью вьетнамской **деревенской общины**: «сохранение организации самоуправляемой и достаточно замкнутой деревенской общины, где родственные и соседские связи обеспечивали сильнейшую сплоченность сообщества»²⁸. Такая точка зрения стала общепринятой во вьетнамской политической и исторической науке, например, в пособии по политической культуре Вьетнама говорится, что «любовь к стране, любовь к Родине — это прежде всего *любовь к своей общине*»²⁹.

По мнению отечественного исследователя Г.Ф. Мурашевой: «Институтом, в значительной мере блокировавшим тотальное проникновение чуждой культуры в глубинные слои народа,

была вьетнамская сельская община, которая пользовалась относительной политической и культурной автономией». Именно общинные связи, формировавшиеся веками, определяли характерное для вьетнамского общества единство, тесные контакты людей друг с другом и властью, в том числе верховной, чувство патриотизма как черту национального характера.³⁰

Вьетнамский ученый Динь Нгок Вьонг, анализируя проблему правосознания жителя общины, приводит вьетнамскую поговорку: «указ короля уступает обычаю деревни», и она точно передает всю идеологию сообщества сельских жителей, их представления о содержании, роли и сфере действия государственных законов, которые понимаются как второстепенные, подчиненные кодексам деревенской жизни. Кроме того, органы власти на местах создавались в привязке к ранее существовавшей структуре самоуправления и при опоре на нее. Государство шло на уступки, но добивалось результатов. Имея дело со всем коллективом жителей деревни, оно не касалось каждого индивида или каждой отдельной семьи. На общину возлагались определенные обязанности и повинности, а распределяла их внутри себя община самостоятельно³¹.

Национальную оборону в контексте вьетнамской традиционной государственной идеологии целесообразно рассматривать как некий культ, элементами которого являются обоженные герои вьетнамского сопротивления нашествиям извне. Как культ и предков, **культ защитников родины** четко просматривается на государственном уровне. Элементами культа, его воплощениями являются основатели страны Хунг Вьонги, Фу Донг или дух Зяунг (thần Gióng), сестры Чынг (Hai Bà Trưng), Чиеу Чинь Ньонг (bà Triệu), Динь Тиен Хоанг или Динь Бо Линь (Đinh Tiên Hoàng), Чан Куок Туан (известный по посмертному имени Чан Хынг Дао — Trần Hưng Đạo), Нгуен Чай (Nguyễn Trãi), ЛеЛой (Lê Lợi), Нгуен Хюэ — император КуангЧунг (Quang Trung), Хо Ши Мин (Hồ Chí Minh). Здесь же нельзя не упомянуть дух Золотой Черепахи — Ким Куи, по меньшей мере дважды фигурирующей в эпосах о национальной обороне в качестве ключевой фигуры. Почти все духи-защитники имеют вполне реальные прототипы, зафиксированные в нескольких

летописных сводах. Некоторые из них жили буквально вчера — в середине XX в., в частности, Хо Ши Мин (1890—1969) или, на местном уровне, героиня партизанской борьбы Мак Тхи Бьой (1927—1955)³².

Вьетнамская политическая наука связывает национальную оборону с самоидентификацией народа: «Национальное самосознание вьетнамцев проявилось в мифах и исторических событиях, таких как восстание сестер Чынг, достижения Ли Тхьонг Киета, победы императора Куанг Чунга и т.п.»³³ Именно уважение исторического прошлого в целом и его носителей (героев, видных государственных деятелей, полководцев и ученых) лежит в основе чувства национальной гордости и достоинства³⁴, недостатком которых так часто страдают многие страны. Вьетнам не из их числа.

Закон «О государственной обороне» 2005 г. определяет государственную оборону как «дело сохранения страны силами всего народа в комплексе, при этом военная сила особенно важна, а народные вооруженные силы являются ядром». «Сила государственной обороны — в ее всенародности, которая строится на основе людских, материальных ресурсов и духа всенародности, всеобщности, независимости, суверенитета и опоры на собственные силы»³⁵.

Этот правовой документ отражает национальный характер и особенность политической культуры, а именно — коллективный характер обороны, всеобщую сопричастность к защите государства. Тот же закон фиксирует обязательность «оборонного воспитания» (не военного, а именно оборонного) как одного из предметов основного расписания в образовательных учреждениях, начиная с 3-й ступени средней школы, то есть примерно с 15-летнего возраста. Этот предмет потом также входит в основное расписание занятий в вузах.

Главным механизмом обеспечения упомянутой «всеобщей сопричастности к защите государства» считается **механизм «великого всенародного единства»** (đại đoàn kết toàn dân tộc). Именно чувство «великого всенародного единства» прививается вьетнамцам со школьной скамьи в процессе политической социализации, не оставляя легального поля для плюрализма, конкурен-

ции политических движений, партий. Критика проводимой политики допускается лишь в том случае, если она не затрагивает основ государственной идеологии и основ легитимности правящей КПВ. Именно жизненной необходимостью сохранения «великого всенародного единства» объясняется решительное неприятие критики и каких бы то ни было призывов к демократизации политической системы извне, т. е. созданию конкуренции правящей партии. Конкуренция значит раскол, прямо противоположный всенародному единству, по мнению идеологов современного Вьетнама. Мотивировка их проста и действенна: раскол и соперничество нанесут урон единству народа, тем самым в решающей степени повлияют на обороноспособность страны вплоть до угрозы потери независимости. Последнее близко и понятно любому вьетнамцу лично и коллективному сознанию народа особенно. Пока эта цепочка ассоциаций работает, правящая партия имеет в руках неоспоримый козырь перед сторонниками введения многопартийной системы. Уязвимость данной цепочки в том, что со временем подрастают новые поколения, и все больше вьетнамцев не испытывали на себе угрозу потери независимости, опасного ослабления государства и не знают, в отличие от своих отцов и дедов, серьезности проблем. Можно предположить, что для молодого поколения апелляция к базовой ценности суверенитета уже в некоторой степени слабее влияет на поступки и настроения.

Понимая проблему, партия и правительство неустанно работают о сохранении «оборонного сознания» и патриотического духа молодежи, чтобы хоть частично замедлить негативные (с точки зрения обороноспособности страны) тенденции. Коллективистский менталитет, основанный на уравнилельной психологии и взаимной поддержке, противостоит нарастающему имущественному расслоению и социальной поляризации. Для вьетнамского государства целью, не менее важной, чем развитие, всегда было и остается сохранение если не относительного социального равенства, то социального равновесия. Поэтому общинные традиции и механизмы используются в государственном управлении СРВ³⁶. Власть стремится к уравнилельному распределению благ, развитию отсталых регионов даже в ущерб

экономической целесообразности; коллективный метод решения всех вопросов, осторожный, взвешенный, даже медлительный подход при выработке позиции, оглядка на мнение окружающих, забота о «сохранении лица» — все это является проявлением общинных традиций в государственном управлении.

Влияние системы мировоззрения и морально-этических ценностей, кодекса общественной иерархии и философских представлений, понимаемых под термином «конфуцианство», на вьетнамскую культуру в целом и политическую культуру в частности огромно. Вклад учения Конфуция в формирование древней и нынешней политической культуры Вьетнама значителен, но не в такой степени, как, например, в политическую культуру самого Китая, Кореи, Сингапура.

Основные коды государственного строительства во Вьетнаме — именно конфуцианские, поскольку идеология конфуцианства нацелена на формирование централизованного, мощного и независимого государства.³⁷ Конфуцианство привнесло во вьетнамскую политическую культуру принципы строгой иерархии, необходимость сохранения лица власти, ставку на образованную элиту, которая управляет государством на основе «высшего знания», в том числе и получаемого из-за границы (само конфуцианство, затем марксизм-ленинизм, теперь — экономические науки)³⁸. Кроме того, нельзя не упомянуть уважение к знаниям, учености: приоритет образования даже при ограниченных материальных возможностях оказывает положительное воздействие на качество вьетнамских кадров, в том числе управленческих. Внешнеполитическая стратегия Вьетнама во все эпохи была в целом основана на конфуцианском учении.

Однако, являясь структурообразующим фактором во вьетнамской политической *системе*, конфуцианство представляется важным, но не первостепенным фактором во вьетнамской политической *культуре*, а также лишь одним из ключевых слоев вьетнамской национальной идентичности. Идея беспрекословного подчинения младшего старшему проявляется больше в семейных отношениях, чем в общественных и политических. Например, как показало исследование группы американских специалистов³⁹, при аналогичной структуре высших партий-

но-государственных органов во Вьетнаме и Китае полномочия их различны: Политбюро ЦК КПК обладает всей полнотой власти при решении ключевых вопросов государственной политики, назначении высших чиновников и проведении реформ, тогда как ЦК лишь оказывает коллективную поддержку высшему органу, которым по отношению к нему является Политбюро; Политбюро ЦК КПВ определяет стратегическую линию, каждый его член несомненно имеет больше политического влияния, чем член ЦК, однако решение ключевых вопросов управления государством, а также кадровая политика на высшем уровне не является прерогативой вьетнамского Политбюро. Для решения важнейших вопросов непременно собирается пленум ЦК, который может и не одобрить предложенный Политбюро вариант действий, а может даже наложить вето на решение Политбюро. Хотя влияние конфуцианства является структурообразующим для политической культуры, однако конфуцианский принцип строгого подчинения уступает принципу коллективного участия в обсуждении и принятии решения. Принцип коллективности в решении вопросов — не что иное, как проявление общинных традиций в государственном управлении. Общинное мышление — ядро вьетнамской идентичности, как было показано в соответствующем разделе выше. Исконно вьетнамская формула «закон правителя слабее обычая деревни» в сугубо конфуцианском обществе была бы невозможна.

Общинные механизмы безусловно тормозят принятие решений. Однако даже американские ученые признают: при принятии решений медлительность оборачивается продуманностью, осторожность — взвешенностью, двусмысленность — гибкостью. Не будучи оптимальным, такой подход остается характерно вьетнамским.

Основным структурообразующим фактором в мироощущении вьетнамцев является **культ предков**. Культ предков не является исключительно вьетнамским институтом, но только во Вьетнаме имеется четко структурированный и пользующийся государственной поддержкой культ общенациональных предков. Скорее всего, традицией почитания предков в немалой степени обусловлено такое принципиально важное явление в по-

литической культуре Вьетнама, как преемственность в сфере государственности.⁴⁰

Связь с прошлым через культ предков, преемственность поколений, широкие семейные связи — все это характерные черты вьетнамского национального генотипа на уровне государственной политики. Вьетнамец всегда ощущал себя гражданином своей страны не в меньшей степени, чем членом своей семьи⁴¹. **Институт семьи**, не община и не личность, во Вьетнаме выполняет роль базового социального института. Кроме того, во Вьетнаме принято сравнивать всю нацию с единой семьей.

Политическая культура Вьетнама вписывается в общее поле разнообразных политических культур стран Юго-Восточной и Восточной Азии, сочетает в себе черты конфуцианского и буддийского ареала, но выделяется собственной спецификой, связанной с изначальной традицией выборочного заимствования и переработки, адаптации наиболее эффективных элементов культуры других народов.

На формирование социально-экономической, а также политической структуры вьетнамского общества решающее влияние оказала китайская культура I тысячелетия н.э. Многие традиции, такие как сильная государственная власть, оказывающая покровительство подданным, необходимость сохранения лица власти, приоритет образования, особенно при занятии должностей в государственном аппарате, сохраняют свое определяющее значение и в наши дни.

Исконным же наполнением политической культуры вьетнамцев являются общинная сплоченность и общинная самодостаточность, как следствие — участие народа (а не гражданина) в политическом процессе, относительно высокая степень подотчетности власти народу в сравнении с другими восточными обществами. Также исконным, изначальным и укрепившимся за века стержнем вьетнамской политической культуры является патриотизм, неуклонная готовность противостоять иностранным захватчикам, стремление отстаивать независимость родины любой ценой. Два этих явления переплетаются друг с другом:

для устойчивого противостояния вторжениям и попыткам ассимиляции необходима сплоченность, а общинная самодостаточность и традиции сохранились только благодаря последовательному отстаиванию культурной самобытности и национальной независимости.

Традиции политической культуры вьетнамцев исключительно хорошо сохранились до настоящего времени и имеют все шансы сохраниться в ближайшем будущем. Основной причиной этого является высокая устойчивость носителя традиций — вьетнамского этноса.

Дух патриотизма и приоритет защиты родины пронизывает вьетнамское общество снизу доверху, поддерживается государственной мифологией и государственной пропагандой. Исключительно важную роль играет также культ духов-покровителей нации, который сегодня отправляется по всей стране. Идея непрерывности вьетнамской истории противостояния внешней угрозе постоянно воспроизводится в государственных институтах, история представляется непрерывным процессом от сотворения вьетнамской нации. Способность защищать страну от захватчиков, обеспечивать благосостояние народа всегда была и остается мерилем легитимности власти во Вьетнаме. Элита, не справляющаяся с решением этих задач, теряет легитимность в глазах народа и может потерять власть.

Культ предков имеет этнообразующее значение для вьетнамцев, он — ядро национальной идентичности. Культ общегосударственных предков является особенностью института культа предков во Вьетнаме.

На современном этапе, на фоне интеграции в мировую экономику, расширения информационного поля, стремительно растущего уровня открытости многие ценности «марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина» девальвируются (в наименьшей степени — идеи Хо Ши Мина, изначально близкие вьетнамским реалиям и понятные вьетнамскому народу, а также пользующиеся активной поддержкой властей), и их нишу приходится заполнять другими — во избежание такого печального явления, как вакуум ценностей, которого во Вьетнаме справедливо опасаются. Для замещения коммунистических ценностей, как ни

странно, лучше всего подходят еще более старые, но до сих пор востребованные народом традиционные ценности, чему способствует небольшая продолжительность и интенсивность разрыва с ними в период активного строительства социализма.

Национальные традиционные ценности играют роль связующего звена между прошлым и настоящим, а также помогают выстраивать путь в будущее для вьетнамской нации. В эпоху перемен все государства, в том числе и Вьетнам, сталкиваются с вызовами, кризисами, острыми вопросами. Успешная национальная самоидентификация избавляет Вьетнам (пока) от угрозы кризиса идентичности. Многослойность вьетнамской политической культуры позволяет искать и находить в самых глубинах культуры чисто вьетнамские ответы на вьетнамские или даже глобальные вызовы. Традиция всеобщей сплоченности и всеобщей сопричастности является основой мобилизационного потенциала и для отпора вторжениям, деструктивному влиянию извне, и для решения других общенациональных задач.

Примечания

¹ Báo cáo chính trị của Ban chấp hành Trung ương Đảng khoá IX tại Đại hội Đại biểu toàn quốc lần thứ X của Đảng, 2006 (Политический доклад ЦК КПВ на X Съезде, 2006 г.)

² Chiến lược phát triển văn hóa đến năm 2020 (Стратегия развития культуры до 2020 г., принятая постановлением Премьер-министра Правительства от 6.05.2009 г.)

³ Политические системы и политические культуры Востока, под ред. Воскресенского А.Д., М., 2007, с.29

⁴ Термин Г. Крауча, применительно к Вьетнаму его впервые употребил Б. Керквлиет: Kerkvliet, Benedict J. Tria. Governance, Development and the Responsive-Repressive State in Vietnam // Forum for Development Studies, Vol. 37, No. 1, March 2010

⁵ Новакова О.В. Вьетнам: поиск культурной идентичности // Губеровские чтения, т. 1, М., 2009, с. 261.

⁶ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 14.

⁷ Там же.

⁸ Тарасов И.С. Политический процесс в переходных обществах, лекционный курс в ИСАА МГУ. 2008.

⁹ Мазырин В.М. Исторические элементы государственности в современном Вьетнаме // Три четверти века, Д.В. Деопику — друзья и ученики. М, 2007, с. 373

¹⁰ Kahin and Lewis. The United States in Vietnam, New York, 1967, p. 325

¹¹ Thayer, Carlyle A. Political Legitimacy of Vietnam's One Party-State. Challenges and Responses // Journal of Current Southeast Asian Affairs, 4/ 2009, pp.47—70

¹² Мурашева Г.Ф. История и современность в политической культуре Вьетнама // Политическая культура и деловая этика стран Востока, М, 2006, с. 166

¹³ Nguyễn Văn Huyền, Nguyễn Hoài Văn, Nguyễn Văn Vĩnh. Bước đầu tìm hiểu giá trị văn hóa chính trị truyền thống Việt Nam, sách chuyên khảo, sách chuyên khảo, Hà Nội, 2009, tr. 92—93

¹⁴ Lý Việt Quang. Nhân dân — động lực chủ yếu để phát triển đất nước theo tư tưởng Hồ Chí Minh, // Вьетнам: интеграция и развитие, Ханой 2008, материалы международной конференции на CD.

¹⁵ Phan Ngọc. Bản sắc văn hóa truyền thống Việt Nam, Hà Nội, 2006, tr.43

¹⁶ Kerkvliet Benedict J. Tria. Governance, Development and the Responsive-Repressive State in Vietnam // Forum for Development Studies, Vol. 37, No. 1, March 2010, pp.33—59

¹⁷ Термин Гарольда Крауча.

¹⁸ В.М. Мазырин, Эволюционная модель общественной трансформации в СРВ // Губеровские чтения, т.1, М, 2009, с. 230.

¹⁹ Там же, с. 231

²⁰ Ngô Hữu Thời. Chủ Nghĩa Quốc gia Việt Nam — Nationalism Vietnamien, Sài Gòn, 1954, tr.4

²¹ Новакова О.В. Вьетнам: поиск культурной идентичности // Губеровские чтения, т.1, М, 2009, с.262

²² Nguyễn Văn Huyền, Nguyễn Hoài Văn, Nguyễn Văn Vĩnh. Bước đầu tìm hiểu giá trị văn hóa chính trị truyền thống Việt Nam, tr. 65

²³ Мазырин В.М. Исторические элементы государственности в современном Вьетнаме, с. 374

²⁴ Слова «пропаганда» и «агитация» не несут отрицательного оттенка во вьетнамском языке.

²⁵ Marr D. Vietnamese Anti-colonialism, 1885—1925, Berkeley, 1971, pp.8—9.

²⁶ Phan Ngọc. *Bản sắc văn hóa truyền thống Việt Nam*, tr.38

²⁷ Nguyễn Thế Cường. *Giao lưu, tiếp biến văn hóa và bảo tồn bản sắc văn hóa Việt Nam trong toàn cầu hóa*, , tr.8 // Вьетнам: интеграция и развитие, Ханой 2008, материалы международной конференции на CD.

²⁸ Там же.

²⁹ Nguyễn Văn Huyền, Nguyễn Hoài Văn, Nguyễn Văn Vinh. *Bước đầu tìm hiểu giá trị văn hóa chính trị truyền thống Việt Nam*, tr. 44.

³⁰ Мурашева Г.Ф. История и современность в политической культуре Вьетнама, с. 152

³¹ Динь НгокВьонг. *Строительство правового государства и гражданского общества в современном Вьетнаме* (пер. Локшин Г.М.).

³² Треглоде, Бенуа де. Новые герои, традиционное почитание: очерк о культуре Мак ТхиБьой, // *Политическая культура и деловая этика стран Востока*, М, 2006, с. 167

³³ Nguyễn Văn Huyền, Nguyễn Hoài Văn, Nguyễn Văn Vinh. *Bước đầu tìm hiểu giá trị văn hóa chính trị truyền thống Việt Nam*, tr. 43.

³⁴ Мазырин В.М. Исторические элементы государственности в современном Вьетнаме // *Три четверти века*. С. 377.

³⁵ Luật Quốc Phòng Số 39/2005/QH11 Ngày 14 Tháng 6 Năm 2005 (Закон «О государственной обороне», Национальное собрание, № 39/2005/QH11)

³⁶ Мазырин В.М. Исторические элементы государственности в современном Вьетнаме. С. 374.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 377.

³⁹ Abrami, Regina M.; Malesky, Edmund; Zheng, Yu. *Accountability and Inequality in Single-Party Regimes: A Comparative Analysis of Vietnam and China*, Working Paper 2008—0130, Weatherhead Center for International Affairs, Harvard University, July 2008

⁴⁰ Мурашева Г.Ф. История и современность в политической культуре Вьетнама. С. 163.

⁴¹ Там же. С. 167.

Часть вторая

ТРАДИЦИОННЫЙ ВЬЕТНАМ

А.Л. Федорин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЬЕТНАМО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В X—XI ВВ.

Период воссоздания и становления в новых условиях вьетнамской государственности, который пришелся на X—XI в., всегда пользовался самым пристальным вниманием со стороны вьетнамских и иностранных историков и по степени освещенности и проработанности занимает одно из первых мест среди прочих исторических этапов, несмотря даже на крайне малое количество информации о тех временах, которое удается извлечь из вьетнамских и китайских источников. Достаточно сказать, что эта тема была одной из основных в творчестве таких корифеев вьетнамской исторической мысли, как Дао Зуи Ань, Хоанг Суан Хан, Фан Хуи Ле, Чан Куок Вьонг. Дискуссии по основополагающим вопросам, связанным с проблемами правления династий Нго, Динь, Ранние Ле и Поздние Ли, продолжают находить свое отражение в выступлениях на многочисленных конференциях и семинарах по данной проблематике, а также на страницах специальных сборников статей и докладов. В России историей Вьетнама X—XI вв. активно и плодотворно занимались и занимаются сразу несколько ведущих истори-

ков-востоковедов, включая одного из основоположников российской вьетнамистики Д.В. Деопика, а также К.Ю. Леонова, А.В. Никитина, П.В. Познера, А.Б. Полякова, М.Ю. Ульянова. За это время было опубликовано немало фундаментальных основополагающих работ по этой теме, сложились вполне устойчивые представления о процессах, происходивших на вьетских территориях в те годы. Большинство выводов, сделанных указанными авторами, нашли свое подтверждение в ходе перевода и комментирования I—IV глав Основных анналов «Полного собрания исторических записок Дайвьета», которые будут представлены в готовящемся к печати III томе перевода этой летописи. В то же время в ходе работы удалось выявить и ряд новых исторических фактов, позволяющих по-иному взглянуть на некоторые процессы, происходившие во вьетнамо-китайских отношениях в то время. То новое, что, как мне кажется, удалось обрести в процессе работы над переводом и комментариями к этим главам, я и попытаюсь изложить в предлагаемом вашему вниманию докладе.

* * *

Восстановление вьетнамской государственности по времени совпало и, во многом было обусловлено крушением централизованной династии Тан (618—907) и очередным периодом смут и раздробленности в Китае, известном в истории как «Эпоха пяти династий» (907—960). Находившиеся на самом краю империи вьетские земли первыми ощутили на себе вакуум власти. После смерти последнего, собственно китайского генерал-губернатора-*цзедуши* Аннама Дугу Суня, в 905 г. власть без всяких восстаний и потрясений оказалась в руках местного уроженца (а таких на протяжении периода «Северной зависимости» среди губернаторов было немало) Кхук Тхья Зу, который, по всей вероятности, получил свою должность вполне официально. По меткому выражению вьетнамского историка Та Тъи Дай Чьонга, началась эпоха «императоров-помещиков»¹: при отсутствии китайских администраторов, присылаемых или назначаемых из центра, и поддерживающих их частей регулярной армии реаль-

ная власть в стране оказалась в руках местных «сильных домов», которые не имели формальных полномочий, но обладали вполне реальными возможностями осуществлять управление, правда, на относительно небольших территориях. Именно из этой категории лиц выходили будущие властители и императоры, именно ими были знаменитые 12 *шыкуанов* конца X в., именно с ними боролись власти вьетнамского государства за централизацию на протяжении X—XII вв. и именно они (в лице «сильного дома» Чан), в конце концов и «похоронили» династию Поздние Ли (1010—1225).

Судя по всему, дом Кхук не претендовал на создание собственного государства. Задачей его представителей было определить, какое из многочисленных царств, созданных на развалинах Танской империи признать своим сюзереном. Ближе всего к вьетским землям на территории современных китайских провинций Гуандун и Гуанси располагалось царство Южных Хань (905—971), по своему потенциалу ненамного превосходящее вьетов. Тем не менее, второй представитель дома Кхук — Кхук Хао (907—911) формально подчинился именно ему. Третий представитель дома Кхук — Кхук Тхья Ми (911—930) решил испросить бирку на управление не у Южных Хань, а у находившейся значительно дальше от его земель династии Поздняя Лян (907—923), совершенно справедливо полагая, что она даже физически не в состоянии оказывать влияние на его территории, и он сможет править так, как захочет, и передавать власть по наследству. Возмущенные этим соседи из царства Южных Хань, через некоторое время, свергли Кхук Тхья Ми и власть во вьетских землях вновь оказалась в руках губернатора, назначенного китайцами (Ли Цзинь, 930—931). Но этот период продолжался совсем недолго. Почувствовавшие на примере дома Кхук вкус власти и самостоятельности «императоры-помещики» очень скоро изгнали пришельцев и попытались сами закрепиться в столице. Впрочем, ни одному из них (Зыонг Динь Нге, 931—937; Киеу Конг Тиен, 937—938) не удавалось это сделать, в первую очередь, в силу узости базы внутри страны, на которую они могли опереться. В определенной степени с этим справился их преемник, также «император-помещик» Нго Куен (939—944),

чей авторитет был подкреплён блестящей победой над Южными Хань в начале 939 г. Новый правитель решил не ограничивать себя статусом простого губернатора и пошел на создание собственного государства и династии, провозгласив себя правителем-*вьонгом*. Именно с этого момента принято считать законченной «Эпоху северной зависимости» и начинать отсчет существования возрожденного самостоятельного вьетнамского государства.

Но период относительной централизации был недолог. После смерти Нго Куена в 944 г. страна вновь оказалась в ситуации феодальной раздробленности, апофеозом которой стала эпоха 12 *шыкуанов* (965—967). Уже феодальные вьетнамские историографы признавали, что описание в хрониках правлений преемников Нго Куена — Зыонг Там Кха (944—950), Нго Сьонг Вана (950—965), Нго Сьонг Нгапа (951—954) и особенно Нго Сьонг Си (965—967), — как правителей единой страны, есть ни что иное, как чисто идеологическая попытка конфуцианцев-националистов позднего времени искусственно продемонстрировать непрерывность «законной преемственности власти» во Вьетнаме уже начиная с дома Нго.

Период относительной децентрализации завершился в 968 г., когда к власти пришел еще один яркий представитель «императоров-помещиков» Динь Бо Линь (968—979).

При описании событий этого времени многие историки невольно исходят из той ситуации, которая сложилась во вьетнамо-китайских отношениях значительно позднее, когда и существующая граница между странами стала вполне устоявшейся, и устремления сторон были более понятными и объяснимыми. Между тем в конце X в. никакой ясности в этих вопросах еще не было. При этом речь идет не только о китайских династиях, которые и слышать не хотели о Вьетнаме как о самостоятельном государстве, но, как это ни парадоксально, и о вьетнамских правителях, для которых единственным реальным примером независимого вьетского государства был Намвьет Чиеу Да со столицей в Гуанчжоу. Его основу составляли земли родственных вьетам народов, где и в X в. процент собственно ханьского населения был относительно невысоким. И те, и другие рассматри-

вали сложившуюся ситуацию, как временную, и всячески пытались переломить ее в свою сторону.

Во времена Нго Куена отношений с китайскими государствами не было. В 954 г. Нго Сыонг Ван вновь признал над собой суверенитет Южных Хань, отправив к ним послов и приняв от них должности генерал-губернатора и наместника-духу, но это было действительно чисто формальное признание, поскольку он даже не допустил приезда на свою территорию посла из Гуанчжоу. В дальнейшем, отношения с северными соседями прервались в силу сложной ситуации и ожесточенных междоусобных войн в самом Китае. Такое положение, по-видимому, вьетнамскую сторону вполне устраивало, и первые свои решения в качестве руководителя новой страны Динь Бо Линь принимал исходя именно из него. Он не стал называть себя *вьонгом* и уж тем более принимать чиновничьи должности от китайцев, но провозгласил себя императором, ввел свою эру правления и, таким образом, открыто заявил о своих претензиях на положение и полномочия, которые много лет назад были у Чиеу Да. Но конъюнктура складывалась для него крайне неблагоприятно. В 60-х годах X века в истории Китая начался новый цикл: к власти пришла династия Сун (960—1279), объединившая под своим руководством большую часть огромной страны. В 971 г. Сунам удалось присоединить территорию Южных Хань, и их войска вышли непосредственно к вьетнамским границам. Динь Бо Линь был поставлен перед дилеммой: либо попытаться счастья в открытом бою с победоносной армией Сунов, недавно разгромивших и более сильных противников, либо попытаться найти компромисс. Он выбрал второе. О предварительных переговорах между сторонами ни вьетнамские, ни китайские источники не пишут. Но они, безусловно, были. И перед вьетнамским правителем были поставлены достаточно жесткие условия: признать себя пусть и наследственным, но лишь удельным правителем, принять от китайцев соответствующие титулы и должности и, что для него было самым тяжелым и унижительным, лично явиться в сунскую столицу и предстать перед императором. При этом и данный вариант Суны, очевидно, рассматривали как промежуточный, но у них возникли серьезные проблемы на северных границах, и вес-

ти сразу несколько больших войн они сочли для себя опасным. Поэтому, проблему возвращения Вьетнама в статус простой провинции было решено отложить на потом.

Динь Бо Линь был вынужден принять условия китайцев. Чтобы самому не покидать страну, он в 971 г. формально передал всю свою власть старшему сыну Динь Лиену, провозгласив его правителем-*выонгом* удельной территории Намвьет², а себя Верховным правителем (т. е. правителем, при жизни отказавшимся от власти в пользу наследника). В конце 972 г. Динь Лиен во главе посольства убыл в сунскую столицу, где его очень тепло приняли. Он и его отец получили самые высокие должности и звания, которые были положены удельным князьям, при этом должности с реальными полномочиями (генерал-губернатор, наместник) получил именно Динь Лиен, а его отцу достался лишь сакральный титул (*Зяотьи-куанвыонг*). В дальнейшем Суны вели переписку и отправляли посольства только к Динь Лиену, рассматривая его как единственного правителя страны.

Так или иначе, но отношения с опасными соседями удалось урегулировать, и можно было сосредоточить силы на консолидации страны. Динь Бо Линь, по-прежнему, оставался единственным и полноправным правителем, распорядившись всем. В 978 г. он назначил своим наследником младшего сына Динь Ханг Ланга. За этим решением, по-видимому, стояло нежелание передавать власть лицу (Динь Лиену), скомпрометировавшему себя, пусть и не по собственной воле, визитом в Китай в качестве подданного Сунов. Динь Лиен оказался этим крайне недоволен и организовал покушение, в результате которого Динь Ханг Ланг был убит (979 г.), но сам никакого наказания за это не понес.

В том же году и Динь Бо Линь, и Динь Лиен были убиты при довольно странных обстоятельствах собственным приближенным, что продемонстрировало всем, как далеко было двору новоявленных правителей до двора подлинных императоров в плане организации своей деятельности, включая безопасность. Все хроники подчеркивают, что смерть двух высших должностных лиц государства была случайной и связана с навязчивой идеей одержимого человека из челяди, что мало похоже на

правду. Впрочем, кто реально стоял за этим убийством, установить за давностью лет все равно не удастся.

Окружение погибшего правителя в сложившейся ситуации повело себя, как и положено «императорам-помещикам», немедленно вступив в ожесточенную борьбу за власть. Победителем из нее вышел командующий войсками Ле Хоан, во многом благодаря содействию и поддержке жены покойного императора, которая вскоре стала женой самого Ле Хоана³.

Формально, власть в стране перешла к младшему сыну Динь Бо Линя — *Вэ-вьонгу* Динь Тоану, которому едва исполнилось 5 лет. Отбирать власть у него никто не собирался: положение признанного регента при малолетнем правителе, к тому же тесно связанного с Верховной императрицей (императрицей-матерью), Ле Хоана вполне устраивало и полностью развязывало ему руки. Однако тут в ситуацию вмешались Суны, которые к тому времени стабилизировали положение на своих северных границах и сочли, что складывается вполне подходящий момент для решения вьетнамской проблемы, которое они ранее отложили. И вьетнамские, и китайские источники при объяснении причин, вызвавших острый двусторонний конфликт, основной упор делают на том, что китайцы были недовольны отстранением от власти молодого правителя, который якобы был помещен в отдельный дворец и содержался там как обыкновенный заключенный. Но подлинную причину мы находим в посланиях Сунов с угрозами: основное их требование сводилось к тому, чтобы либо Динь Тоан вместе со своей матерью, либо сам Ле Хоан немедленно выехали бы в Китай для аудиенции у сунского императора (и таким образом подтвердили свой статус простого удельного князя). Вернуться во Вьетнам Динь Тоан мог уже в сопровождении китайских войск, что во многом упростило бы для Сунов решение стоявшей задачи. Допустить этого Ле Хоан не захотел, поэтому решил пойти на открытый конфликт, несмотря на непредсказуемость его результатов. Чтобы больше не возвращаться к вопросу о власти, накануне выхода вьетнамских войск в поход, его провозгласили императором, причем совершенно очевидно, что сделано это было тогда, когда конфликт с Сунами уже никакими способами погасить было нельзя: сун-

ские армии подошли к границам страны. Динь Тоан, вновь пониженный до *Вэ-выонга*, при этом физически не пострадал. Он дожил до 27 лет и погиб (правда, весьма уместно сразу после кончины своей матери в 1000 г.) во время похода против горцев.

К счастью для Вьетнама, поход сунских войск в 980 г. окончился их бесславным поражением и отступлением. Задачу покорения южных земель Сунам вновь пришлось отложить до лучших времен. Ле Хоан не стал испытывать судьбу, и немедленно отправил свое посольство с предложением о мире. С учетом достигнутой победы ему удалось не только добиться признания себя в качестве правителя, но и повысить свой статус: оставаясь удельным князем, как и правители дома Динь, и получая примерно те же должности и титулы, он добился снятия требования о непременном выезде в сунскую столицу. Теперь такой выезд должен был совершить наследник престола. Это требование было более приемлемым. К тому же, как оказалось, послом можно было отправить просто одного из сыновей, а не обязательно наследника. В 1004 г. такой визит к Сунам совершил младший сын Ле Хоана — Ле Минь Дэ.

В ходе регулярного обмена посольствами Ле Хоан к 994 г. добился полного урегулирования отношений с Сунами и их восстановления на прежнем высоком уровне. Тем не менее, он явно не считал выполненными все задачи, которые стояли перед ним, как правителем Намвьета, наследника того Намвьета, которым управлял Чиеу Да. Осуществить прямой захват прежних территорий было нереально, поэтому основное внимание было уделено налаживанию отношений с горными народами, живущими в пограничных между двумя странами районах, чтобы попытаться с их помощью добиться своих целей. По данным китайских источников, в конце X — начале XI в. со стороны Вьетнама было совершено несколько серьезных и крупномасштабных провокаций, направленных в первую очередь против проживавшего здесь немногочисленного собственно ханьского населения, чиновников и казенных учреждений. Суны не стали отвечать на это аналогичными действиями, но направили к Ле Хоану посольство во главе Ли Жочжо, который в завуалированной форме жестко предостерег вьетнамского правителя от по-

вторения подобных действий, что, судя по дальнейшим событиям, возымело свое действие.

После смерти Ле Хоана в 1005 г. страна вновь, на некоторое время, погрузилась в хаос, главными действующими лицами в котором на этот раз были не «императоры-помещики», а сыновья Ле Хоана, опиравшиеся на свои уделы. Это свидетельствует о том, что в своем стремлении создать сильное централизованное государство, дом Ранние Ле продвинулся значительно дальше дома Динь. В результате многочисленных столкновений со своими братьями и убийства законного наследника Ле Лонг Вьета к власти пришел его родной (в том числе и по матери) младший брат Ле Лонг Динь — фигура чрезвычайно интересная и крайне противоречивая. Ле Лонг Динь (Ле Нгоа-чиеу) является одним из наиболее нелюбимых вьетнамскими летописцами исторических персонажей. Во всех текстах, в том числе и китайских, он характеризуется как жестокий садист и убийца, неадекватность которого, собственно говоря, и привела к падению дома Ранние Ле. Между тем объективный анализ информации, содержащейся как во вьетнамских, так и в китайских источниках показывает, что этот образ во многом возник именно благодаря усилиям средневековой вьетнамской историографии, всеми силами пытавшейся очернить этого императора, чтобы оправдать свержение его династии Ли Конг Уаном, не имевшим никаких иных легитимных прав на престол кроме как необходимость пресечь человеконенавистническую деятельность своего предшественника.

Между тем из информации источников следует, что Ле Лонг Динь был человеком активным и деятельным, со своей четкой программой и целями, которые он собирался достичь. Будущий император продемонстрировал свою решительность и твердую волю в ходе борьбы с братьями за престол. О целеустремленности и собственной позиции Ле Лонг Диня свидетельствует и его политика в отношении Сунов. Он четко выполнил предписанный ему ритуал, и немедленно отправил во главе посольства в Китай своего брата (якобы «наследника») Ле Минь Шыонга с богатой данью. Суны оценили старания нового правителя, и пожалования ему далеко превзошли все то, что ранее предоставля-

лось вновь вступавшим на престол во Вьетнаме. Ле Лонг Динь даже получил от сунского императора новое личное имя — Тыи Чунг («Стремящийся к справедливости»), чему не было прецедентов ни до, ни после. Для этого правителя в Китае впервые специально изготовили печать и верительную бирку⁴. Судя по всему, новый император вел линию на всемерное укрепление и развитие отношений с Сунами, он добивался увеличения товарооборота между двумя странами путем открытия в этих целях новых рынков в Юнчжоу и не получил на это разрешение только из-за опасений Сунов по поводу дальнейшего усиления проникновения вьетнамцев и близких к ним горцев в южные районы Китая, стремление к которому продемонстрировал его отец. Чтобы подчеркнуть свое доброжелательное отношение к Сунам Ле Лонг Динь согласился жениться на китайке, направленной ему через Ле Минь Шыонга (очевидный аналог жень-бы Минь-выонга из династии Чиеу на китайке, что, в конце концов, и стало причиной крушения этой династии).

Явно доброжелательная политика, которую проводил новый император в отношении северного соседа, уберегла его страну от очередного конфликта с Китаем. По свидетельству китайских хроник, власти южных провинций Китая неоднократно призывали сунского императора Чжэнь-цзуна (997—1022) воспользоваться смутой во Вьетнаме и окончательно решить вопрос о его присоединении в качестве одной из провинций. И на решение Сунов не прибегать к этим мерам во многом повлияло быстрое и точное выполнение Ле Лонг Динем, после вступления на престол, всех положенных ритуалов в двусторонних отношениях.

После прихода к власти в 1009 г. Ли Конг Уана Суны, озабоченные множеством других проблем, этот факт решили проигнорировать, хотя поводов для вмешательства во внутренние дела страны было неизмеримо больше, чем, например, в 980 г., когда Ле Хоан никого не свергал и не собирался этого делать. Их вполне удовлетворило полное выполнение новым императором всех ритуалов, которые было положено произвести при переходе власти от одного правителя к другому, и он также получил все, что было ему положено. Не исключено, что благосклонное отношение к узурпатору было в определенной степени обусловлено ки-

тайскими корнями основателя новой династии. Статус правителя при этом не изменился: он по-прежнему числился у Сунов удельным князем, и якобы «наследника» своего он также отправлял послом⁵.

При его сыне и наследнике Ли Дык Тъине (Ли Тхай-тонг, прав. 1028—1054) отношения с сунским Китаем явно претерпевали вполне очевидные и серьезные изменения: правители Намвьета опять начали посматривать на север, замышляя возврат к своим прежним границам. Началось это уже в первый год после его вступления на престол возобновлением уже порядком забытых провокаций на границе двух стран, не прекращавшихся все его правление. Но подобные действия к достижению заветных целей не приближали. Нужна была какая-то более значительная сила, чтобы кардинально изменить ситуацию. И она нашлась. В то время в пограничных с Китаем районах набрали силу племена нунгов, преодолевшие в своем социально-экономическом развитии определенный рубеж и стремящиеся к созданию своей собственной государственности. В 1038 г. их вождь Нунг Тон Фук провозгласил себя императором государства Чаншэн (Чыонгшинь) и недвусмысленно дал понять, что собирается расширить свои пределы за счет прилегающих к его землям равнинных территорий. Ли Тхай-тонг счел появление подобного образования на своих землях прямой угрозой, и уже в 1039 г. государство Чаншэн им было рагромлено, а его правитель вместе со старшим сыном отвезены в Тханглонг и казнены.

Источники об этом ничего не пишут, но, по-видимому, именно тогда созрел план попытаться решить проблему «северных территорий» путем направления туда армий нунгов, реализацию которого мы явно наблюдаем в политике Вьетнама все последующие годы. План был достаточно прост. Хотя по традиции, оставшейся еще от империи Тан, земли нунгов (Куангнгуен и сопредельные с ним территории) считались управляемыми Китаем на принципах *цзими*, реально все это время они подчинялись Вьетнаму. Если вдруг нунги захватили бы какие-либо китайские земли, и это признали сунские власти, то пределы Вьетнама автоматически расширились бы на север. Для реали-

зации этого замысла оставалось только натравить нунгов на Китай.

Когда в 1041 г. младший сын Нунг Тон Фука — Нунг Чи Као вернулся в Куангнгуен и, как и отец, провозгласил создание нового государства (на этот раз Дали, или Дайлить по-вьетнамски), а вьетнамцы его вновь разгромили, взяв в плен, то убивать его не стали. Более того, ему не только вернули все его земли, но и добавили новые. Скорее всего, это было сделано в обмен на обещание в дальнейшем сотрудничать — совершать нападения и пытаться захватить только китайские территории. Для закрепления отношений с нунгами в 1043 г. Нунг Чи Као был назначен на высокую должность *тхайбао* и получил от вьетнамцев печать удельного правителя. В 1044 г. он прибыл в Тханглонг на аудиенцию, видимо, чтобы выразить благодарность за назначение и окончательно согласовать планы совместных действий. И в 1048 г. Нунг Чи Као начал действовать: он захватил горную провинцию-*чжоу* Китая Аньдэ, присоединив ее к своим землям, и провозгласил создание государства Наньтянь (или, как во вьетнамских источниках, Данань), а также совершил первые набеги на равнинные районы Китая (Юнчжоу). Направленные на его подавление по просьбе Сунов вьетнамские войска почему-то на этот раз одолеть его не смогли (это по данным китайцев, авторы «Полного собрания исторических записок Дайвьета» в этом месте поместили красивую легенду о «громе небесном», поразившим вождя повстанцев).

Впрочем, полностью доверять Нунг Чи Као, отец которого был казнен вьетнамцами, им было нельзя. Добившись значительного укрепления своих позиций, он попытался вести двойную игру. Новоявленный правитель Наньтяня неожиданно направил послание сунским властям с предложением признать его независимым данником, по статусу равным правителю Намвьета. Если бы оно было принято, то Нунг Чи Као мог бы, не опасаясь за свои тылы, направить все свои силы против вьетнамцев. Но Суны понимали, что это было бы фактическим объявлением войны Вьетнаму, и отказали нунгам. И тогда в 1052 г. Нунг Чи Као совершил массированное нападение на территорию современных провинций Гуандун и Гуанси. Причем это

был не просто набег, это была откровенная попытка захвата новых земель, т. е. план, разработанный вьетнамцами ранее, начал осуществляться. Нунги перед походом сожгли свои города и поселения, чтобы не возник соблазн возвратиться, и сражались насмерть. Основной удар на себя приняли собственно ханьцы, чиновники, солдаты Поднебесной, которых нунги уничтожали безжалостно, освобождая себе территорию. Часть местного неханьского населения охотно присоединялась к нападавшим, и их силы быстро увеличивались. К ним в руки попали девять провинций-*чжоу* со всем населением. Апофеозом вторжения стал 57-дневный штурм Гуанчжоу. Осада не удалась, но разгром сунского юга продолжался еще долго. В разгар этих событий свою помощь войсками для подавления Нунг Чи Као предложили вьетнамцы. Сначала эту помощь приняли, но затем полководец Ди Цин, которому было поручено покончить с нунгами, настоял на том, чтобы вьетнамские войска, уже двинувшиеся к месту событий, повернули назад, справедливо рассудив, что еще не ясно, на чьей стороне они выступают, если события примут дурной оборот. В конце концов в начале 1053 г. Ди Цину удалось в решающем сражении разгромить войска Нунг Чи Као, сам он бежал и навсегда исчез из поля зрения историографов.

Если посмотреть на эти события глазами вьетнамцев, то они явились явным успехом их политики. Во-первых, ханьская колония в прилегающих к ним районах Китая была существенно уменьшена, во-вторых, они убедились, что при определенных условиях смогут привлечь на свою сторону коренное местное население, потомков племен, близких по происхождению к вьетнамцам. Так что надежда на возможное расширение своих территорий на север у них продолжала оставаться.

Наиболее значимые изменения в политике вьетнамского государства произошли во времена правления третьего императора династии Поздние Ли — Ли Няг Тона (Ли Тхань-тонг). В отличие от своих предшественников, он проводил целенаправленную и последовательную политику создания во Вьетнаме «настоящей» дальневосточной империи со всеми присущими ей атрибутами. При этом императоре страна наконец-то обрела Тхаймиеу (Храм предков императора), который впервые упомянут под 1069 г.,

и комплекс имперско-конфуцианских учреждений и ритуалов, включая то, что Нго Ши Лиен (?) назвал Храмом литературы⁶, конфуцианский университет — школу Сынов Отечества, систему государственных экзаменов на назначение на должность, название государства (а не удела, как раньше) — Дайвьет. Своего деда он провозгласил императором Ли Тхай-то, а отца — императором Ли Тхай-тонгом. По-видимому, все это окончательно оформилось в самом конце правления Ли Тхань-тонга, о чем свидетельствуют и китайские источники⁷. Дата введения названия Дайвьет во вьетнамских летописях (уже в 1054 г.) вызывает определенные сомнения.

В отношении с Сунами Ли Тхань-тонг придерживался откровенно жесткой линии, предпочитая не замечать их интересов и претензий, а, может быть, и специально провоцируя китайцев. Имперские атрибуты, главный раздражитель для северного соседа, вводились открыто и даже демонстративно, причем один за другим в короткий промежуток времени. Усилились провокации на границе, в некоторых из них активную роль играли собственно вьетнамские войска под командованием близких родственников императора. Об одном из таких вторжений (в 1059 г.) в сунскую провинцию Циньчжоу прямо говорится как о пробе сил накануне больших сражений. Впрочем, даже в этот сложный для двусторонних отношений период, регулярные обмены посольствами и предоставление Дайвьетом ритуальной дани Сунам не прекращались.

Об откровенном «обращении Зяотыи в империю» было доложено в сунскую столицу, где ведущую роль при дворе в то время играл активный и амбициозный Ван Аньши, который решил воспользоваться сложившейся ситуацией для аннексии вьетских земель. Немаловажную роль в этом его решении сыграла полученная им недостоверная информация о тяжелом поражении и катастрофических потерях, которое понесли вьетнамские войска во время похода на Чампу в 1069 г. (на самом деле все было наоборот). Ван Аньши прекрасно понимал, что лучший в данной ситуации способ решить вопрос — внезапное нападение — вряд ли удастся осуществить, поэтому принял решение провести тщательную и всестороннюю подготовку к вторжению, причем осу-

ществить ее силами именно южан, привычных к климатическим условиям, близким к вьетнамским. Был отдан указ о целенаправленном наборе соответствующих подразделений, проведении их тщательной военной подготовки, строительстве флота, подвозе запасов продовольствия и оружия. В целях предотвращения проникновения на территорию страны шпионов и лазутчиков, Ван Аньши запретил приграничную торговлю с Вьетнамом и закрыл немногочисленные рынки, специализирующиеся на этом, что вызвало особо резкую негативную реакцию у вьетнамцев.

Умерший в 1072 г. Ли Тхань-тонг не успел пожать плоды своей реформаторской деятельности. На престол взошел его малолетний сын Ли Кан Дык (Ли Нян-тонг), и вся власть в стране перешла в руки его матери (бывшая супруга Илан) и ее ставленника — евнуха Ли Тхьонг Киета. Предстоящее нападение армий Сунов на Дайвьет было совершенно очевидным и неизбежным. Отразить на своей территории нашествие специально подготовленных войск, а не спонтанно набранной армии было тяжело, исход будущей кампании виделся непредсказуемым. В этих условиях было принято решение нанести превентивный удар по противнику, попытаться уничтожить его базы и запасы и свергнуть в хаос южные провинции Китая — опору предполагаемого нападения. Кроме того, дальнейшее развитие событий показало, что вьетнамцы серьезно рассчитывали привлечь на свою сторону часть родственного им населения южных провинций, попытаться здесь закрепиться и лишь потом попросить мир и признание у Сунов, но уже в качестве удельного княжества с совершенно иной территорией, включающей и исконные земли древнего Намвьета.

В качестве традиционного союзника были привлечены войска нунгов, которыми командовал потомок Нунг Чи Као — Нунг Тонг Дан. В 1075 г. его силы вторглись на сунские земли через горные перевалы с юго-запада. Войска собственно вьетнамцев переправились через Южно-Китайское море и обрушились непосредственно на равнинные районы Циньчжоу и Ляньчжоу. Китайская администрация не смогла вовремя получить данные о готовящемся вторжении или не придавала им значения,

поэтому успех его был полным и всесторонним. Разгрому подверглись обширные районы южного Китая, и в первую очередь потенциальные базы для вторжения в Дайвьет — приграничные равнинные провинции Ляньчжоу, Циньчжоу и Юнчжоу, где были ликвидированы склады продовольствия, запасы вооружений, фортификационные сооружения и инфраструктура. Вьетнамцы всерьез рассчитывали на поддержку части местного населения, поэтому вели в захваченных районах активную пропагандистскую кампанию, явно задуманную и спланированную заранее. На оккупированных территориях повсеместно развешивались прокламации, в которых поход на юг оправдывался коварством китайских властей в пограничных районах, которые «прятали мятежников, бежавших из Дайвьета, и отказывались их выдавать», «тщательно пересчитали податных в горных долинах и селениях», открыто заявляя, что «готовятся к военным действиям».

Доставалось в этих прокламациях и сунским центральным властям. Накануне вторжения Ван Аньши провел реформы, заменив обязательную отработку трудовых повинностей фиксированным налогом, а также введя обязательные ссуды под будущей урожай только у государства (раньше их брали у частных ростовщиков, иногда под более низкий процент). Эти меры были весьма непопулярны у населения, и вьетнамцы заявили, что еще одной целью их прихода является отмена указанных реформ, «обрекающих на нищету простой народ»⁸. Таким образом, они недвусмысленно давали понять, что, если удастся, заботу об управлении захваченными землями они готовы взять на себя. Это, кстати, вызвало наиболее острую реакцию со стороны Ван Аньши и во многом обусловило решение императора Шэнь-цзуна (1067—1085) послать против Дайвьета основные силы, чтобы окончательно решить проблему этого государства, обратив его в одну из китайских провинций, как это было прежде.

Захват вьетнамцами южнокитайских территорий произошел довольно быстро. Не готовые к такому обороту событий сунские войска практически не оказывали сопротивления. В столице далеко не сразу оценили масштаб вторжения, и реакция на него была запоздалой. Конечными целями вьетнамцев, по-видимо-

му, были Гуанчжоу и Гуйчжоу, на пути к которым оставалась лишь одно препятствие — крепость Юнчжоу, единственная из всех, оказавшая ожесточенное сопротивление. И, хотя посланные ей на помощь из Гуанчжоу войска Ли Тхьонг Киету удалось разгромить на перевале Куньлунь, осажденные продержались 40 дней до первой луны 1076 г. При этом взять крепость смогли, только послушав советы тех же пленных китайцев, предложивших подложить под стены мешки с песком, по которым и удалось на них подняться. Руководивший обороной губернатор Юнчжоу Су Цзянь, видя, что крепость не удержать, вместе с членами своей семьи покончил жизнь самоубийством. Оставшиеся защитники сражались до конца, поэтому было перебито все население города (58 тыс. человек).

На вьетнамцев глубокое впечатление произвело то, что, несмотря на голод, отсутствие нормальной питьевой воды, массовые болезни, практически никто из жителей города не пошел на предательство, т. е. достичь одной из главных целей — привлечь на свою сторону хотя бы часть местного населения, так и не удалось. С учетом этого, попытка закрепиться на захваченных территориях была обречена, и оставаться здесь, выполнив другую задачу (уничтожение инфраструктуры потенциального нападения на Дайвьет), не имело смысла. Сразу после успешного штурма, полностью опустошив контролируемые районы и угнав с собой всех китайцев, которых удалось захватить, армия Ли Тхьонг Киета быстро и организованно вернулась в Дайвьет, оставив нунгов самим решать свои проблемы с сунскими войсками.

Поход возмездия Сунов был неизбежен, но реализовывать его им пришлось уже в иных, крайне неблагоприятных условиях. Приграничье было разгромлено (всего погибло более 100 тыс. человек, причем в основном ханьцев). Рассчитывать на местные запасы продовольствия не приходилось. От прежнего плана захватить Вьетнам силами войск, в основном набранных на юге, пришлось отказаться, поскольку эти войска большей частью были уничтожены или разбежались. Не было возможности даже мобилизовать в должном количестве местных носильщиков, так как земли, по которым проходили китайские войска, были обращены в безжизненную пустыню. Вместо привычных к тяжелым

условиям вьетнамских гор солдат-южан, Ван Аньши был вынужден собрать армию для вторжения из подразделений, противостоявших тангутам из государства Сися на далеком севере. Их основу составляла конница, привычная к боевым действиям в степных условиях и совершенно не приспособленная к использованию в горах.

Несмотря на тщательнейшую подготовку к походу⁹, продовольствия и фуража, которые приходилось доставлять из северных и центральных провинций империи Сунов, охваченных неурожаем, постоянно не хватало. Флот, который мог бы быстро доставить войска к театру боевых действий, так и не успели построить (а то, что построили, вьетнамцы также уничтожили или забрали с собой). Пройти можно было только по суше, по землям нунгов и других горных народов, враждебно настроенных к китайцам. Дорог здесь не было, поэтому для транспортировки продовольствия и снаряжения нельзя было использовать повозки, но только носильщиков и вьючных животных. Кроме того, Суны постоянно ощущали очевидную угрозу со стороны тангутов, которые, узнав про отвлечение существенной части китайских войск для похода на юг, могли нанести неожиданный удар с севера, поставив империю в сложное положение. В связи с этим, на эту кампанию отводилось очень мало времени. Во главе китайских войск стояли два военачальника (Го Куй и Чжао Се), хорошо зарекомендовавшие себя в войнах на северных границах, однако не ладившие между собой. Все эти негативные факторы оказали непосредственное влияние на ход кампании 1076 г. С большим трудом прорвавшись через горы, потратив массу времени на «замирение» нунгов, Го Куй смог выйти непосредственно к линии обороны, построенной Ли Тхыонг Киетом на реке Фулыонг и даже нанести ему (по данным китайских источников) несколько локальных поражений. Но флота для форсирования реки не было, в непривычных к тропическим условиям войсках с севера начались массовые болезни, падеж лошадей и вьючных животных. В этих условиях Го Куй, понимая, что война в любом случае может затянуться надолго, счел за благо принять предложение вьетнамской стороны о перемирии, тем более, что оно было выдержано строго в соответствии с ри-

туалом, позволившим китайским историографам позднее говорить о полной и безоговорочной капитуляции Дайвьета.

Суны согласились с этим решением своего военачальника и даже не сильно наказали его за неудачный поход. В качестве возмездия за агрессию у Дайвьета было решено отторгнуть часть территории, в частности, земли нунгов — *тяу* Куангнгуен (его китайцы переименовали в Шуньчжоу, вьет. Тхуантяу) и прилегающие к нему еще три *тяу* и один уезд. Но организовать здесь свое управление китайцы так и не смогли, как из-за противодействия местного населения, так и из-за тяжелых климатических и иных условий, делавших пребывание здесь собственно ханьцев невыносимым.

С учетом изложенного, а также принимая во внимание то, что задача расширения границ Дайвьета на север после похода Ли Тхьонг Киета была, по-видимому, навсегда снята (сами китайские источники свидетельствуют, что после 1076 г. крупномасштабных провокаций на границе между двумя странами на протяжении всего правления императоров династии Поздние Ли не было), возврата своих территорий вьетнамцы решили добиваться уже без применения силы исключительно дипломатическими путями. В 1078 г. возобновились визиты вьетнамских послов и принесение дани. По просьбе послов Суны согласились рассмотреть вопрос о возвращении захваченных ранее земель, но только в обмен на всех пленных китайцев, угнанных в 1076 г. Такая договоренность была достигнута. Вьетнамская сторона выполнила ее чисто формально, выдав всего лишь 221 человека¹⁰, тем не менее, все ранее захваченные Сунами земли были в 1084 г. Дайвьету возвращены.

Решение об их возврате и об окончательном оформлении двусторонних отношений между Сунами и Дайвьетом было принято в ходе переговоров с посольством из Дайвьета во главе с первым победителем конфуцианского конкурса во Вьетнаме Ле Ван Тхинем. Этот эпизод во вьетнамских хрониках никак не выделен, тем более что посольство даже не доехало до сунской столицы, но вело переговоры непосредственно в приграничных районах. Однако именно тогда Ле Ван Тхинь от имени императора пообещал твердо придерживаться статуса удельного княже-

ства и выполнять все связанные с этим ритуалы. Обрадованные китайцы не только вернули все, что раньше оставили за собой, но и сделали некоторые дополнительные территориальные уступки, по-видимому, за счет тех земель, которые они все равно не контролировали. Проблемы видимого «обращения Дайвьета в империю», судя по всему, были оставлены за рамками этих переговоров: Суны решили их просто «не замечать», а Поздние Ли не слишком афишировать. В официальных переписке и ритуалах все осталось по-прежнему, и такая ситуация длилась долгие годы, в том числе и после падения династий в обеих странах.

Процесс окончательного урегулирования двусторонних отношений можно было считать законченным в 1087 г., когда император Ли Нян-тонг наконец-то получил от Сунов титул *Намбинь-выонга*. Предпринятые в эти же годы попытки Дайвьета добиться контроля еще над двумя горными районами на этот раз встретили твердый отпор со стороны Сунов. Впрочем, на отношения между двумя государствами это сильно не повлияло. Ближе к концу правления этого императора, китайцы, отметив неуклонное исполнение им договоренностей, достигнутых ранее, даже согласились пойти на увеличение количества пунктов, открытых для приграничной торговли, что для экономики Дайвьета того времени было весьма полезным.

Важный эпизод в двусторонних отношениях с Сунами произошёл в самом конце правления этого императора. В 1127 г., потерпев сокрушительное поражение от чжурчжэней из государства Цзинь, Суны утратили добрую половину своих территорий, включая столицу и исконные ханьские земли. Их армии были разбиты, и страна погрузилась в хаос. На смену династии Северная Сун пришла династия Южная Сун. При этом хаос в стране наступил еще до этого, в ходе многочисленных неудачных сражений, и не мог не сказаться на отношениях с традиционными вассалами. Направленному к Сунам в 1126 г. посольству Дайвьета удалось добраться лишь до Гуйчжоу, власти которого порекомендовали ему немедленно вернуться. В конце следующего лунного года Ли Нян-тонг умер, и встали вопросы: «Как, а главное, кого оповещать в Китае? Куда посылать послов? У кого просить инвеституру?». Власти Дайвьета вряд ли

располагали достаточной информацией, чтобы самостоятельно дать однозначные ответы на эти вопросы, и для начала, в 1128 г., отправили в пограничные области частное лицо, некоего «жителя Хоачая» с сообщением о трауре, а также с докладом о восшествии на престол.

Ответ пришел даже быстрее, чем можно было предположить. Не дожидаясь официального посольства из Дайвьета и соответствующих просьб, истерзанные Суны, наверняка опасавшиеся, что вьеты могут воспользоваться их слабостью и вторгнуться в пределы империи с юга, как это уже бывало при Ли Тхьонг Кiente, нового императора Ли Зьонг Хоана (Ли Тхан-тонг, прав. в 1128—1137 гг.) признали без всяких формальностей и немедленно присвоили ему точно такой же титул, какой первоначально был у его приемного отца (Зяотьи-куанвыонг). Очень похоже, что озадаченные вьетнамцы не сразу поверили сунским послам. Они должны были убедиться, что именно эти послы представляют законную династию, обладающую всей полнотой власти на оставшейся территории (в период хаоса, как правило, возникает несколько соперничающих группировок), и в 1130 г. отправили свое посольство, чтобы разобраться, с кем они имеют дело. По-видимому, результаты первой поездки послов не убедили Дайвьет в надежности новых сунских властей, и в отношениях между двумя странами наступила пауза. Только в конце 1132 г., когда к Сунам были направлены те же послы, им удалось убедить их в своей легитимности: через два месяца они вновь провозгласили Ли Тхан-тонга Зяотьи-куанвыонгом, и на этот раз титул был принят. По мнению переводчиков «Полного собрания исторических записок Дайвьета» на современный вьетнамский язык, появление в тексте хроники двух практически одинаковых сообщений о признании нового императора, датированных соответственно 1130 и 1132 гг., является чисто технической ошибкой при составлении источника¹¹. На наш взгляд, это не так. Данные события, скорее всего, действительно имели место и стали следствием вполне понятных и объяснимых сложностей в отношениях между двумя странами.

Смерть Ли Нян-тонга в 1128 г. и переход власти к его приемному сыну Ли Тхан-тонгу ознаменовали собой начало заката

династии Поздние Ли. Некоторые исследователи даже говорят о необходимости разделения эпохи правления этой династии на два этапа: Первые Поздние Ли и Вторые Поздние Ли (до и после 1128 г.)¹².

Впрочем, ослабление Поздних Ли не оказало негативного воздействия на их взаимосвязи с Сунами. Более того, последний этап правления этой династии можно считать самым «безоблачным» в двусторонних контактах. За исключением мелких неконтролируемых и в общем неизбежных инцидентов на границе между двумя странами, связанных в основном со сложными взаимоотношениями между различными горными племенами, проживающими по обе стороны границы, все выглядело просто идеально. Апофеозом благоприятного развития событий в этой сфере стало существенное повышение статуса вьетнамских территорий. В 1174 г. Суны признали их отдельным государством-данником под названием Аннам (*Аньнань го*), а их правителя — *куоквьонгом (гованом)*, что по всем ритуалам намного превосходило статус удельного княжества и его правителя — *куанвьонга (цзюньвана)*. И вьетнамские, и китайские источники свидетельствуют, что это произошло по инициативе Сунов и что вьетнамские послы, прибывшие в столицу Сунов в 1174 г., этим были несказанно удивлены, во что, впрочем, учитывая специфику двусторонних отношений, поверить непросто. В любом случае вплоть до второй половины XIX в. этот статус Дайвьета оставался «потолком» в связях между двумя странами.

В период правления династии Поздние Ли некоторые сложности с Сунами возникли только в самом конце: изгнанный из столицы Ли Хао Шам (Ли Хуэ-тонг, прав. в 1210—1224 гг.) был просто не в состоянии выполнять предписанный ритуал обмена посольствами и представления дани. Он даже не поблагодарил за полученные им от Сунов первичные титулы и должности. Впрочем, китайцы наверняка знали о сложном положении в стране, тем не менее, ничего конкретного предпринимать не стали. Они просто больше не давали последнему императору никаких новых титулов и должностей, а когда власть перешла к дому Чан, то восприняли это вполне спокойно, даже одобрительно.

Примечания

¹ *Tạ Chí Đại Trường*. Những bài dã sử Việt (*Та Ты Дай Чыонг*. Статьи по частной истории вьетов). Ханой, 2009. С. 187—235.

² Именно так, Намвьет, а не Дайковьет называли свои территории вьетнамцы в X в. (подробнее см.: *Поляков А.Б.* К вопросу о существовании государства Дайковьет во Вьетнаме в X—XI вв. // Три четверти века. Д.В.Деопику — друзья и ученики. Москва, 2007. С. 233—240; *Федорин А.Л.* Как назывался Вьетнам в X—XI вв.? // Вьетнамские исследования. Выпуск 1. Москва, 2011. С. 310—319).

³ Анализируя события X в., вьетнамский историк Та Ты Дай Чыонг пришел к выводу, что в этот период в обществе все еще очень сильно ощущались элементы матриархата, в частности, наследование по материнской линии. Об этом свидетельствуют и события при правлении дома Нго, когда именно жена Нго Куена из рода Зыонг привела к власти своего брата Зыонг Там Кха в ущерб интересам родных сыновей, и возвышение Динь Бо Линя, частично связанное с женитьбой на матери последнего представителя рода Нго — Нго Нят Кхана, и действия другой жены Динь Бо Линя (то же из рода Зыонг), в результате которых к власти пришел ее любовник, а не родной сын (*Tạ Chí Đại Trường*... С. 151—156).

⁴ 脫脫。宋史 (*Токто*. История династии Сун). Электронная версия. Шанхай, [б.г.]. С. 3591 (в дальнейшем — Сун ши).

⁵ *Lê Tấn*. An-pam chí lược (*Ле Так*. Краткое описание Аннама). Хуэ, 1961. С. 123

⁶ Подробнее об этом см.: *Poliakov A.B.* Sur la date de la construction du Văn Miếu (Temple de la Littérature) et les débuts du confucianisme au Vietnam. // *Etudes Vietnamiennes*. Nouvelle Série. № 31 (101). Ханой, 1991. С. 27—36.

⁷ Сун Ши... С. 14069.

⁸ *Lê Tấn*... С. 124—125.

⁹ *Hoàng Xuân Hãn*. Lý Thường Kiệt. Lịch sử ngoại giao và tông giáo đời Lý (*Хоанг Суан Хан*. Ли Тхыонг Киет. Дипломатическая и религиозная история времен династии Ли). Ханой, 2010. С. 161—183.

¹⁰ Сун ши... С. 14069.

¹¹ *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Предисл. *Фан Хуи Ле*. Пер. и коммент. *Нго Дык Тхо* и *Хоанг Ван Лау*. Т. 1. Ханой, 1993. С. 304, примеч. 1.

¹² *Поляков А.Б.* Скрытая смена династий в Дайвьете в начале XII в. // Традиционный Вьетнам. Выпуск III. Москва, 2008. С. 61—65; *Деоник Д.В., Ульянов М.Ю.* Кризис 1127 г. и проблема перехода власти в средневековом Вьетнаме (Дайвьете) от Первых ко Вторым Поздним Ли. // Традиционный Вьетнам. Выпуск III. Москва, 2008. С.66—104; *Федорин А.Л.* Еще раз о проблеме династий Первые и Вторые Поздние Ли (1010—1225) // Губеровские чтения. Выпуск I. Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. Москва, 2009. С.83—99.

А.Б. Поляков

**РОЛЬ БУДДИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ВЬЕТНАМА ПРИ ПЕРВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ
ВЬЕТСКИХ ДИНАСТИЯХ
(последняя треть X — начало XI вв.)**

Китайские власти в период северной зависимости пытались распространить конфуцианство в Зяотяу.¹ В хронике *Краткие записки Аннама (An Nam chi h̄oc)* вьетнамского историка XIV века Ле Така имеются сведения по данному вопросу. В разделе «Учебные заведения» XIV главы он писал, что Чжао То (207—137 гг. до н.э.), циньский военачальник, основавший государство Намвьет, «в некоторой степени использовал экзамены и хорошие манеры для народа».² Следует отметить, что в этот период не было никакого влияния конфуцианства, т. к. династия Цинь придерживалась легизма и решительно боролась с конфуцианством. Можно предположить, что со времени Чжао То только китайский язык и письменность распространялись в Зяотяу. Ле Так пишет также, что в период Западная Хань китайцы, правившие в Зяотяу, «учредили учебные заведения, учили народ добродетели».³ Весьма вероятно, что с этого времени конфуцианство проникло в Зяотяу. К концу правления династии Восточная Хань несколько человек из Зяотяу, о которых упоминает Ле Так, были чиновниками довольно высокого ранга, не уступавшими по уровню подготовки китайцам. Еще один широкообразован-

ный человек по имени Кхыонг Конг Фу был чиновником при дворе династии Тан. По всей вероятности, в правление династии Тан в Зяотяу также были основаны учебные заведения и строились храмы Конфуция, хотя конкретных данных по этому вопросу нет. Ле Так также упоминает о конкурсных экзаменах при династии Ли, но не сообщает ничего о конфуцианских учреждениях этого периода.

В X веке земельная аристократия в Зяотяу властвовала на местах и имела свои, довольно многочисленные дружины, претендовала на центральную власть в стране. По сути, ее представители являлись военно-феодальным сословием. Они располагали довольно примитивными административными аппаратами, соответствовавшими социально-экономическим отношениям того времени. Местные землевладельцы и правители кратковременных династий в действительности не нуждались в сложном конфуцианском административном аппарате.

В период правления династий Динь (968—980) и Ле (980—1009), вследствие малочисленности грамотных гражданских лиц, в государственных делах активное участие принимали буддийские монахи. Они являлись чиновниками двора. Буддийские канонические книги были написаны на древнекитайском языке. Это позволяло монахам участвовать в дипломатических сношениях с династией Сун и легко общаться с китайскими конфуцианцами, составлявшими посольства этой династии. Центрами культуры и образования были буддийские храмы и монастыри. Дети императорской династии и чиновников обучались в них. Это обстоятельство усиливало влияние буддийской сангхи на политическую жизнь в стране.

Основателями кратковременных династий X века являлись представители военно-феодального сословия, не имевшие образования, незнакомые с догматами буддизма, а только использовавшие монахов в государственных делах.

Одним из известнейших буддийских монахов династий Динь и Ле был монах Нго Тян Лыу. В летописях очень мало сведений о нем. Летописный свод *Полное собрание исторических записок Дайвьета* (*Đại Việt sử ký toàn thư*) сообщает, что Динь Бо Линь присвоил титул Кхуонг Вьет дай шы танг тхонгу Нго Тян Лыу.⁴ В

этом же своде отмечается, что он принимал участие во встрече посла династии Сун Ли Цзюе, обменялся с ним стихотворными посланиями, имевшими политический смысл. В летописи Нго Тхи Ши *Предварительные записи исторических записок Дайвьета* (*Đại Việt sử ký tiền biên*) также упоминается об этих двух событиях⁵. Летописный свод *Отражение истории Вьета, основа и частности* (*Việt sử thông giám cương mục*) сообщает только об одном событии следующим образом: «Присвоили танг тхонгу Нго Тянь Лыу титул Кхуонг Вьет дай шы. Император почитал буддийское учение, поэтому установил чины и ранги буддийским и даосским монахам — назначил Тянь Лыу на должность тхай шы, Тьонг Ма Ни назначил танг мук дао ши, Данг Хюен Куанга назначил шунг тянь уи нги»⁶. Летопись *Краткая история [Великого] Вьета* (*[Đại] Việt sử lược*), самая ранняя из дошедших до нашего времени, вообще не упоминает о Нго Тянь Лыу. Под 971 годом в ней записано: «Установлены ранги и классы гражданских и военных [чиновников], буддийских и даосских [монахов]». И далее перечисляются поименно назначения гражданских и военных чиновников⁷. Таким образом, *Краткая история [Великого] Вьета*, в отличие от других вышеперечисленных летописей, пишет только о военных и гражданских чиновниках и не сообщает фамилии буддийских и даосских чиновников.

Ву Куинь в *Дивных повествованиях Линьнама* (конец XV века) пишет о Нго Тянь Лыу гораздо более подробно, чем в летописях: «... был чиновником династии Динь, титул Кхуонг Вьет тхай шы, к правлению Ле Дай Ханя, сославшись на болезнь, ушел в отшельничество»⁸. Император Ле Дай Хань пригласил Нго Тянь Лыу в столицу для того, чтобы тот смог принять участие в государственных делах. Но он отклонил это приглашение.⁹ В 981 году войска династии Сун (960—1279) вторглись в Дайвьет.¹⁰ Ву Куинь писал, что монах Нго Тянь Лыу увидел во сне духа Шок Тхиен выонга, который обещал помочь разбить северных агрессоров.¹¹ Согласно Ву Куиню, этот монах хотя и не хотел принимать участие в делах государства, но перед угрозой агрессии Сунов сам прибыл ко двору и «рассказал все, что видел во сне. Император Ле Дай Хань, выслушав его, вместе с монахом прибыл в Шокшон и совершил молебен»¹². Армия

Дайвьета разгромила сунские войска. Император «посчитав, что Кхуонг Вьет имеет заслуги, дал тхык ап в десять тысяч семей. Кхуонг Вьет отказался, попросил разрешения вернуться на прежнее место (т. е. в Шокшон. — А.П.)».¹³

В сочинении периода правления династии Чан (автор неизвестен) *Прекрасное собрание из сада созерцания (Thiền uyển tập anh)* содержатся более полные сведения о жизни Нго Тян Лыу. Он был родственником Нго Куена. Динь Бо Линь, основатель династии Динь, пригласил его в Хоалы на беседу. Ответы монаха пришлись ему по нраву, пожаловал должность танг тхонг. В 971 году монах удостоился титула Кхуонг Вьет дай шы.¹⁴ *Прекрасное собрание из сада созерцания* описывает деятельность Нго Тян Лыу при дворе династии Ле совершенно иначе, нежели *Дивные повествования Линьнама*: «При Ле Дай Хане монах пользовался исключительным уважением императора, принимал участие в военных делах государства».¹⁵ История об участии Нго Тян лыу в борьбе против Сунов также имеет некоторые отличия. А история о принятии сунского посла очень похожа.

Подводя итог, можно сказать, что Нго Тян Лыу играл заметную роль в политической жизни Дайвьета при обеих династиях Динь и Ле. Он занимал высшую должность в буддийской сангхе, принимал активное участие в государственных делах, был советником государей двух династий, патриотом, вдохновившим Ле Дай Ханя на борьбу с сунскими войсками.

Помимо Нго Тян Лыу, также был очень известен монах эпохи начала независимости — Ван Хань. *Прекрасное собрание из сада созерцания* сообщает о нем довольно подробно: «... все, что он говорил, в Поднебесной воспринималось как пророчества. Пользовался особым уважением Ле Дай Ханя».¹⁶ Император также советовался с ним по вопросам, связанным с отражением сунской агрессии. Ван Хань говорил: «всего через 3—7 дней враг наверняка отступит. Впоследствии было точно так»¹⁷. Ле Дай Хань собрался в поход на Чампу. «Монах попросил императора спешно двинуть войска, иначе удобный случай будет упущен. Император тотчас двинул войска в поход и действительно одержал полную победу».¹⁸ Очевидно, что буддийская сангха в лице

и Кхуонг Вьета, и Ван Ханя принимала активное участие в решении военных вопросов при династиях Динь и Ле.

Последний император династии Ранних Ле отличался жестоким нравом. Он подвергал пыткам и казням не только военнопленных и преступников, но и простых людей, чиновников и даже буддийских монахов. Почитаемые при предыдущих императорах, монахи не могли с этим смириться. Его поведение нарушало буддийские принципы милосердия и гуманности. Это ускорило подготовку буддийской сангхой его преемника. С целью недопущения подобного в будущем и усиления своего влияния при дворе, сангха решила привести к власти человека, воспитанного в духе уважения к буддийскому учению. Был избран командир дворцовой гвардии Ли Конг Уан. В этом деле выдающуюся роль сыграл монах Ван Хань. Следует отметить, что, в отличие от Нго Тянь Лыу, вьетнамские летописи сообщают о Ван Хане гораздо больше сведений.

Рождение и молодые годы Ли Конг Уана (посмертное имя Ли Тхай То), основателя династии Первых Поздних Ли (1009—1127) было непосредственно связано с буддийским духовенством. Обращает на себя внимание, что в летописях записан не только год, но и дата его рождения. У всех предыдущих правителей и императоров даты рождения не известны. Записи подобного рода могли производиться только в буддийских храмах и монастырях. Это обстоятельство свидетельствует о том, что буддийское духовенство обратило на него внимание с момента его рождения.

Нго Ши Лиен в *Полном собрании исторических записок Дайвьета* пишет о рождении Ли Конг Уана как о мистическом чудесном событии. Так, его мать, по фамилии Фам, гуляла в окрестностях храма Тиеушон, где совокупила с духом, вследствие чего родился Ли Конг Уан. Согласно Нго Ши Лиену, спустя три года, ребенка усыновил монах Ли Кхань Ван, служивший в храме Кофап. Впоследствии, он стал учеником Ван Ханя в храме Лукто.¹⁹ Все летописи, написанные после Нго Ши Лиена, такие как *Предварительные записи исторических записок Дайвьета* Нго Тхи ши, *Отражение истории Вьета, основа и частности* и другие исторические источники пишут об этом событии так же, как

и Нго Ши Лиен. Древнейшая из дошедших до нас летописей *Краткая история [Великого] Вьета* сообщает о Ли Конг Уане так: «Имя Уан, фамилия Нгуен,²⁰ человек из Кофапа, что в Бакзянге,²¹ мать — Фам, родился семнадцатого дня второго месяца пятого года эры правления Тхай бинь [974]. В детстве был умным и проницательным, обладал необычайными способностями. Ездил обучаться в буддийский храм Лукто²². Бонза Ван Хань увидел его и, изумившись, сказал: «Это необычайный человек. Впоследствии, став взрослым, непременно сможет обеспечить благоденствие народа, станет владыкой Поднебесной».²³ Обращает на себя внимание одно обстоятельство — в *Прекрасном собрании из сада созерцания* это высказывание принадлежит монаху Да Бао, ученику Кхуонг Вьета, а не Ван Ханю.²⁴ А в жизнеописании Ван Ханя этого высказывания нет. В *Краткой истории [Великого] Вьета* нет сведений о том, что мать Ли Конг Уана совокупилась с духом. Более того, эта летопись не упоминает о Ли Кхань Ване. Другие источники, написанные до Нго Ши Лиена, такие как: *Краткие записки Аннама Ле Така*, два буддийских сочинения *Прекрасное собрание из сада созерцания* и *Собрание чудес и таинств земли Вьет*, а также стелы — ничего не сообщают ни о том, что мать Ли Конг Уана Фам совокупилась с духом, ни о существовании усыновившего его монаха Ли Кхань Вана. Нельзя исключать, что Нго Ши Лиен добавил некоторые «исторические события», касающиеся рождения и молодых лет Ли Конг Уана. Следует отметить, что Ван Хань единственный человек, который присутствовал при рождении Ли Конг Уана (служил в храме Тиеушон) и был его учителем. Фамилия Ван Ханя также была Ли. В этой связи можно выдвинуть гипотезу о том, что родным отцом Ли Конг Уана был монах Ван Хань.

Данный случай, когда отцом основателя династии Дайвьета был буддийский монах, не единственный в истории. В начале XII века монах Ты Дао Хань стал отцом Ли Тхан Тонга, основавшего в 1127 году династию Вторых Поздних Ли (1127—1225).²⁵

В отличие от Нго Ши Лиена, утверждавшего, что отцом Ли Конг Уана был дух, Нго Тхи Ши в *Предварительных записях исторических записок Дайвьета* писал: «Не известно, кто отец уа,

мать по фамилии Фам, забеременела и родила вун в храме Тиеушон». ²⁶ Летописный свод *Отражение истории Вьетна, основа и частности* вслед за Нго Ши Лиеном повторяет, что мать Ли Конг Уана по фамилии Фам совокупилась с духом, однако в комментариях отмечается: «Ли Тхай То приемный сын Ли Кхань Вана, но родной отец неизвестно кто... Поэтому временно отложим, выясним потом». ²⁷ Интересно отметить, что в народных преданиях на родине Ли Конг Уана повествуется о том, что его отцом был Ли Ван Хань, который поручил своему младшему брату Ли Кхань Вану усыновить Ли Конг Уана и дать ему их фамилию.

Современные вьетнамские исследователи не выдвигают гипотезу о том, что Ван Хань являлся родным отцом Ли Конг Уана. Профессор Нгуен Куанг Нгок в своей книге «Династия Ли (1009—1226)» пишет: «Ван Хань — человек, вырастивший и обучивший Ли Конг Уана, имевший чрезвычайно большие заслуги перед ним, его «духовный отец», однако нет оснований, чтобы предположить, что он родной отец Ли Конг Уана» ²⁸. Профессор приходит к следующему выводу: «... если обобщить данные материалов, дошедших до нашего времени, и подвести итоги, мы можем полностью согласиться с замечанием профессора Хоанг Суан Хана, изложенном 60 лет назад — «гипотеза о том, что Конг Уан был человеком [из земли] Ман» ²⁹ возможно правильна.» ³⁰ Оба эти автора основываются на китайских материалах. Китайский источник, написанный в 1226 году (автор неизвестен), позднее нескольких других неофициальных сочинений, *Личжуан Чжунэй Ли ши фан пу* 李庄煮内李氏房譜 (*Родословная рода Ли [из деревень] Личжуан и Чжунэй*) сообщает, что Ли Конг Уан родился в земле Ман, потом в молодом возрасте вместе с отцом переехал в Бакзянг, что в Зяоти. Многие и вьетнамские, и китайские ученые признают, что в этом документе имеются ошибки, как в описании истории Вьетнама, так и истории Китая. В нем написано, что Ли Конг Уан родился в 984 году — на десять лет позднее, чем это записано во вьетнамских источниках. То есть Конг Уан вступил на престол в 25 лет, а до этого после переезда из Китая через 10—15 лет сделал военную карьеру, став командиром дворцовой гвардии Ле Лонг

Диня. В это трудно поверить. Нгуен Нгок Фук в докладе на конференции, посвященной тысячелетию династии Ли, «Возвращаясь к документам о родине и корнях Ли Конг Уана», основываясь на китайских и вьетнамских источниках, пишет об этой проблеме более осторожно: «Начиная только с народных преданий, при наличии многих сомнительных моментов, которые еще не получили освещения и которые очень трудно проверить, китайские авторы перенесли эту историю в свои записи и впервые появились только в очерках и прозе. Но, опираясь только на такие известия, стали утверждать, что земля Ман — родина предков Ли до их переселения на землю Вьет. Подобные сведения, по нашему мнению, представляют собой небольшую ценность. Исследуя проблему происхождения и родины династии Ли, не следует рассматривать эти сведения как единственно документальное основание для решения этой проблемы.»³¹

Обращает на себя внимание, что китайские документы, касающиеся этой проблемы, написаны в правление династии Сун. Подобные сведения выгодны для этой династии, имевшей весьма напряженные отношения с Дайвьетом. В монографии *Возрождение государства Дайвьет X—XIV века (Sự phục hưng của nước Đại Việt thế kỷ X—XIV)* мною был проанализирован процесс формирования господствующего класса вьетского общества в X веке. Я пришел к следующему выводу — борьба за верховную власть в стране происходила между представителями крупных семейных кланов, в том числе в ней принимали участие и выходцы из Южного Китая, но прожившие в Зяотяу не одно поколение. Победу же одерживали только местные, вьеты по происхождению.³² Если верить китайским источникам, что Ли Конг Уан в 984 году родился в земле Ман и вместе с отцом переселился в Дайвьет, то ни его отец, ни он просто не успели бы занять видное положение в местной элите и, уж тем более, в столь короткий срок суметь занять императорский престол.

Ле Так в *Кратких записках Аннама* однозначно указывает: «Ли Конг Уан — человек из Зяотяу (есть те, которые говорят, что из Фуцзяни, это неверно).»³³ В то время Ле Так жил в Китае, получал должности и жалование от династии Юань. Поэтому было бы естественно, если бы он поддержал китайскую версию

по вопросу родины и происхождения Ли Конг Уана. Ле Так имел возможность глубоко изучить все китайские документы по этой проблеме, в том числе и *Личжуан Чжунэй Ли ши фан пу*. Поэтому можно поверить утверждению Ле Така.

Монах Ван Хань не только обучил Ли Конг Уана догматам буддийского учения, но и готовил его к политической карьере. Под руководством Ван Ханя, Ли Конг Уан читал много древних исторических книг. По службе продвинулся до важного поста начальника дворцовой гвардии.

Для обеспечения прихода к власти Ли Конг Уана буддийские монахи прибегли к сочинению мистических историй. Рассказы о них, согласно историческим источникам, появились до того как Ли Конг Уан вступил на престол, однако неясно, когда именно. Среди них история о том, что на родине Ли Конг Уана было дерево, в которое ударила молния. Ее следы образовали следующие иероглифы.

«Корни дерева темны,
Снаружи дерево зелено.
Жатвенный нож и дерево падает.
Восемнадцать семян созревают.
Во дворце Молний показывается солнце,
Во дворе Радости скрыта звезда.
Пройдет 6—7 дней и в Поднебесной наступит
Великое благоденствие».³⁴

Это буквальный перевод. Восьмистишие имеет второй, скрытый смысл. Подставляя похожие по смыслу и звучанию иероглифы, а также переставляя иероглифы в строках, можно перевести его следующим образом:

Род государя придет в упадок,
Подданный будет процветать,
Ле падут,
Ли поднимутся.
Сын Неба взойдет на Востоке,
Звезда простого люда закатится на Западе.
Пройдет шесть-семь лет
И в Поднебесной наступит великое спокойствие.

Ван Хань разъяснил Конг Уану истинный смысл этого знамения. Еще одна пропагандируемая монахами легенда — в хра-

ме Ынгтхиен, что в тяу Кофап, собака родила белого щенка на спине которого была черная шерсть в виде иероглифов «Сын Неба». Ли Конг Уан родился в год собаки.

В одиннадцатом месяце 1009 года Ли Конг Уан вступил на престол.

Централизованное государство нуждалось в единой религии, помимо традиционного культа предков. Она позволила объединить государство, ослабить влияние местных верований, которые использовали центробежные силы. Такой религией в Дайвьете того времен мог быть только буддизм. Конфуцианство не имело распространения в X веке. При Первых Поздних Ли в правящем классе велика была военная прослойка, не отличавшаяся образованием. Немногочисленные гражданские чиновники проходили обучение в храмах и монастырях.

Ли Тхай То провел ряд мероприятий, направленных на распространение буддизма в стране. Осуществлялось строительство храмов, увеличивалось число священнослужителей — в 1016 году более 1000 жителей столицы сделали буддийскими и даосскими монахами. В 1020 году император издал указ монахам проповедовать по всей стране. Наследный принц был назван именем Будды. В 1018 году посол Дайвьета по приказу императора отправился к Сунам и просил буддийский канон *Трипитаку*. В массовом количестве отливались колокола для храмов. Император проявлял буддийское милосердие к военнопленным и заключенным преступникам. Ли Тхай То был первым, кто применил временную отмену налогов и амнистию заключенных.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Влияние буддийской религии и буддийского духовенства на политическую жизнь Дайвьета начального периода независимости при первых вьетских династиях было весьма сильным. После тысячелетней северной зависимости Вьетнам выбрал свой, независимый буддийский путь развития. Буддийские монахи получали высокие чиновничьи должности при дворе, принимали участие в решении военных вопросов, в дипломатических сношениях с Сунами, были наиболее образованной частью господствующего класса. Кхуонг Вьет, Ван Хань и другие монахи были советниками первых императоров Дайвьета.

О господствующем влиянии буддизма в стране свидетельствовал историк XIII века Ле Ван Хыу, автор *Исторических записок Дайвьета*. Он писал, что когда скончался император Ле Дай Хань (1005 год), не нашлось подданных конфуцианцев, чтобы исполнить необходимые обряды.³⁵ Это замечание свидетельствует о том, что ко времени прихода к власти Первых Поздних Ли в административном аппарате Дайвьета не было чиновников — конфуцианцев. В отношении начального периода правления Первых Поздних Ли Ле Ван Хыу также писал: «Ли Тхай То уже два года на престоле, а храм предков императора еще не построен, алтарь божеств земли и злаков еще не возведен, а прежде всего построил девять пагод в области Тхиендык ... половина населения монахи, в стране повсюду храмы и монастыри...».³⁶

В условиях феодальной раздробленности в начальный период независимости буддийское духовенство сыграло значительную роль в объединении страны и организации ее обороны. Ле Дай Хань в борьбе с Сунами и Чамами прибегал к помощи буддийского духовенства, и в первую очередь монахов Кхуонг Вьета и Ван Ханя.

Буддийское духовенство в лице монаха Ван Ханя было одной из основных сил, которое привело к власти первую долговременную вьетнамскую династию. Весьма вероятно, что именно Ли Ван Хань был родным отцом первого императора этой династии.

Примечания

¹ Зяотяу — административная единица, соответствующая северной части современного Вьетнама, названная в период Северной зависимости в начале II века н.э.

² Lê Tấn An Nam chí lược. Hà Nội, 2009, tr. 237.

³ Lê Tấn An Nam chí lược. Hà Nội, 2009, tr. 237.

⁴ Đại Việt sử ký toàn thư, Hà Nội, 1998. Tập I, tr. 225.

⁵ Đại Việt sử ký tiền biên, Hà Nội, 1997, tr. 154, 171.

⁶ Việt sử thông giám cương mục, Tam kỳ, 2007, tr. 127.

⁷ *Краткая история Вьетна (Вьет ши лыок)*. Перевод с вэньяня, вступительная статья и комментарий А.Б. Полякова, Москва, 1980, с. 130.

⁸ *Vũ Quỳnh Lĩnh Nam chích quái*, Hà Nội, 1993, tr. 186.

⁹ *Vũ Quỳnh Lĩnh Nam chích quái*, Hà Nội, 1993, tr. 187.

¹⁰ Именно — Дайвьет, а не Дайковьет. До недавнего времени существовало общепринятое мнение о том, что основатель династии Динь (968—980) Динь Бо Линь в 968 году дал государству название Дайковьет. Однако, упоминания о нем во вьетнамских исторических источниках появляются только начиная с XV века. Более ранние источники о нем не сообщают. Вьетнамские археологи нашли в Хоалы, столице Динь Бо Линя, много кирпичей, на которых были выдавлены иероглифы 大越國軍城磚 Đại Việt quốc quân thành chuyên — «кирпич цитадели государства Дайвьет». [А.Б. Поляков. К вопросу о существовании государства Дайковьет во Вьетнаме в X-XI вв. // *Три четверти века*. ИСАА при МГУ, ИПВ. Памятники исторической мысли. М. 2007. с. 233]. Кирпичи с иероглифами «государство Дайковьет» Đại Sở Việt quốc 大瞿越國 до настоящего времени обнаружено не было. Существует иное мнение. Так, в статье Федорина А.Л. *Как назывался Вьетнам в X-XI вв.?* Вьетнамские исследования. Выпуск 1. Москва 2011, с. 310—319. автор пишет о том, что при династии Динь государство называлось ни Дайковьет, ни Дайвьет, а Намвьет. Государство Намвьет (кит. Наньюэ) существовало в 206—111 гг до н.э. В него входили Северный Вьетнам (Аулак) и китайские провинции Гуандун, Гуанси и Хайнань. А.Л. Федорин приводит два основных аргумента. 1. Динь Бо Линь дал своему наследнику титул Нам Вьет выонга, т.е. буквально — правителя Намвьета. 2. Фань Чэн-да, генерал-губернатор одной из южнокитайских провинций, в своем сочинении *Гуйхай юйчэн чжи* (1175 год) писал: «Сохранились старые документы периодов правления под девизом Юань-ю (1086—1094), Си-нин (1068—1077). Люди доставляют и в наше время точно такие же [документы]. Текст печатей таков: «Печать государства Наньюэ» (цитируется по Чжоу Цюй-фэй *За хребтами вместо ответов*. Москва 2001, с. 422.). На это можно возразить следующее. 1. Основатель следующей после Динь династии Ранних Ле, император Ле Дай Хань (980—1005), назвал одного из своих сыновей Чунг Куок выонг, буквально — правитель Срединного государства, т.е. Китая. Но это не означает, что Вьетнам назывался Китаем. 2. В цитате из Фань Чэн-да говорится о печатях государства Наньюэ, датируемых второй половиной XI и XII веками. Согласно общепринятому мнению, существовавшему до открытия вышеупомянутых

кирпичей, вьетнамское государство получило название Дайвьет в 1054 году, о чем не мог не знать Фань Чэн-да и другие китайские чиновники, работавшие в приграничных с Дайвьетом провинциях. Таким образом, можно усомниться в достоверности сведений Фань Чэн-да о «печатаях государства Намвьет», по крайней мере, этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

¹¹ Vũ Quỳnh *Linh Nam chích quái*, Hà Nội, 1993, tr. 188.

¹² Ibid, tr. 189.

¹³ Ibid, tr. 190.

¹⁴ *Thiên uyển tập anh*. Hà Nội, 1990, tr. 42, 43.

¹⁵ *Thiên uyển tập anh* Văn học. Hà Nội. 1990, tr. 43.

¹⁶ Ibid, tr. 188.

¹⁷ Ibid, tr. 188, 189.

¹⁸ Ibid, tr. 189.

¹⁹ *Đại Việt sử ký toàn thư*, Hà Nội. 1998. Tập I, tr. 240.

²⁰ Династия Чан (1225—1400), придя к власти, запретила фамилию Ли, и изменила ее на фамилию Нгуен.

²¹ Провинция Хабак.

²² Храм Лукто также назывался Чыонглиеу и Тиеушон.

²³ *Краткая история Вьета (Вьет шы лыок)*. Перевод с вэньяня, вступительная статья и комментарий А.Б. Полякова, Москва, 1980, с. 139.

²⁴ *Thiên uyển tập anh* Văn học. Hà Nội. 1990, tr. 47.

²⁵ Polyakov Alexey *Bàn thêm về vấn đề chuyển giáo bí mật các triều đại ở Đại Việt vào đầu thế kỷ XII*. Kỷ yếu Hội thảo khoa học 1000 nghìn năm vương triều Lý và kinh đô Thăng Long, Hà Nội. 2009, tr. 59.

²⁶ *Đại Việt sử ký tiền biên*, Hà Nội, 1997, tr. 192.

²⁷ *Việt sử thông giám cương mục*, Tam kỳ, 2007, tr. 267.

²⁸ Nguyễn Quang Ngọc *Vương triều Lý (1009—1226)*, Hà Nội. 2010, tr. 20.

²⁹ Земля Ман — современная провинция Фуцзянь. До завоевания китайцами в III веке до н.э. там проживало одно из вьетских племен Ман Вьет (кит. Минь Юэ).

³⁰ Nguyễn Quang Ngọc *Vương triều Lý (1009—1226)*, Hà Nội, 2010, tr. 35.

³¹ Nguyễn Ngọc Phúc *Trở lại vấn đề tư liệu về quê hương, gốc tích vua Lý Công Uẩn*. Kỷ yếu Hội thảo khoa học 1000 nghìn năm vương triều Lý và kinh đô Thăng Long, Hà Nội, 2009, tr. 28.

³² A.B. Pôliacóp *Sự phục hưng của nước Đại Việt, thế kỷ X—XIV.* // Hà Nội. 1996, tr. 63.

³³ Lê Tác *An Nam chí lược.* Hà Nội 2009, tr. 221.

³⁴ *Краткая история Вьетна (Вьет шы лыок).* Перевод с вэньяня, вступительная статья и комментарий А.Б. Полякова. Москва, 1980, с. 139.

³⁵ *Đại Việt sử ký toàn thư.* Hà Nội. 1998. Tập I, tr. 231.

³⁶ *Ibid,* tr. 242.

Библиография

1. *Краткая история Вьетна (Вьет шы лыок).* Перевод с вэньяня, вступительная статья и комментарий А.Б. Полякова. «Наука» ГВЛ, М. 1980.

2. *Đại Việt sử ký tiền biên* NXB Khoa học xã hội, Hà Nội, 1997.

3. *Đại Việt sử ký toàn thư.* NXB Khoa học xã hội. Hà Nội. 1998. Tập I.

4. Lê Tác *An Nam chí lược.* NXB Lao động. Hà Nội 2009.

5. Nguyễn Ngọc Phúc *Trở lại vấn đề tư liệu về quê hương, gốc tích vua Lý Công Uẩn.* Kỳ yếu Hội thảo khoa học 1000 nghìn năm vương triều Lý và kinh đô Thăng Long, Hà Nội, 2009.

6. Nguyễn Quang Ngọc *Vương triều Lý (1009—1226)* NXB Hà Nội. 2010.

7. Polyakov Alexey *Bàn thêm về vấn đề chuyển giáo bí mật các triều đại ở Đại Việt vào đầu thế kỷ XII.* Kỳ yếu Hội thảo khoa học 1000 nghìn năm vương triều Lý và kinh đô Thăng Long, Hà Nội. 2009.

8. A.B. Pôliacóp *Sự phục hưng của nước Đại Việt, thế kỷ X—XIV.* // NXB Chính trị quốc gia. Hà Nội. 1996.

9. *Thiền uyển tập anh* NXB Văn học. Hà Nội. 1990.

10. *Việt sử thông giám cương mục* NXB Giáo dục. Tam kỳ. 2007.

11. Vũ Quỳnh *Lĩnh Nam chích quái* NXB Khoa học xã hội. Hà Nội. 1993.

Н.В. Григорьева

РАННЯЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМЦЕВ В ИСТОРИИ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМА ЭТНОНИМОВ

В любых исследованиях древних юэ или каких-либо других народов, упоминаемых в письменных источниках, необходимо очень тщательно относиться к антропологическому содержанию этнонимов и всегда ставить вопрос о том, оправданно ли и целесообразно ли использование этих этнонимов в современных исследованиях. Один из основных аспектов этой проблемы — степень достоверности, с которой может быть определена лингвистическая аффилиация народов юэ.

Вильям Мичэм¹

До начала XX века все изложения древней истории Вьетнама строились преимущественно на информации, содержащейся в китайских письменных источниках. Упоминаемые в этих источниках этнонимы широко применялись к древнему населению страны, в целом, без серьезных попыток определения «антропологического содержания» и «лингвистической аффилиации».

В XX веке информация, почерпнутая из письменных памятников, была дополнена и частично пересмотрена с учетом археологических материалов, полученных в результате открытия

бронзовой донгшонской культуры, вьетнамского неолита, мезолита и палеолита. В течение нескольких последних десятилетий совокупность этих данных служила основой для многих исследований по древней истории Вьетнама, в том числе по ранней этнической истории и этногенезу вьетнамцев.

В то же время филологами из разных стран мира проводились масштабные исследования в области исторических, лексико-статистических и сравнительно-типологических исследований языков региона. В результате этих исследований с высокой степенью достоверности были установлены генетические связи вьетнамского языка, составлены классификации австроазийских, мон-кхмерских и вьетических языков, а также других языков Юго-Восточной Азии, обогатилась информация по истории вьетнамского языка.

В связи с тем, что изучение этнических процессов может быть объективным и плодотворным лишь при междисциплинарном подходе, представляется, что настал момент, когда представление об этнической истории Вьетнама в эпоху древности должно быть скорректировано с учетом последних результатов из области исторической лингвистики. Одна из проблем, которые возникают при попытке описания этнических процессов с использованием уточненных лингвистических данных, — методологическая, связанная с отсутствием адекватных обозначений для различных этнолингвистических и этнокультурных общностей, которые были представлены на территории Вьетнама в древности.

Все существующие изложения этнической истории Вьетнама в эпоху древности не обходятся без следующих обозначений: 1) вьеты (в разных значениях) и 2) лаквьеты.

1. ВЬЕТЫ.

Под обозначением «вьет, вьеты» в современной исторической литературе применительно к эпохе древности понимают, как правило, следующие группы населения: 1) вьеты — народы юэ (вьетн. *Việt*), т. е. некитайские народы, населявшие в древности территории к югу от Янцзы, с которыми связывают современные тайско-кадайские, австронезийские, некоторые ав-

строазиатские, в т.ч. вьет-мыонгские, народы и народы мяо-яо; 2) вьеты — племена, населявшие в древности современную территорию Северного Вьетнама, вероятные этнические предки вьетнамцев и носители прото-вьет-мыонгских языков.

1.1. *Вьеты, народы юэ*

Народам юэ посвящена обширная исследовательская литература. К настоящему времени ученым удалось выделить и обобщить многочисленные культурные особенности этих народов², изучить, какие группы населения Южного Китая и Юго-Восточной Азии в различные периоды истории обозначались этим названием³, какие из существующих ныне языков могут быть связаны с языком (или языками) юэ⁴. Исследователям удалось собрать значительный антропологический и палеоантропологический материал по районам расселения древних юэ; в последние годы активизировались генетические исследования современных народов Южного Китая и Юго-Восточной Азии, ассоциируемых с народами юэ⁵.

Непосредственное отношение к теме нашего исследования будут иметь следующие наблюдения:

1.1.1. Обозначение «юэ», представленное в китайских источниках начиная с эпохи Восточная Чжоу, первоначально относилось к царству Юэ и его жителям. Термин «*бай юэ (сто вьет)*» появился после разгрома государства Юэ китайцами в 4 в. до н.э. и применялся для обозначения всей совокупности некитайских народов Южного Китая и северных районов Юго-Восточной Азии⁶. Для конкретизации указания на ту или иную общность, входившую в состав юэ, использовались уточняющие характеристики, связанные с какой-либо особенностью культуры или места расселения: дунъюэ, минъюэ, нанъюэ, лоюэ, оуюэ и другие. При этом, следует учитывать, что все приведенные обозначения являются экзонимами, и нам достоверно неизвестно, как они связаны с древними и современными аутонимами. На сегодняшний день, когда гипотеза об изначальном родстве аустрических языков⁷ не подтверждена, на наш взгляд, нет достаточных оснований говорить о генетическом родстве названных групп и народов юэ в целом. Таким образом, начиная с эпохи

Хань и позже, правильнее воспринимать «юэ» не как обозначение единой этнической группы, а как квазиэтноним, который использовался для обозначения разных, близких по культурным особенностям, народов Южного Китая и Юго-Восточной Азии, «как широкую культурную зону, претерпевшую значительные изменения в результате вторжения китайцев»⁸.

1.1.2. В конце XX века, когда были обнаружены и исследованы более ранние археологические культуры на территории Юго-Восточного Китая, «хронологические рамки» юэ расширились. Так, из-за отсутствия информации о предшествующем населении этих районов, обозначение юэ стало применяться к культурам и народам гораздо более ранних исторических периодов — вплоть до 5 тысячелетия до н.э.⁹ Таким образом, название «юэ», вполне «историческое», хотя и не вполне однозначное, для эпох Чжоу и Хань, было «опрокинуто» в прошлое и распространено на предшествующие культуры и, как следствие, народы. При таком использовании этого названия целесообразно говорить о том, что «юэ» — это обозначение региональной археологической культуры¹⁰.

1.1.3. Помимо примеров неоднозначного использования обозначения юэ (вьет) применительно к этническим группам эпохи древности, необходимо также иметь в виду наблюдение А.М. Решетова в плане использования этого этнонима современными этническими общностями: «...нельзя не обратить внимание, что этот древний этноним в той или иной форме бытует как самоназвание у ряда различных народов — вьетнамцев, чжуан, буи, тай и др.»¹¹

Язык юэ (вьет) — это современное название не только вьетнамского языка, но и гуандунского (кантонского) диалекта китайского языка (или «гуандунского» языка), используемое жителями Гуандуна и некоторых других районов Южного Китая.

В связи с тем, что обозначение «юэ» столь неоднозначно и разнопланово, некоторые исследователи ставят вопрос об обоснованности его использования применительно к описанию конкретных ситуаций. Так, В. Мичэм, суждения которого использованы в качестве эпиграфа к данной публикации, акцентирует внимание на следующих моментах: «Если антропологи-

ческое содержание исторического термина юэ является настолько обширным и аморфным, должно ли оно использоваться в принципе? Я вижу свою задачу не столько в том, чтобы доказать, что мы не должны использовать этот термин вовсе, сколько в том, чтобы указать на то, что мы должны проявлять должную бдительность в силу его серьезных ограничений»¹².

1.2. *Вьеты, жители древнего Вьетнама*

Аналогичные соображения высказываются и в отношении этнонима «вьет, вьеты» применительно к населению древнего Вьетнама.

1.2.1. Этноним «вьет» в этом его значении относится к племенам, которые в древности населяли современную территорию Северного Вьетнама (преимущественно в зоне дельты Красной реки и морского побережья) и входили в состав народов юэ, описанных в китайских источниках.

Принято считать, что вьеты Вьетнама обладали характерными элементами культуры юэ¹³ (что подтверждается письменными свидетельствами и археологическими материалами), а также были носителями прото-вьет-мыонгских языков (до сих пор предполагалось a priori). В силу описанных установок, а также в силу того, что народы, которые принято называть вьетами, в древности проживали на территориях, ставших впоследствии частью вьетнамского государства, они считаются непосредственными этническими предками современных вьетнамцев¹⁴.

Проблема несостоятельности подобных подходов и нецелесообразности использования этнонима «вьет» в отношении древнего населения Вьетнама уже поднималась некоторыми авторами. Так, К.Ю. Леонов, исследуя этническую историю Вьетнама эпохи Цзяочжи (1 тыс. н.э.), заметил: «Термин «вьет» (кит. юэ), которым принято обозначать цзяосцев, хорошо изучен с точки зрения его происхождения, однако его конкретное наполнение в качестве этнонима применительно к территории Северного Вьетнама в 1 тыс. н.э. вызывает одни вопросы. Известно, что китайские летописцы не пользовались в отношении населения этих мест термином «вьет» (да и не стоит попадаться на удочку нехитрой лингвистической ошибки и выводить сущест-

вание вьетнамца из существования слова «вьетнамец»), который, став самоназванием жителей страны в Средние века был, в развитие теории об исконной принадлежности территории Северного Вьетнама вьетнамцам, перенесен на цзяосцев»¹⁵. В отношении более ранних эпох в истории Вьетнама Стефан О'Харроу отмечает: «Основная проблема, с которой сталкивается историк, желающий изучить период Донгшона (VIII в. до н.э. — I в. н.э.), или даже период, предшествовавший ему как время формирования базовых характеристик вьетнамской цивилизации — это, в значительной мере, проблема дефиниций»¹⁶. В статье, посвященной Си Ниепу, китайскому наместнику во Вьетнаме (186—227 гг. н.э.), Ст.О'Харроу видит одну из своих задач в том, чтобы «предложить подходы к достаточно туманному вопросу о том, с какого момента термин «вьетнамцы» становится полезным и, наоборот, — когда и где он может затруднять наше понимание вещей»¹⁷.

Некорректность безусловного применения этнонима «вьет, вьеты» к древнему населению Северного Вьетнама становится очевидной при изложении истории вьетнамского языка и описании языковых контактов эпохи древности.

Выше говорилось о том, что в исторической и справочной литературе сложилась традиция считать вьетов Вьетнама носителями традиционной культуры народов юэ, а также вероятными носителями прото-вьет-мыонгских языков. Вопрос о том, что эти две общности в какие-то исторические периоды не совпадали, прежде никогда не ставился. Однако результаты исследований в области исторической лингвистики свидетельствуют именно о такой ситуации.

1.2.2. К настоящему времени подавляющим большинством лингвистов, специализирующихся на языках Юго-Восточной Азии, признается отнесение вьетнамского языка к вьетической (вьетской)¹⁸ ветви мон-кхмерской группы австроазиатской языковой семьи.

Исследования вьетических языков, активно проводившиеся в последние десятилетия, показали, что максимальное разнообразие архаичных форм этих языков наблюдается в зоне горных районов нынешних вьетнамских провинций Куангчи-Куан-

гбинь-Хатинь и прилегающих к ним территорий на востоке Лаоса. Исходя из теории о том, что центром формирования того или иного языка (группы языков) является район, где наблюдается максимальное разнообразие его диалектов (близкородственных языков), ряд исследователей (Р.Дж. Чемберлен, Ж. Диффлот, М. Ферлюс, Нгуен Тай Кан, Чан Чи Зой, С.Е. Яхонтов и другие) рассматривают этот горный район вьетнамо-лаосского приграничья как историческую прародину вьетических языков.

Согласно материалам лексико-статистических исследований, осуществленных вьетнамскими лингвистами по методу М. Сводеша, выделение вьетических языков из восточной части мон-кхмерского языкового массива (условно говоря, из языковой среды прото-вьет-кату) произошло около 4000 лет тому назад¹⁹. Наиболее архаичные из ныне существующих вьетических языков подгруппы вьет-тъйт (ахэ и маленг) формировались, как предполагают вьетнамские исследователи, в течение I тысячелетия до н.э.²⁰

Из горных районов на территории нынешних провинций Куангчи-Куангбинь-Хатинь часть носителей прото-вьетических языков постепенно мигрировала к северу, в горные области современных провинций Нгеан, Тханьхоа и далее. В результате этих миграций происходил постепенный распад исходного праязыка и формирование на его основе новых вьетических языков. Возраст менее архаичных языков подгруппы понг-тъйт (май, рук, понг) оценивается приблизительно в 2 тысячи лет, языка арэм — около 1,5 тысяч лет. Три языка вьет-мыонгской подгруппы — вьетнамский, нгуон, мыонг — оформились в самостоятельные языки, по мнению большинства исследователей, примерно 700—1200 лет тому назад, т. е. с период с VIII по XIII века н.э.²¹

Таким образом, если оценки лингвистов верны, то в эпоху формирования Донгшонской культуры «языковые предки» вьетнамцев вероятнее всего населяли преимущественно горные и возвышенные районы современной территории Вьетнама. Для их языка были характерны черты, которые в целом свойственны мон-кхмерским языкам и сохраняются до настоящего времени в т.н. «архаичных» вьетических языках. К числу таких особенностей следует отнести преобладание мон-кхмерской лексики, на-

личие двуслогов или стечений согласных в начале слога, возможность аффиксальных способов словообразования, неразвитость тональной системы.

Особенности культуры и мировоззрения протовьет-мыонгов нашли свое отражение в сохранившихся фрагментах вьетнамского и мыонгского фольклора, представленных, в частности, в сборнике вьетнамских легенд и преданий конца XV века «Удивительные события земли Линьнам» (Linh Nam chích quái)²² и в эпическом произведении мыонгов «Рождение Земли и рождение Воды».

Как следует из материалов этих памятников, основным видом хозяйственной деятельности древних носителей протовьет-мыонгских языков, населявших районы гор и предгорий, было лесное собирательство и охота; земледелие ограничивалось овощеводством²³ и выращиванием клейкого риса, который высаживали на горных полях, а после сбора и обмолота готовили в стволах бамбука. Блюда из клейкого риса были, скорее всего, ритуальной пищей²⁴, а не повседневной, основу питания составляли корни, которые собирали в лесу и перемалывали в муку. Протовьет-мыонги не были знакомы с морской солью и вместо соли использовали золу имбирного корня²⁵. Сфера сакрального у древних вьет-мыонгов была связана с божествами и духами гор. Трудно предположить, что для протовьет-мыонгов, населявших преимущественно возвышенные территории, могли быть характерны такие традиционные для народов юэ виды деятельности как возделывание рисовых полей, заливаемых речной водой в зависимости от приливных течений моря, и мореплавание. Косвенно подтверждением этому может служить то, что упоминаний о возможных морских путешествиях в произведениях устного народного творчества вьетнамцев и мыонгов нет.

Особого внимания в контексте рассмотрения различных групп прото-вьетнамцев заслуживают изложения дошедшего до нас этногенетического мифа. В отличие от более позднего варианта мифа о происхождении вьетнамцев от брака государя-дракона Лак Лонг Куана и феи Ау Ко, зафиксированного, в частности, в летописном своде «Полное собрание исторических записей великого Вьета», в повествовании авторов «Удивительных

событий земли Линьнам» сообщается, что после разделения потомства родителями один из 50 сыновей, последовавших за матерью в горы, стал королем Хунг-вьонгом 1-м (в Фонгтяу, на территории современной провинции Футхо). Таким образом, очевидно, что изначально династия полуполюгендарных-полуисторических правителей Хунгов была связана с материнской линией и локализована в горных районах, а позже, после того как миф подвергся некоторому переосмыслению, оказалась связанной с линией отца Короля-Дракона и приморскими территориями²⁶. Изначальность «горной локализации» вьет-мыонгов косвенно подтверждается мыонгской версией того же мифа, согласно которой 50 детей остались в горах и стали предками мыонгов, а 50 других, которые ушли с отцом в сторону моря, — предками вьетнамцев²⁷. При анализе двух вариантов мифа — вьетнамского и мыонгского — необходимо, учитывая, что оба они являются достаточно поздними, так как, по крайней мере, до первых веков нашей эры (а, согласно исследованиям вьетнамских ученых, — до первых веков второго тысячелетия нашей эры!) вьет-мыонгская языковая общность была едина²⁸.

Смешанный характер традиционной вьетнамской культуры, отражающий особенности жизни как в долинных районах, так и в горных, не раз отмечался исследователями, однако никогда прежде не ставился вопрос о языковой принадлежности и, соответственно, генетических связях групп населения, проживавших в какие-то исторические периоды в горах и на равнинах. Одним из первых, кто на основании результатов изучения истории вьетнамского языка связал древнее долинное население Вьетнама с носителями тайско-кадайских языков, а жителей горного края с носителями вьетических языков, был Нгуен Тай Кан, один из ведущих вьетнамских лингвистов, к сожалению, недавно ушедший из жизни. Описывая историю языковых контактов на территории Северного Вьетнама в древности, Нгуен Тай Кан обозначает контактирующие общности в соответствии с терминами используемой им лингвистической классификации (общность вьет-тхыт и общность тхай-кадай). Поскольку использование этнонима «вьет, вьеты» вряд ли продуктивно в данном контексте (в силу того, что протовьетами, вероятно, следует

считать обе названные группы), далее мы также будем использовать обозначения, принятые в языковедческих работах, полагая, что этнокультурные общности в рассматриваемой ситуации полностью сопоставимыми с языковыми²⁹.

Отмечая тот факт, что многие топонимы в Северном Вьетнаме, в районах, ныне населенных носителями вьетических языков, имеют тайско-кадайское происхождение, Нгуен Тай Кан делает вывод о том, что таиязычное население этих мест было вытеснено или ассимилировано, по крайней мере, в языковом плане³⁰. По мнению ученого, контакты между носителями вьетических языков и тайско-кадайских на землях северного Вьетнама разворачивались как в русле мирного взаимодействия, так и военного противостояния. В качестве примера бесконфликтного сосуществования Нгуен Тай Кан приводит историю о женитьбе короля Хунга на девушке из тайско-кадайского рода Ма³¹. Военные столкновения между двумя этнокультурными общностями, как считает исследователь, нашли свое отражение в известной вьетнамской легенде о битве Духа гор и Духа вод. Тот факт, что победа в сражении и дочь правителя, согласно легенде, достались Духу гор³², а Дух вод был вынужден удалиться ни с чем в свое морское царство, Нгуен Тай Кан интерпретирует как усиление вьетоязычных народов и продвижение их на равнинные земли в дельтах рек, занятых прежде носителями тайско-кадайских языков³³.

Постепенная миграция носителей вьетических языков на равнины и их переход от собирательства и охоты к сельскому хозяйству, основанному на заливном рисоводстве, оставили свой след в истории вьетнамского языка в виде многочисленных заимствований тайской лексики, связанной с земледелием, животноводством, низменными и прибрежными территориями³⁴. К числу таких заимствований, как считают вьетнамские лингвисты, могут быть отнесены, к примеру, следующие: разновидности рисовых полей (*đồng, gầy*), ирригационные объекты (каналы и водостоки — *mương phai*), орудия сельскохозяйственного труда (мотыга, борона — *cuốc, bừa*), сельскохозяйственные культуры (рис, чеснок, апельсин, мандарин — *gạo, t?i sam, quít*), удобрения (*phân*), урожай (*mùa*), названия домашних животных

(корова, курица, утка, — *bò, gà, vịt*) и обозначения половых различий между ними (самка, самец — *con mái, con đực*³⁵), а также лексика, связанная с водными объектами: река (*sông*), пруд, находится в воде (*ao, đầm*), весло, грести (*chèo*), плыть (*boi*)³⁶.

Взаимодействие с тайско-кадайскими языками обусловило не только заимствование специфической лексики, но глубокие процессы изменения строя вьетических языков, распространенных в Северном Вьетнаме, в результате чего и произошло выделение вьет-мыонгских языков из состава вьетических. Процессы моносиллабизации протекали во вьет-мыонгских и тайско-кадайских языках по единой схеме, так же как и в некоторых других языках материковой Юго-Восточной Азии³⁷. В результате этих преобразований во вьет-мыонгских языках произошло изменение структуры слова: исходные двусложные формы (которые до сих пор представлены в «архаичных» вьетических языках в районе вьетнамо-лаосского приграничья), через этап выпадения гласного в слабом слоге (пресиллабе) и образования консонантных кластеров, постепенно трансформировались в однослоги. Впоследствии на основе односложных структур началось формирование тональной системы, механизм которого были впервые описаны в известной работе А.-Ж. Одрикура «О происхождении тонов во вьетнамском языке». Заслуга А.-Ж. Одрикура в области исторической лингвистики состоит в обосновании того факта, что сложение тональной системы может быть этапом в развитии нетонального языка; в описании основных механизмов тоногенеза во вьетнамском языке и убедительном предположении о том, что тоногенез во вьетнамском языке вероятнее всего был обусловлен контактом с тайскими языками³⁸.

Внешнее типологическое сходство тайских и вьет-мыонгских языков (прежде всего, по причине наличия развитой тональной системы) обусловило тот факт, что в течение длительного времени многие исследователи относили вьет-мыонгские языки к тайской языковой семье³⁹, устанавливая, соответственно, генетические связи между носителями языков. С позиций современного научного знания, вероятно, следует признать положение вещей следующим: генетически вьетнамский язык, как

и все вьет-мыонгские, и шире — вьетические языки, относятся к мон-кхмерской группе австроазиатской языковой семьи; с тайско-кадайскими языками его носителей связывают очень древние и весьма тесные контакты; среди этнических предков вьет-мыонгов в период до первых веков до н.э. следует различать, как минимум, две группы: 1) культурных и «территориальных» предков — тайско-кадайское население равнинных территорий Северного Вьетнама и 2) группу языковых предков — носителей вьетических языков, до кого-то времени населявших исключительно районы гор и предгорий. Специфика описанной ситуации состоит в том, что, применительно к эпохе древности каждую из этих двух групп в научной литературе принято именовать вьетами (или протовьетами), что не способствует корректному описанию реальных процессов. Отсутствие устоявшихся обозначений для двух разных групп протовьетов, общепризнанных этнонимов, представляет собой определенного рода методологическую проблему, с которой сталкивается исследователь этнической истории древнего Вьетнама. Другой проблемой является отсутствие достоверной исторической информации о том, до кого периода эти две общности существовали достаточно изолированно друг от друга, и с какого времени мы можем говорить о процессе их слиянии в единую общность.

1.2.3. В результате освоения техники заливного рисоводства на равнинных территориях, воспринятой от тайско-кадайских народов, носители вьет-мыонгских языков постепенно приспособились к ведению хозяйственной жизни в речных долинах Северного Вьетнама. По времени этот процесс, как считает Нгуен Тай Кан, соотносим с той эпохой, когда на смену государству Ванланг пришло государство Аулак, и столица нового государства была перенесена из горной местности на территории современной провинции Футхо на равнину, в Колоа (20 км к северу от Ханоя)⁴⁰.

С предположениями Нгуен Тай Кана о возможном времени распространения вьет-мыонгских языков на равнинах Северного Вьетнама, в целом, согласуются выводы американского исследователя древней истории Вьетнама Стефана О'Харроу, которые ученый делает, отвечая на им же самим поставленные во-

просы: «...что приводит нас к предположению о том, что одна единственная этническая группа занимала основные равнинные районы Северного Вьетнама, когда китайцы впервые появились здесь? (в III веке до н.э — н.г.) Есть ли подтверждения тому, что в рамках этого района существовала единая материальная культура? Обозначались ли местные жители одним общим названием? Что мы можем сказать о том языке, на котором они говорили, и связан ли он с тем вьетнамским языком, который известен нам сегодня? О чем могут свидетельствовать лексические заимствования, поддающиеся датировке?...»⁴¹.

Ход рассуждений Ст.О'Харроу в связи поставленными вопросами несколько отличается от постулируемого во вьетнамской и русскоязычной исторической литературе взгляда на ситуацию в Северном Вьетнаме на рубеже новой эры. Приведем некоторые выдержки из статьи Ст.О'Харроу «Люди ху, люди хан, люди ста маней. Биография Си Ниэпа и концептуализация вьетнамского общества эпохи древности» с незначительными сокращениями:

«В настоящее время имеются подтверждения, как минимум, тенденции к единству материальной культуры в течение Донгшонского периода, и того, что сама эта культура происходит непосредственно из более ранних, предшествующих веку металла, местных культур. Но Донгшонская культура характеризуется чрезвычайно широким ареалом распространения, существенно превышающим район, который считается прародиной вьетнамцев, т. е. ареалом, без всякого сомнения, объединяющим множество этнических групп той эпохи. И хотя эта тенденция к единству материальной культуры никак и не ослабляет предположение об этнической однородности в равнинной зоне Северного Вьетнама, <...> она, тем не менее, сама по себе не является сильным аргументом в пользу той идеи, в которую некоторым бы хотелось, чтобы мы поверили. При этом, существование очень значительной цитадели в Колоа, представляющей собой поздний докитайский фокус вьетнамского царства (отраженный в легендах об Ан Зыонг Вьонге), неоспоримо свидетельствует о том, что возникновение значительного политического объединения, возможно, в форме альянса, лиги или межплеменной

коалиции с центром в Колоа, требовало интенсивной коммуникации между объединившимися группами. <...>

Представляется, что местное население было способно предпринимать концентрированные совместные действия, которые трудно себе вообразить, если бы общество было «балканизировано» до уровня отсутствия взаимопонимания с лингвистической точки зрения. Подобная ситуация позволяет предположить существование какого-либо лингва-франка, даже необязательно взаимного понимания языков. <...> Протовьетнамский язык использовался как лингва-франка в межгрупповой коммуникации и, вероятно, при дворе в Колоа, так как это был язык наиболее сильной (и, скорее всего, многочисленной) местной этнической группы»⁴².

В отношении этнонимов, использовавшихся китайцами для обозначения местных жителей, Ст. Харроу приводит следующие небезынтересные наблюдения: «Названия, применяемые историками китайских династий к автохтонным народам Вьетнама, различны. В биографии Си Ниэпа используется как «и» (общее обозначение восточных варваров), так «сто маней». «Мань» — специфическое обозначение южных варваров. <...>

Использование числа сто в обозначении, вероятно, предполагает существенное разнообразие народов, но здесь может быть обусловлено литературно и использоваться в качестве аллюзии к более старому названию «сто юэ», также применяемому к народам этого района. Многие исследователи в последнее время склоняются к использованию названия «лак» (вьетнамское чтение китайского «ло»), ранее относившегося к местной наследственной знати, власть которой была обусловлена контролем над заливными рисовыми полями, называемыми «лак-полями». В легендах об Ан Зыонг Вьонге появляется народ, называемый «ау» (вьетнамское чтение китайского «оу»). <...> Не углубляясь существенно в детали этого «парада имен», часть из которых, несомненно, в большей степени отражает китайское небеспристрастное восприятие региона, нежели этнографическую реальность, представляется, что два термина «ау» и «лак», а также, возможно, третье — «юэ», отражают в некотором смысле этническую специфику, причем вероятнее всего, накладыва-

ясь при этом друг на друга, а не взаимоисключая. Но, тем не менее, и что важно — они свидетельствуют о чем-то более сложном, нежели полная этническая однородность»⁴³.

Таким образом, выводы вьетнамского лингвиста и американского историка сходятся в том, что в докитайскую эпоху население Северного Вьетнама явно не было этнически однородным и что к 3 в. до н.э. протовьет-мыонгский язык приобрел статус наиболее распространенного языка среди племен, населявших долину Красной реки.

Экзонимы, применявшиеся древними китайцами в отношении населения Северного Вьетнама, весьма разнообразны; аутонимы тех времен нам практически неизвестны (кроме самоназвания мыонгов «мол/мой/муал/муан», которое означая «человек, люди» является весьма древним, имеющим связи в мон-кхмерском мире). Широко используемый в литературе этноним «вьет», соответствующий древнему экзониму и существенно более позднему (с 10-го века н.э.) аутониму, не позволяет корректно охарактеризовать этнические процессы на данной территории в эпоху древности. Немногим больше способствует прояснению ситуации и этноним «лаквьет», которым принято обозначать вьетов Вьетнама до 1-го века н.э.

2. ЛАКВЬЕТЫ

В последние десятилетия под влиянием работ вьетнамских авторов установилась традиция считать, что лаквьеты (кит. лоюэ), являющиеся одной из южных групп юэ, — это автохтонное⁴⁴ население Северного Вьетнама, создатели Донгшонской культуры и государства Ванланг, управлявшегося правителями Хунгами. В этом качестве лаквьеты представляются непосредственными предками вьетнамцев, ассимилировавшими⁴⁵ в III веке до н.э. племена тэйау и впоследствии обеспечившими сохранение древней вьетской идентичности на протяжении тысячелетнего периода китайского господства. После того, как были установлены генетические связи вьетнамского языка с мон-кхмерскими, лаквьетов также стало принято считать, «австроазиатами», носителями протовьет-мыонгских языков⁴⁶.

2.1. Лак (Lạc, кит.ло) — это самый ранний из зафиксированных в китайских памятниках специфических этнонимов, относящихся к древнему населению Вьетнама⁴⁷. В последние десятилетия большинство исследователей стран Запада склоняется к тому, что морфема «лак» связана, прежде всего, с характеристикой заливных рисовых полей, приспособленных к изменению уровня воды в близлежащих реках в зависимости от приливов и отливов моря⁴⁸, — так называемых лак-полей⁴⁹. Понятия лактыонг (Lạc tướng), лакхау (Lạc hầu) и лакзан (Lạc dân) являются производными от этого значения и связанными, соответственно, с владением, управлением или обработкой заливных полей в речных долинах. Помимо этого, морфема «лак» входит в состав имени культурного героя, прародителя вьетов, короля-дракона Лак Лонг Куана, являющегося, согласно мифу, прямым потомком китайского божества-покровителя земледелия Шэн Нуна.

Принимая во внимание все сказанное выше, возникает ряд вопросов: Каким образом этноним «лак», производный от способа обустройства заливных рисовых полей в зонах, на которые распространяется действие морских приливов и отливов, может относиться к древней вьетоязычной группе, которая населяла удаленные от моря районы и поддерживала другие виды и способы земледелия? О чем может свидетельствовать мыонгский миф о разделении потомства, появившегося от брака отца-рыбы и матери-оленихи⁵⁰, сопоставимый с мифом о происхождении вьетнамцев от брака короля-дракона Лак Лонг Куана и феи Ау Ко? Почему два фольклорных персонажа почитаются у вьетнамцев в качестве покровителей земледелия — король-дракон из рода Лак, научивший народ выращивать рис на заливных полях, и Дух гор, которому «известны», помимо риса, и другие сельскохозяйственные культуры?⁵¹ Почему, кроме характеристики полей и имени прародителя-дракона, связанного с морем и водной стихией, ни устная традиция вьетнамцев, ни письменные памятники не сохранили никаких других ассоциаций с морфемой лак? Почему после 1-го века н.э. китайские авторы не использовали этноним лак в отношении населения Северного Вьетнама? В силу каких причин во вьетнамской историографии и исторической литературе за пределами Вьетнама этот этноним

используется для обозначения всего древнего населения Северного Вьетнама, как минимум в течение эпохи бронзы, при том, что период использования его в китайских источниках непродолжителен — с начала эпохи Хань и до поражения восстания сестер Чынг в 43 г. н.э.⁵²

Вероятно, ответы на большую часть этих вопросов могут быть найдены, если признать, что до первых веков до нашей эры на территории Северного Вьетнама сосуществовали 2 этнолингвистические общности — прототаязычное население низовий рек, основой хозяйства которого было заливное рисоводство, с одной стороны, и протовьетоязычное население возвышенных и горных районов, с другой. Этноним лак, являющийся, скорее всего, экзонимом, изначально относился к группе таиязычных, но впоследствии по мере продвижения вьетоязычных на равнины, вероятно, стал применяться ко всему населению равнинной зоны и, возможно, предгорий. В пользу этого предположения может свидетельствовать тот факт, что потомками лаквьетов (лоюэ), помимо вьетнамцев, считаются некоторые тайско-кадайские народы (чжуаны КНР и близкородственные им народы Китая и Северного Вьетнама, а также ли Хайнаня (самоназвание хлаи/лаи))⁵³.

Миграция части вьетоязычного населения на равнины, вероятно, нашла свое отражение в мьонгском мифе о разделении потомства матери-оленихи и отца-рыбы, к которому, очевидно, восходит вьетнамский этногенетический миф о происхождении вьетнамцев от брака короля-дракона Лак и феи Ау Ко. Усиление вьетоязычных на территориях северовьетнамских долин привело к постепенному вытеснению или ассимиляции предшествующего таиязычного населения. Однако заметный «тайский след» сохранился не только в сельскохозяйственных традициях вьетнамцев, но также в их языке и фольклоре. Процессы заимствования определенных пластов лексики, моносиллабизации и тоногенеза, которые развивались в архаичном вьетическом языке под влиянием прототайских и обусловили выделение протовьет-мьонгского языка из массива вьетических, были описаны выше. Что же касается фольклора, то, вероятно, наличие двух героев-покровителей земледелия — короля-дракона Лак

Лонг Куана и Шон Тиня, Духа гор, — обусловлено изначально разными типами земледелия двух этнокультурных общностей в различных природных условиях. Образ Короля-дракона Лак, вероятнее всего, происходит от образа первопредка, связанного с водной стихией, почитаемого среди тайских народов⁵⁴. Ханвьетское имя этого персонажа, Лак Лонг Куан, свидетельствует о достаточно позднем его появлении в фольклорной традиции вьетнамцев. В фольклоре близкородственных вьетнамцам мыонгов этот образ отсутствует, а сопоставимые с ним образы рыбы или водяных змеев связаны с идеей чужеродности, принципиально иного, водного или подводного, мира.

Исчезновение этнонима лак из китайских записей о Северном Вьетнаме с I-го века нашей эры может свидетельствовать об окончательном утверждении вьетоязычных общностей на равнинных территориях. Перефразируя известное выражение К. Тэйлора о том, что этноним вьет не был эндогенным для Вьетнама⁵⁵, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что этноним лак не был эндогенным для вьетоязычных переселенцев на равнинах Северного Вьетнама. В последующий период, в эпоху Зяоти (кит.Цзяочжи), основным этнонимом, применимым к вьетоязычному населению северовьетнамских равнин, вытеснившему или ассимилировавшему прежние таиязычные общности, вероятно, следует считать этноним зяо, сохранившийся в качестве обозначения вьетнамцев среди тайских народов Вьетнама (в фонетической форме кео) и хмонгов (в фонетической форме тео, тео ти)⁵⁶.

Утвердившаяся в современной исторической литературе традиция применения этнонима лак ко всему древнему населению Вьетнама, в период со II тысячелетия до нашей эры до первых веков нашей эры, объясняется, вероятнее всего, установками вьетнамской государственной политики в «моделировании» далекого прошлого.

2.2. Вопрос о соотношении этнонима лак, названия мифического государства Ванланг и полупоэтической династии правителей Хунгов требует дальнейших исследований. Но уже сейчас можно отметить несколько интересных наблюдений.

В середине 1960-х годов некоторые исследователи древней истории Вьетнама высказывали осторожные предположения о том, что самоназвание жителей Ванланга могло совпадать с названием этого государства⁵⁷. Некое «племя ванланг» фигурирует и в работе А.И. Мухлинова «Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа». Автор выделяет это племя на основании анализа археологического материала и обращает внимание на то, что центр расселения этого племени находился на территории провинции Виньфу⁵⁸, на значительном удалении от морского побережья. Каких-либо развернутых характеристик общности ванланг, описаний ее взаимоотношений с лаквьетами в работе А.И. Мухлинова нет, и в таком контексте заключение о том, что «наступление на дельту р.Хонгха велось с двух основных направлений: с северо-запад, вдоль долины, ванлангцами и с юга — лаквьетами донгшоана»⁵⁹ не столько проясняет ситуацию, сколько вызывает недоумение в связи с несвойственным для отечественного вьетнамоведения противопоставлением лаквьетов и жителей Ванланга.

Тогда же, в 1960-е годы, были сформулированы предположения о том, что для названия Ванланг, как и для обозначения правителей Хунгов, можно проследить этимологию и параллели в рамках австроазиатского мира⁶⁰. Несколько раньше, в 1950-е годы, Эмиль Гаспардон показал, что гипотеза Анри Масперо о том, что титул «хунг» — неверная запись иероглифа со значением «лак», вряд ли может быть поддержана. Ученый обнаружил, что обозначения лак и хунг попали в китайские памятники разными путями: морфема «лак» отражает китайское восприятие заливных рисовых полей, которое китайским авторам было, скорее всего, уже известно, а наименование «хунг» передается, вероятно, близким по звучанию к иноязычному слову иероглифом, без всяких попыток интерпретации и установления ассоциаций⁶¹.

Таким образом, есть некоторые аргументы в пользу того, что обозначения «лак, лаквьеты», с одной стороны, и «хунг», «ванланг», с другой, могли относиться к разным этнолингвистическим общностям.

Представленные наблюдения и проведенный анализ позволяют сделать следующие заключения:

1. В докитайскую эпоху население Северного Вьетнама (которое принято называть древними вьетами) включало в себя, как минимум, две крупные этнолингвистические общности — прототайско-кадайское население низменных территорий и протовьет-мыонгское население горных и возвышенных районов. В силу показанной разнородности населения применение этнонима «вьет» ко всем жителям Северного Вьетнама эпохи древности не представляется продуктивным, т. к. не позволяет разграничить названные общности и непротиворечиво описать их языковые и этнокультурные характеристики. В связи с тем, что каких-либо общепринятых этнонимов для разграничения этих общностей не существует, предлагается обозначать эти две группы населения в соответствии с терминами лингвистической классификации — прототайско-кадайская общность и протовьет-мыонгская общность.

2. Специфика этнических процессов на территории Северного Вьетнама во второй половине I тысячелетия до н.э., а возможно, и в более ранние периоды, состояла в интенсивном прототайско-вьетском взаимодействии. Это взаимодействие было обусловлено постепенным продвижением вьетоязычных из возвышенных и горных районов на низменные территории, занимаемые прежде тайязычными, и утверждением их на этих территориях в результате освоения техники рисоводства на затопляемых полях. Под влиянием контактов с прототайским населением на территории Северного Вьетнама протекали процессы изменения строя и лексики архаичного вьетического языка, в результате чего закладывалась основа для формирования протовьет-мыонгского языка и выделения его из массива вьетических. К III веку до нашей эры протовьет-мыонгский язык был, вероятно, наиболее влиятельным языком, своего рода лингва-франка, в долине Красной реки и на прилегающих к ней возвышенных территориях. Процессы сложения этнической идентичности протовьетнамцев докитайского периода на основе прототайско-вьетского синтеза получили свое отражение в фольклорных сюжетах вьетнамцев и мыонгов.

3. Этноним «лаквьет», связанный с характеристикой заливных рисовых полей, следует ассоциировать, прежде всего, с прототайско-кадайским населением низменных территорий Северного Вьетнама, по крайней мере, в период до 3 века до нашей эры.

4. Перспективным направлением в изучении языковых и культурных предков вьетнамцев могут стать историко-лингвистические и сравнительно-типологические исследования на материале вьетических (и, в целом, мон-кхмерских) и австротайских языков. Представляется, что дальнейшие исследования в рамках гипотезы об австротайском языковом родстве и особом месте кадайских языков в этой языковой общности, могли бы пролить дополнительный свет на многие неясные места ранней этнической истории вьетнамцев, воссозданной на основе древних письменных памятников и археологических артефактов.

Примечания

¹ *Meacham, William*. Defining the Hundred Yue // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 1996. N 15. PP.93—100, P.93

² К культурным особенностям юэ, как правило, относят следующие: рисоводство как основной вид хозяйственной деятельности; широкое употребление в пищу моллюсков и земноводных; строительство домов на сваях; нанесение татуировок на тело и лицо, коротко остриженные волосы у мужчин; короткие штаны (набедренная повязка) и тюрбан как значимые компоненты одежды; окрашивание зубов или удаление нескольких зубов (чаще всего верхних передних или глазных); производство и использование в ритуальных целях бронзовых барабанов; почитание в качестве тотемов птиц, рептилий и земноводных; гадание на птичьих, чаще всего куриных, костях; широкое использование средств передвижения по воде и опыт в морских сражениях; шелководство и высокоразвитые технологии ткачества; преобладание геометрических форм в орнаменте изделий из керамики; матрилокальное поселение; присутствие мужчин при деторождении и их участие в заботе о новорожденных в целях скорейшего возвращения женщин к полевым работам. (*Barlow, Jeffrey*. <http://mcel.pacificu.edu/as/resources/zhuang/zhuang1.htm>; *Иванова Е.В.*, Дискуссионные проблемы этниче-

ской истории тайских народов // Кюнеровский сборник. Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Выпуск 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005—2006. Санкт-Петербург. 2008. С. 53—70; С. 56).

³ О том, как менялось с течением времени содержание квазиэтнонима «юэ» в китайских письменных памятниках см. *Meacham*, P.93; *Brindley, Erica*. Barbarians or Not? Ethnicity and Changing Conceptions of the Ancient Yue (Viet) Peoples, ca.400—50 BC // *Asia Major* 16.1. 2003. PP.1—32, P.10—15.

⁴ Языки юэ чаще всего связывают с прототайскими языками, реже с аустроазитскими, мяо-яо и австронезийскими: например, *Edmondson, Jerold A*. The power of the language over the past: Tai settlement and Tai linguistic in southern China and northern Vietnam // *Studies in Southeast Asian Linguistics*. Bangkok. 2007; *Norman, Jerry and Tsu-Lin Mei*. The Austroasiatics in Ancient South China: Some Lexical Evidence // *Monumenta Serica*. Volume XXXII. 1976. PP.274—301; *You, Xiuling*. Ancient Yue spoken language and rice culture (<http://http-server.carleton.ca/~bgordon/Rice/papers/youxl99c.htm>).

Как справедливо замечает Е.В.Иванова, в целом, «о языках юэ мало что известно», добавляя, что «китайцы называли их язык птичьим» (*Иванова*, С.56).

Текстов на языках юэ практически не сохранилось; единственным документальным свидетельством «языка юэ» является «Песня лодочника», записанная китайскими иероглифами и переведенная на китайский язык в 6 в. до н.э. Предпринимались попытки прочтения текста этой песни через реконструированные формы древнетайских языков, древнетямского языка и древнекитайского.

⁵ Например, *Vu-Trieu A and others*. HLA-DR and -DQB1 DNA polymorphisms in a Vietnamese Kinh population from Hanoi//*European Journal of Immunogenetics* N 24 (5). 1997. PP. 345—56; *Li Hui*. Genetic Structure of Austro-Tai Populations. PhD Thesis of Human Biology, Fudan University. 2005; *Zhao Qing and others*. Gene flow between Zhuang and Han Populations in the China- Vietnam Borderland. *Journal of Human Genetics*. N 55. 2010. PP.774—776; *Li Dongna and others*. Genetic Origin of Kadai-Speaking Gelong People on Hainan Island Viewed from Y chromosomes. *Journal of Human Genetics*. N 55. 2010. PP.462—468.

Н.Н.Чебоксаров на основании результатов самостоятельных антропологических исследований еще в 70—80-е годы прошлого столетия сделал вывод о том, что южномонголоидные черты у древних китайцев

связаны с влиянием древних юэских компонентов, «среди которых он видел предков тайских, мяо-яоских и индонезийских народов» (*Решетов А.М.*, Проблемы этнографии древних юэ в отечественной науке // Этнос и этнические процессы. Москва. 1993. СС.37—47; С.40).

⁶ В этом отношении характерно замечание Ст.О'Харроу: «В действительности, я не уверен, что древние китайские комментаторы соответствующих эпох сами ясно представляли себе, какие группы народов они обозначают названием «сто юэ», что это за народы, как они связаны между собой, где они проживают, и это обстоятельство составляет нашу проблему в настоящее время. Представляется, что к каким бы расовым корням не относились эти народы (а этот вопрос до сих пор остается нерешенным), к IV—III векам до н.э. «юэ» являли собой ряд связанных между собой племен и народов, которые распространились далеко за пределы их прежней локализации в прибрежных районах Южного Китая» (*O'Harrow, Stephen. From Co-loa to the Trung Sisters' Revolt: Viet-Nam as the Chinese Found It // Asian Perspectives XXII/2. 1979. PP.140—164, P.143).*

⁷ Понятие аустрических языков связано с гипотезой об аустрической языковой семье, объединяющей основные языки Юго-Восточной Азии — австроазиатские, австронезийские, таи-кадайские и мяо-яо. Идеи о родстве этих языков многократно высказывались и опровергались в течение XX века. К настоящему времени большинство лингвистов придерживается мнения о том, что родство аустрических языков не может быть признано до тех пор, пока не будут установлены регулярные фонетические соответствия между сопоставимыми формами.

Одним из элементов аустрической гипотезы можно считать аустротайскую гипотезу, предполагающую генетическое родство тайских и австронезийских языков. Аустротайская гипотеза в последние десятилетия получает все большую доказательную базу и поддержку исследователей (*Пейрос И. И.*, Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток. Этнокультурные связи. Москва. 1988. СС. 319—332; *Sagart, Laurent. The higher phylogeny of Austronesian and the position of Tai—Kadai // Oceanic Linguistics. 2004. № 43. PP. 411—440 и другие)*

⁸ *Иванова, С. 56.*

⁹ Например, *Лантев С.В.* Предыстория и история народов Вьет: археология нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века. Москва. 2006.

¹⁰ *Peters, Heather*. Tattooed Faces and Stilt Houses: Who Were the Ancient Yue? // *Sino-Platonic Papers*. N 17. 1990. PP.1—27, P.10.

¹¹ *Реуемов*. Указ. соч. С.42.

¹² *Meacham*. Op cit. P. 99.

¹³ См. сноску 2.

¹⁴ Экзоним «вьетнамцы», повсеместно используемый за пределами Вьетнама начиная со второй половины XX столетия, очевидно связан с названием современного государства. Это название страны впервые было официально установлено в 1804 г. при императоре Зя Лонге, однако просуществовало недолго — до 1813 г. Название государства «Вьетнам» было восстановлено в 1945 г. и с тех пор используется для обозначения всех существовавших и существующих государственно-политических образований в рамках современных границ СРВ.

В современной административной практике СРВ «вьетнамец (người Việt Nam)» — это обозначение гражданства, а не указание на этническую принадлежность. Для обозначения этнической идентификации большинства жителей страны в документах и в специальной литературе принято использовать этнонимы, соответствующие самоназваниям, кинь (Kinh) или вьет (Việt).

¹⁵ *Леонов К.Ю.*, Этнический состав населения Цзяо по данным внешних анналов Тоан Тхы // Три четверти века. Д.В.Деопику — друзья и ученики. Москва. 2007. СС. 93—113; С. 94

¹⁶ *O'Harrow, Stephen*. Men of Hu, Men of Han, Men of the Hundred Man // *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. Tome 75. 1986. PP.249—266. P. 251.

¹⁷ Ibid. P. 251.

¹⁸ Вьетические (или вьетские, от английского Vietic) языки — название, сменившее прежнее название «вьет-мыонгские языки». Это название было введено в научный оборот в 1992 «в целях достижения большей ономастической и таксономической ясности» (*Hayes, L.V.H.* Vietic and Viet-Muong: a new subgrouping in Mon-Khmer // *Mon-Khmer Studies*. N21. 1992. PP. 211—228, P.220). В последнее время под названием «вьетические (вьетские) языки» принято обозначать всю группу языков, генетически родственных вьетнамскому. Под вьет-мыонгскими языками в современной лингвистической литературе принято понимать лишь несколько наиболее нетипичных мон-кхмерских языков из числа вьетических — вьетнамский, мыонгский и язык нгуон. Остальные вьетические языки, сохраняющие двусложные структуры или начальнослоговые консонантные кластеры и не имеющие развитой то-

нальной системы, относят к подгруппе «архаичных» (*Ferlus, Michel. Sur l'origine géographique des langues Viet-Muong // Mon-Khmer Studies. N8—19.1989. pp. 52—59, p.52*); некоторые вьетнамские авторы называют их языками понг-тьят.

Нгуен Тай Кан использует для вьетических языков обозначение «языки вьет-тьят» и описывает место вьетнамского языка в генетической классификации следующим образом: «На основании научных достижений, свершившихся в течение нескольких последних десятилетий, в настоящее время можно обоснованно заключить: вьетнамский язык — это один из языков вьет-мыонгской подгруппы, ветви вьет-тьят, относящейся к языковому блоку вьет-кату восточного подразделения мон-кхмерского раздела австроазиатской языковой семьи» (*Nguyễn Tài Cán. Giáo trình lịch sử ngữ âm tiếng Việt (sơ thảo). Hà Nội. 1995. Tr.316*). Схематично Нгуен Тай Кан представляет состав вьетических языков следующим образом: «вьет-мыонг + понг-тьят = вьет-тьят» (*Ibid, Tr.316*). Используя систему обозначений, принятую в литературе на европейских языках, схему, предложенную Нгуен Тай Каном, можно было бы записать так: «вьет-мыонгские + архаичные вьетические = вьетические языки».

¹⁹ *Nguyễn Tài Cán, Tr.317*

²⁰ *Ibid.*

²¹ В «Курсе исторической фонетики вьетнамского языка» Нгуен Тай Кан приводит следующие цифры, характеризующие возраст вьетических языков, определяемый по методу М.Сводеша: ахэ, маленг — 2300—3200 лет; понг — 2200 лет; май, рук — 1600—2000 лет; арем — 1300—1800 лет; вьетнамский, мыонгский, нгуон — 700—1200 лет.

Чан Чи Зой, выделяя период древневьетнамского языка, датирует разделение вьет-мыонгского языка на вьетнамский и мыонгский концом XIII — началом XIV века (*Trần Trí Dõi. Giáo trình lịch sử tiếng Việt (sơ thảo). Hà Nội. 2005. Tr.190—191*).

И.И. Пейрос, вслед за М.Ферлюсом (*Ferlus, Michel. Langues et peuples viet-muong // Mon-Khmer Studies. 1996. N26. pp.7—28, p.12*), представляет состав вьетической ветви несколько иначе, выделяя языки и группы языков следующим образом: 1. Языки и диалекты маленг; 2. Язык арем; 3. Группа тьят (включая сать, саланг, рук, май); 4. Группа тхавынг; 5. Группа хунг (включая языки и диалекты понг, тум, данлай (лиха)); 6. Группа тхо (куой и мон) 7. Язык нгуон и диалекты мыонг; 8. Вьетнамский язык (*Пейрос И.И. Генетическая классификация австроазиатских языков. Диссертация на соискание ученой степени*

доктора филологических наук (рукопись). Москва. 2004. С.15). По мнению И.И. Пейроса, вьетнамский и другие вьет-мыонгские языки несколько «старше», чем их представляют вьетнамские языковеды: «генетическое древо вьетских языков», содержащееся в приложении к диссертационному исследованию И.И.Пейроса, показывает обособление вьет-мыонгских языков от остальных вьетических в 1-м веке до н.э., а расхождение вьетнамского и других вьет-мыонгских языков — в конце 2-го века нашей эры. Вероятно, нельзя исключать, что при определении датировок И.И.Пейрос в большей степени ориентировался на исторический контекст, нежели на собственно языковой материал, как это делали вьетнамские исследователи.

В вопросах определения времени распада корневых языков и формирования дочерних языков к датировкам Нгуен Тай Кана и вьетнамских лингвистов близки датировки Л.В.Хэйза: разделение на протопонг-тхыт и протовьет-мыонгские языки он датирует временем около 570 г. н.э. ±250 лет, а распад протовьет-мыонгского на протовьетнамский и протомыонг-нгуон — периодом 1255 г. н.э. ±165 лет (Hayes, P.219).

²² Другой вариант русскоязычного перевода этого названия — «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» (Кнорозова Е.Ю. Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. Санкт-Петербург. 2009. С. 43—48).

²³ Большое значение в структуре питания и в ритуальной сфере жизни протовьет-мыонгов имели тыквенные культуры (Стратанович Г.Г. Этногенетические мифы об исходе из яйца или тыквы у народов Юго-Восточной Азии // Этническая история и фольклор. Москва. 1977. С. 62—63).

²⁴ Ср. предание о «Новогодних пирогах» (например, Кнорозова Е.Ю. Мифы и предания Вьетнама. Санкт-Петербург. 2000. С. 97—98).

²⁵ по материалам *Linh Nam chich quai*; *Nguyễn Tài Cán*, Tr. 320.

²⁶ *Taylor, Keith*. The Birth of Vietnam. 1983. P. 303.

²⁷ Мыонгский вариант мифа отличается от вьетнамского следующими деталями: 1. Родители 100 детей в меньшей степени обладают антропоморфными чертами: это не Король-Дракон и фея, а Карп и Олениха, причем мать-Олениха представляется в этой паре доминирующей фигурой, привязанной к горной местности; 2. Среди 100 родившихся детей оказались не только сыновья, но и дочери (50 мальчиков и 50 девочек); 3. Поделенные между родителями дети, стали предками мыонгов (в горах) и вьетнамцев (на равнинах).

²⁸ См. сноску 21 о возможных датировках распада вьет-мыонгской языковой общности.

У мыонгов, помимо мифа о разделении потомства карпа и оленихи, существует другой этногенетический миф, более древний и более характерный для мон-кхмеров, связывающий происхождение их народа (и, вероятно, вьет-мыонгов в целом) с парой птиц — Chim Âu và Cáí Ủa (например, *Стратанович*, С.63).

²⁹ Для языков, которые Нгуен Тай Кан и другие вьетнамские лингвисты (например, Чан Чи Зой) обозначают как тхай-кадайские (Thái-Kadai), в работах на европейских языках используются обозначения тайско-кадайские или кра-дайские (варианты англоязычных наименований — Tai—Kadai, Daic, Kadai, Kradai, Kra—Dai). В работах китайских авторов эти языки называются чжуан-дунскими. В рамках нашей работы будут использоваться устоявшиеся в русскоязычной лингвистической литературе названия тайско-кадайские языки или сокращенно — тайские.

³⁰ *Nguyễn Tài Cán*, Тг.321.

³¹ В сказках мыонгов культурный герой часто женится на дочери властителя царства водяных змеев, живущих в «подводном мире» и олицетворяющих водную стихию (*Никулин Н.И.* Космологические представления мыонгов по фольклорным и изобразительным материалам // *Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении.* Москва. 1999. С. 161—177)

³² В произведениях вьетнамского фольклора Дух гор, Шон Тинь, также, как и прародитель-дракон Лак Лонг Куан, «обучает» народ земледелию. Однако, в отличие от Лак Лонг Куана, для Духа гор земледелие это не только рисоводство: «Однажды хозяин гор...заметил, что люди возделывают на полях лишь рис, а о таких растениях, как кукуруза, батат, маниок, даже и не подозревают. Шон тинь взял горсть семян этих растений, раздал их местным жителям и велел посеять, обещая прекрасное подспорье к рису» (*Кнорозова*, 2000, С.104).

Почитание духа гор в качестве покровителя земледелия до настоящего времени широко проявляется в ритуалах вьетнамских деревенских праздников на территориях, где располагалось легендарное государство Ванланг (см. *Nguyễn Xuân Cường, Lê Đức Ông Khru Bà Khru*, Heritage. December, 2011. Тг.68—74).

Дух гор почитаем также среди мыонгов, которые считают его мыонгом по происхождению и именуют Великим духом горы Тан Виен (Đức thánh Tân Viên) или духом горы Ба Ви. (Thần núi Ba Vi).

³³ *Nguyễn Tài Cán*, Тг.321; Заметим, что «тяготение к поселению в долинах рек» отмечается как одна из характерных этнокультурных особенностей таиязычных народов (*Иванова*, С.67).

³⁴ Поскольку для значительной части этой общей тайско-вьетнамской лексики есть китайские соответствия, Нгуен Тай Кан не исключает, что источником заимствований мог быть и древнекитайский язык. Однако, если это и так, то вьетические языки могли заимствовать эти лексические единицы только через тайско-кадайские языки, т.к. непосредственных контактов между вьетическими языками и древнекитайским в ту эпоху не было (*Nguyễn Tài Cán*, Тг.322). При этом, в работах китайских исследователей последних десятилетий китайскую лексику, связанную с рисоводством, все чаще связывают с тайскими языками или т.н. «языком юэ», например, см. *You Xiuling*.

На наш взгляд, слова «рис» (gào) и «горное рисовое поле» (gầu) занимают особое место в этом списке общей тайско-вьетнамской лексики, т.к. фонетические формы этих слов во многих современных мон-кхмерских и тайско-кадайских языках позволяют предполагать связь с одними и теми же корневым морфемам.

³⁵ Эти морфемы используются для обозначения понятий «самец», «самка» в отношении некоторых видов птиц, в том числе домашних.

³⁶ *Nguyễn Tài Cán*, Тг.322; Некоторые исследователи полагают, что лексика, связанная с «прибрежной локализацией», в целом, изначально не была характерна для австроазиатских языков (см. *Sidwell, Paul*. The Austroasiatic central riverine hypothesis // Вопросы языкового родства. 2010. № 4. СС.117—134, С. 119).

³⁷ *Самарина И.В.* Процессы моносиллабизации в языках материковой Юго-Восточной Азии // Вопросы филологии. Москва. № 1 (25). 2007. СС.41—49, С.44—45

³⁸ *Haudricourt, André-Georges*. De l'origine des tons en vietnamien // Journal Asiatique. 1954. № 242. P. 69—82.

³⁹ Самым авторитетным в этом ряду исследователей был французский синолог А.Масперо, обратившийся к изучению языков, распространенных на юге Китая и во Вьетнаме, — тайских и вьет-мыонгских. Ему принадлежат такие классические труды по историческому языкознанию языков региона, как «Некоторые вопросы изучения фонетической системы тайских языков» (1911 г.) и «Исследования исторической фонетики аннамитского языка: инициали» (1912 г.).

⁴⁰ *Nguyễn Tài Cán*, Тг.323

⁴¹ *O'Harrow*, 1986, P.254

⁴² Ibid., P.255—256

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Например, в монографии А.И.Мухлинова «...сделана попытка обосновать автохтонное происхождение вьетнамского этноса и опровергнуть весьма распространенное в научной литературе мнение о вьетах Вьетнама как переселенцах...» (*Мухлинов А.И.* Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. Москва. 1977. С. 4).

Понятие автохтонности подразумевает исконную принадлежность к конкретной территории. При этом данные палеоантропологии свидетельствуют о том, что в древнем и среднем каменном веке на территории Вьетнама преобладали океанийско-экваториальные расовые типы, которые постепенно к началу эпохи бронзы «растворились» в результате усиления монголоидных компонентов и сложения южно-монголоидного расового комплекса (*Аксянова Г.А., Золотарева И.М.* Этническая антропология Вьетнама: расогенетический аспект // *Расы и народы.* Вып.19. Москва. 1989, СС.48—66; С.56—57). Т.о. археологический материал, не отрицая культурной преемственности между каменным веком и эпохой металла на территории Вьетнама, с очевидностью свидетельствует о массовой миграции на эту территорию монголоидного населения. В таком контексте понятие автохтонности, на наш взгляд, теряет свою релевантность: как и во многих других районах древнего мира, на территории Вьетнама в эпоху древности под влиянием миграций активно проходили процессы межэтнического и межрасового взаимодействия.

⁴⁵ Например, *Лескинен А.Н., Нго Дык Тхинь.* Вьетнамцы. Народы и религии мира. Энциклопедия. Москва. 2000. С.127—128

⁴⁶ Например, *Деоник Д.В.* История Вьетнама. Учебник. Москва. 1994, С.7

⁴⁷ *Taylor*, P.10

⁴⁸ Связи современной вьетнамской морфемы «лак» с вероятными древними формами со значением «вода» прослеживаются как на материале вьетических, т.е. мон-кхмерских, языков, так и на материале тайско-кадайских языков.

Во вьетических языках возможна следующая реконструкция: $\text{puóe} \ll \text{pac} \ll \text{dac/lac/gac}$, где *dac* соответствует современному мыонгскому слову со значением «вода» (*daác*), а фонетические варианты *lac/gac* возможны во вьетнамских и мыонгских диалектах и говорах. Ре-

конструкция протовьетической формы со значением «вода» — *d?a:k.???

Прототайско-кадайская форма со значением «поднимающаяся и опускающаяся вода» — *tak/*t(r)ak. Отсюда, вероятно, происходит употребляемое в диалектах вьетнамского языка слово gac/găc (ước gấc — понижение уровня воды, отлив), которое вполне могло принять ханвьетскую фонетическую форму lac.

⁴⁹ Термин лак-поля был предложен Э.Гаспардоном (*Gaspardon, Emile*. Champs Lo et Champs Hiong // *Journal Asiatic*. № 243. Paris. 1955, PP.461—477). Границы зон, в которых ощущается действие морских приливов в дельте Красной реки в сухой сезон и сезон дождей, показаны на карте, составленной П.Гуру и воспроизведенной в книге К.Тэйлора «Рождение Вьетнама» (*Taylor*, P.11, по материалам *P.Gourou, Les Paysans du Delta Tonkinois*. P. 1936, P.78).

⁵⁰ См. сноску 28 об этногенетических мифах мыонгов.

⁵¹ См. сноску 32 о сюжетах, связанных с Духом гор в фольклорных произведениях и ритуалах вьетнамцев и мыонгов.

⁵² *Taylor*, P.307

⁵³ *Мухлинов*, С.147; *Barlow, Jeffrey*.

⁵⁴ Мифы о происхождении от дракона характерны для некоторых тайских народов Южного Китая (*Кнорозова*, 2000, С.177—178)

⁵⁵ *Taylor*. P. 43.

⁵⁶ *Dang Nghiem Van*. About the Ethnonyms of Ethnicities and Local Groups in Vietnam // *Ethnological and religious problem in Vietnam*, Hanoi, 1998, P. 111—159, P. 142—143.

⁵⁷ *Мухлинов*. С. 161.

⁵⁸ В 1996 г. территория провинции Виньфу была поделена между провинциями Футхо и Виньфук.

⁵⁹ *Ibid*. С. 165.

⁶⁰ *Taylor*. P. 306.

⁶¹ *Ibid*.

Г.Ф. Мурашева

МОРСКАЯ ПОЛИТИКА ВЬЕТНАМСКОЙ ДИНАСТИИ НГУЕНОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (по материалам хроники *Дай Нам тхык люк*¹)

Забота о безопасности страны и отражение угроз с моря были стратегическим приоритетом династии Нгуенов.

В первую половину XIX века, особенно в годы правления императора Минь Манга (1819—1840), политика двора по защите прибрежных пространств и побережья Вьетнама определялась, наряду с минимизацией контактов с Западом (разрешение иностранным судам торговать только в Дананге), еще и оживлением пиратства в Южно-Китайском море.

Разбойные пиратские нападения стали столь масштабными, что местные власти уже не могли оказать им должного сопротивления, и проблема стала объектом внимания центральной власти в Фусуане (Хюе).

Совершая нападения на торговые, рыболовецкие суда и на прибрежные поселения Вьетнама, пираты (по преимуществу этнические китайцы) использовали многочисленные островки вдоль вьетнамского побережья для стоянок своих кораблей и подготовки к очередному налету.

«Наше побережье очень протяженное, поэтому патрульная служба очень важна. Раньше постановили, чтобы ежегодно каждую неделю второго месяца все прибрежные провинции направляли патрульные суда в море. В прошлом году (1836 г.) приказа-

но и столичным судам выходить в море...» — говорилось в указе Минь Манга (2)².

Китайские пираты обычно совершали свои нападения на торговые суда с конца весны до начала осени. Местом их охоты были морские пространства вдоль всего побережья, но главным образом, в акваториях Тханьхоа — Нгеан, от провинции Куангбинь — на север.

Соответственно патрульные вьетнамские суда контролировали воды от Куангнама к югу до провинции Фуйен, и от Куангчи — на севере до Бактхани. Кроме того, посылали специальные военизированные морские команды, при этом если в течение месяца не удавалось задержать ни одного пиратского судна, военные патрули отзывались, а местные чиновники наказывались³.

В 1830 году Минь Манг распорядился, чтобы от провинции Куангбинь на север ежегодно с 3 по 7 месяц посылать суда к островам, где предположительно укрывались пираты⁴.

Поскольку в морских пространствах северной части страны в основном действовали китайские пираты, вьетнамские власти особенно тщательному осмотру подвергали все китайские суда.

В специальной инструкции Минь Манга говорилось: «Если люди на китайском судне покажутся подозрительными, их надо задержать и передать местным властям для расследования»⁵. Поэтому, когда в 1831 году, например, стало известно, что в акватории Биньтхуан — Бьенхоа плавают три китайских судна, император Минь Манг приказал военному ведомству выяснить, не пиратские ли это суда, для чего из ближайших провинций было послано несколько военных команд с тем, чтобы остановить и досмотреть указанные китайские джонки, проверить наличие в них оружия и доложить⁶.

В мае, когда на море обычно устанавливалась благоприятная погода и много судов возвращалось с Юга и Севера, в прибрежные воды столичной провинции Тхыатхиен и провинции Куангнам посылались дополнительные патрульные команды. Им давалось указание останавливать подозрительные китайские суда. После того как сезон активных морских перевозок заканчивался, эти военные команды тоже возвращались в казармы⁷.

В мае 1832 года управляющий пограничной с Китаем провинции Куангйен Ле Дао Куанг сам повел военные суда на поимку пиратов, которые активизировались в акваториях провинции Куангйен. По этому поводу Минь Манг направил документ в Военное ведомство, напомнив, что акватория Тханьхоа не имеет сколько-нибудь значительного числа больших или маленьких островов, кроме двух — Бьеншон и Ваншон, куда джонки пиратов могут причалить.

На Бьеншоне есть пушка и подразделение солдат, поэтому пираты не смеют туда подплывать и искать там временное убежище. Остров Вандао — это сплошные горы, нет питьевой воды, жить там нельзя. Сейчас, когда наши военно-морские силы сконцентрировались на их уничтожении, пираты ищут новые убежища. А в Куангйене островов много — и больших и малых ... И пираты там находят пристанище.» — говорилось в документе Минь Манга⁸.

Ле Дао Куанг, возглавив операцию по преследованию пиратов, за которую Минь Манг, в случае успеха, обещал награду, вскоре уже докладывал о неудаче. «Срок поимки пиратов кончился, но они скрылись далеко в заливе, так и не удалось пока их поймать». Он сообщил, что одновременно борьбу с пиратами вели китайские суда в акватории острова Хайнань во главе с военачальником дома Цин. «Так что пираты рано или поздно будут пойманы». Ле Дао Куанг просил разрешения пробыть в море еще один месяц, чтобы выполнить задание⁹.

Пиратские набеги в 30-е годы XIX в. имели такие масштабы, что и центральная власть не справлялась с этой проблемой, и император Минь Манг в 1834 году поставил вопрос о раздаче оружия населению на прибрежных островах для самостоятельной обороны. Предполагалось также снабдить островное население быстроходными рыболовецкими судами (по три судна на острове, где населения побольше, и по два — где меньше) для борьбы с пиратами¹⁰.

В этом же году из провинции Кханьхоа сообщали о том, что на больших и малых островах в прибрежных водах провинции население получило и быстроходные джонки и оружие для них¹¹. На островах предполагалась также установка крупнокали-

берных орудий главным образом для производства «сигнальных» выстрелов в обстоятельствах, когда требовалась срочная помощь с материка в преследовании пиратов.

Чиновников, которые возглавляли специальные патрульные службы и терпели неудачи в преследовании пиратов, сурово наказывали.

Когда в 1835 году из провинции Куангнгай императору сообщили о неудаче с преследованием пиратов, которые в акватории провинции напали на вьетнамское торговое судно и скрылись, император напомнил, что самолично неоднократно предлагал «разработанную стратегию морского боя с пиратами, предусмотрев все до мелочей», а в итоге Чан Хью Зи (командир патрульной службы) так и не сумел нагнать и уничтожить противника, который (до чего дошло!) просто скрылся в неизвестном направлении. Это — полная беспомощность в борьбе с пиратами¹². Указом Минь Манга Чан Хью Зи был отправлен в ссылку, а остальные его подчиненные понижены по службе, но снова брошены на борьбу с пиратами¹³.

Интересны записи хроники «Дай Нам тхык люк», отражавшие отношение императора Тхьеу Чи (1841—1847 гг.) к пиратскому вопросу. В 1842—43 гг. торговые корабли, плавающие из провинции Хатинь на Север и обратно, подвергались постоянным атакам пиратов. Дозорные патрульные суда долго не могли их догнать, но в 1842 году в акватории Тханьхоа удалось захватить большую группу — сообщает хроника¹⁴. В 1847 году Тхьеу Чи обратился с посланием в Военное ведомство в связи с донесением из южных провинций Биньтхуан и Кханьхоа об ограблении китайскими пиратами нескольких торговых судов. Он указал: «Наша страна граничит с Китаем. Недавно многочисленная группа бандитов нарушила границу и устроила инцидент: на суше — это голодающие из Кхамтяу (кит.) образовавшие шайку в 600—700 человек; на море — это пиратские суда числом 15—16 единиц постоянно совершают нападения. Недавно торговые суда в территориальных водах провинции Тханьхоа, Нгеан, Куангнгай подверглись нападению. Сейчас жалобы поступают из Биньтхуана и Кханьхоа»¹⁵.

Император Ты Дык (1848—1883) вслед за своими предшественниками выражал недовольство, когда погоня за китайцами — «бандитами на лодках» (пиратами) в море кончалась ничем. «Дай Нам тхык люк» оставила запись его высказываний в 1857 году: «На этот раз китайские суда сколотили группу, обстреляли военный пост в бухте, даже осмелились высадиться на берег, ранили людей из береговой охраны, награбили имущество, жгли дома (сожгли дома и совершали грабежи в общине Такхай), совершенно ничего не боялись, а наши военные моряки не поймали ни одного бандита, не задержали ни одной лодки, позволили им увезти буйволов и имущество, спокойно уйти. Поэтому когда говорят, что китайцы на лодках испугались и убежали, — этому не очень приходится верить (это неубедительно)»¹⁶.

При Минь Манге в 1837 году обратили внимание на то, что в акватории провинции Хатьен на больших и малых островах находят прибежище суда яванских пиратов, откуда они совершают разбойные нападения. Император приказал провинциальным властям провести инвентаризацию островов, определив их точное количество и названия, а также выяснить их обитаемость.

Также надлежало определить удаленность островов друг от друга и их конфигурацию, для чего необходимо было сделать точную карту. Император также интересовался, на каких островах нужно было установить военные посты с соответствующей охраной и т. д.¹⁷.

Провинциальные власти прислали в Хюе подробное описание прибрежных островов. Выяснилось, что из всех островов только на о. Фукуок живут люди, и там есть охраняемые укрепления.

Остров Зыонг (прежнее название Онг), остров Ам (прежнее название Ба), острова Ву, Тханг, Тхотяу, Колуан, Тхат — все эти острова необитаемы и достаточно удалены от побережья. Так до островов Зыонг и Ам морской путь составлял 4 дня, до острова Ву — 3 дня, до острова Тханг — 2 дня, до островов Тхотяу и Колуан — два дня с половиной, до острова Тхат — 1 день¹⁸.

Утверждалось, что рельеф этих островов не позволяет возводить какие-либо постоянные военные посты. Пираты на джонках ежегодно в 3-й и 4-й месяцы в сезон южных ветров бросают

якоря у островов Ам, Зыонг, Тханг, Тхотяу не более чем на день-два, а затем уходят на промысел.

В 9-ом и 10-ом месяцах в сезон северо-восточных ветров пираты останавливаются у островов Ву, Колуан, Тхат, на один-два дня, не более, затем уходят». Эти сведения были собраны у местного прибрежного населения, люди говорили примерно одно и то же.

Местные власти предлагали направлять патрульные суда к островам, как это делалось и прежде, начиная с 4-го по 10-й месяц, организация каких-либо постоянных военных постов не предполагалась, с чем Минь Манг согласился¹⁹.

В эти годы в морских пространствах Китая также процветало пиратство, пираты, как и в случае с Вьетнамом, были по большей части этническими китайцами.

Сложилась некая традиция совместной борьбы вьетнамских и китайских властей с морскими пиратами, которые не только грабили торговые суда в море, но и совершали опустошительные набеги на прибрежные территории обеих стран.

При этом каждая сторона боролась с пиратами в своих прибрежных водах и на своей территории, но известная координация действий сторон имела место, хотя нарушение границ не допускалось.

По свидетельству хроники, в 1832 году местные власти Гуандуна просили вьетнамских пограничных чиновников в провинции Куангйен разрешить китайским судам пересекать границу при преследовании пиратов. Это предложение вызвало резкое возражение вьетнамского двора. Император Минь Манг по этому поводу высказался следующим образом: «Морская часть нашей страны хотя и соприкасается с Китаем, но ее границы уже четко определены: почему снова говорят, чтобы их не различать? Если же говорить о борьбе с пиратами, то ведь обе стороны посылают военные суда в свои воды для их поимки, куда же еще бежать пиратам? Зачем же (при этом) доходить до нарушения границ?»²⁰.

Местным властям в Ванине было отдано распоряжение ответить отрицательно китайской стороне (на основании письма из Военного ведомства Вьетнама).

Минь Манг также приказал отныне докладывать сведения, «имеющие отношение к престижу страны», а тривиальные дела, подобные вышеизложенному, велел решать на месте, ибо «нет никакого резона угождать [китайским властям]»²¹.

Когда в 1833 году 60 китайских рыболовных судов вошли во вьетнамские воды в районе Вандана в провинции Куангйен, вьетнамские власти направили официальное письмо генерал-губернатору Гуанси и Гуандуна, требуя вернуть суда в Китай, чтобы избежать неприятностей²².

В 1850 году семь китайских судов оказались в бухтах Куангнама и Куангнгай. Команда, объясняя свое появление погоней за пиратами, попросила разрешения сойти на берег и сделать необходимые закупки. Об этом специально доложили императору Ты Дыку, который отнесся с подозрением к «пришельцам» и приказал «усилить наблюдение». Военному ведомству было приказано обеспечить «дополнительное дежурство быстроходных» (быстрых, как птица) судов в акваториях Куангнама, Куангнгай, Биньдинь²³.

Морская политика Нгуенов отнюдь не сводилась к борьбе с пиратами, хотя последняя была важной мерой в обеспечении безопасности. Большое значение придавалось экономической стороне проблемы. Морские перевозки занимали значительное место в общем грузопотоке в стране. Поэтому с самого начала установления власти в объединенной в 1804 году (Север и Юг) стране, Нгуены заботились не только об обеспечении безопасности морских путей, борясь с пиратством, но и держали под контролем состояние морских бухт и портов, в которых, в частности, каждый год весной устраивались моления о благоприятном ветре²⁴.

К большим бухтам Вьетнама на его обширном побережье относились: бухта Эо (Куангдык), Анвьет (Куангчи), Нягле (Куангбинь), Дайтьем (Куангнам), Колуй (Куангнгай), Тхинай (Биньдинь), Дазьен (Фуйен), Кухуан (Бьенхоа), Фанжи (Биньтхуан), Канзя (Зядинь), Хойтхон (Нгеан), Тхуви или Чао (Тханьхоа), Хайльеу (Шоннамха), Намчьеу (Хайзыонг), Хоафонг (Йенкуанг)²⁵.

Все эти бухты — просторные, удобные для приема государственных и частных судов (джонок). Особенно важной Нгуены

считали бухту-порт Тхуанан, поскольку она обеспечивала выход столицы — Хюэ в море²⁶. За бухтами был постоянный надзор, их при необходимости ремонтировали.

В 1831 году двор вновь постановил провести осмотр всех действующих бухт морского побережья Вьетнама. Император Минь Манг сделал следующее представление ведомству Нойкак (имперский секретариат): «Границы нашей страны простираются далеко в южные моря, ежегодно суда совершают перевозки — это обычная практика. Но необходимо, наконец, определить какие места морских путей сложные, какие легкие, где мелко, где глубоко». Ведомству общественных работ было предложено произвести целый ряд сложных для тех времен замеров для обеспечения благополучного плавания морских плавучих средств²⁷.

В 1837 году в число инспектируемых бухт для государственных судов попали следующие: Тхуанан (столичный округ), Канзя (в Намки), Льеу (в Бакки), Дананг, река Зянь, Тхинай, Бьшон²⁸.

Еще при императоре Зя Лонге (1802—1819) Ведомству общественных работ в 1817 году было поручено составить описание морского побережья на юге до провинции Хатьен, на севере до Йенкуанга, включив в него все бухты (порты), с описанием параметров приливов и отливов, отдаленности (от столицы). В книге, состоящей из двух томов, было сделано описание 143 морских бухт²⁹.

Минь Манг в послании Ведомству общественных работ снова напомнил о протяженности морского побережья, что создает удобства для судов при наличии таких бухт-портов, как Тхуанан, Дананг, где останавливается много государственных судов. При этом он требовал, чтобы прибывающим морякам оказывалась всяческая помощь и поддержка в портах³⁰.

Бухте Тхуанан предписывалось начиная с 1837 года ежегодно в 6-м и 12-м месяце посылать двору отчеты, а что касается остальных бухт, то местные власти должны были присылать отчеты в конце года³¹.

О значении бухты Тхуанан для столицы говорит тот факт, что в 1835 году император Минь Манг сам предпринял туда поездку, награждал военнотружущих и работников бухты (всего

400 куанов), одновременно вникая в технические детали, — в частности, в необходимость замены одних строительных материалов на другие — огнеупорные³².

Ведя постоянную борьбу с пиратами, строго следя за соблюдением неприкосновенности своих морских пространств, Нгуены традиционно опекали всех потерпевших на море кораблекрушение мореплавателей.

Делом государственного престижа считалось доброе отношение к потерпевшим крушение иностранным мореплавателям, среди которых чаще всего оказывались китайские. Их снабжали деньгами, зерном, устраивали угощение как самым дорогим гостям. В конце 1854 года по указанию императора потерпевшему в море бедствие и оказавшемуся в водах провинции Куангнам китайскому военному служащему Зыонг Ки Туану (вьетн. тр.) было выдано еще и 20 лангов серебра³³.

В середине 1855 года потерпевший крушение в море военный чиновник — китаец Сунг Доан (вьетн. тр.) попросил у вьетнамских властей разрешения вернуться в Гуандун на буксире китайского торгового судна.

Потерпевшим оказался китайский военачальник с группой солдат в 300 человек, которых прибил шторм к вьетнамской бухте Тхинай. По приказу Ты Дыка им выдали 600 лангов серебра, затем в ответ на просьбу военачальника снабдить их еще деньгами (800 куанов в месяц) — Ты Дык и с этим согласился. К моменту отправки потерпевших на родину, им снова выдали риса, денег, серебра, чтобы «сохранить достоинство государства»³⁴.

Эта история с потерпевшими в шторм китайскими военными служащими имела продолжение. Когда спустя несколько месяцев посольство Вьетнама во главе с Фан Хюи Винем оказалось в Гуандуне, власти этой провинции хотели вернуть ему все деньги и серебро, выданные во Вьетнаме китайскому военачальнику Доану³⁵.

Как записано в хронике «Дай Нам тхык люк», вьетнамский посол отказался принять «компенсацию», за что получил благодарность от Ты Дыка, когда вернулся на родину³⁶.

Крушения китайских судов в Южно-Китайском море в XIX веке были довольно частым явлением. Только в начале

1856 года в хронике отмечено несколько случаев, когда потерпевшие суда из Фуцзяни и Гуандуна оказывались во вьетнамских бухтах и, получив гуманитарную помощь, отправлялись домой³⁷.

В 1856 году два торговых судна из Китая потерпели крушение и оказались в бухтах Дайтьем и в порту Дананг (пров. Куангнам). Как обычно, происшествие рассматривалось местными властями, а затем было доложено в столицу. Команда просила разрешения остаться в бухте для ремонта и ожидания попутного ветра (в течение одного месяца), после чего вернуться на родину.

Ты Дык, который часто оказывался великодушнее чиновников, распорядился освободить оба судна от уплаты каких-либо «штрафов» за пребывание в порту свыше месячного срока³⁸.

В 1857 году вьетнамские власти помогли китайскому торговому судну, ограбленному пиратами, прислали необходимый провиант, врача и лекарств для раненых (из 222 человек на судне оказалось 50, раненных пиратами)³⁹.

В этом же году снабдили провизией, документами для свободного прохода группу китайских торговцев (20 человек), потерпевших крушение на море и возвращавшихся домой по суше⁴⁰.

Случались курьезы. Например, однажды, когда потерпевшему крушению китайскому рыбаку была оказана помощь продовольствием, обеспечена дорога из Хатиня в Куангйен, откуда лежал прямой путь в Китай, власти Хатиня дали рыбаку еще и одежду. Против последнего возразила центральная власть (одно из ведомств), посчитав это «нарушением правил». Потребовалось вмешательство Ты Дыка, чтобы вопрос решился в пользу китайца к большому неудовольствию ведомства финансов⁴¹.

Щедрость, с которой вьетнамские власти обставляли возвращение на родину потерпевших крушение на море китайских моряков и торговцев, не оставалась безответной; как правило, все затраты китайская сторона старалась компенсировать. А в 1858 году китайский император специальным указом отметил «высокий прием», оказанный вьетнамскими властями команде военного китайского корабля из Фуцзяни, штормом занесенного во вьетнамские воды. Тогда во Вьетнаме китайцам было выдано 1000 лангов серебра и большое количество денег и риса на обратный путь⁴².

Цинский император прислал письмо с благодарностью, а также разнообразные изделия из золота, жемчуга и т. д., которые сам генерал-губернатор Гуанси и Гуандуна привез в провинцию Куангйен⁴³.

Что касается обычных торговых судов из Китая, то в 50-х годах наметилось некоторое ужесточение режима их пребывания во вьетнамских портах. По-видимому, в эти годы у них было лишь одно крупное преимущество перед европейскими торговцами — они могли заходить во вьетнамские порты, тогда как европейцы — только в Дананг.

Но в конце 1855 года были установлены строгие сроки пребывания китайских торговых судов во вьетнамских портах — на всем побережье страны. «Отныне, если судно бросило якорь в нашем порту по причине нехватки воды или топлива, то оно имеет 5 дней на покупку необходимого. Если надо починить паруса или мачты, дается срок — 10 дней. Если отведенный срок закончился, необходимо немедленно покинуть порт. Кроме того, не разрешалось допускать скопление судов более 12 единиц в одном порту»⁴⁴.

Вьетнамским властям не нравилось, когда во вьетнамских бухтах скапливалось много китайских судов, возникали толчея, беспорядок, власти тревожились, боясь каких-либо неприятностей. Торопили команду китайских судов с уходом, но китайцы, замечает хроника, «сходили на берег, ставили временные укрытия, покупали зерно, пытались соблазнять местных девушек и женщин, создавая массу всяческих неудобств», но «никто не осмелился что-либо предпринять против этих людей» — говорилось в одном указе Ты Дыка. Последний требовал более решительных действий от губернатора Хайзыонга, где в бухте Чыккат скопилось много китайских судов, во избежание каких-либо инцидентов⁴⁵.

В тех случаях, когда обнаруживались очевидная коррупция чиновников в портах, нарушавших порядок взимания «импортного взноса» с китайских торговых судов за вход во вьетнамские порты, или получение взяток за то, что китайцы не платили налоги, тогда, как говорилось в указе Ты Дыка, «поскольку это распространенная болезнь», необходимо строго наказать одно-

го, чтобы ста другим было неповадно, и чтобы знали, что «поиски счастья (денег неправедных) сопряжены с суровым наказанием»⁴⁶.

Так, в 1855 году тяжелым наказаниям за коррупцию была подвергнута большая группа высокопоставленных чиновников⁴⁷.

Местные власти старались тщательно проверять прибывающие китайские корабли. Когда два китайских судна летом 1856 года вошли в бухту Кухуан в провинции Кханьхоа и попросили разрешения бросить якорь, выяснилось, что это участники повстанческого движения в Китае. Местные власти с согласия Ты Дыка предложили командам этих кораблей покинуть порт⁴⁸.

Часто при проверке китайских судов обнаруживалось много огнестрельного оружия, что местными властями трактовалось как «снаряжение для грабительских набегов». В одном подобном случае в 1855 году Ты Дык распорядился задержать подозрительные джонки, оказавшиеся в бухте Виньфам (пров. Фуйен), для дополнительной тщательной проверки. «Если выяснится, что у людей на лодках нет очевидных планов грабительских действий — их надо отпускать»⁴⁹.

В этом случае при проверке выяснилось, что мятежник по имени Тю Тхиен Дык (вьетн. тр.), назвавший себя потомком династии Мин, вознамерился вернуть династию к власти под девизом «великая китайская (династия) Мин». Преследуемый цинскими властями, он оказался во вьетнамских водах и был задержан вьетнамскими властями⁵⁰.

В целом к торговым судам из Китая во Вьетнаме относились без какого-либо пиетета. Власти провинции Хайзыонг в 1855 году, например, требовали от центра не разрешать китайским судам торговать рисом там, где они стоят на якоре, «так как вдали от главного города провинции, им легче мошенничать — обмеривать, обсчитывать и т. д.»⁵¹.

А в конце 1855 года Ты Дык постановил (согласился на представление местных властей), чтобы «отныне каждый прибывающий во Вьетнам китаец имел разрешение старосты конгрегации — «банга» на временное жительство там, где он остановился, а также гарантию того же старосты на уплату прибывшим соответствующей пошлины. Если этого нет, то «во

избежание осложнений, надо немедленно отправлять домой, не разрешать жить в нашей стране». Тем, кто осмелился укрыть китайцев, полагалось суровое наказание⁵².

По всему видно, что китайцев опасались, боялись неприятностей. Однако настоящая опасность приближалась с другой стороны.

Как сообщается в летописи, в 1856 году (летом) произошел инцидент в заливе Чашон в порту Дананг (пров. Кунгнам). Европейский корабль вошел в порт Дананг, капитан корабля потребовал передать письмо императору Ты Дыку с просьбой о «налаживании торговли — и все»⁵³. Затем корабль переместился в бухту Тхуанан, где пришельцы также пытались безуспешно вручить письмо для Ты Дыка, затем корабль снова вернулся в Дананг. Европейцы вели себя чрезвычайно вызывающе, заявляли, что поскольку письмо вручено, они будут ждать ответ в течение 7—8 дней, а если не будет положительного ответа, то «они объединят усилия с англичанами, и тогда последствия будут плохими»⁵⁴.

Вьетнамцы ответили усилением патрулирования побережья. Европейский корабль перед уходом обстреляли все сторожевые вышки в заливе⁵⁵.

Когда Ты Дыку доложили о том, что два корабля из Дананга удалились на восток, император всего лишь заметил, что «все гости должны оставаться и ждать распоряжения — только тогда уходить»⁵⁶.

Как следует из хроники, при императорском дворе понимали стратегическое значение Дананга для страны и интерес Запада к этому городу-порту. Ты Дык считал, что «бухта Дананга (пров. Куангнам) — это важный морской пограничный пункт», и в 1856 году приказал «все заранее рассчитать», держать ситуацию под контролем, несмотря на то, что «западные корабли ушли», «регулярно докладывать и ждать указаний»⁵⁷.

Вскоре сановник Дао Чи представил план-предложение по вопросу организации сопротивления Западу⁵⁸. В него входила установка крупных артиллерийских орудий в определенных местах на вершинах гор. А также предлагалось от города Анхай до подножья горы Чашон, от города Дьенхай до бухты Тханькхе соорудить заграждения из срубленных деревьев⁵⁹.

Последняя мера — срубленные деревья в качестве защиты от западной экспансии — свидетельство абсолютной неготовности Нгуенов в силу ряда причин, в том числе и цивилизационных, противостоять мощному европейскому агрессору — Франции. Захват Францией Вьетнама не является темой данной статьи, следует лишь констатировать, что агрессор пришел со стороны моря, а «морская политика» Нгуенов эту беду не прогнозировала, а если и прогнозировала, то не отдавала отчет в ее масштабах.

Вьетнам и острова Южно-Китайского моря

Анализ вьетнамских исторических хроник показывает, что у вьетнамских властей, начиная с далеких феодальных времен, было четкое представление о своей стране как морской державе, о территориальных водах, хотя такого понятия не было в их политическом обиходе, и об узаконенном разграничении морских пространств с соседними странами, в первую очередь с Китаем.

Вьетнамская сторона в этом вопросе занимала твердую позицию и старалась не допускать нарушений своих морских рубежей. Очень рано у вьетнамских властей сформировалось представление о близких и отдаленных островах как части собственной территории.

Одно из первых упоминаний об островах Чыонгша (Спратли) встречается в записях хроники *Дай Нам тхык люк* от 1711 года, когда представитель дома Нгуенов, строивший планы создания отдельного от центральной власти государства на юге, послал на острова Чыонгша людей для их обмера⁶⁰. Достаточно подробное описание островов Хоангша (Парасельские) и Чыонгша (Спратли) и хозяйственной деятельности на них вьетнамского населения общины Анвинь провинции Куангнгай находим и в знаменитом произведении «Фу бьен тап люк» Ле Кюи Дона (1726—1784)⁶¹.

Ле Кюи Дон, кстати, отмечает, что «Хоангша находится недалеко от острова Хайнань, и вьетнамские мореходы часто встречали в открытом море китайские рыболовные суда, обменивались с рыбаками «несколькими словами»⁶².

Из сочинения Ле Кюи Дона следует, что Нгуены создали «отряд Хоангша» из 70 человек по добыче и обработке морских продуктов⁶³. Отряд набирали из жителей общины Анвинь. Нгуены также образовали отряд «Бакхай», численный состав которого неизвестен, но функции ясны: сбор налогов и общий контроль за морским промыслом.

Описание Хоангша как естественной части вьетнамской территории находим в классическом труде выдающегося ученого XIX века Фан Хюи Тю, в его известной географической работе *Зу диа ти*, которая входит в состав энциклопедии *Лить чьеу Хиен тьыонг лоай ти*. Фан Хюи Тю, как и его предшественник Ле Кюи Дон, относит архипелаг Хоангша к провинции Куангнгай. Его отличие от предшественника в том, что он в полной мере отдает дань уважения дому Нгуенов, много сделавшему для формирования территории страны в ее современных границах, включая островные территории⁶⁴.

В записях, относящихся к 1754 году, летопись *Дай Нам тхык люк* сообщает, что летом этого года отряд из Куангнгай на нескольких судах (9 джонках) вышел по направлению к островам Хоангша, но сильным ветром был отнесен в китайские воды. Генерал-губернатор прибрежной китайской провинции распорядился оказать вьетнамским морякам теплый прием, снарядить в обратный путь всем необходимым⁶⁵.

Правители из дома Нгуенов, строившие свое, независимое от двора Ле-Чиней, государство, к этому времени уже дважды обращались к Китаю за подтверждением своего права на самостоятельное правление, но получали отказ. На этот раз, чтобы вновь напомнить о себе, глава дома Нгуенов (Тюа) отправил в Китай письмо, как было принято, в стихах с благодарностью⁶⁶.

В связи с этим событием (неудачным походом на Хоангша) летопись *Дай Нам тхык люк* приводит довольно пространное описание архипелага, «острова которого состоят из более чем 130 песчаных отмелей, отстоящих друг от друга в одном дне пути или в пределах звучания сигнального барабана». Протяженность этих островов измеряется не известно во сколько тысяч зямов и обычно их называют «отмели или дюны длиной в 10 тысяч ли»⁶⁷. Местоположение этих островов определяется лето-

писью следующим образом: «в открытом море в направлении от общины Анвинь уезда Биньшон провинции Куангнгай»⁶⁸. Сообщается также, что на островах есть питьевая вода и очень богатый животный мир.

Рассказывается также, как при «ранних» Нгуенах был организован отряд Хоангша из 70 человек — жителей общины Анвинь, который ежегодно в марте уходил на больших джонках на острова, поход занимал трое суток, и только к августу отряд возвращался с морской продукцией⁶⁹.

Территориальная политика династии Нгуенов в отношении архипелагов Хоангша и Чыонгша

В период правления первого императора династии Нгуенов — Зя Лонга (1804—1819) хроника по меньшей мере дважды зафиксировала действия властей в связи с островами Хоангша. В 1815 году отряду во главе с Фан Куанг Анем, направляющемуся на острова Хоангша, было поручено произвести разведку морских путей в связи с перевозкой по морю дешевого зерна из Зядиня в хранилища столицы Фусуан⁷⁰.

В 1817 году корабль из Макао, бросивший якорь в Дананге, доставил вьетнамским властям карту островов Хоангша, которую сами они еще не в состоянии были сделать. За это капитан корабля получил в дар 20 лангов серебра⁷¹.

Из этих фактов следует, что при Зя Лонге, как и при его предшественниках из феодального дома Нгуенов, функционировал отряд по эксплуатации природных ресурсов островов Хоангша, их считали вьетнамскими, хотя упоминаний об их административной принадлежности к той или иной вьетнамской провинции хроника в эти годы не дает.

Вместе с тем, в составленном вьетнамским военным ведомством «Полном географическом описании страны» (1806)⁷² с картой, обозначающей точные границы страны «от столицы до Хатьен на юге и до Лангсона на севере» — об островах, по всей видимости, не упоминалось. По крайней мере, хроника *Дай Нам тхык люк*, описывая эту национальную географию, морских границ не касается⁷³.

В то же время в эту географию вошли все реки и горы — большие и маленькие, дороги длинные и «короткие», там дано описание границ, русла и фарватеры рек, пути сообщения, рынки и т. д.⁷⁴.

Из самой хроники и других источников следует, что административное оформление при Нгуенах острова Хоангша получают в 20—30-х годах XIX века.

Как указывалось выше, в фундаментальном труде Фан Хюи Тю, первая часть которого посвящена географии страны, дается характеристика провинции Куангнам. Именно в этом разделе Фан Хюи Тю дает описание островов Хоангша, которые, как следует из текста, территориально относились к общине Анвинь уезда Биньзыонг (позже переименованного в Биньшон)⁷⁵.

Упоминание хроникой островов Хоангша, как безусловной части вьетнамской территории, относится к лету 1833 года.⁷⁶ Из записей хроники ясно, что вьетнамские власти продолжали предельно заниматься вопросом островов Хоангша.

Император Минь Манг обратился в ведомство общественных работ со следующим заявлением: «В акватории провинции Куангнгай есть цепь (островов) Хоангша. Поскольку издалека небо и вода одного цвета, трудно определить мелко там или глубоко. Недавно там садились на мель и разбивались торговые джонки. Надо подготовить большую джонку и на следующий год послать туда людей, поставить храм и стелу, посадить деревья в большом количестве. Когда деревья станут большими и зелеными, их будет ясно видно издалека и люди смогут избежать крушения (не сядут на мель). Это полезное дело для многих поколений.»⁷⁷.

Интерес к островам Хоангша династии Нгуенов менялся с течением времени. В годы правления Минь Манга он, как видим, определялся необходимостью решения задач мореплавания — обеспечения безопасности торговых судов и т. д.

Записи этих лет интересны тем, что впервые они фиксируют появление китайцев на островах. В записях за 1834 год сказано, что отряд во главе с Чыонг Фук Ши вместе с морским военным отрядом числом более 20 человек поплыли к островам Хоангша, относящимся к провинции Куангнгай, чтобы на месте нанести их на карту⁷⁸.

По возвращении мореплавателей император Минь Манг спрашивал их о животном и растительном мире на островах. «Чыонг Фук Ши ответил, — говорилось в хронике, — что это песчаная отмель в море без конца и края». Видимо подчеркивая необитаемость островов, Ши сказал, что «только китайцы (люди Цинской династии) приплывают для ловли рыбы и птиц». Участники этого похода преподнесли Минь Мангу черепаху, образцы редких пород птиц, рыб, съедобных ракушек, моллюсков и т. д., добытых на острове. Многое из преподнесенного Минь Манг увидел впервые⁷⁹.

Последующие сведения об одном из островов Хоангша относятся к 1835 году, когда во исполнение приказа императора Минь Манга на «этом песчаном острове с зеленой растительностью, расположенном в морской части провинции Куангнгай», построили храм в честь духов острова. Для этого в 1835 году на остров были присланы морской отряд, а также военизированный трудовой отряд из Зямтхани и портовые кули из провинции Куангнгай и Биньдинь, которые привезли на своих судах (джонках) материалы, необходимые для строительства храма.

Новый храм был воздвигнут в 7 метрах от старой пагоды. Слева от храма установили каменную стелу, перед ним — каменную ширму. На работу ушло 10 дней. После чего строители вернулись на материк⁸⁰. О происхождении пагоды с китайскими иероглифами хроника умалчивает. Не исключено, что она была возведена китайскими моряками, в прошлом также посещавшими архипелаг, как подтверждают сами вьетнамские хроники.

1836 год можно считать важной вехой в политике Нгуенов на островах Хоангша (Парасельские). Именно в этом году архипелаг Хоангша был назван пограничной территорией, имеющей стратегическое значение для страны. В 1836 году ведомство общественных работ доложило Минь Мангу: «На пограничной морской линии нашей страны находится остров Хоангша, стратегическое значение которого очень важно. Ранее мы посылали людей для производства картографических работ, но поскольку территория острова обширная, удалось сделать карту только одного места, и то не очень ясную. Надо ежегодно посылать людей для осмотра и освоения морских путей»⁸¹.

Ведомство просило, начиная с 1836 года и впредь с 3 декады января посылать на архипелаг подразделения военно-пограничных сил на специальном судне. В первую декаду 2-го месяца (февраля) это судно достигнет Куангнгай и вместе с четырьмя судами двух провинций (Куангнгай и Биньдинь) направится прямо к Хоангша⁸².

Это судно должно обследовать все — острова, песчаные отмели, их длину, ширину, высоту и т. д., а также измерить морское дно вокруг островов — мелкое оно или глубокое, песчаное или каменистое, форма его опасна или нет, какова его поверхность, надо иметь представление о всех особенностях рельефа, сделать карту. Надо определить направление от побережья до острова, измерить расстояние (сколько зямов)⁸³.

Необходимо определить, к какой провинции приплывешь, если плыть от острова прямо; к какой провинции, если плыть по косой линии, в каком направлении и сколько зямов до берега. Все без исключения должно быть ясно изложено и доложено по возвращении⁸⁴.

Минь Манг одобрил этот план. Поручили подготовить морской отряд (военных) во главе с Фам Хью Нятом для экспедиции на боевом судне. На это же судно было погружено 10 деревянных досок, из которых на острове соорудили памятный знак. Каждая доска длиной 5 тхююков, шириной 5 таков и толщиной 1 так. Надпись на памятном знаке гласила: «Минь Манг, год 17-й, год бинь тхан, отряд моряков во главе с Фам Хью Нятом, по приказу прибыл на Хоангша и водрузил этот памятный знак»⁸⁵.

Контроль Нгуенов над архипелагом в 30-е годы XIX века был систематическим. Об этом свидетельствует эпизод с английским судном, потерпевшим крушение у одного из островов Хоангша. Пострадавшим дали денег и рис, и высокопоставленные чиновники при дворе — Нгуен Чи Фьонг и Ву Ван Зяй определили их на корабль, следовавший из Сингапура, для возвращения на родину⁸⁶.

В 1838 году снова была организована экспедиция на Хоангша с заданием выполнить картографические работы. Итогом этих работ была карта довольно большой островной территории. Император высоко оценил привезенную карту, отметил

ежегодный прогресс в работе экспедиции. Всех участников этих работ наградили деньгами и ценными подарками (дорогой одеждой)⁸⁷.

Судя по материалам хроники, в конце 1830-х — начале 1840-х годов экспедиции на Хоангша с материка были обычным, но далеко не безопасным делом. В 1839 году в столицу вернулся после долгих злключения посланный на остров Хоангша отряд во главе с Фам Ван Бьеном. Отряд попал в шторм, и, по словам его руководителей, спасение пришло от «водного духа». Минь Манг приказал ведомству обрядов провести церемонию «благодарения морю» в бухте Тхуанан, а неудачливые участники похода получили денежное вознаграждение⁸⁸.

В 40—50-е годы интерес Нгуенов к архипелагу Хоангша, судя по записям в *Дай Нам тхык люк*, спадает. В середине XIX века начинается экспансия Франции в Индокитае, а с нею и новый период в истории островов в Южно-Китайском море.

Примечания

¹ *Dai Nam Thuch Luc* — (Правдивые записи о Великом Юге), tt I-XXXVIII, Hanoi, 1962—1978. — Далее DNТL.

² *Dai Nam Thuc Luc*, t. XIX, с. 52—53.

³ DNТL, t. X. С. 78.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ DNТL, t. XVI. С. 236.

⁸ DNТL, t. XI. С. 76.

⁹ Там же. С. 246.

¹⁰ DNТL, t. XIV. С. 170—171.

¹¹ DNТL, t. XV. С. 294—295. В местах с многочисленным населением — два быстроходных судна, с малочисленным — одно.

¹² DNТL, t. XVI. С. 145—146.

¹³ Там же. С. 146.

¹⁴ DNТL, t. XXIV, с. 225.

-
- ¹⁵ DNTL, t. XXVI, с. 296.
¹⁶ DNTL, t. XXVIII, с. 361.
¹⁷ DNTL, t. XIX, с. 121—122.
¹⁸ Там же, с. 122.
¹⁹ DNTL, t. XIX, с. 122.
²⁰ DNTL, t. XI, с. 166—167.
²¹ Там же.
²² DNTL, t. XIII, с. 283.
²³ DNTL, t. XXVII, с. 269.
²⁴ См. t. III, с. 239. Побережье наше протяженное, и перевозки морским путем очень удобны — сообщало ведомство обрядов в 1805 г.
²⁵ DNTL, t. III, с. 239.
²⁶ DNTL, t. XI, с. 74.
²⁷ DNTL, t. X, с. 255—256.
²⁸ DNTL, t. XIX, с. 155—156.
²⁹ DNTL, t. IV, с. 324.
³⁰ DNTL, t. XIX, с. 155.
³¹ Там же, с. 156.
³² DNTL, t. XVI, с. 236.
³³ DNTL, t. XXVIII, с. 77.
³⁴ Там же, с. 127—128.
³⁵ DNTL, t. XXVIII, с. 128.
³⁶ Там же.
³⁷ DNTL, t. XXVIII, с. 191, 204 и т.д.
³⁸ DNTL, t. XXVIII, с. 217, 218.
³⁹ DNTL, t. XXVIII, с. 363.
⁴⁰ DNTL, t. XXVIII, с. 369.
⁴¹ DNTL, t. XXVIII, с. 384.
⁴² DNTL, t. XXVIII, с. 410.
⁴³ Там же.
⁴⁴ DNTL, t. XXVIII, с. 189—190.
⁴⁵ DNTL, t. XXVIII, с. 112—113.
⁴⁶ DNTL, t. XXVIII, с. 191.
⁴⁷ Там же, с. 192.
⁴⁸ DNTL, t. XXVIII, с. 259.

- ⁴⁹ DNTL, t. XXVIII, с. 122.
- ⁵⁰ DNTL, t. XXVIII, с. 123. Хроника не сообщала о дальнейшей судьбе китайского самозванца.
- ⁵¹ DNTL, t. XXVIII, с. 172.
- ⁵² DNTL, t. XXVIII, с. 189.
- ⁵³ DNTL, t. XXVIII, с. 275.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же, с. 275, 282, 283.
- ⁵⁶ См. стр. 285.
- ⁵⁷ Там же, с. 314.
- ⁵⁸ Там же, с. 316.
- ⁵⁹ DNTL, t. XXVIII, с. 316.
- ⁶⁰ DNTL, t. I, с. 116, 172.
- ⁶¹ Le Quy Don, toan tap, tap I, Phủ biên tạp lục, Hanoi, 1977, с. 116, 119, 120.
- ⁶² Там же, с. 120.
- ⁶³ Le Quy Don, op. cit., с. 119; см. также Võ Long Tê, Les archipels de Hoang sa et de Truong sa selon les anciens ouvrages vietnamiens d'Historie et de Geographie, Saigon, 1974, с. 57, 58, 59, 61. Автор указанной монографии «Архипелаги Хоангша и Чыонгша в свете древних исторических географических произведений Вьетнама» делает любопытное предположение, что Ле Кюи Дон, употребляя термин Чыонгша, имеет в виду как собственно острова Чыонгша, так и архипелаг Хоангша, т.е. весь ансамбль вьетнамских островов, важность которых вызвала необходимость создания отрядов Хоангша и Бакхай.
- ⁶⁴ Võ Long Tê, ук. соч. с. 87.
- ⁶⁵ DNTL, t.I, с. 222.
- ⁶⁶ Там же, с. 222.
- ⁶⁷ DNTL, t.I, с. 222.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ DNTL, t.IV, с. 245.
- ⁷¹ DNTL, t.IV, с. 323.
- ⁷² DNTL, t.IV, с. 313.
- ⁷³ Но от категорических утверждений относительно упомянутой географии «Nhat thống dư địa chí», куда вошли провинции Куангдык,

Куангнам, Куангнгай, Биньдинь, Фуйен, Биньхоа, Биньтхуан, Зядинь, Фынчэн, Чэнбьен, Чэндинь, Виньчэн, Хатьен, Куангчи, Куангбинь, Нгеан, Тханьхоа, Тханьбинь, Бактхань, Шоннамтхьонг, Шоннамха, Шонтэй, Киньбак, Хайзьонг, Йенкуанг, Тхайнгуен, Хынгхоа, Туйенкуанг, Лангшон, Каобанг, но где якобы не упоминаются острова Хонангша и Чьонгша — лучше воздержаться.

⁷⁴ DNTL, t.IV, с. 313.

⁷⁵ Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí. tập. I Du địa chí, Hà Nội, 1960, с. 137.

⁷⁶ DNTL, t.XIII, с. 52—53; См. Мурашева Г.Ф. Острова Южно-Китайского моря. В кн. Формирование границ Китая, М., 1977, с. 194.

⁷⁷ DNTL, t.XIII, с. 52—53.

⁷⁸ DNTL, t.XIV, с. 189.

⁷⁹ DNTL, t.XIV, с. 189.

⁸⁰ DNTL, t.XVI, с. 309. См. также Võ Long Tê, ук. соч. с. 104, 115.

⁸¹ DNTL, t.XVIII, с. 30.

⁸² DNTL, t.XVIII, с. 30.

⁸³ DNTL, t.XVIII, с. 31.

⁸⁴ DNTL, t.XVIII, с. 31.

⁸⁵ DNTL, t.XVIII, с. 31. См также Võ Long Tê, ук. соч. с. 110—111.

⁸⁶ DNTL, t.XVIII, с. 330.

⁸⁷ DNTL, t.XX, с. 183.

⁸⁸ DNTL, t.XXI, с. 145.

Е.В. Кобелев

БАО ДАЙ, ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ВЬЕТНАМА (Исторический очерк)

В 1945 году в результате победы Августовской революции во Вьетнаме был ликвидирован монархический режим, представитель правящей династии Нгуенов император Бао Дай отрекся от престола. До начала реализации в Социалистической Республике Вьетнам политики «дой мой» — обновления (1986 г.) имя Бао Дая редко встречалось в исторической и мемуарной вьетнамской литературе. Однако в последние годы, по мере расширения гласности и открытости во вьетнамском обществе, появилось довольно много книг и публикаций, в которых подробно и вполне объективно прослеживается жизнь последнего императора Вьетнама, которая была насыщена невероятным политическим многообразием и авантюрными приключениями.

Во второй половине XIX века Вьетнам, которым до этого с начала XIX века правила династия Нгуенов, был завоеван Францией и включен в состав французского Индокитайского союза, в который вошли также соседние Камбоджа и Лаос. Следуя колониальному принципу «разделяй и властвуй!», Франция расчленила Вьетнам на три части, получившие различный статус. Намки (Южный Вьетнам), завоеванный самым первым, стал колонией Франции под названием Кохинхина. Он управлялся непосредственно французскими властями — губернатором и администраторами провинций. Бакки (Северный Вьетнам) и Чун-

гки (Центральный Вьетнам), которые назывались в течение всего колониального периода соответственно Тонкин и Аннам, получили статус протекторатов. Формально там была сохранена местная вьетнамская администрация, а в столице династии Нгуенов городе Хюэ — даже императорский двор. Однако и в этих протекторатах все действия вьетнамских властей полностью контролировались и направлялись французскими «верховными резидентами».

Сохранив, пусть хотя бы и формально, власть династии Нгуенов, с которой вьетнамский народ инстинктивно связывал свои горькие воспоминания о независимом и великом прошлом Вьетнама, колонизаторы рассчитывали использовать авторитет вьетнамских монархов в целях скорейшего и бескровного умиротворения завоеванной страны. Однако поначалу этим расчетам не суждено было сбыться. Уже в 1885 году весь Вьетнам был охвачен патриотическим освободительным движением, которое получило название «*кан вьонг*» («в поддержку императора») и во главе которого встали малолетний император Хам Нги и его регент Тон Тхат Тхюет.

Основной опорой антифранцузского сопротивления стала своеобразная социальная группа той поры, доминировавшая прежде всего во вьетнамской деревне, — феодальное ученое сословие. Представителей этой группы по традиции было принято называть «*nho si*» — конфуцианцами, так как они были последователями учения Конфуция, которое проникло во Вьетнам из Китая и с XV века стало официальной религией и идеологией вьетнамских феодальных династий. Однако, считают современные вьетнамские историки, название это не совсем верно, так как на вьетнамской почве учение Конфуция подверглось сильному воздействию местных национально-патриотических традиций и идеалов и приобрело совершенно несвойственные ему изначально прогрессивные черты.¹

«Великий святейший Конфуций (за 551 год до Иисуса Христа), — писал в 1921 году в одном из французских журналов молодой Хо Ши Мин, — стал зачинателем идеи всеобщего согласия и теории имущественного равенства людей. Если сформулировать коротко, то святейший говорил: Основы мирной

жизни на этом свете могут произрастать только из основ всеобщего согласия среди людей. Люди не боятся нужды, они боятся только несправедливости».²

Действительно, если китайские феодальные завоеватели и их вьетнамские союзники стремились к утверждению наиболее реакционных черт конфуцианства, а именно: преклонение перед властью, консерватизм, догматизм, схоластические формы просвещения и т. п., то патриотически настроенные и прогрессивно мыслящие представители вьетнамской феодальной интеллигенции делали упор на имевшиеся в конфуцианстве рациональные, позитивные по тем временам элементы. Более того, они шли еще дальше, приспособляя конфуцианство к нуждам национально-освободительной борьбы вьетнамского народа, преобразовывая его в национально-патриотическое по духу, а зачастую даже антимонархическое учение. Вот почему во Вьетнаме в 15-19 веках исторически сложилась такая необычная, на первый взгляд, ситуация, что именно *pho si* становились национальными героями, вождями освободительных войн, руководителями или участниками крестьянских восстаний.

Особенно наглядно проявился специфический характер «вьетнамского конфуцианства» с приходом французских колонизаторов. Именно *pho si* были основной опорой вьетнамской монархии, пока ее представители находились во главе борьбы против колонизаторов. В противоположность католицизму, носителями которого были колонизаторы, конфуцианство воспринималось в эти годы как символ всего исконно вьетнамского.

Только к концу XIX века движение «кан выонг» было подавлено колонизаторами, а плененный Хам Нги был сослан в Алжир под надзор местных французских властей. Но на этом противостояние колонизаторов с династией Нгуенов отнюдь не закончилось. В 1916 году патриотическая организация «Общество возрождения Вьетнама», которой руководили принц Кыонг Дэ и один из самых видных патриотов-националистов Фан Бой Тяу, подготовила план всеобщего восстания во главе с императором Зюй Таном, который в знак протеста против политики французских властей бежал из своего дворца в Хюэ, повторив тем самым путь мятежного императора Хам Нги. Однако это

восстание также было жестоко подавлено, император Зюй Тан был захвачен в плен и отправлен в ссылку в далекое африканское владение Франции — на остров Реюньон. В сентябре 1916 года на престол взошел 12-й по счету монарх династии Нгуенов — Кхай Динь.

После стольких лет безуспешных попыток поставить вьетнамских монархов на службу своим колониальным интересам перед французскими властями во Вьетнаме со всей серьезностью встал судьбоносный вопрос: как приручить представителей династии Нгуенов, как сделать их эффективным орудием успешного проведения колониальной политики?

В первой четверти XX века в министерство колоний Франции поступали десятки предложений, прежде всего от генерал-губернаторства в Ханое, от верховного резидента в Хюэ и от губернатора в Сайгоне, по поводу того, как этого добиться. В конце концов превалирующей стала следующая точка зрения: необходимо с детских лет полностью «офранцузить» престолонаследника, чтобы затем на престол в Хюэ воссел неоспоримый вьетнамец по крови, но истинный француз по духу. Впервые эта идея четко прозвучала в письме генерал-губернатора Индокитая Альбера Сарро верховному резиденту Аннама после рождения наследника у императора Кхай Диня.

«Император Кхай Динь, возведенный нами на престол, — писал А. Сарро, — послушный монарх, однако слабохарактерный и заурядный человек, он не пользуется симпатиями народа и, особенно, сословия “*nho si*”, которые все еще грезят о тех монархах династии Нгуенов, которые находятся в изгнании. В этих условиях первоочередная задача власть предержащих в Аннаме сегодня — это подготовить нового монарха, который отвечал бы цивилизаторской миссии Франции. Только что родившийся младенец — престолонаследник — это для нас прекрасное событие, которым мы должны воспользоваться и воспитать из него верного сына нашей матери-родины. Мы полагаем, что когда он подрастет до школьного возраста, надо будет отправить его на учебу во Францию — при этом чиновники аппарата верховного резидента обязаны держать в поле зрения воспитание будущего императора, в частности, подбирать ему

таких воспитателей как при дворе, так и вне его, которых мы могли бы контролировать».³

Итак, выбор французов пал на сына Кхай Диня наследного принца Винь Тхюи, который впоследствии, став императором, взял себе имя Бао Дай. Он родился 22 октября 1913 года в императорской столице Вьетнама — городе Хюэ. 8 марта 1922 года, когда ему исполнилось 9 лет, его отец император Кхай Динь присвоил ему титул наследного принца, иными словами назвал имя следующего, тринадцатого по счету, императора династии Нгуенов. На Востоке цифра 13 не считается такой мистической, как в Европе. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на весьма зловещее предзнаменование — последний император Вьетнама и родился в 13 году XX столетия, и был по счету 13-м монархом династии Нгуенов.

В июне 1922 года в Марселе открылась французская колониальная выставка. На ней демонстрировались достижения цивилизаторской деятельности Франции в ее колониях. Наиболее широко был представлен Индокитай, который помпезно именовался жемчужиной в короне французской колониальной империи. У посетителей выставки вызывали неподдельный интерес макеты камбоджийских храмов Ангкора, древних вьетнамских буддийских пагод, «36 старинных улиц» Ханоя.⁴

Однако самой главной «достопримечательностью» выставки стал вьетнамский императорский двор, который французские власти доставили в Марсель ко дню ее открытия. Вечером 21 июня в марсельский порт вошел пароход «Портос», на его мачте развевался шелковый треугольник оранжевого цвета с двумя красными полосами — флаг императорской династии Нгуенов. По убранному цветами белоснежному трапу спустился на причал император Кхай Динь. Перед встречающей публикой он предстал в традиционном для вьетнамских императоров облачении: на голове — золотистый тюрбан, на плечах — длинное шелковое платье, вытканное причудливыми фигурами драконов. За ним по трапу сошел вниз девятилетний наследный принц Винь Тхюи. У трапа почетных гостей встречал министр по делам колоний Франции Альбер Сарро. Отвечая на его приветствие, Кхай Динь напыщенно заявил: «Франция — наш учи-

тель, она ведет нас в будущее. Из тесного пожатия наших рук рождаются добрые чувства, и обе наши страны дружной поступью идут вперед единой дорогой...»⁵

Кхай Динь пробыл во Франции почти два месяца и 14 августа 1922 года отбыл во Вьетнам, при этом оставив наследного принца Винь Тхюи в Париже. Так началась весьма сложная и деликатная операция французской колониальной администрации по «офранцузиванию» будущего вьетнамского монарха. Одним из главных исполнителей этой операции стали бывший верховный резидент Франции в Аннаме Charles (Шарль) и его супруга. Они поселили вьетнамского мальчика в своем особняке на улице Бурдоннэ в Париже, где ему был предоставлен отдельный домик. По настойчивому требованию Кхай Диня из Вьетнама в Париж был прислан учитель по вэньяню — древнекитайскому языку и по «*куок нгы*» — недавно введенной колониальными властями латинизированной письменности вьетнамского языка.

Но главной задачей Винь Тхюи было все-таки получение классического французского образования. Вначале его определили в известный лицей Condorcet, а после его окончания — в Ecole libre des Sciences Politiques (Свободную школу политических наук). Это аристократическое учебное заведение было создано в Париже специально для обучения будущих монархов и туземных работников высшего звена колониальной администрации многочисленных колоний Франции в Африке и Азии. После занятий, когда мальчик возвращался домой, супруги Шарль организовывали для него дополнительные занятия: изучение классической музыки, обучение игре на гитаре, занятия спортом, прежде всего теннисом, вождение автомобиля, стрельба из винтовки и даже обучение классическим танцам с французскими девочками-сверстницами.

По тем временам все эти занятия, особенно спорт и вождение автомобиля, были настоящей революцией для представителей вьетнамской монархии. На фотографиях тех лет на Винь Тхюи чаще всего можно было увидеть спортивную майку и шорты или кожаную куртку и шлем автомобилиста. Он чурался вьетнамских национальных одеяний и в свободное от спортив-

ных занятий время одевался скорее как французский киноартист, и это ему очень шло, так как он был красив лицом и для вьетнамца довольно крупный и высокого роста. Однако позднее, когда он вернулся во Вьетнам, оппозиционные вьетнамские газеты с возмущением писали по этому поводу, что французы сделали из вьетнамского монарха какого-то «дэнди».

Особенно страстно молодой Винь Тхюи любил быть за рулем автомобиля. Уже в 16 лет в его распоряжении имелось несколько автомашин различных марок. Особое предпочтение он отдавал скоростным машинам, на которых «лихачил» по улицам Парижа или мчался по автотрассам в курортные города — Канны и Довиль.

В 1924 году, когда Кхай Диню исполнилось 40 лет, Тайный совет двора в Хюэ принял решение организовать «великие торжества» по случаю юбилея императора. Колониальная администрация выделила на это большие деньги и, чтобы в торжествах принял участие и наследный принц, поручила Шарлю доставить Винь Тхюи в город Хюэ. На этих торжествах мальчик был одет в долгополое золотистое платье, в котором, согласно традиции, появлялись перед народом вьетнамские монархи. После окончания торжеств Винь Тхюи в сопровождении супругов Шарль, которых уже называли приемными родителями мальчика, снова отбыл во Францию, чтобы, как писали вьетнамские газеты, продолжать осваивать профессию монарха. Но жизнь есть жизнь: так удачно проходивший процесс «офранцузивания» будущего вьетнамского императора прервался самым неожиданным образом. 6 ноября 1925 года из Хюэ пришла скорбная весть о неожиданной кончине на 41-ом году императора Кхай Диня. Винь Тхюи вынужден был прервать учебу в Париже и срочно отбыть в Хюэ, где 8 января 1926 года он был возведен на престол императора под именем Бао Дай. Было ему тогда всего 13 лет.

Церемония возведения на престол юного императора была организована весьма торжественно. Кроме, естественно, всех членов Тайного совета, в ней приняли участие тогдашний генерал-губернатор Французского Индокитая Александр Варенн, верховный резидент Аннама Пьер Паскье и, разумеется, «приемные родители» Винь Тхюи — супруги Шарль. На церемонии

новый монарх впервые в своей жизни выступил с официальной речью: «Следуя старинным обычаям династии Нгуенов, добрым намерениям правительства протектората, а также искренним мольбам служителей королевского двора и всех простых людей, Мы, Государь, заявляем о том, что готовы наследовать престол нашего Отца-императора. Однако, согласно его повелению, Мы вернемся во Францию для продолжения учебы, чтобы в один из дней стать достойным той миссии, которую Небо возложило на Нас. В период своего отсутствия Мы будем всемерно полагаться на правительство протектората, будем тесно сотрудничать с династией Страны Юга, чтобы как можно скорее создать стабильное и мирное императорское правление. Это наше самое глубокое желание».⁶

17 ноября 1926 года Бао Дай подписал указ о временной передаче императорской власти правительству протектората. Кроме того, по указанию колониальных властей он также подписал указ о создании временного Регентского совета, который возглавили «регент его величества» Нгуен Хыу Бай и председатель Совета старейшин Тон Тхат Хан.

Еще почти шесть лет юный монарх находился за пределами своей родины. А в ней в эти годы происходили грандиозные события, потрясшие самые основы колониального режима. К концу 1930-х годов большой размах приобрела революционная деятельность «вьетнамского гоминьдана» — Национальной партии Вьетнама, во главе которой стоял неистовый антиколониалист Нгуен Тхай Хок. В начале 1929 года в Ханое боевики его партии совершили покушение и убили крупного чиновника французской администрации Базэна, который занимался вербовкой вьетнамской рабочей силы для французской Новой Каледонии. В феврале 1930 года Национальная партия подняла вооруженное восстание в провинции Иенбай (Тонкин). Плохо подготовленное восстание потерпело сокрушительное поражение, и десятки его участников сложили головы на гильотине.

Вскоре после этого французская охранка установила основное местопребывание штаб-квартиры партии и ее руководства в одной из деревень провинции Хайзыонг (Тонкин). Деревня была подвергнута бомбардировке с воздуха, а лидер партии Нгу-

ен Тхай Хок был захвачен в плен живым. В 1931 году Нгуен Тхай Хок и 12 его сотоварищей были гильотинированы в тюрьме города Иенбай.

В конце 1930 года в двух провинциях Центрального Вьетнама — Нгеан и Хатинь начались массовые выступления крестьянства против колониальных порядков. Руководила ими созданная Нгуен Ай Куоком (Хо Ши Мином) 3 февраля 1930 года Коммунистическая партия Индокитая (КПИК). В 116 деревнях обеих провинций были созданы по примеру российских трудящихся Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти. Нгетиньские Советы, как их назвали в народе, были в течение почти года, пока их не подавили колонизаторы, островками свободы и независимости в колониальном Индокитае. Советы полностью ликвидировали на местах колониальный административный аппарат, изгнали из сел феодалов, крупных помещиков, старост. «Хотя движение Нгетиньских Советов было потоплено в крови, — отмечал впоследствии Хо Ши Мин, — оно навсегда останется свидетельством героизма и боеспособности трудящихся масс Вьетнама; оно способствовало рождению сил, которые впоследствии совершили Августовскую революцию»⁷.

Наконец, и в самой Франции все напоминало драматические события в Индокитае. В 1932 году, за несколько месяцев до возвращения Бао Дая на родину, в Париже русским белоэмигрантом Горгуловым было совершено убийство президента Франции Поля Думера, который, кстати, в 1896—1902 годах был генерал-губернатором Индокитая. Естественно, Бао Дай как вьетнамский император должен был принять непосредственное участие в организованных властями траурных мероприятиях по этому скорбному случаю.

Тем временем обеспокоенные размахом революционных выступлений во Вьетнаме, особенно в Тонкине, колониальные власти начали настойчиво выступать перед Парижем с инициативой поскорее вернуть молодого вьетнамского монарха на родину, рассчитывая, что его присутствие и «передовые формы» правления помогут успокоить вьетнамские политические круги и общественное мнение.

Особенно большую активность в этом проявлял секретарь Колониального совета в Ханое некий г-н Шатель, который буквально забросал алармистскими письмами министерство колоний Франции. Пытаясь «угговорить» министерство, мсье Шатель рисовал в своих письмах весьма живописные картины, как надо организовать приезд молодого монарха во Вьетнам. По его словам, это можно сделать подобно тому, как «Цезарь после очередной победы возвращался в Рим или как Наполеон в Париж после победы при Аустерлице». Накануне приезда Бао Дая, писал мсье Шатель, надо организовать во Вьетнаме мощную пропагандистскую кампанию восхваления молодого монарха, заполнить всю страну его красиво оформленными портретами, поручить самым известным вьетнамским композиторам написать песни, прославляющие его славные деяния, снять полнометражный документальный фильм о «горячей встрече его вьетнамским народом», который потом демонстрировать в кинотеатрах во всех крупных городах колонии⁸.

Однако в своих письмах мсье Шатель не учитывал одного серьезного обстоятельства. Бао Дай много лет прожил в Париже, у него была там каждодневно масса развлечений, к которым он уже привык и без них не мыслил свою жизнь. В душе он, по-видимому, уже не воспринимал Вьетнам как свою родину, это было всего лишь смутное воспоминание детства. Поэтому всякие разговоры о возвращении в Хюэ воспринимались им как попытка переместить его «из рая в ад».

Таким образом, возникла весьма серьезная проблема — как угговорить юного, а потому старавшегося казаться независимым, монарха согласиться на срочное возвращение на родину. С этой целью, наряду с мсье Шателем и супругами Шарль, в ход было пущено тяжелое оружие: в разъяснительную работу с юношей включились министр колоний, министр иностранных дел и даже сам президент Франции. В конце концов Бао Дай сдался, но выговорил для себя условие, что он будет иметь возможность приезжать в Париж в любое время, когда у него возникнет желание.⁹

Здесь нельзя не обратить внимания на то, что один из биографов Бао Дая Даниэль Гранклеман отыскал в архивах фран-

цузской полиции сведения о том, что «агенты Коминтерна» якобы проявляли серьезный интерес к судьбе молодого вьетнамского монарха. Так, по его словам, как только стало широко известно о предстоящем возвращении Бао Дая во Вьетнам, министерство колоний получило донесение от филера охранки о том, что в доме № 120 по улице Шатодэн состоялось тайное совещание Комиссии по вопросам колоний ЦК Французской компартии, в котором приняли участие один француз и семь вьетнамцев.

В повестке дня совещания стоял вопрос: «Возвращение императора Бао Дая на родину и возможности покушения на него». Все участники заявили о поддержке идеи убийства Бао Дая. Одному вьетнамцу по имени Фам Ван Диеу было поручено выполнить акт смертной казни Бао Дая в Париже. Если же эта акция не удастся, другому вьетнамцу по имени Нгуен Динь Тинь (партийная кличка «Блинов»)¹⁰ было поручено попытаться убить его, когда он будет подниматься по трапу на пароход¹¹. Хотя указанное донесение выглядит вроде бы правдоподобно, отнюдь нельзя исключать того, что оно было специально сфабриковано парижской полицией, чтобы припугнуть Бао Дая и ускорить его отъезд, а заодно и лишний раз показать французскому обывателю, как далеко протянулись «щупальца» Коминтерна.

Параллельно возникла и другая не менее опасная проблема. Стало известно о письме министерства колоний от 24 января 1926 года, в котором утверждалось, что Бао Дай не сын императора Кхай Диня, а ребенок одной из наложниц двора, зачатый от какого-то сановника династии. Французским властям в Индокитае пришлось принимать различного рода строжайшие меры, чтобы в зародыше погасить эти опасные «злонамеренные» слухи¹².

Свадьба по-французски

Накануне возвращения Бао Дая во Вьетнам в императорском дворце в Хюэ развернулась лихорадочная работа по поискам невесты для молодого, красивого и получившего француз-

ское образование императора. Вдовствующая императрица Ты Кунг, на правах его родной матери, подобрала для него девушку по имени Бать Иен — дочь одного из высоких сановников двора. До этого девушку долго учили играть на старинной вьетнамской гитаре, декламировать стихи древних вьетнамских поэтов, учили манерам поведения и этикету, которые были приняты при дворе династии Нгуенов. Кроме того, Бать Иен каждый день купалась в ванне из молока, чтобы ее кожа была белой, как у европейских женщин, и издавала восхитительный аромат.

Однако вдовствующая императрица не знала о планах колониальных властей осуществить полное «офранцузивание» ее сына и, естественно, о том, что после завершения его учебы должна начаться вторая фаза по превращению молодого вьетнамского монарха, связанного многими неразрывными узами с матерью—Францией, в «неоспоримого вьетнамца по крови, но истинного француза по духу». Суть второй фазы задуманной французами далеко рассчитанной операции заключалась в том, чтобы найти ему соответствующую пару — разумеется, вьетнамскую девушку, но опять же с хорошим французским образованием и обязательно католичку, так как сам Бао Дай как предводитель старинной вьетнамской династии был буддистом.

На этом этапе активно вступили в дело супруги Шарль. Когда они еще работали во Вьетнаме, они близко познакомились с семьей миллионера Дениса Ле Фат Ана из Кохинхины, у которого была племянница Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Тхи Лан. У Дениса Ле Фат Ана не было своих детей, поэтому с ее детских лет он относился к Тхи Лан, как к своей дочери, и не жалел денег на ее обучение во Франции. Она же была дочерью его, тоже довольно богатого, брата Нгуен Хыу Хао из города Гоконг (Кохинхина). Как и Бао Дай, она с малых лет была отправлена во Францию и училась в парижской школе *Couvent des Oiseaux* (Монастырь птиц), в которой преподавали монахини монастыря Святого Августина. Она прекрасно знала французский язык и французскую культуру, уже имела звание бакалавра. Но самое главное для успеха задуманной операции было то, что все члены семейного клана Тхи Лан были ревностными католиками, а гла-

ва клана был известен на Юге Вьетнама тем, что на свои средства построил три католических храма для прихожан в районах, прилегающих к Сайгону.

Чтобы юный монарх и красавица Тхи Лан смогли познакомиться еще в Париже, супруги Шарль договорились о частной встрече с директрисой школы *Couvent des Oiseaux* и условились с ней, что она пригласит на выпускной вечер в честь окончания учебного, 1932 года, императора Вьетнама Бао Дая и что цветы монарху преподнесет вьетнамская школьница Тхи Лан. Так все и произошло, и когда красавица Тхи Лан преподнесла Бао Даю цветы, он, конечно, заметил ее и запомнил.

В начале августа 1932 года от причала Марселя отошло пассажирское судно «Д'Артаньян», на борту которого Бао Дай, сопровождаемый супругами Шарль, отплыл во Вьетнам. Естественно, на этом же корабле оказалась и Тхи Лан, которая возвращалась во Вьетнам на каникулы, сопровождаемая Денисом Ле Фат Аном и его женой. Во время долгого плавания (тогда расстояние от Франции до Вьетнама пароходы преодолевали более чем за месяц) началась вторая фаза операции по «офранцузиванию» молодого вьетнамского монарха. В один из первых же вечеров Денис Ле Фат Ан пригласил супругов Шарль на дружеский ужин, на котором, конечно же, не могли не присутствовать их «приемный сын» Бао Дай и племянница миллионера Тхи Лан.

Именно на этом ужине, как считают организаторы операции, и вспыхнули первые романтические искры будущей любви двух юных сердец. Естественно, молодые люди во время долгого плавания познакомились и не могли не понравиться друг другу. Оба были очень красивы, оба были всецело привержены французской культуре, поэтому, когда вечерами они гуляли по палубе, у них находилось много общих тем для бесед.

В начале сентября 1932 года пароход «Д'Артаньян» бросил якорь во вьетнамском порту *Cap Saint Jacques* (ныне — город Вунгтау). Здесь Тхи Лан встретили ее отец Нгуен Хыу Хао и члены семейства Ле Фат Ана и повезли ее в Сайгон. А Бао Дая французские военные проводили на борт военного корабля *Dumont d'Urville*, который доставил его в порт Туран (ныне —

Дананг). Когда Бао Дай спускался по трапу на причал, в честь возвращения молодого монарха на родину был произведен артиллерийский салют из 21 залпа.

10 сентября 1932 года Бао Дай выступил по радио с обращением к своим подданным, текст которого, естественно, был подготовлен его французскими советниками, где обещал широкие реформы в стране, которые отвечали бы принципам цивилизации и прогресса, усвоенным им во время учебы во Франции. В своей речи, отличавшейся неконкретностью и витиеватостью (как, впрочем, и многие последующие его публичные выступления), Бао Дай, в частности, обратился к тем вьетнамцам, кто «всем сердцем любит родину: надо всем нам, направляемым общей волей, вместе идти к единой цели, чтобы весь народ жил в гармонии, великодушии и упорядоченной строгости, стремясь к высотам цивилизации и прогресса, которых мы должны достигнуть»¹³.

Под этими вьетнамцами он имел в виду патриотические партии и организации, которые открыто и активно выступали против французского господства. Однако Бао Дай весьма ловко не назвал ни одной партии и, естественно, не решился сказать определенно о том, что это патриоты, которые борются как против колонизаторов, так и против самой феодальной монархии. Впрочем, другого он сказать и не мог — откуда 19-летний император, проживший много лет вдали от родины, мог знать об особенностях социально-политической обстановки во Вьетнаме.

Вслед за тем Бао Дай осуществил несколько важных политических акций. Прежде всего он совершил ритуальную поездку в провинцию Тханьхоа — родину предков династии Нгуенов, а после этого — ознакомительные поездки вначале в Кохинхину, а затем — в Тонкин.

Для колониальных властей особенно важно было «показать товар лицом» в Тонкине, причем по двум разнохарактерным причинам. С одной стороны, в Тонкине наиболее сильны были антиколониальные настроения. И французы надеялись, что непосредственное знакомство населения Тонкина с молодым монархом вьетнамской династии Нгуенов, которая олицетворяла

народную память о тех давних временах, когда Вьетнам был независимой страной, поможет понизить градус революционного движения в Ханое и окружающих его провинциях.

С другой стороны, с начала 1930-х годов в Тонкине приняло массовые формы умело инспирируемое колонизаторами движение, которое мы бы сегодня назвали «вестернизацией». Участники этого движения — представители разночинной молодежи, студенчества новой формации, получившие французское образование, чиновники, служившие во французской администрации, учителя школ и лицеев — романтизировали материальные и духовные достижения Запада, особенно Франции, и требовали обновления образа жизни вьетнамского народа, приближения его к западным образцам. А Бао Дай как раз и был живым примером нового образа жизни — молодой, красивый, всегда одетый с иголки в модный французский костюм. То его видят скачущим верхом на коне, то за рулем первоклассного автомобиля, то он играет в теннис или в гольф, а на следующий день танцует танго или фокстрот. Разумеется, все это не могло не притягивать к нему внимание юношей и девушек из среды золотой ханойской молодежи и среднего городского класса.

Бао Дай пробыл в Ханое целую неделю. В один из вечеров у него произошла интересная встреча с членами Общества чиновников-конфуцианцев и чиновников-западников. Это Общество, так же как и известный в стране журнал «Нам фонг» («Южный ветер») основал профессор Фам Куинь. Он же и приветствовал на встрече монарха на французском и вьетнамском языках. Его речь пришла Бао Даю по душе. Это и входило в планы французских организаторов его поездки, так как они давно решили поставить во главе правительства двора в Хюэ нового человека, лояльного Франции, вместо престарелого Нгуен Хыу Бая, который раздражал их своей чрезмерной приверженностью династическим канонам далекого прошлого.

После возвращения Бао Дая в Хюэ 1 мая 1933 года туда прибыл генерал-губернатор Паскье, чтобы лично руководить работой совещания с членами Тайного совета. Верховный резидент Аннама Тибодо сообщил членам Тайного совета об обновлении его состава и зачитал текст императорского указа № 29: «Преж-

де чем активно приняться за работу, мы, Государь, хотели узнать настроения народа и с этой целью совершили поездки по Северу и Югу. И в ходе них Мы увидели, что конкретно нуждается в реформах. Поэтому сегодня, то есть 8-го дня 8-й луны правления Бао Дая (1933 г.), Мы объявляем, что отправляем на пенсию герцога (quan song) Нгуен Хыу Бая, высоких сановников двора Во Лиема, Тон Тхат Дана, Фам Лиену, Вьонг Ты Дая, а вместо них вводим в Тайный совет Фам Куиня, Тхай Ван Тоана, Хо Дак Кхая, Буи Банг Доана, Нго Динь Зьема.» От себя Тибодо добавил: «Данный указ санкционирован генерал-губернатором Индокитая. Что касается меня, то я с его содержанием полностью согласен.»¹⁴ Интересно отметить, что одним из самых молодых министров стал Нго Динь Зьем, который в 1950-е годы, после подписания Женевских соглашений о восстановлении мира во Вьетнаме, лишил Бао Дая поста главы государства и станет президентом Южного Вьетнама.

Появление Фам Куиня в Хюэ было встречено с большим недовольством членами императорского двора. Он был для них чужак, при дворе его презрительно именовали «белым фурункулом с Севера». Но против воли французов выступить они не могли. К тому же Фам Куинь пришелся по душе Бао Даю как близкий ему по духу человек — с солидными, изысканными манерами, с величественной осанкой, блестяще говорящий и по-вьетнамски, и по-французски. Поэтому Бао Дай сразу же предложил Паскье назначить его главой Кабинета министров. Естественно, после назначения в Хюэ Фам Куинь вынужден был передать руководство журналом «Нам фонг» своему ближайшему сотруднику Нгуен Тиен Лангу, который в скором времени стал его зятем.

Все эти акции, инициированные колониальными властями, преследовали одну цель — в самом лучшем свете представить подданным династии совершенно новый тип монарха: он молод, окончил высшую школу политических наук в Париже, у него совершенно новый образ мышления, он воспитан на передовых традициях Запада, вьетнамская интеллигенция и молодежь должны полюбить его, и тогда антифранцузские настроения пойдут на убыль.

Французское воспитание сподвигло Бао Дая на весьма смелые реформы придворного этикета и форм приветствия простолюдными при встрече с императором, которые были заимствованы из древнего Китая и освящены веками. Так, Бао Дай повелел, чтобы были отменены как «архаичные» обязательные поклоны до пояса или опускание глаз при встрече с императором как простолудинов, так и чиновников двора. Конечно, этот указ не так-то просто было исполнить на деле, так как внешние формы почитания монарха впитывались вьетнамцами «с молоком матери». Поэтому, когда уже после выхода указа Бао Дай со своей свитой появлялся на улицах Хюэ или других городов, особенно ретивые начальники городских кварталов и сельских уездов все-таки отдавали приказы жителям смиренно опускать глаза долу, когда император проезжал мимо них.

Одновременно было разрешено всем сановникам двора и другим гостям при входе в покои императора не кланяться до пояса, а приветствовать монарха словами. Этой акцией, наверняка подсказанной французами, преследовались две цели. Во-первых, показать, что молодой, прогрессивный, но «народный монарх» ценит старинные вьетнамские обычаи уважения людей не по положению, а по возрасту. Во-вторых, теперь и французские официальные лица, входя к императору, могли чувствовать себя более свободно и просто обмениваться рукопожатием с ним, как принято на Западе в общении между людьми.

Одной из непреложных традиций династии Нгуенов, начиная с ее основателя Зя Лонга, была задача заранее подбирать невест для наследных принцев, поэтому все представители династии, как правило, всходили на престол уже будучи женатыми. После этого вступала в действие вторая традиция — для нового монарха набирали несколько десятков девушек, которые выполняли роль прислуги и наложниц. И хотя у монарха была официальная жена, подобранная для него королевской семьей, однако среди десятка наложниц, естественно, находились одна или несколько женщин, которых монарх любил и привечал больше всех остальных. В результате монархи постоянно опасались, что между их любимицами начнется борьба за власть, поэтому было принято паллиативное решение, что любая «пассия» монарха,

включая и его официальную супругу, могла быть объявлена императрицей только после кончины императора либо после провозглашения наследником ее сына.

По завершении первоочередных официальных дел перед «кукловодами» Бао Дая вновь встал вопрос о необходимости срочной реализации давно задуманного ими плана о такой его женитьбе, которая бы полностью отвечала интересам Франции. Летом 1933 года Бао Дай выехал на отдых в Далат. Одновременно генерал-губернатор Паскье дал указание мэру Далата мсье Дарлю организовать праздничный прием в самом фешенебельном здании города — Hotel Palace¹⁵.

На этот прием были приглашены многие высокопоставленные представители колониальных властей и, разумеется, Тхи Лан и большое число ее ближайших родственников. Бао Дай и Тхи Лан много танцевали друг с другом и вспоминали о Париже. В конце своей жизни Бао Дай так писал об этом романтическом отрезке своей жизни: «После нашей встречи на приеме мы затем еще не раз встречались, чтобы высказать свои чувства. Жанна Мариэтта очень забавно рассказывала о своей учебе в школе Couvent des Oiseaux. Так же, как и я, она любила спорт и музыку. Тхи Лан отличалась весьма нежной красотой девушки Юга, немного приправленной чертами Запада. Вот почему я придумал ей новое имя — Нам Фьонг, что значит Аромат Юга. Я знал, что все мои королевские предки предпочитали брать в жены девушек с Юга»¹⁶.

После танцев на пышном приеме мсье Дарля молодые люди практически встречались каждый день — на теннисной площадке, на раутах местной элиты, более того, несколько раз Бао Дай был гостем Тхи Лан в роскошном особняке семейства Ле Фат Ана в Далате. В конце концов Бао Дай официально сделал Тхи Лан предложение, на что она в принципе ответила согласием, но при условии, если ее семья даст свое благословение.

Взволнованный Бао Дай доложил Паскье и Шарлю о возникшем препятствии. Супруги Паскье и Шарль встретились с Ле Фат Аном, чтобы узнать его мнение. Разумеется, члены семейства Ле были весьма обрадованы как предложением Бао Дая, так и его поддержкой со стороны высокопоставленных

французов, ибо «рыба заглотнула крючок», но тем не менее они выдвинули несколько предварительных условий:

- Жанна Мариэтта Нгуен Хью Тхи Лан должна быть удостоена звания Императрицы сразу же после свадьбы;
- Она должна остаться в лоне католической церкви, а ее дети при рождении должны пройти обряд крещения и быть католиками;
- Что касается Бао Дая, то он может и дальше оставаться буддистом;
- Наконец, крайне необходимо разрешение Ватикана на то, чтобы молодые люди, поженившись, остались каждый в своей вере; ни одна из сторон не должна принуждать другую к смене веры¹⁷.

Поставленные условия были довольно сложными и, казалось бы, трудновыполнимыми. Однако так велико было желание Паскье и Шарля увенчать процесс «офранцуживания» нового вьетнамского монарха его женитьбой на вьетнамке-католичке, к тому же «офранцуженной» не менее, чем он сам, что они заверили семейство Ле, что французские власти гарантируют выполнение всех поставленных условий.

Ни в одних мемуарах Бао Дая, Тхи Лан и их окружения ничего не сказано, о чем говорила пара во время знаменитого приема в Далате. Но историографы династии считают, что именно в Далате Бао Дай, вопреки вековой традиции Нгуенов, пообещал Тхи Лан, что сразу после свадьбы он объявит ее императрицей, и что все их дети, прежде всего наследник престола, будут католиками.

Когда Бао Дай вернулся в Хюэ, императрица-мать и высшие сановники, ничего не зная о событиях в Далате, сообщили ему «радостную весть», что они подыскали для него невесту — уроженку города Хюэ, дочь высокопоставленного чиновника двора. На что Бао Дай отвечал им, что он сам нашел себе невесту — Жанну Мариэтту Нгуен Хью Тхи Лан, члена богатейшей семьи из Гоконга, получившую к тому же классическое французское образование. Во дворе начался крупный скандал: мать Ты Кунг и глава Регентского совета Тон Тхат Хан потребовали от молодого монарха не нарушать вековых традиций династии и

взять в жены девушку Бать Иен, которая ими подобрана и которая отвечает всем требованиям исторических канонов династии.

Но задуманная программа полного «офранцузивания» нового императора не дала сбоев. Бао Дай был категоричен в своем решении. «Я беру жену для себя или для династии?» — неприлично грубо для сановников двора спросил он. После этого и Ты Кунг, и члены Регентского совета поняли, что на престоле появился совершенно новый монарх, воспитанный в западных традициях, для которого главное — свои, личные интересы (разумеется, продиктованные французскими властями), а не интересы замшелой, уходящей в прошлое династии Нгуенов.

Свадьба состоялась 20 марта 1934 года. Жениху было тогда 21 год, невесте — 19 лет. Проходила свадьба в несколько напряженной атмосфере, так как выбор жениха поддержал только глава Тайного совета Нгуен Хью Бай, остальные же, возглавляемые вдовствующей императрицей, открыто выражали свое недовольство. Сам Бао Дай так описывал свои впечатления от свадьбы: «Свадьбу почтили своим присутствием большое число сановников императорского двора и представителей французской администрации. Это было торжество в стиле “модерн”, таких свадеб династия Нгуенов еще не знала. Тут же, на свадьбе, я принял решение удостоить свою жену звания Императрицы — раньше это звание жены монархов династии получали только после кончины мужа-императора.»¹⁸

Хотя в своей книге «Дракон Аннама» (1980 г.) Бао Дай уверял читателей, что при выборе невесты им руководила только большая любовь, однако на деле определяющую роль играли отнюдь не чувства двух молодоженов, и тому много свидетельств. То, что свадьба была целиком срежиссирована французами, уже говорилось выше. Но вот интересные оценки бывшего начальника императорской канцелярии Фам Кхак Хоэ, который в своей книге воспоминаний так описывал тайные пружины этой свадьбы:

«В бракосочетании Бао Дая и Тхи Лан конкретные расчеты заметно преобладали над чувствами. Лан выходила замуж за Бао Дая, чтобы стать императрицей. Бао Дая же прельстили огромные богатства семейства Лан. Что касается чувств, то если они и

были, то чисто внешне: оба они были молодые и здоровые, увлекались спортом и привыкли жить по канонам Запада. Вместе с тем у них была совершенно разная душевная организация. Бао Дай по натуре был неглубоким человеком, несколько наивным, бесхарактерным, больше любил всякого рода развлечения, нежели властные полномочия императора. Голос рассудка и здравый смысл были ему не чужды, однако он часто действовал по подсказке извне. Напротив, Нам Фьонг была женщиной скрытной, уравновешенной, глубокой, эмоции у нее никогда не преобладали над разумом, она любила читать и учиться гораздо больше, чем развлекаться, наконец, она очень любила власть и была обуреваема большими политическими амбициями.»¹⁹

Прежде всего, самым страстным желанием Нам Фьонг было родить наследного принца — католика, который мог бы затем занять престол и стать полновластным правителем, и все это благодаря «недюжинным талантам» Нам Фьонг, которая тем самым выполнила бы свой святой долг перед великой матерью-Францией, а также перед Ватиканом, где давно уже лелеяли мечту, чтобы именно католик стал монархом «великого Аннама».

Последнее обстоятельство имело очень важное значение для Нам Фьонг. Дело в том, что, готовя свадьбу Бао Дая, супруги Шарль обратились в Ватикан с просьбой разрешить католичке выйти замуж за буддиста. Однако Папа Пий XI неожиданно ответил отказом. И только в 1939 году, когда после его кончины папскую тиару надел Папа Пий XII, тот пересмотрел решение своего предшественника, благословил брак буддиста и католички, но с одним условием, что все их дети и, прежде всего, наследный принц, будут крещены в католики, как и их мать. Получив это приятное известие, Нам Фьонг тут же вместе с мужем отплыла в Ватикан, где они лично поблагодарили Папу Пия XII за его «гуманное решение». История сохранила фотодокументы этой необычной аудиенции.

После трех лет брачной жизни Нам Фьонг родила первого ребенка. Ночью 4 января 1936 года жители императорской столицы услышали звуки салютных залпов, которые означали, что императрица родила. Но посреди глубокой ночи мало кто успел подсчитать количество залпов, чтобы узнать, родился принц

или принцесса. Когда наступило утро, праздничные залпы были повторены. И их число вызвало всеобщее ликование: их было семь — значит родился наследный принц. Если бы залпов было девять, то это означало бы, что родилась принцесса. Дело в том, что согласно древним поверьям вьетнамцев, дух мужчины слагается из семи воплощений души, а дух женщины — из девяти.

На следующий день все три части Вьетнама — Тонкин, Аннам и Кохинхина облетела весть, что в Хюэ родился наследный принц, то есть будущий император Вьетнама, которого коронованные родители нарекли именем Бао Лонг. В канцелярию двора посыпались поздравительные телеграммы от высоких французских лиц — генерал-губернатора, верховных резидентов Тонкина и Аннама, губернатора Кохинхины, колониальных министров, профранцузских общественно-политических партий и организаций Вьетнама.

В последующие годы Нам Фьонг родила еще четырех детей:

- Принцессу Фьонг Май, 1 апреля 1937 года;
- Принцессу Фьонг Лиен, 3 ноября 1938 года;
- Принцессу Фьонг Зунг, 5 февраля 1942 года;
- Принца Бао Тханга, в 1948 году.

Первые три года совместной жизни молодожены отдыхали и развлекались вместе: на автомобиле «Меркурий» шоколадного цвета, за рулем — сам Бао Дай, они объезжали красивые окрестности Хюэ вдоль реки Ароматной, поднимались в горы к курортному Далату, чтобы подышать прохладным сосновым воздухом, и даже отваживались охотиться в джунглях плато Тэйнгун, возле городов Банметхуот и Баолок. Но после рождения первенца Бао Дай, который уже не мог жить без каждодневных развлечений, стал ездить по знакомым местам один.

Особенно его увлекала охота на крупного зверя, которых в джунглях Центрального Вьетнама тогда водилось во множестве. В первые же дни, когда он вернулся на родину, жители одной горной деревни подарили ему двух слонят. Как только они подросли, Бао Дай стал ездить на них в горы на охоту. А к 1944 году у него уже было целое стадо огромных слонов из 38 голов. О них заботились 40 погонщиков разных национальностей — лаосцы, эдэ, мнонги, вьетнамцы.

Слонов так приучили, что когда необходимости в них не было, их отпускали в джунгли, и они сами искали себе корм. Чтобы чужие охотники ненароком их не подстрелили, им на лбах рисовали специальные знаки, которые были известны всем в округе. Когда же приезжал Бао Дай, погонщики пригоняли слонов обратно, к подножию холма, на вершине которого стоял охотничий домик императора.

Смена хозяев

Когда в июне 1940 года Франция капитулировала перед Германией и в стране было образовано профашистское правительство во главе с Петэном со столицей в городе Виши, то именно это правительство подчинило себе колониальную администрацию в Индокитае. Это обстоятельство облегчило японскому милитаризму осуществление агрессивных замыслов в отношении Индокитая, так как к этому времени японская армия, установив контроль над южной частью Китая, вышла к границам Вьетнама. В августе и сентябре 1940 года Япония заключила со ставленником Виши генерал-губернатором Индокитая адмиралом Дэку ряд выгодных для нее соглашений, которые поставили Индокитай под японский экономический и военный контроль и означали начало так называемой «мирной оккупации» Японией Индокитая.

В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, где японская оккупация сопровождалась крахом западных колониальных режимов, в Индокитае японцы сохранили французскую колониальную администрацию, которая встала на путь тесного сотрудничества с оккупантами. Фактически с этого времени вишистская Франция стала союзником милитаристской Японии в мировой войне.

И, естественно, японские оккупационные власти, чья родина сама была монархической страной, не только сохранили режим династии Нгуенов в Хюэ, но и старались оказывать Бао Даю всяческие знаки внимания, выражая готовность тесно сотрудничать с вьетнамским императорским двором.

Таким образом, в положении Бао Дая, по-прежнему основную часть времени отдававшегося охоте на плато Тэйнгуен,

практически ничего не изменилось. Нам Фьонг и дети жили в особняке в Далате. Война, разгоравшаяся на просторах Азии и Тихого океана, пока никак не затрагивала Вьетнам. В самом Хюэ тоже все было спокойно, как будто и не произошла смена хозяев Индокитая. Только после того, как американские войска под командованием генерала Макартура захватили японский остров Окинава, обстановка несколько изменилась. Американские самолеты стали бомбить объекты японской армии в Индокитае, и были случаи, когда бомбы падали в нескольких сотнях метрах от центра Хюэ.

«Однако монарх, — пишет Д. Гранклеман, — ничем не выражал тревоги в обстановке, когда огонь и кипящая вода стали подбираться к стране, которой он правил. Он по-прежнему пропадавал на охоте или рыбалке, отдавал все силы развлечениям или, стоя на балконе, лицезрел лунный диск, который, по вьетнамским поверьям, предсказывает судьбу. В общем, вел себя так, как будто война — это всего лишь страшный сон, который вряд ли станет реальностью»²⁰.

Так как Нам Фьонг жила с детьми отдельно, у Бао Дая появилась новая возможность развлечения — молодые женщины. Первая из них — красавица Фи Иен, для которой он, хотя и не располагал большими деньгами, приобрел особняк, где любовники и встречались. Эта связь едва не закончилась трагически: Нам Фьонг, узнав об измене мужа, решила подговорить шофера застрелить их обоих, если он увидит их вместе. Ситуацию пришлось спасать самой супруге адмирала Дэку, которая помчалась на машине по крутой горной дороге к месту, где любовники условились встретиться.²¹

Нам Фьонг была, как вспоминали ее друзья еще по учебе в Париже, высоконравственным, добродетельным человеком. И она даже не могла представить себе, что такое возможно. Она страдала от женской ревности, от вероломного предательства любимого мужа. Самым близким людям она говорила даже, что подумывает уйти в монастырь. «Она горько сожалела, что будучи юной, увлеклась красивым и умным человеком, который оказался на деле сумасбродом и бабником, человеком, у которого на уме одни развлечения и удовольствия»²².

Тем временем к концу 1944 года положение Японии в оккупированных странах Юго-Восточной Азии начало стремительно ухудшаться. Чтобы укрепить свои позиции в Индокитае, японские власти приняли решение совершить военно-политический переворот и устранить французскую колониальную администрацию. 9 марта 1945 года менее, чем за сутки, основная часть французских вооруженных сил была японской армией обезоружена, уничтожена или захвачена в плен. В трех странах бывшего французского Индокитае — Вьетнаме, Лаосе и Камбодже были созданы «независимые» государства, которые были включены Японией в «Великую Восточно-Азиатскую сферу процветания».

Как и в 1940 году, эти события практически никак не отразились на положении династии Нгуенов и лично Бао Дае. Видный вьетнамский историк Чан Ван Зяу так описывает начало «новой эры» в жизни Бао Дая: «9 марта, когда Бао Дай по привычке с увлечением занимался охотой, выстрелы зазвучали в самом Хюэ. Утром 10 марта японцы приказали Бао Даю сделать заявление о провозглашении независимости. Утром 11 марта правительство династии Нгуенов, которое еще вчера хранило абсолютную верность Франции, выступило с заявлением об аннулировании всех договоров о протекторате, подписанных с Францией, и о том, что Вьетнам возвращает себе независимость, разумеется, «согласно принципам совместной декларации государств Великой Восточной Азии»²³.

Кроме того, японские «друзья» рекомендовали Бао Даю заменить профранцузского Фам Куиня на своего ставленника — известного ученого — конфуцианца Чан Чонг Кима. 17 марта Бао Дай подписал указ № 1 о «реформировании госаппарата династии в соответствии с новой обстановкой»²⁴. 5 апреля японцы доставили Чан Чонг Кима на своем самолете из Бангкока в Хюэ, где Бао Дай официально назначил его главой Кабинета министров и поручил представить кандидатуры членов нового состава Кабинета. 3 мая Бао Дай обратился с посланием к народу, в котором не скрывал своей радости по поводу произошедших событий. Он сообщил, что утвердил новый состав Кабинета министров, которое является «первым правительством независимого Вьетнама после 80 лет иностранного господства...

Отныне, благодаря императорской армии Великой Японии, наша страна обрела свободу... На пути независимости будет еще много трудностей, но Мы считаем, что у 20-миллионной вьетнамской нации, которая имеет славную четырехтысячелетнюю историю, хватит сил взять на себя часть ответственности в деле созидания основ сопроцветания Великой Восточной Азии и сможет стать могучей нацией в этом мире».²⁵

Но после капитуляции фашистской Германии в мае 1945 года и крупных поражений японской императорской армии в военных действиях на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, всем трезвомыслящим людям в окружении Бао Дая стало ясно, что дни японского господства в Индокитае сочтены. Только один Бао Дай никак не мог поверить, что Япония может потерпеть поражение, хотя Фам Кхак Хоэ каждый день приносил ему новости одна огорчительнее другой. Все дело в том, что Бао Дай чуть ли не ежедневно обедал или встречался с послом Японии при дворе генералом Иокогамой и его супругой, и они клятвенно заверяли вьетнамского монарха, что Страна восходящего солнца, нация Ямато, которая живет по завету своего божественного предка императора Дзимму «Хакко Итио! — »Весь мир под одной крышей — наш дом!», никогда не сдастся врагам, поэтому Бао Дай может быть спокоен за свой престол.

И вдруг 15 августа в Хюэ пришла весть, что император Хирохито выступил по радио с заявлением о безоговорочной капитуляции Японии. Если Бао Дай был далек от всего этого, так как продолжал пропадать в джунглях на охоте, то его Кабинет министров после получения известия о капитуляции Японии практически впал в ступор. Только 17 августа Чан Чонг Ким, выйдя из этого состояния, созвал срочное заседание Кабинета, председательствовал на котором вернувшийся с охоты император. Бао Дай предложил срочно направить телеграммы главам союзных государств — президенту США Г. Трумэну, королю Великобритании Георгу VI, правителю Китая Чан Кай-ши и французскому генералу Де Голлю с просьбой помочь Вьетнаму, который только что вырвался из лап японской армии, защитить свою независимость. Однако три члена Кабинета выразили недоумение, почему среди союзных государств не названа Совет-

ская Россия и предложили направить в адрес И. Сталина телеграмму такого же содержания, как и Г. Трумэну.

Дальше началось бурное обсуждение вопроса, какие меры надо предпринять, чтобы достойно встретить войска союзников, когда они высадятся во Вьетнаме для разоружения японских войск. С наиболее оригинальным предложением выступил один из членов Кабинета Ву Ван Хиен: «В нынешней ситуации самая важная проблема — необходимо иметь “законное” правительство, которое обеспечило бы порядок и имело полномочия говорить и действовать, чтобы когда союзники придут, то они не имели бы возможности под видом наведения порядка помочь французским колонизаторам вернуться в нашу страну. Чтобы добиться этой цели, надо реально передать всю власть Вьетминю,²⁶ но формально — все же сохранить монархический режим с Кабинетом министров, сформированным Вьетмином, — вот это поистине будет “законная” власть».²⁷

После бурных дебатов это предложение было одобрено большинством и, главное, самим Бао Даем. 17 августа он подписал императорский указ № 105, в котором была изложена его позиция из двух основных пунктов:

1) Монарх согласен передать власть Вьетминю — организации, которая активнее всех боролась за интересы народа, и приглашает руководителей Вьетминя в Хюэ для формирования нового Кабинета министров.

2) Вопрос о политическом режиме в стране должен быть в последующем определен самим вьетнамским народом, монарх обязуется подчиниться его воле.

Затем на рассмотрение Бао Дая был предложен проект его обращения к нации: «Стремясь укрепить основы независимости государства и защитить интересы нации, Государь готов пожертвовать всем. Именно во имя счастья народа Вьетнама Государь воссел на золотой престол императора. Государь готов быть гражданином независимой страны, нежели оставаться королем страны рабов. Государь считает, что вся нация в едином порыве пожертвует собой, как и сам Государь...»²⁸

Когда Бао Даю дали на подпись этот документ, названный «воззванием», он долго не решался его подписать, несколько

раз повторив вслух и про себя основополагающую фразу воззвания: *«Государь готов стать гражданином независимой страны, нежели оставаться королем страны рабов»*. Он, конечно, понимал, что она означает фактически заявление о его готовности, в случае необходимости, отречься от престола. Но после некоторых колебаний все-таки подписал этот документ. Таким образом, кропотливая работа сторонников Вьетминя — начальника императорской канцелярии Фам Кхак Хоэ и его сподвижников среди членов Кабинета министров по подталкиванию монарха к мысли об отречении постепенно приносила свои плоды.

Хотя в душе Бао Дай уже готов был к этому шагу, однако его колебания были вызваны тем, что он до сих пор не знал, кто является руководителем могущественного, пользующегося широкой народной поддержкой Вьетминя. И он дает своим советникам задание срочно узнать и сообщить ему имя этого руководителя.

20 августа господин Хоэ покинул пределы дворца и устремился в кварталы города, где жил простой люд, иными словами «пошел в народ». И там ему показали листовки с призывом к всеобщему восстанию, под которым он увидел подпись революционного вождя Нгуен Ай Куока. Хоэ помчался обратно во дворец и доложил Бао Даю об этом, добавив, что люди говорят, что именно этот человек и является руководителем Вьетминя.

И тут он как бы к месту вспомнил и рассказал Бао Даю одну весьма загадочную легенду, которая с давних лет передавалась из уст в уста среди жителей провинций Нгеан и Хатинь. Есть такое поверье: когда гора Дуншон расколется надвое, а ручей Бодай перестанет журчать, тогда на земле Намдан родится святой. (Эти гора и ручей находятся в уезде Намдан провинции Нгеан, где родился Хо Ши Мин, — прим. авт.). Это поверье появилось еще в XVI веке, а в конце XIX века гора Дуншон в результате строительства шоссейной дороги действительно была разрезана на две части, а ручей Бодай со временем становился все полноводнее и перестал журчать. Тем самым вроде бы пришло время родиться святому на земле Намдан. Но кто он? Вначале многие люди, особенно *pho si*, думали, что это известный революционный деятель Фан Бой Тяу. Однако начиная с 1920 года единственным

стало мнение, что это пламенный патриот Нгуен Ай Куок, который в то время вел революционную работу во Франции и готовился на крыльях победы вернуться во Вьетнам²⁹.

Дальше между императором и его ближайшим советником произошел следующий диалог:

Бао Дай: Мы правильно поняли, что господин Хоэ советует Нам отречься от престола и передать всю полноту власти Вьетминю?

Советник Хоэ: Да, именно так.

Бао Дай: Если действительно руководитель Вьетминя — это «Святой Нгуен Ай Куок», то Мы готовы отречься от престола немедленно.³⁰

22 августа власть в городе Хюэ перешла в руки революционного комитета³¹, вместо привычных императорских флагов повсюду на столбах и крышах домов развевались красные флаги с желтой звездой — флаги Вьетминя. Представитель ревкома передал Фам Кхак Хоэ письмо—ультиматум Вьетминя, в котором содержалось требование, чтобы император немедленно передал власть народу, при этом было высказано обещание, что новая власть гарантирует жизнь бывшему монарху и его семье, а также неприкосновенность его имущества.

Конечно, для Бао Дая это было обнадеживающее обещание. И вместе с тем, как вспоминают все общавшиеся с ним в те дни, на лице его читались тревога и страх. Он хотел верить заверениям новой власти, но во время учебы во Франции он получил много знаний по основам мировой истории и не мог не вспоминать трагическую участь в период революций английского короля Карла I, французского короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты и, особенно, русского царя Николая II, расстрелянного революционерами вместе со всей его семьей. К тому же его тревога и страх подкреплялись то и дело приходящими из соседних провинций известиями о том, что сторонники Вьетминя устроили самосуд над несколькими высшими чиновниками, обвиненными в предательстве родины за свое служение японцам или французам.

24 августа 1945 года в императорскую канцелярию поступила телеграмма от Народно-революционного комитета Бакки

(Северного Вьетнама) следующего содержания: «Временное народно-революционное правительство создано, его председатель — почтенный Хо Ши Мин. Просим уважаемого короля немедленно отречься от престола, чтобы способствовать укреплению основ государственной независимости».³²

Прочитав эту телеграмму, Бао Дай опешил, решив, что это какая-то ошибка. Дело в том, что ни он сам, ни его окружение, даже Фам Кхак Хоэ, до сего времени ни разу не слышали такого имени. Только через несколько часов он получил подтверждение, что Хо Ши Мин и Нгуен Ай Куок — это одно и то же лицо. Бао Дай радостно поднял обе руки вверх и воскликнул по-французски: *Sa vaut bien le coup alors* (Тогда стоит и отречься). Тут же была отправлена в Ханой ответная телеграмма, где говорилось, что император готов отречься от престола и приглашает председателя Временного революционного правительства прибыть в Хюэ для участия в торжественной церемонии отречения. Временное правительство в ответной телеграмме приветствовало «дух демократии, солидарности и единства» императора и сообщило, что в ближайшие дни представители правительства придут в Хюэ.

После того, как Бао Дай официально дал согласие на свое отречение, он часто вызывал к себе Фам Кхак Хоэ, чтобы обсудить создавшуюся обстановку и поговорить о своем будущем. Так, он сообщил, что в местечке Блао в 20 километрах от Далата по дороге в Сайгон у него есть собственная чайная плантация, и после отречения он собирается поселиться там и жить на доходы от выращивания и продажи чая. Что касается питания, то, по словам Бао Дая, недалеко от плантации начинаются джунгли, и он как умелый охотник может настрелять там много дичи, а если удастся подстрелить тигра, то за него можно будет выручить много денег и жить припеваючи.

Верховный советник

25 августа решением ЦК КПИК и Временного революционного правительства для принятия отречения императора была сформирована делегация в составе трех человек: Чан Хюи Льеу

(глава делегации), Нгуен Лыонг Банг³³ и Ку Хюи Кан. Чан Хюи Льеу, ставший впоследствии в ДРВ видным специалистом по истории Вьетнама, оставил пространные воспоминания об этой поездке в Хюэ и о церемонии отречения Бао Дая.

Любопытно прочитать в них, например, рассказ о том, как, готовясь к поездке, члены делегации, естественно, волновавшиеся перед предстоящей им миссией, долго обсуждали вопрос о том, как им вести себя в общении с императором. «...Одна из трудных проблем, — писал Чан Хюи Льеу, — как нам и Бао Даю друг друга называть?»³⁴ Конкретно, как нам называть павшего императора и что нам делать, если он будет себя величать привычным “Чам” (“Мы, Государь”)? Дело в том, что пока не произошло отречение, он формально остается императором, а значит вправе называть себя “Чам”. В конце концов мы решили так: сейчас он наш военнопленный, поэтому манера обращения к нему не должна быть для нас проблемой. Проблема в другом — в обстановке, когда народная власть только что создана, надо действовать так, чтобы укреплять ее и успокоить души людей. Политика правительства, великодушие народа — это милосердие, прощение всех тех, кто оступился, но вернулся к народу. Поэтому поиск подходящих местоимений не столь уж важен. Мы должны обращаться к нему, как принято в общении среди наших людей — “ong” (“господин”), а как он захочет себя величать — это его дело, хотя наверняка он не посмеет обращаться к нам “Мы, Государь”.³⁵

30 августа в ранний час более 50 тысяч жителей города Хюэ собрались перед Ngo Mon — Южными воротами императорского дворца. Повсюду над толпой вдоль реки Ароматной, пересекающей город, и над десятками джонок и лодок, запрудивших реку, реяли красные флаги с желтой звездой. Машина с делегацией Временного правительства медленно въехала в Южные ворота посреди мощных приветственных возгласов многотысячной толпы.

Как вспоминал Чан Хюи Льеу, в истории династии Нгуенов эти ворота открывались только перед «посланцами неба», то есть перед представителями феодальных династий Китая, которые приезжали в Хюэ пожаловать кому-либо из вьетнамских сюзеренов высокий сан. В период, когда Франция завоевывала Вьет-

нам, командующий экспедиционными войсками генерал Де Соугсу, угрожая применить силу, потребовал от коменданта дворца открыть Южные врата, чтобы его принял сам император. А теперь машина с делегацией революционного правительства спокойно въезжает в эти освященные веками врата, и «в этом вроде бы нет ничего странного, но это и есть победный результат долголетней борьбы народа против колонизаторов, против феодалов под руководством Партии».³⁶

После того, как Бао Дай передал главе делегации 10-килограммовую золотую печать династии³⁷ и позолоченный меч, инкрустированный драгоценными камнями, и заявил о своем отречении от престола, Чан Хюи Льеу от имени Временного революционного правительства зачитал декларацию о ликвидации монархического режима в стране. Ответом на эти его слова были громогласные возгласы многотысячной толпы: «Viet Nam doc lap tuon nam!» («Да здравствует независимый Вьетнам!»), «Viet Nam Dan chu Cong hoa tuon nam!» (Да здравствует Демократическая Республика Вьетнам!»).

По окончании официальной церемонии Бао Дай попросил членов делегации подарить ему значок Вьетминя с красным флагом и желтой звездой и приколот его себе на грудь. Обращаясь к народу, Чан Хюи Льеу сообщил, что с этой минуты Бао Дай стал гражданином Винь Тхюи и призвал соотечественников приветствовать нового гражданина молодой республики. Винь Тхюи рассмеялся, услышав эти слова, и со своей стороны поднял над головой руки, приветствуя участников митинга.

Итак с 30 августа 1945 года бывший император Бао Дай стал гражданином ДРВ. После церемонии отречения он вернулся в свои покои и стал готовить вещи к переезду на новое место жительства. Неожиданно ближе к вечеру Фам Кхак Хоэ вызвали в Народно-революционный комитет города по срочному делу. Там его встретил Тон Куанг Фьет, председатель ревкома провинции Тхыатхиен, центром которой являлся город Хюэ. Он вручил ему телеграмму, полученную из Ханоя, и при этом воскликнул:

— Только такой великий революционер, как Нгуен Ай Куок, мог стать автором этой оригинальной идеи. Временное

революционное правительство приглашает гражданина Винь Тхюи стать Верховным советником правительства и предлагает срочно организовать его прибытие в Ханой.³⁸

Тон Куанг Фиет лично прибыл во дворец и сообщил Винь Тхюи о предложении революционного правительства. На лице бывшего императора отразились удивление и раздумья. Но он недолго колебался, горячо поблагодарил правительство за оказанную ему честь и только попросил разрешения, чтобы вместе с ним поехали принц Винь Кан и советник Фам Кхак Хоэ. Утром 2 сентября³⁹ Винь Тхюи попрощался с матерью, с женой и четырьмя детьми (старший сын Бао Лонг в это время уже учился во Франции). Нам Фыонг была одета, как простая вьетнамка — белая блузка и широкие черные шаровары, она украдкой вытирала платком слезы, катившиеся из глаз. Через несколько минут два автомобиля — в первом Винь Тхюи и сопровождающие его лица, во втором — охрана с винтовками, выехали за пределы Хюэ и взяли курс на север.

4 сентября делегация прибыла в Ханой, и уже вечером Винь Тхюи был приглашен в президентский дворец на прием, устроенный в его честь правительством. А утром следующего дня, по просьбе Винь Тхюи, он был принят Президентом Хо Ши Мином. Их беседа продолжалась около часа, в теплой и веселой обстановке, так как Президент много шутил. По окончании беседы Хо Ши Мин заверил верховного советника, что если у него появятся какие-либо проблемы, то революционное правительство всегда будет готово помочь в их решении. Вернувшись домой, Винь Тхюи возбужденно рассказывал Фам Кхак Хоэ: «Дедушка Хо такой хороший, веселый и очень простой!».

Указом ВРП ДРВ от 10 сентября 1945 года Винь Тхюи был официально назначен на пост верховного советника правительства. В последующем, правительство не раз менялось — из временного оно стало коалиционным, затем официальным, назначенным 2 марта 1946 года на первой сессии избранного парламента — Национального собрания, но Винь Тхюи неизменно оставался Главой группы советников.

Он был включен в комиссию из восьми человек во главе с Президентом Хо Ши Мином по подготовке проекта Конститу-

ции ДРВ, который необходимо было представить на рассмотрение Национального собрания. В этой работе он проявил заметную активность, так как благодаря знаниям, полученным в Высшей школе политических наук в Париже, легко ориентировался при обсуждении законов Конституции. Накануне всеобщих выборов в Национальное собрание жители провинции Тханьхоа, родины династии Нгуенов, выдвинули его своим кандидатом, и он, хотя и не вел специальной предвыборной агитации, весьма уверенно победил, набрав 92 % голосов⁴⁰.

В эти месяцы правительству Хо Ши Мина приходилось противостоять двум смертельным опасностям, угрожавшим молодой республике. По решению Потсдамской конференции, разоружение японских войск в Индокитае должны были провести Великобритания и чанкайшистский Китай. Поэтому уже в конце августа — начале сентября 1945 года 200-тысячная группировка китайских войск вошла на территорию Северного Вьетнама. Одной из главных целей этого вторжения для чанкайшистов было отстранить от власти прокоммунистический Вьетминь и заменить его своими ставленниками, прежде всего вьетнамским гоминьданом — Национальной партией Вьетнама.

Кроме того, в конце сентября на Юге Вьетнама освобожденные из японских тюрем и вооруженные английским командованием бывшие хозяева Индокитая — французские колонизаторы вошли в Сайгон и начали планомерно отвоевывать у народной власти районы Намки — бывшей Кохинхины. Если китайскую угрозу удалось в целом нейтрализовать путем предоставления членам прокитайских партий ряда министерских постов в правительстве и без выборов 70 депутатских мест в Национальном собрании, то с французами пришлось вступить в длительные и поначалу малоэффективные переговоры.

Бао Дай как верховный советник участвовал в этих переговорах. Первым результатом переговоров стала церемония подписания 6 марта 1946 года Прелиминарной конвенции между ДРВ и Францией. Конвенция была построена на взаимных уступках и компромиссе. ДРВ соглашалась войти в состав Французского союза, Франция же признавала ДРВ «свободным государством, имеющим свое правительство, парламент, армию и

финансы». Фактически правительство Хо Ши Мина добилось главного — признания Францией независимости Вьетнама⁴¹. Бао Дай находился бок о бок с Хо Ши Мином, когда он принимал «французского комиссара в Тонкине» Жана Сэнтэни, который выступал на переговорах от имени Франции.

8 марта 1946 года правительство приняло решение направить сразу две делегации доброй воли — одну в Чунцин (Китай), другую — во Францию. Делегацию в Чунцин поручили возглавить советнику Винь Тхюи. Однако последний, хотя и согласился поехать, но только «туристом» в качестве бывшего императора, а не руководителем делегации. Перед отъездом он попросил Фам Кхак Хоэ съездить в Хюэ и вывезти в Ханой Нам Фыонг и детей, сказав при этом, что «дедушка» Хо одобрил эту идею.

Итак, Винь Тхюи и Хо Ши Мин временно расстались друг с другом, но, как оказалось впоследствии, они больше ни разу не встретились, так как в начавшейся в декабре 1946 года длительной вьетнамо-французской войне они оказались по разные стороны баррикад. Но правительство Хо Ши Мина еще несколько лет продолжало относиться к Винь Тхюи как к своему верховному советнику, надеясь, что он вскоре вернется в Ханой и разными путями пересылало ему деньги в счет его зарплаты. Наконец, Хо Ши Мин предложил лично Фам Кхак Хоэ отправиться в Гонконг, где тогда находился Винь Тхюи, чтобы призвать его вернуться на родину и принять участие в общенациональном Соппротивлении. Однако Бао Дай решительно отказался от сделанного предложения. В эти дни он уже строил совершенно другие, далекие планы. Во французской интервенции он узрел возможность вновь вернуться на престол, «отнятый» у него революцией. При этом его потаенные мысли полностью отвечали интересам колонизаторов, увидевших в бывшем императоре Бао Даем именно ту фигуру, которая, как они полагали, могла бы объединить против правительства Хо Ши Мина все разношерстные, соперничающие между собой националистические группировки вьетнамских феодально-буржуазных кругов.

Утвердившись в намерении создать во Вьетнаме вассальное государство во главе с экс-монархом Бао Даем, французское

правительство направило в феврале 1947 года во Вьетнам своего представителя Боллаэрта, перед которым была поставлена задача вступить с ним в переговоры и добиться поставленной цели. Неожиданно для французской стороны переговоры затянулись почти на полтора года. Дело в том, что в эту политическую игру вмешался Вашингтон, который тоже вознамерился иметь в лице Бао Дая «своего человека» во Вьетнаме, приобретавшем в послевоенную эпоху стратегическое значение для США. В свою очередь Бао Дай, стремясь заручиться возможно более широкой поддержкой вьетнамских националистических кругов, настаивал на том, чтобы Париж хотя бы в словесной форме признал независимость Вьетнама.

Наконец, 5 июня 1948 года в живописном заливе Халонг на борту французского военного корабля была обнародована вьетнамо-французская декларация, согласно которой Франция «признавала принцип независимости и единства Вьетнама», но в рамках Французского союза. Через несколько месяцев, 8 марта 1949 года, в Елисейском дворце в Париже состоялась официальная встреча бывшего вьетнамского монарха с президентом Франции Венсаном Орионом, по результатам которой был подписан «Елисейский договор» о признании Францией Вьетнама во главе с Бао Даем независимым, единым государством в рамках Французского союза, но без права самостоятельного осуществления внешнеполитических акций. Соглашение «Бао Дай — Ориоль», по существу, превращало Вьетнам во французскую колонию нового типа.

Жизнь продолжается

Когда Винь Тхюи в качестве советника правительства почти целый год жил в Ханое один, он, уже не скрываясь, ходил по ночным клубам, и однажды его познакомили с красивой танцовщицей по имени Монг Диеп. Через несколько месяцев после его отъезда в Чунцин она родила ему дочку Фьонг Тхао. После начала войны Сопrotивления Монг Диеп оставалась в Ханое, и, когда французские войска вошли в столицу, ее арестовали как «агента» Вьетминя, перед которой якобы была постав-

лена задача «удерживать» Бао Дая на стороне революционных сил. Узнав в Гонконге о том, что Монг Диеп родила ему дочку, но находится в тюрьме, Бао Дай написал гневное письмо французским властям, и те приняли решение выпустить ее из тюрьмы. Когда после подписания соглашения с президентом Франции Бао Дай вновь приехал в курортный Далат, он вызвал туда и Монг Диеп. Они жили в особняке, купленном им вьетнамскими монархистами, которые были рады снова видеть бывшего императора «главой государства Вьетнам».

В 1950 году, когда Бао Дай утвердился на новом посту, он вызвал в Далат и Нам Фыонг с детьми, которые жили в другом особняке, предоставленном государством. Как и прежде, Бао Дай много времени проводил в своем любимом Банметхуоте, вокруг которого находились самые «прикормленные им» охотничьи места. Кроме того, ему часто приходилось бывать и в Хюэ, где проживали его мать Ты Кунг и другие царственные родственники. В ту пору дороги между четырьмя городами — Сайгоном, Далатом, Банметхуотом и Хюэ, естественно, были не лучшего качества, поэтому, по просьбе «главы государства», французские власти построили небольшой аэродром близ Банметхуота, и Бао Дай, к большой его радости, стал перемещаться между четырьмя городами на самолете.

Монг Диеп была не только красавицей, но и, в отличие от Нам Фыонг, была воспитана на древневьетнамских традициях, в частности, на уважении культа предков. Благодаря этому, она быстро пришлась по душе Ты Кунг, которая одаривала ее женскими императорскими одеяниями и рассчитывала, что Монг Диеп может стать хорошей младшей женой ее сына. Кроме того, Монг Диеп также увлекалась охотой, умело ездил верхом не только на лошади, но и на слонах, очень метко стреляла, поэтому теперь Бао Дай делал вылазки в джунгли, как правило, в сопровождении новой подруги. Живя с Бао Даем, Монг Диеп родила ему еще двух сыновей — Бао Хоанга (1954 г.) и Бао Шона (1955 г.).

Тем временем ситуация во Вьетнаме медленно, но верно менялась в пользу патриотических сил, возглавляемых правительством Хо Ши Мина. В январе 1950 года была прорвана ме-

ждународная изоляция ДРВ — республика получила дипломатическое признание со стороны Советского Союза, Китайской Народной Республики и стран народной демократии. Хо Ши Мин так оценил это крупное достижение: «Демократическая Республика Вьетнам признана равноправным государством великой семьи всемирного лагеря демократии... Несомненно, что эта политическая победа явится залогом будущих военных побед»⁴².

Слова Хо Ши Мина оказались пророческими. К концу октября 1950 года весь северный район Вьетнама, граничащий с Китаем, был освобожден от колонизаторов. ДРВ получила прямой выход к странам социалистического лагеря и стала получать от них военную и экономическую помощь. В феврале 1954 года Народная армия Вьетнама завершила окружение французского экспедиционного корпуса на северо-западе ДРВ и 7 мая близ селения Дьенбьенфу многомесячная битва завершилась сокрушительным поражением интервентов — были взяты в плен командующий корпусом Де Кастри со своим штабом и более 16 тысяч его солдат и офицеров.

Хотя в длительной войне Сопrotивления Бао Дай фактически выступал на стороне колонизаторов, тем более что армия и полиция «государства Вьетнам» широко использовалась французами в борьбе против сил Хо Ши Мина, однако он также стремился внести свой посильный вклад в борьбу за независимость Вьетнама. Так, он дважды, в 1952 и 1953 годах, ездил в Париж и встречался с президентом Франции. В ходе обеих встреч он не только обсуждал с ним ситуацию во Вьетнаме, но и пытался подтолкнуть руководство Франции к прекращению войны в Индокитае.⁴³

Поражение при Дьенбьенфу определило участь колониальной политики Франции в Индокитае. 20 июля 1954 года созванное по инициативе Советского Союза международное совещание с участием делегации ДРВ завершилось подписанием Женевских соглашений — под таким названием они вошли в мировую историю — о прекращении войны и восстановлении мира в Индокитае. В соответствии с соглашениями в целях перегруппировки противоборствующих сил Вьетнам был временно

разделен на две части демаркационной линией вдоль 17-й параллели, которая не рассматривалась участниками совещания как политическая граница. Северная часть страны полностью переходила под контроль правительства Хо Ши Мина, южная — оставалась под контролем «главы государства» Бао Дая и премьер-министра Нго Динь Зьема. Соглашения предусматривали проведение в июле 1956 года всеобщих демократических выборов на всей территории Вьетнама с целью решения проблемы воссоединения страны.

Женевские соглашения открыли перед вьетнамским народом реальную возможность осуществления мирным путем, политическими средствами национально-демократических задач, поставленных на повестку дня Августовской революцией, и восстановления ДРВ в тех ее границах, в которых она была провозглашена 2 сентября 1945 года. Однако такое развитие событий не отвечало интересам правящих кругов США, которые с уходом Франции приступили к прямому вмешательству в дела Вьетнама. Естественно, для достижения поставленных целей Бао Дай — прямой французский ставленник, да к тому же замаранный сотрудничеством с японскими милитаристами, был неподходящей фигурой. Ставка Вашингтоном была сделана на Нго Динь Зьема — крупного помещика, главу мощного католического клана, известного своими антифранцузскими и антивьетминевскими настроениями.

В марте 1955 года, опираясь на поддержку США, Нго Динь Зьем распустил баодаевскую армию и разгромил военные отряды политико-религиозных сект Биньсюен, Каодай и Хоахао, сохранявшими верность Бао Даю и Франции. Бао Дай, находившийся в это время в Париже, направил в Сайгон срочный указ о лишении Нго Динь Зьема поста премьер-министра, но было уже поздно. 23 октября 1955 года Зьем организовал в Южном Вьетнаме референдум о форме правления и главе государства, по результатам которого 98 % участников проголосовали за республику и признание Нго Динь Зьема ее главой.⁴⁴ Это был поистине профессионально срежиссированный бескровный переворот, в результате которого Бао Дай во второй раз «потерял престол».

Лишившись неожиданно поста «главы государства Вьетнам», Бао Дай круто изменил и свою личную жизнь — он практически порвал связи с семьей и стал жить с Монг Диеп в Париже. Оставшись без зарплаты и пособий от южновьетнамских властей (французское правительство выплачивало ему ежемесячно 10 тысяч франков, а к концу его жизни увеличило эту сумму до 17 тысяч), он вынужден был продать особняк в Каннах, являвшийся собственностью вьетнамской монархии. Вырученные деньги позволили ему вести разгульную жизнь в рестораниках и ночных клубах Монмартра и Латинского квартала, в результате чего он заслужил в те годы среди простых вьетнамцев звание «короля парижских кабаков».

Что касается Нам Фьонг, то она с 1952 года постоянно жила вместе с детьми во Франции и лишь изредка появлялась в компании Бао Дая на особо важных встречах и приемах. Когда их дети выросли и разъехались в разные города на учебу, Нам Фьонг переехала в небольшую деревню Шабриньяк, в 30 километрах от города Брив-ля-Гайярд, почти в самом центре Франции, где у монаршей семьи имелась давно купленная ферма. Здесь ее регулярно навещали дети, когда им позволяла учеба. В сентябре 1963 года совершенно неожиданно, в результате внезапного сердечного приступа, Нам Фьонг скончалась в возрасте 49 лет, который во Вьетнаме фаталисты называют роковым возрастом.

Бао Дай успел приехать на ее похороны и даже сумел привезти очень дорогой гроб из досок древнего дуба. Ее похоронили на католическом кладбище деревни Шабриньяк. И сегодня на ее могильном памятнике можно прочесть эпитафию: «ICI REPOSE L'IMPERATRICE D'ANNAM NEE JEANNE MARIETTE NGUYEN HUU HAO» («Здесь покоится Императрица Аннама, урожденная Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Хао»).

До преклонного возраста Бао Дай оставался ловеласом, поэтому и Монг Диеп не смогла надолго удержать его подле себя. Однажды друзья пригласили его в посольство Заира в Париже, где он познакомился с пресс-атташе француженкой Моник Бодо. Хотя она была моложе его на 30 лет, но не смогла устоять перед чарами бывшего монарха. В 1982 году они официально

зарегистрировали свой брак, при этом произошло то, чего очень хотела Нам Фьонг, но так и не смогла добиться — француженка поставила условием брака, чтобы Бао Дай принял католичество. Что последний и сделал: в 1988 году в парижском соборе Saint-Pierre-de-Chailot произошла, согласно католической традиции, церемония отпущения грехов «вьетнамскому буддисту» и было дано ему католическое имя Jean-Robert.

15 лет Бао Дай и Моник Бодо, прожили, как утверждают его биографы, в любви и согласии. В начале 1997 года, вернувшись в Париж после поездки в США, Бао Дай неожиданно почувствовал себя плохо и был доставлен в знаменитый военный госпиталь Val de Grace, в котором с давних пор лечилась французская элита. Однако, несмотря на все усилия врачей, престарелый бывший вьетнамский монарх скончался 1 августа 1997 года на 84 году жизни.

Французское правительство организовало пышные похороны, достойные монарха бывшей колонии Франции. Он был похоронен на католическом кладбище Passy в 16 округе Парижа. Похоронную процессию возглавлял французский офицер с национальным флагом в руках, а по обеим сторонам гроба с телом покойного шествовали шеренги французских солдат в белых мундирах и с карабинами с примкнутыми штыками. Помимо французских официальных лиц, в траурной церемонии приняли участие дети покойного, впервые за несколько последних лет вновь собравшиеся вместе, — наследный принц Бао Лонг и три принцессы, последняя жена покойного Моник Бодо, а также 90-летняя сестра покойной Нам Фьонг.

Когда в Ханое было получено известие о кончине последнего императора Вьетнама Бао Дая, министерство иностранных дел СРВ направило его близким телеграмму соболезнования. Кроме того, на похороны был прислан траурный венок от Отечественного фронта Вьетнама. Тем самым новый, социалистический Вьетнам выразил чувства скорби и искренней солидарности в отношении памяти последнего императора страны.

Один из главных авторов жизнеописания Бао Дая, которое выгодно отличается от других полнотой и конкретностью наи-

более важных исторических событий и дат, связанных с его жизнью, Ли Нян Фан Тхы Ланг такими словами подводит итоги его жизни: «Бао Дай — это последний король вьетнамской династии Нгуенов, последней великой феодальной династии нашей страны. В 1945 году Бао Дай отрекся от престола, потому что победила Августовская революция вьетнамского народа. Следуя с первых же дней после создания независимого вьетнамского государства политике великой национальной солидарности и традициям великодушия и милосердия, Президент Хо Ши Мин и правительство Демократической Республики Вьетнам предложили бывшему императору пост верховного советника правительства, чтобы сообща нести на своих плечах решение дел молодого государства. Возможно, это был единственный в мировой истории случай подобного рода. Очень жаль, что Бао Дай в конечном счете не смог правильно оценить этот жест доброй воли»⁴⁵.

Примечания

¹ Tap chi «Nghien suu lich su» (ж-л «Изучение истории»), № 144, 1972, с.13—15.

² «Noi ky cua Vu Ky, The ky ghi, «Vac Ho viet di chuc» (Воспоминания Ву Ки, записал Тхе Ки, «Дядя Хо пишет Завещание»), Ханой, 2008, с. 58.

³ Hoang Trong Mien, Cuu hoang Bao Dai (Хоанг Чонг Миен, Бывший император Бао Дай), Ханой, 2011, С. 29—30.

⁴ 36 улиц древнего Ханоя — один из главных исторических символов столицы. Это были в старину торговые ряды, поэтому каждая улица до сих пор носит название тех товаров, которые на них изготавливались и продавались — улицы Шелковая, Барабанов, Рыбная и т. п.

⁵ Цит. по: Hohg Ha, Tuoi thank nika cua Ho, Ha Noi, 1976. Tr. 141.

⁶ Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoai va su that ve Bao Dai, Vua cuoi cung Trieu Nguyen (Ли Нян Фан Тхы Ланг, Мифы и правда о Бао Дай, последнем монархе династии Нгуенов), г. Хошимин, 2007, с. 30.

⁷ Хо Ши Мин, Сочинения, Ханой, 1971, с. 245—246.

⁸ Daniel Grandclement, Bao Dai hay nhung ngay cuoi cung cua vuong quoc An Nam (Даниэль Гранклеман, Бао Дай, или последние дни империи Аннама), Ханой, 2009, с. 20.

⁹ Там же, с. 26.

¹⁰ Все вьетнамцы, работавшие в Коминтерне или учившиеся в его политических учебных заведениях в Москве, как правило, использовали русские фамилии в качестве своей партийной клички.

¹¹ Архив сыскальной полиции в Фонтенбло (досье архива «Русские»). Цит. по: Daniel Grandclement, Bao Dai..., с. 27.

¹² Там же, с. 23—24.

¹³ H.L. Crauclaude, Nhung thoi ky trong dai cua nuoc VN trong luc hoi xuan (Х.Л. Кроклод, Великие времена Вьетнама в период, когда вернулась весна), Ханой, 1935, с. 39.

¹⁴ Ung Trinh, Viet Nam Ngoai giao su (can dai), (Ынг Чинь, История дипломатии Вьетнама (новейшая), Сайгон, 1970, с. 129.

¹⁵ Горный курорт на Юге Вьетнама на высоте около 2000 метров, где средняя годовая температура — около 20 градусов.

¹⁶ Ly Nhan Phan Thu Lang, Nam Phuong, hoang hau cuoi cung Trieu Nguyen (Ли Нян Фан Тхы Ланг, Нам Фьонг, последняя императрица династии Нгуенов, г. Хошимин, 2008, с. 45.

¹⁷ Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoi va su that ve Bao Dai..., с. 84.

¹⁸ Ly Nhan Phan Thu Lang, Nam Phuong... с. 61.

¹⁹ Pham Khac Hoi, Tu dinh Hue den chien khu Viet Bac (Фам Кхак Хоэ, От династии Хюэ до военной зоны Вьетбак), Ханой, 1983, с. 93.

²⁰ Daniel Grandclement, Bao Dai..., с. 151.

²¹ Там же, с. 153.

²² Там же, с. 154.

²³ Giao su Tran Van Giau, Tong Tap (Проф. Чан Ван Зяу, Полное собрание сочинений), Ханой, 2007, с. 956—957.

²⁴ Hoi dap Lich su Viet Nam (Вопросы и ответы по истории Вьетнама), том 6, г. Хошимин, 2009, с. 320.

²⁵ Nguyen Ky Nam, Hoi ky lich su 1945—1954 (Нгуен Ки Нам, Исторические мемуары 1945—1954), Сайгон, 1964, с. 113.

²⁶ В начале 1941 года после 30 лет эмиграции Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) тайно вернулся на родину. По его инициативе был создан VIII пленум ЦК Компартии Индокитая, на котором было принято ис-

торическое решение о создании *Mat tran Doc lap Dong minh* — Лиги независимости Вьетнама — по сути народного фронта, который в результате Августовской революции 1945 года пришел к власти и стал известен под кратким названием Вьетминь.

²⁷ Ly Nhan Phan Thu Lang, *Giai thoai va su that ve Bao Dai...*, С. 124.

²⁸ Там же, С. 125

²⁹ Pham Khac Ное, *Tu trieu dinh Hue den chien khu Viet Bac...*, С. 128.

³⁰ Там же, С. 129—130.

³¹ Интересно отметить, что председателем ревкома города Хюэ стал известный во Вьетнаме революционный поэт То Хью, который в 1960-е годы играл важную роль в политической жизни ДРВ — являлся секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама, а затем заместителем премьер-министра правительства ДРВ.

³² Ly Nhan Phan Thu Lang, *Giai thoai va su that ve Bao Dai...*, С. 134—135.

³³ Нгуен Лыонг Банг впоследствии стал первым послом ДРВ в Советском Союзе, а по возвращении на родину был избран вице-президентом ДРВ.

³⁴ Во вьетнамском языке существует весьма разветвленная система местоимений и обращений людей друг к другу, которые обязательно должны учитывать возраст, социальное положение и другие особенности собеседников.

³⁵ «Phai doan vao Hue nhan viec thoai vi cua Bao Dai», *Tap san Nghien suu lich su* (Поездка делегации в Хюэ для принятия отречения Бао Дая, ж-л «Изучение истории»), Ханой, N 16, 1960.

³⁶ Там же.

³⁷ Относительно веса печати лица, державшие ее в руках, приводят довольно разные цифры. Чан Хюи Льеу вспоминает, что она весила 7 кг, Фам Кхак Хоэ — около 10 кг, а «младшая жена» Бао Дая Монг Диеп (о ней рассказ пойдет ниже) утверждала, что лично взвешивала ее на весах, — 12,9 кг.

³⁸ Ly Nhan Phan Thu Lang, *Giai thoai va su that ve Bao Dai...*, С. 155.

³⁹ В этот день Хо Ши Мин на многотысячном митинге на площади Бадинь в Ханое огласил Декларацию независимости, в которой были такие слова: «Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай отрекся от престола. Наш народ разбил цепи колони-

ального рабства... и создал независимый Вьетнам». Хо Ши Мин, Сочинения (1920—1969), Ханой, 1971, С. 53.

⁴⁰ Daniel Grandclement, Бао Дай..., С. 240

⁴¹ См. О.В. Новакова, П.Ю. Цветов, История Вьетнама. Часть 2, М. 1995. С. 215.

⁴² Хо Ши Мин, Сочинения..., С. 102.

⁴³ См. Ly nhan Phan Thu Lang, Giai thoai va su that ve Bao Dai..., С. 232.

⁴⁴ См. О.В. Новакова, П.Ю. Цветов, История Вьетнама..., С. 223.

⁴⁵ Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoai va su that ve Bao Dai..., С. 270.

И.В. Усов

ВИЗИТ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В КОЛОНИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ Г. ПЕРИ В ИНДОКИТАЙ В 1934 ГОДУ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ ВЬЕТНАМСКОГО НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Во многих работах историков СРВ, посвященных национально-освободительному движению в Индокитае в 1930-е годы, часто упоминается визит Рабочей делегации по расследованию положения дел в колонии в Южный Вьетнам — Кохинхину и в Камбоджу¹, однако до сих пор в них не рассматривался вопрос о влиянии этого визита на развитие революционного движения в колониальных владениях Франции в Юго-Восточной Азии.

После волны антиколониальной борьбы 1930—1931 гг. Вьетнам погрузился в пучину массовых репрессий, направленных против национально-освободительного движения и, в частности, против недавно созданной Коммунистической партии Индокитая (КПИК). Полиция продолжала с успехом проводить операции по «зачистке» вьетнамского подпольного политического поля до начала 1933 года²/ Весной этого же года французскими властями было решено провести в Сайгоне массовый показательный судебный процесс над первыми вьетнамскими коммунистами.

Левый спектр политических сил метрополии ответил на указанные действия движением в поддержку вьетнамских заключенных: 9 марта 1933 года во Франции был образован Комитет по амнистии в Индокитае (или Комитет по амнистии и защите индокитайцев и колонизированных народов). Активное участие в его создании приняла Французская коммунистическая партия (ФКП), которая, по сути, являлась главной движущей силой этой инициативы.

«Комитет по амнистии в Индокитае и превосходные результаты его деятельности... являлись положительным моментом колониальной работы партии, — отмечалось в одном из документов ФКП. — Сначала на протяжении одного периода времени существовал риск, что контроль над ним может ускользнуть от нас: его действующими секретарями являлись французский шпик и аннамитские троцкисты. После заседаний [коммунистической] фракции нам удалось исправить эту ситуацию и, несмотря на многочисленные трудности, комитет существует и, кроме того, он очень полезен: более чем 200 известных интеллектуалов с заинтересованностью вступили в него»³. Действительно, в Комитет по амнистии вошли такие известные деятели, как Франсис Журден, Ромен Роллан, Поль Ланжевен, Мариус Мутэ, Андре Виоллис, Луи Рубо и многие другие.

Процесс над вьетнамскими коммунистами (так называемый «процесс 121») прошел в Сайгоне со 2-го по 6-е мая 1933 года. Приговоры были крайне тяжелыми, в частности, 8 человек из представших перед уголовным судом Сайгона были приговорены к смертной казни, 19 — к пожизненному заключению⁴. Даже сам генерал-губернатор Индокитая Пьер Паскье рекомендовал тогдашнему министру колоний Альберу Сарро проявить милосердие и писал, что «сильно переживал, когда узнал суровость вердикта»⁵. Мобилизовав силы левого и крайне левого политических флангов метрополии, Комитет по амнистии начал во Франции мощную кампанию. В прессе, уличных плакатах, листовках, на митингах звучали призывы отменить жестокий приговор.

Вот как описывала ФКП действия Комитета по амнистии: «Известные интеллектуалы... в своих кругах проводят широкую пропаганду на основе материалов, предоставляемых Комитетом,

Комитет передает свои материалы в «левую» прессу, в газету *Le Populaire*, вся индокитайская пресса говорит о нем, он получает корреспонденцию из колонии, которая свидетельствует о широком политическом резонансе в Индокитае⁶. Помимо этого, делегация комитета встретила с президентом Франции, отправила протестную телеграмму П. Паскье с требованием пересмотра сайгонского процесса. В парламенте М. Мутэ требовал от А. Сарро обнародовать закон об амнистии⁷.

Другим ответом на белый террор стала организация Рабочей делегации по расследованию положения дел в Индокитае. Работа по ее созданию велась Комитетом в сотрудничестве с Компартией Франции, Международной организацией помощи революционерам (МОПР) и Унитарной всеобщей конфедерацией труда (УВКТ). Несмотря на то, что Колониальной комиссией ФКП признавался тот факт, что работа по проведению кампании за отправку Рабочей делегации была недостаточной⁸ и проходила «без размаха и необходимого темпа»⁹, однако все-таки к декабрю 1933 года, главным образом через МОПР, для этой цели было собрано 60 тыс. франков¹⁰.

По инициативе ряда деятелей КПИК для поддержки Рабочей делегации во Вьетнаме была создана Комиссия по сбору документации, в которую входили также и троцкисты, в частности, во главе ее встал один из лидеров кохинхинских сторонников Троцкого — Та Тху Тхай¹¹.

25 января 1934 года на корабле *André Lebon* Рабочая делегация отправилась в Индокитай. В ее составе было три человека: депутат парламента Габриель Пери, представлявший ФКП и *L'Humanité*, Брюно — УВКТ, Жан Шантрон (он же Бартель) — МОПР. 18 февраля по прибытии в Сайгон к ней присоединился сторонник коммунистической партии, местный адвокат Шарль Кансейери в качестве представителя Комитета по амнистии.

Официальными задачами делегации являлось, прежде всего, проведение в Кохинхине, Аннаме и Тонкине открытого расследования: изучение на месте условий жизни рабочего класса, политической обстановки, в которой он действует, масштабов репрессий, состояния мест заключения и условий в них. Другой целью являлось обозначение моральной и материальной

солидарности трудящихся Франции и Индокитая, в частности, распределение помощи жертвам террора. В докладе делегации указывалось: «Принимая во внимание официальный характер миссии и полицейский надзор..., задачи должны были быть осуществлены исключительно в легальной сфере и без установления связи с подпольными революционными организациями колонии»¹².

Эти опасения не были напрасными. Действительно, члены делегации с момента своего прибытия попали под пристальное наблюдение со стороны полиции. Слежка была установлена как за отелем, где они проживали, так и за их передвижениями. 18 полицейских, 16 из которых были вьетнамцами, сопровождали во всех поездках делегацию на одном или двух автомобилях и стремились препятствовать общению Г. Пери и его спутников с местным населением. Члены делегации отмечали, что полицейские меры еще больше ужесточились с момента назначения генерал-губернатором Индокитая Рене Робена (28 февраля 1934 года)¹³.

Противодействие властей не ограничивалось лишь слежкой. Рабочей делегации был запрещен въезд в Тонкин и Аннам, а также отказано в праве посещения вьетнамских пенитенциарных заведений и казарм. Два запланированных митинга (один из которых предназначался в большей степени для европейцев, второй — для вьетнамцев), несмотря на их официальное разрешение, под нажимом властей были отменены.

Поддержку деятельности Рабочей делегации оказывали легально действующие кохинхинские коммунисты, троцкисты и не примыкавшие к этим политическим течениям вьетнамские политические деятели: Нгуен Ван Тао, Чан Ван Тхат, Ле Ван Тхы, Фан Ван Тянь, Та Тху Тхау, Нгуен Ван Шо, Чинь Хынг Нгау, Нго Ван Там, Нгуен Тхе Чуен¹⁴. Особую помощь в организации работы делегации оказал известный вьетнамский революционер Нгуен Ан Нинь, который был выбран по рекомендации Ш. Кансейери ее постоянным переводчиком и сопровождающим¹⁵.

Несмотря на слежку и многочисленные препоны, которые создавала колониальная администрация, Рабочей делегации

удалось осуществить несколько поездок по Кохинхине и четырехдневный визит в Камбоджу, в ходе которых состоялись посещения более 20 селений, в основном, в районах, являвшихся центрами антиколониальных выступлений в 1930—1931 гг. Г. Пери и его спутникам удалось встретиться с семьями заключенных и их друзьями. В докладе, в частности, отмечалось, что о деятельности Рабочей делегации стало известно самим арестантам¹⁶. Таким образом, было собрано большое количество документации, часть из которой была предоставлена вьетнамской Комиссией по сбору документации, в частности, например, список из 2 тыс. человек, отбывавших наказание на острове Пуло Кондор¹⁷.

Приехавшие из Франции участники делегации передали Ш. Кансейери 5 тыс. франков: 3 тыс. должно было быть перераспределено между заключенными, а остальные 2 тыс. — оставлены про запас с целью вручения людям, отбывшим срок, для возвращения по месту проживания и обеспечения их первых нужд. Также 250 франков, собранные в Париже среди «индокитайцев», были отправлены в Хюэ одному «симпатизирующему» журналисту, с тем, чтобы он передал их людям, пострадавшим от недавнего тайфуна, пронесшегося над Аннамом¹⁸.

В связи с задачей придать широкий резонанс посещению Рабочей делегации Индокитая, обозначить солидарность трудящихся Франции и колоний, особое внимание было уделено кампании в местной прессе. Были проведены пресс-конференции, на каждый правительственный запрет от делегации следовал ответ через местные газеты. Вот как оценивали отклик сайгонской печати сами участники миссии: сначала реакция ее была «информативной и, по-видимому, доброжелательной, потом, особенно после назначения Р. Робена..., она сделалась крайне враждебной»¹⁹. Однако все-таки деятельность миссии южновьетнамскими франкоязычными газетами не игнорировалась, что и было целью Рабочей делегации: «Различные официальные заявления, статьи, протесты, которые мы делали, были... опубликованы в этой ежедневной или еженедельной буржуазной прессе, выходящей на французском языке. В последние дни [нашего пребывания] эта пресса с подачи полиции или прави-

тельства публиковала провокационные статьи, требующие нападения на нас во время намеченных нами митингов. Что касается печати на аннамитском языке, то, подверженная цензуре, она не опубликовала ни единого слова о нас»²⁰.

В целом, несмотря на многие сложности, участники делегации остались довольны результатами миссии: «1. Вопреки запретам нам удалось собрать документацию и увидеть достаточно для того, чтобы провести хорошую кампанию во Франции; 2. Поднятый шум в буржуазной прессе, волнение, вызванное нашим приездом и нашими посещениями сел и заводов, наконец, работа, осуществленная нелегальной прессой, а также живые связи в тюрьмах сделали свое дело — о нашей миссии стало известно аннамитским трудящимся и они увидели ее политическую направленность»²¹, — отмечалось в докладе Рабочей делегации.

В соответствии с рекомендациями, данными в Париже, Г. Пери и его товарищи не установили прямого контакта с подпольным аппаратом КПИК, восстанавливающимся в Южном Вьетнаме под руководством Чан Ван Зяю — вернувшимся из Москвы выпускником Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Между тем им удалось наладить связь с Компартией через посредников²². По-видимому, таковым стал переводчик и сопровождающий миссии Нгуен Ан Нинь, через которого другой бывший студент КУТВ, член КПИК Нгуен Ван Чан имел возможность передавать и получать информацию, документы и другие материалы²³. Именно этим путем нелегально действующим вьетнамским коммунистам был передан ряд документов Коминтерна, несколько статей из журнала «Коммунистический Интернационал»²⁴. Вьетнамский исследователь Нгуен Ан Тинь также указывает, что Компартии была также переправлена некоторая сумма денег²⁵, возможно, речь идет об 1 тыс. французских франков, переданных Г. Пери «революционным организациям на издание нелегальной газеты», где должен был быть изложена информация о деятельности Рабочей делегации в Индокитае и напечатан сформулированный миссией из Франции пакет требований²⁶.

Нелегально действующим членам Компартии Индокитая также удалось сообщить о положении, в котором действовала их

организация. По словам кохинхинских коммунистов, партия в этот период времени осуществляла реорганизацию своих рядов после тяжелейших репрессий, испытывая невероятные трудности. Связь с организациями в Северном и Центральном Вьетнаме была затруднена²⁷. Ощущался заметный недостаток в материальных ресурсах. «Мы не только не можем воспитать профессиональных революционеров..., но у нас даже зачастую нет средств, чтобы купить бумагу, типографскую краску и желатин, чтобы размножить копии»²⁸, — жаловались подпольщики. Также на работе КПИК сказывалось отсутствие марксистско-ленинской литературы²⁹.

В то же самое время организация начала работу по созыву I съезда КПИК. Южновьетнамские коммунисты рисовали перед Рабочей делегацией следующие планы: «К концу первого полугодия 1934 года мы подготовим I съезд Компартии, где предложим делегатам обсудить и утвердить программу и устав партии. Через подготовку съезда партии, через ее реорганизацию необходимо на основе отраслей промышленности реорганизовать профсоюзы, развивать крестьянские союзы и другие массовые организации»³⁰.

Между тем по мнению Г. Пери и его спутников, на намечающемся съезде должны были доминировать две основные проблемы: во-первых, создание руководящего аппарата КПИК, способного обеспечить единство действий организации, несмотря на репрессии и сложность сообщения между различными частями французского Индокитая, и, во-вторых, «установление более адекватных отношений между товарищами, действующими нелегально, и товарищами, которые хотя и проживают под строгим полицейским наблюдением, тем не менее действуют в легальной сфере и способны в силу этого приносить партии заметную помощь»³¹.

Созыв I съезда вопреки планам кохинхинских коммунистов откладывался. Но вопросы, поставленные Рабочей делегацией, требовали решения. И если первая проблема была временно (до формирования ЦК КПИК) решена посредством создания Заграничного руководящего бюро КПИК, которое было образовано, следуя директивам Коминтерна, в первой половине 1934

года в Китае Ле Хонг Фонгом (секретарь), Ха Хюи Тапом (ответственный за пропаганду) и Нгуен Ван Зытом (ответственный за контроль), то вторая проблема носила более сложный характер.

Представляется, что начало систематической легальной деятельности КПИК неразрывно связано с восстановлением партийного аппарата в Кохинхине, проходившим с начала 1933 года под руководством Чан Ван Зяу. По мнению французской тайной полиции Сюртэ, именно под влиянием последнего активную роль в официальной политической жизни колонии начал играть вернувшийся в 1931 году из Франции Нгуен Ван Тао³². Это косвенно подтвердил и сам Нгуен Ван Тао при личной встрече с Г. Пери: «Несмотря на большие трудности, вернувшись в Индокитай, он вступил в контакт с Компартией... его сотрудничество с сайгонской газетой (речь идет о газете *Trung Lâp* — И.У.) происходило с согласия [Ком]партии. Также с согласия [Ком]партии был выдвинут [на выборы в Муниципальный совет Сайгона 1933 года] рабочий список (куда входил Нгуен Ван Тао. — И.У.), всю кампанию которого поддерживала [Ком]партия»³³, — резюмировал беседу с вьетнамским революционером французский парламентарий.

Стратегическую линию на вывод части работы КПИК из подполья и на формирование «легального фронта» борьбы с колониализмом, принятую кохинхинскими коммунистами под руководством Чан Ван Зяу, подтверждает и намерение продолжать участие в официальной политической жизни колонии. «Отмечаем, — писали члены Рабочей делегации, — что через несколько месяцев будут проходить выборы в Колониальный совет и что наша партия намеревается использовать эту кампанию для распространения и популяризации своей программы немедленных требований»³⁴.

Помимо участия в выборах, в русле этой же политики южновьетнамские члены КПИК стремились создать легальный орган печати. За несколько месяцев до визита Рабочей делегации, в октябре 1933 года, подпольные коммунисты уже обсуждали данный вопрос с членом Дальбюро ИККИ Тимом Райаном, побывавшим в Кохинхине проездом. В частности, они попросили

предоставить им денежные средства в размере 500 пиастров (300 американских долларов). «Эта сумма, — отмечалось в докладе эмиссара Коммунистического Интернационала, — гарантирует издание в течение трех месяцев еженедельной газеты в количестве 3000 экземпляров»³⁵.

Просьба о помощи в издании легальной прессы повторилась и к Рабочей делегации. «Товарищи спрашивают, — говорилось в отчете в разделе о возможной помощи КПИК, — не могла бы партия обеспечить выход в свет газеты на французском языке, которая была бы официальной газетой Коммунистической партии Индокитая. Это положило бы конец опасной неразберихе, такой как, например, печать колониальной газеты (*Monde*), которая публикует революционные статьи, имеет левую направленность, но редакция которой, по меньшей мере, вызывает подозрения»³⁶. В докладе рабочей делегации, в целом, на эту просьбу давался положительный ответ: «Сколько будет стоить издание газеты? Кто войдет в редакцию? Как часто она будет выходить? Это все частные вопросы, которые надлежит решить позднее»³⁷.

18 марта, то есть ровно через месяц после своего прибытия в Сайгон, делегация отплыла обратно в метрополию (прибыла во Францию 11 апреля). По-видимому, именно в Париже решался вопрос о начале публикации легального органа печати. Эта идея получила поддержку ФКП, однако не в форме «официальной газеты Коммунистической партии Индокитая». В плане работы Колониальной комиссии ФКП через несколько месяцев после возвращения Рабочей делегации (10 июля 1934 г.) намечалось «издание новой “независимой” (закавычено в тексте. — *И.У.*) легальной газеты с французским управляющим»³⁸. Таким образом, издание печатного органа было санкционировано, а необходимая помощь, по-видимому, оказана. «Независимость» редколлегии воссозданной 4 октября 1934 года в Сайгоне газеты *La Lutte* обеспечивало присутствие в ней, помимо коммунистов, также троцкистов и независимых левых политических деятелей³⁹.

Между тем, в докладе, направленном Чан Ван Зяу в ФКП в начале 1935 года и перехваченном полицией, говорилось: «Газе-

та *La Lutte*, которая, несмотря на некоторые ошибки, занимает коммунистическую позицию, находится больше, чем под нашим влиянием: она фактически управляется [Ком]партией... Легальная деятельность на этот раз будет хорошо координироваться под непосредственным руководством Коммунистической партии»⁴⁰.

Таким образом, визит Рабочей делегации стал отправной точкой для формирования широкого легального коммунистического (шире — марксистского) движения в колонии, быстро получившим поддержку населения и ставшим одной из доминирующих сил на политической арене Вьетнама во второй половине 1930-х гг. С этой точки зрения показательна оценка миссии Г. Пери и его товарищей в ФКП: «Помощь, которую мы оказали революционному движению в Индокитае, особенно выразилась в отправке делегации по расследованию в составе трех человек... Ее прибытие в Индокитай породило большой энтузиазм и стало значительной моральной поддержкой нашим индокитайским товарищам... После визита делегации в политической жизни Сайгона широко развернулось легальное рабочее движение вокруг газеты «*La Lutte*»; основателем ее был [Нгуен Ван] Тао, который во Франции являлся членом ЦК ФКП. Линия газеты, в целом, правильная. Объединение вокруг газеты стремительно приобрело значительное влияние, что демонстрируют выборы [1935 г.] в Колониальный совет Кохинхины и, в особенности, муниципальные выборы в Сайгоне..., где кандидаты от «Ля Лютт» получили 4 места..., несмотря на террористическое давление правительства»⁴¹.

Примечания

¹ Những sự kiện lịch sử Đảng (Исторические события [Ком]партии). Т. 1 (1920—1945). TP Hồ Chí Minh, 1976. Tr. 311—315; *Đình Xuân Lâm, Nguyễn Văn Khánh, Nguyễn Đình Lễ. Đại cương lịch sử Việt Nam* (Общая история Вьетнама). Т.2. Hanoi, 2007. Tr. 314 и т.д.

² *Morlat, Patrice. La repression coloniale au Vietnam. 1908—1940.* Paris, 1990. P. 159—160.

³ РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1509. Л. 193.

⁴ *Đình Xuân Lâm, Nguyễn Văn Khánh, Nguyễn Đình Lễ. Đại cương lịch sử Việt Nam. Т.2. Тр. 311.*

⁵ *Ngô Văn. Việt-nam 1920—1945, Révolution et contre-révolution sous la domination coloniale. Paris, 1995. P. 199.*

⁶ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1509, л. 193.

⁷ *Morlat, Patrice. La repression coloniale au Vietnam. 1908—1940. Paris, 1990. P. 161.*

⁸ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1504, л. 123.

⁹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1509, л. 193.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1504, л. 123.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 82.

¹² РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 78.

¹³ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 83.

¹⁴ *[Nguyễn] Thu Thùy, Nguyễn Quế, Nguyễn Quế Lâm. Nguyễn Văn Tạo (1908 -1970). TP Hồ Chí Minh, 2007.*

¹⁵ Взгляды Нгуен Ан Ниня того периода так оценивались делегацией: он «обладает достаточно широкой эрудицией и, в частности, достаточно глубокими познаниями в области марксизма-ленинизма, однако, чисто теоретическими. Его политическая подготовка и взгляды слегка беспорядочны. На первых порах своей жизни он был последователем буддизма, которым он все еще отчасти пропитан. Затем он был адептом каодаизма, от которого, по-видимому, полностью отошел... Этот товарищ живет в среде, включающей многих троцкистов, но непохоже, чтобы он поддался под их влияние. Напротив, он проявляет по отношению к ним антипатию» (РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 79)

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 83.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 82.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 82—83.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 83.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 84.

²¹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 85.

²² РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 90.

²³ *Nguyễn An Tịnh. Nguyễn An Ninh. TP Hồ Chí Minh, 1995. Тр. 47.* Надо сказать, что Нгуен Ван Чан и Чан Ван Зяу в это время, по всей видимости, имели достаточно тесные контакты. Стоит упомянуть хотя

бы тот факт, что Чан Ван Зяу до 1935 г. проживал у родни Нгуен Ван Чана (Trần Văn Giàu. Hồi ký. 1940—1945 // Tạp Chí Thời Đại Mới. № 21. 2011. Май. Тр. 172 URL: http://www.tapchithoidai.org/ThoiDai21/TranVanGiäu_HoiKy_ToanBo.pdf)

²⁴ Nguyễn An Tịnh. Nguyễn An Ninh. Тр. 47; РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 90—91, 92.

²⁵ Nguyễn An Tịnh. Nguyễn An Ninh. Тр. 47.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 83.

²⁷ Только в начале октября 1933 г. была восстановлена почтовая связь между кохинхинскими коммунистами и их товарищами из Тонкина и Аннама (РГАСПИ Ф. 495, оп. 154, д. 577, л. 11).

²⁸ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 91.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 93.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 92б.

³¹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 92.

³² Morlat, Patrice. La repression coloniale au Vietnam. 1908—1932 РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 105.

40. Р. 168.

³³ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 105.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 93.

³⁵ РГАСПИ Ф. 495, оп. 154, д. 577, л. 15.

³⁶ РГАСПИ Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 95а.

³⁷ Там же. «Mond» — газета, издававшаяся журналистом Као Ван Тянем. Начала выходить 30 ноября 1933 г., в основном освещала проблемы революционной литературы и перепечатывала статьи из коммунистических изданий метрополии. «Mond» просуществовала всего несколько месяцев и прекратила публикации 1 февраля 1934 г., насчитывая среди своих подписчиков лишь 111 человек (Hémery, Daniel. Révolutionnaires vietnamiens et pouvoir colonial en Indochine: communistes, trotskystes, nationalistes à Saigon de 1932 à 1937. Paris, 1975. Р. 60). Као Ван Тянь считался среди кохинхинских коммунистов личностью подозрительной. Нгуен Ван Тао в беседе с Г.Пери отзывался о Као Ван Тяне как об агенте-провокаторе, организовавшем против него кампанию травли в Париже (РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 105).

³⁸ РГАСПИ Ф. 517, оп. 1, д. 1643, л. 44.

³⁹ Подробнее о сотрудничестве коммунистов и троцкистов в рамках газеты «*La Lutte*» см. *Hémery, Daniel. Révolutionnaires vietnamiens et pouvoir colonial en Indochine.*

⁴⁰ *Hémery, Daniel. Révolutionnaires vietnamiens et pouvoir colonial en Indochine.* P. 63.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1734, л. 35—36.

А.А. Соколов

РУССКИЕ В ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ: ИНДОКИТАЙ (конец XIX — середина XX века)

9 марта 1831 года французский король Луи-Филипп Орлеанский подписал декрет о создании нового военного формирования — Иностранного легиона, в котором интересам французской короны, а впоследствии и интересам всех пяти французских республик, могли служить нефранцузы (т. е. неподданные и неграждане Франции). По замыслу французского короля легион должен был использоваться только в военных конфликтах за пределами страны.

Первые упоминания о русских во Французском Иностранном легионе в Индокитае¹ встречаются в рукописных дневниках князя К.А. Вяземского, который в 1892 году совершал путешествие по этой колонии Франции. Тогда он установил, что в Иностранном легионе, который входил в состав французских войск, среди прочих иностранцев служили и беглые русские. Об этом он написал в своем дневнике: «Есть тут один русский капитан, раненный пулей в живот, мне не удалось узнать, как он сюда попал; французские власти им очень довольны. <...> будто он в России долго служил и за дуэль был разжалован в солдаты, попал к злобному офицеру в роту и решился бежать, сперва в Австрию, а потом во Францию»².

На рубеже XIX—XX веков началась первая волна рекрутов из Российской империи, когда в ряды французских легионеров

стали вступать русские подданные, как правило, из числа малообеспеченных трудовых мигрантов и переселенцев, устремившихся на Запад по социально-экономическим и этноконфессиональным причинам. Всего было четыре волны вступления русских в Иностраннный легион в Индокитае: *первая* — в конце XIX — начале XX века, *вторая* — в начале 1920-х годов, *третья* — в период Второй мировой войны (1939—1945), *четвертая* — в годы первой войны Соппротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов (1946—1954).

* * *

Большинство легионеров первой волны составляли жители западных и юго-западных губерний Российской империи — поляки, литовцы, украинцы, евреи, немцы. В результате революционных потрясений 1905—1907 годов масштабы стихийной российской эмиграции резко расширились, в пестрый людской поток за границу вовлекалось немало русских и других уроженцев центральных губерний России.

Что касается русских легионеров первой волны, то до нас дошли сведения лишь об отдельных лицах. Так, например, известно о жителе Российской империи Белявском Иосифе (Юзефе) Станиславовиче, литовце по происхождению, католическом священнике, уроженце города Вильно (Вильнюса). После 1911 года и до начала советско-польской войны (1919—1920) он служил капелланом Французского Иностранного легиона в Африке и в Индокитае³.

Примерно в те же годы (или чуть раньше) в Иностранном легионе в Индокитае служил Дмитрий Язев. Будучи студентом, он с товарищами путешествовал по Китаю, а оттуда — примерно в конце 1910-х годов — попал в Индокитай. Там Язев, скорее всего, по причине материальных лишений завербовался в Иностраннный легион, в котором и прослужил положенный по контракту срок⁴. Вернувшись в Россию, Д. Язев много рассказывал о своей нелегкой службе в этой экзотической стране, о её природе, обычаях. Так, в частности, он на всю жизнь запомнил слу-

чай, когда во время дежурства на постового легионера напал тигр и утащил его в джунгли⁵.

Возможно, первая группа русских легионеров появилась в Индокитае в 1918 году или немного позднее. Во всяком случае, в переписке французского консула в Гонконге и генерал-губернатора Индокитая имеется документ (от 20 апреля 1918 г.), в котором сообщается, что «никакой закон не возбраняет набор русских солдат в Иностранский легион». И далее разъяснялось более подробно: «Этот вопрос, поставленный военному министру, на предмет зачисления на службу русских был для офицеров, и в первую очередь его ответ должен касаться солдат этой национальности.

Впрочем, солдаты и офицеры, в настоящее время являющиеся подданными нейтрального государства, находятся в условиях, зафиксированных законом от 4 августа 1914 года (статья 3), чтобы иметь возможность найма во Французскую армию. Единственные ограничения их приема были отменены каблогаммой колоний № 498 от 4 апреля текущего года, в которой указано, что их наём не может быть произведен иначе, чем только как солдаты 2-го класса в составе Иностранного легиона, которые не должны управляться на территории Франции»⁶.

* * *

Следующая, вторая волна пришлась на начало 1920-х годов, когда завершившаяся Гражданская война выбросила из России сотни тысяч человек, значительная часть которых принадлежала к военному сословию. Многие из них, оказавшись в чрезвычайно трудных условиях вынужденной эмиграции, подписали контракты и отправились служить во Французский Иностранский легион. По декрету Французской Республики от 18 октября 1920 года, они как «офицеры союзных армий могли приниматься во французские войска в чине младших лейтенантов».

В беженских лагерях русские офицеры и солдаты оказались в ситуации жестокого выбора. Незвестность, личная неустроенность доводили их до крайнего отчаяния. И часто единственным способом выжить и спасти свою семью оказывалось посту-

пленение в Иностраннный легион. Следует отметить и такой момент, возможно, связанный с национальной психологией. Писатель-эмигрант Е. Тарусский писал в 1930-е годы: «...не страх и голод толкал их туда. Голода и холода русский офицер не боялся. Но зато он боялся нищеты и “дна”»⁷. Поэтому поступление в Легион давало им возможность очутиться в особом психологическом климате: внутренний уклад, воинский дух, который бытовал в Легионе, был понятен и близок русским воинским традициям⁸.

Вербовочные пункты Легиона располагались в местах компактного проживания русских эмигрантов, прежде всего в таких городах, как Галлиполи, Константинополе, Лемносе и других. Их вербовка в легион, как правило, осуществлялась при непосредственном участии Второго бюро (*Deuxieme Bureau*) Центрального управления французской разведки.

Вот как вспоминал русский врач-эмигрант Б.Н. Александровский об атмосфере тех лет: «В самой Франции, так и в её сферах влияния в те времена можно было увидеть расклеенные на стенах домов и заборов красочные плакаты, призывавшие молодых людей добровольно вступить в ряды этой армии. На плакате — изображение земного рая. Синее море и лазурное небо. Яркое солнце. Песчаный пляж с растущими поодаль пальмами. На этом фоне — солдат Иностранного легиона. На лице его — выражение счастья и восторга. Надпись: “Записывайтесь в самый прекрасный из всех полков мира!”»⁹.

При поступлении в Легион никто не спрашивал рекрута о его прошлом, с момента зачисления он терял свое прежнее имя, фамилию, звание, национальность и получал только индивидуальный номер. И с этого момента он переставал быть конкретным человеком, а становился легионером, имевшим номер. Поэтому в Иностранном легионе нашли пристанище многие уголовные элементы из разных стран мира, так как поступление в Иностраннный легион освобождало их от выдачи государству, откуда они происходили.

Многие русские эмигранты, не желавшие «запятнать» свои имена службой в иностранной армии, записывались в Иностраннный легион как немцы, чехи, поляки и др. Большинство

из них не имели реального представления, что такое Легион, искренне верили французским пропагандистским материалам¹⁰.

Как правило, все солдаты и частично сержанты Легиона — из иностранцев, командный состав — только французы. По контракту, подписываемому в так называемом «добровольном» порядке, служба в Легионе длится пять лет. В Легионе поддерживается жесткая дисциплина, и за малейшее нарушение незамедлительно следует строгое наказание. Место службы — французские колонии тропического пояса. Всего же в 1920-е годы вербовочные контракты подписали около 8 тысяч русских эмигрантов¹¹. Больше половины из них остались навсегда лежать в знойных пустынях Северной Африки, джунглях Индокитая. Другие умерли на госпитальной койке от полученных ранений, тропических и прочих болезней.

Нужно отметить такой факт: массовое поступление русских военных в Иностраннный легион отразилось на моральном климате в его подразделениях: «Места авантюристов и жизненных неудачников заняли настоящие воины, искавшие только чести, хотя бы и под чужим знаменем»¹². Русские стали его наиболее «дисциплинированной и наиболее ценимой частью»¹³. И хотя по контракту они должны были служить в Легионе 5 лет, многие оставались в нем до 10—15 лет.

По данным французских архивов, в 1921 году русские легионеры во Вьетнаме составили 107 человек (или 4,07 % от всей численности)¹⁴. Со временем их численность росла. Об их пребывании в этой французской колонии в середине 1920-х годов известно из документов, связанных с деятельностью монархической организации «Союз русских людей государевых имени её Императорского высочества Великой княжны Киры Кирилловны»¹⁵. Самое большое его заграничное отделение находилось в северной части Вьетнама — Тонкине — и насчитывало 53 человека¹⁶.

О деятельности этого индокитайского подразделения известно из письменных донесений, которые регулярно в течение двух лет — с 1926 по 1928 год — направлял прапорщик Михаил Павлович Корякин председателю правления Союза, полковнику генерального штаба Геннадию Игнатьевичу Дементьеву¹⁷.

Как правило, в его письмах давалось краткое описание обстановки в этой французской колонии, сообщалось о вступлении в Союз новых членов (при этом прилагались их обязательства), а также содержались пространные идеологические рассуждения самого автора относительно будущего монархии в России.

Сам Корякин происходил из крестьян, родился в Архангельской губернии. На военной службе состоял с 1915 года. В 1920 году оказался за границей — в Константинополе, отсюда 22 мая 1922 года уехал в Легион¹⁸. В Тонкине он занимался организацией Орденского подотдела Союза. Вот как он описывал сложившуюся ситуацию: «Численность [русских людей здесь] невелика — около 100 человек... Их отношение к законопослушанию, ввиду полной оторванности от Родины... удовлетворительное. Большинство — национально монархических убеждений, республиканцев — мало»¹⁹. Но не всех, по мнению Корякина, можно было ввести в члены Союза, прежде всего по причине идеологических настроений: «Нам приходится слышать непочтительное отношение к членам императорского Дома»²⁰.

К концу октября 1925 года в Тонкине было зарегистрировано 83 русских легионера, из них чуть позднее 7 человек уехали в Африку и 7 человек приняли французское подданство²¹. Окончательно в список членов Союза вошли 53 человека, это были люди разных сословий (князь, дворянин, казак, крестьянин), чинов и званий (есаул, вахмистр, старший унтер-офицер, сотник, прапорщик и т. д.), национальностей, вероисповеданий. Они также входили в так называемый Корпус Императорской армии и флота. В основном, они служили в рядах 1-го пехотного полка (1-er Etranger 13 Compañie) в местечке Дапкау, к северу от Ханоя, в провинции Бакнинь, куда проходила построенная французами железная дорога, а также в 4-м батальоне в Тхайнгуене (4 Batallion formant Corp. du 1-er Etranger 15 Compañie a Thai Nguyen).

Деятельность Индокитайского подразделения прекратилась практически сразу после отъезда прапорщика Корякина из Индокитая и роспуском Союза в 1928 году. В 1929 году в Легион для службы в Индокитае было набрано по контракту 129 русских²².

В 1930-е годы приток русских в Иностраннный легион увеличивается, главная причина — плохая экономическая ситуация и безработица в Европе. По данным французского военного историка Тибора Жешко, в рядах Иностранного легиона в Индокитае примерно с середины 1930-х годов служили следующие русские офицеры:

- Архипов Сергей (Arkchipoff Serge), лейтенант, по контракту на 5 лет;
- Добрович Влад. (Dobrovich Vlad.), лейтенант, по контракту на 5 лет;
- Дуплицкий Серж (Douplitzky Serge), прямой прием в чине младшего лейтенанта, бывший офицер русской армии;
- Житомирский Жак (Jitomisky Jacques), военный врач, прямой прием на должность военного врача, бывший военный врач русской армии;
- Комаров Леон (Komaroff Leon), лейтенант, выпускник Военной школы в Сен-Сире;
- Ковалев (Kovaloff), лейтенант, прямой прием в чине младшего лейтенанта, бывший офицер русской армии;
- Де Кнорре Алекс (De Knorre Alex), лейтенант, прямой прием в чине младшего лейтенанта, бывший офицер русской армии;
- Крижитский Андрей (Krijitsky Andre), лейтенант, прямой прием в чине младшего лейтенанта, бывший офицер русской армии;
- Правосудович Жан (Pravossoudovich Jean), лейтенант, прямой прием в чине младшего лейтенанта, бывший офицер русской армии²³;
- Слюсаренко Константин (Slioussarenko Constantin), лейтенант, прошел обучение в Военной школе в Saint Maixent, принят по контракту на 5 лет;
- Соловьев Жорж (Solovieff Georges), лейтенант, прямой прием в чине младшего лейтенанта, бывший офицер русской армии;
- Ченкели Алексис (Tchenkeli Alexis), капитан, прошел обучение в Военной школе в Сен-Сире;

- Тихомиров Виктор (Tikhonravoff Victor), капитан, прямой прием в чине капитана, бывший офицер русской армии²⁴.

В начале 1930-х годов в Иностранном легионе в Индокитае служили бывшие офицеры Корниловской дивизии — капитан Киреев Семен Ермолаевич и капитан (подполковник) Дашкевич Михаил Никитич²⁵.

В 1939 году в Легион для службы в Индокитае было набрано по контракту 109 русских²⁶.

* * *

Третья волна поступления русских в Иностраннный легион в Индокитае началась в 1939 году, когда в Европе разразилась Вторая мировая война. По сообщениям из Ханоя от 20 апреля 1940 года, туда из Гонконга прибыла группа контрактников Иностранного легиона. В представленном списке зачеркнуты фамилии, остались только имена и национальности, из 15 человек — русских было четверо: Борис, Дмитрий и два Анатолия²⁷. А год спустя из 106 прибывших в Индокитай легионеров русских было 5 человек, тогда как французов и немцев — по 24 человека²⁸.

Пожалуй, наиболее показательна судьба русского легионера в Индокитае в период Второй мировой войны на примере полковника Федора Ивановича Елисеева (1892—1987). Он родился на Кубани, окончил Оренбургское казачье военное училище. Свою военную службу начал в 17 лет, в годы Первой мировой войны служил на Кавказском фронте в одном из лучших шефских казачьих полков. С 1918 года участвовал в Белом движении, командовал сотней, полком, дивизией. Бежал из красного плена в Финляндию, затем перебрался во Францию.

Его жизнь в эмиграции — настоящая одиссея. Будучи профессиональным кавалеристом, он организовал казачий конный цирк. В составе цирковых трупп Елисеев побывал в разных странах мира, восхищая зрителей виртуозным владением джигитовки и высоким артистизмом. Он выступал в Индии, Бирме, Сингапуре, Гонконге, Сиаме, Камбодже, несколько раз приезжал в Индокитай.

Ф.И. Елисеев написал и издал на ротаторе (во Франции и США) более 90 книжек-брошюр, большинство из которых посвящены истории казачьих полков и их участия в военных сражениях начала XX века. В небольшой трилогии «На коне по белу свету» он рассказал и о своём пребывании в Индокитае²⁹.

Впервые Елисеев побывал в этой французской колонии в ноябре 1934 года на гастролях цирковой труппы, тогда он посетил Хайфон, Ханой и Сайгон. Затем он приезжал во Вьетнам в январе 1937 года. Вторая мировая война застала Федора Елисеева на острове Суматра, где он выступал с труппой казаков-джигитов. Весной 1940 года он с женой и сыном окончательно перебирается в Индокитай. Как офицер Русской армии Елисеев подал документы и сдал экзамены на офицерский чин (капитана) во Французской армии. После сдачи экзаменов его дело было отправлено в метрополию. Однако уже началось вторжение германских войск во Францию и был взят Париж. Неудивительно, что в такой ситуации его документы потерялись.

Согласно французским законам, во французской армии иностранцы не могли быть офицерами, за исключением тех, кто принимал подданство и оканчивал французские военные учебные заведения. Накануне Второй мировой войны офицерам союзных армий по Первой мировой войне было разрешено поступать на службу во французскую армию, но с понижением в чине³⁰.

Как писал в своих воспоминаниях Елисеев: «Я... поступил на службу в один складов французского строительства. Устроился неплохо, познакомился с французскими и российскими старожилами. Тем временем японский корпус войск вошел в Индокитай. ... Французы в Индокитае начали готовиться к сопротивлению японцам. Я был вторично вызван в штаб, вновь прошел оба экзамена, но ввиду недостаточного знания французского языка был назначен лейтенантом в 5-й пехотный полк Иностранного легиона, расквартированного на севере Индокитая, в Тонкине»³¹.

Во время службы в Легионе Федор Елисеев (или лейтенант Элизе — *Elise*, как его звали на французский манер) регулярно

вёл дневник, в котором содержатся ценные свидетельства, запечатлевшие жизнь легиона изнутри.

Свое новое назначение он признал справедливым: «Я не был огорчен, что вместо чина капитана, переименован в лейтенанты. Во французской армии капитан должен командовать ротой. Я — конник. Пехотного строя не знал. Не знал и уставов строевой службы их армии. Естественно — я не мог быть командиром роты»³². Как опытного кавалерийского офицера Елисеева назначили вести разведку, что являлось чрезвычайно опасным заданием в местных условиях: «Война в здешних джунглях — это была партизанская война в лесах и горах, совсем не похожа на войну в Европе...»³³.

Вот как Елисеев описывал судьбу и положение иностранца-легионера: «Легионер-иностранец считался существом без роду и племени. После смерти он вычеркивался из списка *как номер*. Никаких родных у него не было и не должно быть. Вещи его продавались с аукционного торга и поступали в роту или батальон. То же самое относилось к офицерам-иностранцам. Смерть офицера в бою ничего не стоила. Все они считались *селибатэр* (неженатыми), даже если и имели жен. В случае их гибели — семья не получала ничего»³⁴.

Особенно ценны дневниковые записи о непосредственной службе Федора Елисеева: «Наш 5-й полк состоял исключительно из легионеров старших возрастов, которых переводили сюда, как бы на отдых в спокойной обстановке Индокитая, с совершенно мирным туземным населением. Но скорые события в Индокитае показали ошибочность этой оценки со стороны французского правительства»³⁵.

В полку Елисеева средний возраст легионера был выше 40 лет, многим по 50 и больше, а 30-летний легионер с 5-годовалым стажем службы считался «мальчишкой». Изношенные физически долгой службой в тропических странах, в Индокитае они столкнулись с дисциплинированными и националистически настроенными войсками японской императорской армии, пришедшей туда под лозунгом «Азия для азиатов» и с целью создания «Великой Восточной Азии»³⁶.

9 марта 1945 года японцы совершили в Индокитае вооруженный переворот, в результате внезапной ночной атаки они разбили и разоружили все находящиеся там французские гарнизоны. Об этом событии есть такая запись в дневнике Елисева: «Только один отряд, состоящий из двух батальонов 5-го пехотного полка, в военном лагере в селе Тонг, в 40 километрах от Ханоя, успел уйти из своего расположения за 6 часов до предутренней атаки японцев. С боями, около двух месяцев, отступал он по джунглям в Китай, и ушел — и спас честь своего воинского знамени»³⁷.

2 апреля 1945 года, прикрывая в арьергарде отступление своего батальона, Федор Елисеев спас своего боевого товарища — тяжелораненого шеф-капрала, поляка Колерского. А на следующий день уже сам попал в плен к японцам и прошёл через все испытания и тяготы неволи.

После окончания Второй мировой войны и капитуляции императорской Японии все французские военнопленные были доставлены в Ханой и размещены в городской крепости. Там и завершилась эпопея Федора Елисева, закончившаяся его освобождением.

В боях против японцев лейтенант Ф.И. Елисеев был дважды ранен, отмечен по службе девятью наградами и высшим из них — орденом Военного Креста 2-й степени с золотой звездой на ленте.

В марте 1946 года началась репатриация во Францию бывших военных и их семейств. Елисеев вместе с женой и сыном 22 августа 1946 года на большом океанском пароходе «Иль де Франс» из Сайгона отбыл во Францию. Через некоторое время семья Елисеевых переехала на постоянное место жительства в США.

Большую ценность дневниковые записи Ф.И. Елисева представляют и тем, что в них запечатлены другие русские легионеры, оказавшиеся в те годы в Индокитае.

Так, Елисеев вспоминает: «Встретил командира наших двух батальонов Тонгского гарнизона команданта (майора) Токхадзе, родом грузина. Он окончил гимназию в Тифлисе, потом учился в Тифлисском пехотном военном училище в независимой Гру-

зии. Когда красные войска заняли её, юнкером эвакуировался во Францию со своим правительством в 1921 году; там окончил военное училище, стал кадровым офицером Легиона французской армии и считался настоящим французским гражданином»³⁸.

Запечатлел он в своём дневнике и командира роты батальона капитана Слюсаренко³⁹, старого и опытного офицера. «Молодым офицером служил в армии гетмана Скоропадского — при падении его режима был вывезен из Киева военным командованием с другими офицерами в Германию в закрытых вагонах. Сразу же поступил в Легион, и теперь он капитан и командир роты, считался образцовым офицером»⁴⁰.

Елисеев также описывает встречу с 50-летним легионером Букаловым, уроженцем города Воронежа. Он служил в чине адъютант-шефа (т. е. старшего подпрапорщика), фельдфебеля 6-й роты, 3-го взвода, 2-го батальона.

Особое место в его воспоминаниях занимает командир 6-й роты (2-й батальон, 5-й полк Иностранного легиона) капитан Владимир Комаров⁴¹, интеллигентный офицер и скромный человек. Он прямой внук известного русского генерала А.В. Комарова⁴², бывший кадет Морского корпуса. В 1920 году Владимир Комаров с Каспийской флотилией попал в Персию. Затем переехал во Францию, в 1926 году окончил военную школу в Сен-Сире, принял французское гражданство и стал «офисье актив» — кадровым офицером со всеми вытекающими правами офицера французской армии. Имел жену-француженку.

Владимир Комаров погиб 1 апреля 1945 года, недалеко от селения Дьенбьенфу, где и был похоронен⁴³. Для прощания с погибшим офицером туда на автомобиле прибыл генерал Марсель Алессандри. Он хорошо знал и высоко ценил Владимира Комарова и был опечален его смертью.

Находясь в японском плену, Ф.И. Елисеев встретил ещё одного соотечественника — переводчика японского языка, русского парня из Сибири⁴⁴.

Из разных источников известны имена и других русских легионеров, находившихся в Индокитае в этот период. Это: Городниченко Михаил — сержант 5-го [пехотного] полка, умер от ран 15 сентября 1945 года в Индокитае; Иванов (*псевдоним*) — быв-

ший кадет Русского корпуса в Версале, погиб 15 марта 1945 года в Га Гианг в Индокитае; Карнери (*псевдоним*) — уроженец Молдавии, окончил русскую гимназию, трубач Французского Иностранного легиона, 10 марта 1945 года был ранен и добит штыком во время атаки японцев на гарнизон Танг в Индокитае⁴⁵; Сиз — уроженец Терской области, в Гражданскую войну — поручик 10-го Ингерманландского полка, пропал без вести 23 марта 1945 года в Шонла.

* * *

Четвёртая волна притока русских легионеров в Индокитай началась после окончания Второй мировой войны и охватывает весь период первой войны вьетнамского Сопротивления (1946—1954), когда Франция решила во что бы то ни стало сохранить свои колониальные владения.

Многие тысячи бывших советских граждан, вступив в разные формирования, созданные немцами для борьбы против Советской Армии, после окончания Второй мировой войны оказались в отчаянном положении. Большая часть их сдалась союзникам. Кроме того, в лагерях военнопленных оказались части Русской освободительной армии генерала Власова, многочисленных кавказских и среднеазиатских легионов. По заключенным в Ялте в феврале 1945 года соглашениям между СССР и союзниками, все бывшие советские граждане, оказавшиеся на территории, подконтрольной англичанам или американцам, так называемые перемещенные лица должны были быть переданы в СССР. Те, кто не захотел возвращаться в СССР, стали искать выход из положения. Одним из них стало вступление во Французский Иностраный легион.

Следует напомнить, что Ялтинские соглашения подписали лишь главы США и Великобритании, Франция в этой конференции не участвовала. Кроме того, в связи с ухудшением положения в её заморских владениях Франции нужно было постоянно пополнять состав Иностранного легиона.

Важным было и следующее обстоятельство: 29 июня 1945 года было подписано советско-французское соглашение о со-

держании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем властей этих стран. Этот договор в целом был идентичен ялтинским соглашениям, но отличался наличием протокола из следующих двух пунктов:

«1. Репатриации подлежат все советские и французские граждане, включая и тех из них, которые подлежат привлечению к ответственности за совершенные ими преступления, в том числе и за преступления, совершенные на территории другой договаривающейся Стороны.

2. Упомянутое соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан распространяется также на освобожденных Красной Армией жителей французских владений и французских протекторатов»⁴⁶.

В такой непростой ситуации, чтобы избежать осложнений с СССР, французская сторона приняла решение скрыть факт приема бывших советских граждан во французскую армию, частью которой и являлся Иностраннный легион. Поэтому формально принимать в легион русских и прочих выходцев из СССР было запрещено, но при оформлении документов, заполнения анкеты, русские становились поляками, болгарами, чехами, выходцы из прибалтийских республик — скандинавами, кавказцы — югославами, греками, испанцами и итальянцами, жители среднеазиатских республик — персами, арабами и турками⁴⁷.

Интересно напомнить следующий факт. В ноябре 1946 года в Сайгон прибыла советская военная миссия во главе с полковником Владимиром Дубровиным⁴⁸. Официальной целью её визита во Французский Индокитай была заявлена помощь советским гражданам, в том числе и легионерам, в возвращении на Родину. По сведениям советской стороны, полученным от американских властей, только в одном Ханое находились 323 советских военнопленных и 20 гражданских лиц, ожидавших репатриации в СССР. В ответ на запрос французского правительства Комитет русских в Индокитае⁴⁹ подготовил документ (от 3 февраля 1946 г.), в котором сообщалось, что в Тонкине (северной части Вьетнама) в тот период насчитывалось 44 русских, из них — 28 легионеров, находящихся в тюремном заключении (в городской крепости)⁵⁰. В нем также отмечалось: «К настоящему

времени 5 легионеров выразили нам своё пожелание как можно быстрее репатрироваться в Шанхай. Другие же, не имея определенных планов, предпочитают дожидаться последующих инструкций, которые бы определили их репатриацию в метрополию, их освобождение в Индокитае»⁵¹.

По прибытии в Сайгон советская военная миссия дала в местных газетах следующее объявление: «Советский полковник принимает бывших граждан СССР и помогает им в возвращении на Родину».

Вначале никаких откликов на это объявление не было, но после 19 декабря 1946 года, когда уже фактически начались крупномасштабные военные действия французских войск против ДРВ и правительства Хо Ши Мина, в представительстве советской военной миссии стали появляться первые посетители. В большинстве своем это были солдаты Иностранного легиона: украинцы, латыши, литовцы и другие бывшие граждане СССР, всего — чуть более полутора десятка человек. Самых русских было мало, причем один из них вообще никогда не был в России, так как родился и вырос в Югославии. Как вспоминал член миссии В.Л. Вишняк, этот молодой человек с большим пафосом прочитал сотрудникам советской миссии стихотворение о Сталине — так, вероятно, он хотел продемонстрировать свои чувства к Советской стране⁵².

По словам, В.Л. Вишняка, некоторые из бывших граждан СССР обратились в миссию, потому что не хотели участвовать в начавшейся войне в Индокитае, боялись попасть в плен к вьетнамцам. Сайгонские газеты публиковали многочисленное материалы «о жестоком обращении северян с пленными». По бытовавшему тогда мнению, вьетнамцы всех служивших в Иностранном легионе считали французами⁵³.

Согласно подписанному с Иностранном легионом договору, солдаты должны были служить в нем 5 лет. Тем не менее полковнику Дубровину удалось договориться с французскими властями в Сайгоне, чтобы так называемые советские или русские граждане могли оставить службу в Легионе без каких-то для них последствий и осложнений.

В документах французских военных архивов упоминаются 8 русских легионеров, которые попали в сферу интересов советской миссии и стали предметом длительных дискуссий с французскими властями⁵⁴. Окончательный результат неизвестен, но французские военные власти в Кохинхине приняли решение не препятствовать желанию двух литовских легионеров репатрироваться в СССР⁵⁵.

Как вспоминал В.Л. Вишняк, потом из Сайгона на пароходе «Александр де Род» они отправлялись во Францию. В Марселе их встречал советский представитель из Управления по делам репатриации, а затем они следовали в Советский Союз.

Следует упомянуть ещё один источник сведений о русских легионерах в Иностранном легионе в Индокитае — сводки о дезертирах, относящиеся к концу 1940-х — середине 1950-х годов. Напомним, что к русским нередко причислялись солдаты других национальностей СССР. В 1945—1947 годах из Легиона ежегодно официально дезертировал 1 русский солдат⁵⁶. В списке солдат, осужденных и направляемых из Индокитая в Северную Африку, упомянуты Иванов Илья (Iia Ivanoff) и Алексей Небридзе (Alexis Nebieridze)⁵⁷.

В Иностранном легионе в Индокитае у каждого солдата или офицера была своя сложная, зачастую очень трагическая судьба. Об этом свидетельствует и такой типичный пример.

В 1950 году в газете «Посев» (Западная Германия) было напечатано объявление примерно такого содержания:

«Я, Бордиану Василий [Иванович], русский, волею судеб сейчас служу во Французском иностранном легионе в Индокитае. Ищу переписки с русскими эмигрантами и также совета, где мне поселиться по окончании службы. Служить мне осталось полтора года»⁵⁸.

Правила службы в Легионе были таковы: по окончании пятилетнего срока легионер имел право на постоянное место жительства в любой французской колонии. Исключением была сама Франция и колония, в которой служил легионер. В то время во Французском Марокко обосновалась колония русских эмигрантов, выходцев из Европы и Советского Союза. С помощью Г.Г. Вербицкого⁵⁹ Владимиру Бордиану удалось установить

связь с русскими в Марокко, и он надеялся туда переехать после окончания службы.

Владимир Бордиану, по его словам, родился в Одессе, работал шофером, учился в Горнотехническом институте. На войне попал в плен, как восточный рабочий (OST-арбайтер) провел два с лишним года в Германии, затем перебрался во Францию. Из-за отсутствия документов решил поступить в армию. Последние вести от него были в октябре 1950 года — это была открытка (с красивым видом залива Халонг) с несколькими словами: «...Нас разбили как дерево на щепки. Нахожусь в тылу...»⁶⁰. После этого связь оборвалась. Скорее всего, Владимир Бордиану погиб.

Известно ещё об одном нашем бывшем соотечественнике в Индокитае. Это — граф Александр А. Воронцов-Дашков. Родился в 1922 году в Висбадене. Сын лейб-гусара и флигель-адъютанта. Около 7 лет прослужил в Иностранном легионе, взводный командир. Умер от ран 31 сентября 1952 года в Ханое⁶¹.

Ещё один легионер, украинец по происхождению — Ковальчук-Прейм Виктор Михеевич. Служил в Иностранном легионе в Индокитае и погиб там в годы Первой войны Спротивления вьетнамского народа⁶².

Другой наш соотечественник — Столица Дмитрий Юрьевич — тоже воевал в Индокитае. Он был сыном офицера Лейб-гвардии Егерского полка, в годы Гражданской войны — личный адъютант атамана Дальневосточных казачьих войск генерала Г.М. Семенова. Столица окончил самое лучшее военное учебное заведение во Франции — военное училище в Сен-Сире, служил офицером в морской пехоте — в воздушно-парашютных подразделениях, воевал в Индокитае, а также в Алжире и Марокко.

Были и другие примеры участия наших соотечественников в первой Индокитайской войне. В знаменитом сражении под Дьенбьенфу (1954 г.), по воспоминаниям сержанта 13-й полубригады Иностранного легиона Клод-Ива Соланжа, во второй роте его батальона служили два казака, ранее воевавшие под Сталинградом: один был лейтенантом советской военной жандармерии (вероятно, имеется в виду 10-я дивизия НКВД), дру-

гой — цугфюрером (т. е. лейтенантом) в кавалерийской дивизии СС. Оба погибли при обороне опорного пункта «Изабель»⁶³.

Из вьетнамских источников известно о некоторых наших соотечественниках — легионерах, попавших в плен и помещенных в лагерь⁶⁴. Речь идет о событиях, которые происходили примерно в мае 1950 года, когда война вьетнамского народа против французских колонизаторов была в самом разгаре.

В лагере для военнопленных, организованном Вьетнамской Народной армией в горном районе Каобанг, содержалась группа из 100 человек, большинство из которых составляли французы, были также немцы, чехи, поляки и 10 русских⁶⁵. Среди них особенно выделялся летчик Библиченко. После немецкого плена он поступил в Иностранный легион и так оказался в Индокитае. Когда работал на аэродроме в Зяламе (под Ханоем), воспользовался ситуацией, захватил самолет «Юнкерс» и перелетел за линию фронта — к партизанам, базировавшимся в лесу в провинции Иенбай. После приземления Библиченко старался объяснить партизанам, что надо замаскировать самолет, но никто из них не понимал по-русски. И пока шло братание, прилетел французский самолет и разбомбил этот новый угнанный «Юнкерс». Немало русских военнопленных затем воевали на стороне Вьетминя (патриотической Лиги борьбы за независимость Вьетнама), были награждены медалями, имели благодарности⁶⁶.

Наибольшую известность среди легионеров — наших соотечественников, перешедших на сторону вьетнамского народа, получили Платон Скржинский и Федор Бессмертный⁶⁷. Оба — выходцы из Украины, участники знаменитого 307-го батальона Народной армии Вьетнама⁶⁸. Платон Скржинский получил боевое прозвище *Хай Тхань*, а Федор Бессмертный даже два — *Ань* (Брат) и *Льен Со* (Советский).

Платон Александрович Скржинский прошел через две большие войны: Великую Отечественную, которую советский народ вел против немецкого фашизма, и войну Сопrotивления против французских колонизаторов во Вьетнаме. Прежде чем вступить в отряд легионеров французской армии, ему пришлось пройти через фашистский плен. В 1946 году он был отправлен на Индо-

китайскую войну. В далеком Вьетнаме Скржинский решил перейти на сторону Вьетминя. И 28 июля 1947 года он совершил побег из французской армии.

Во Вьетнаме он встретил свою «половину» — партизанку по имени Май родом из провинции Бенче. В 1948 году они сыграли свадьбу, и год спустя на свет появилась дочь.

В 1955 году после завершения войны Соппротивления, перед возвращением на родину Скржинский вместе с дочерью был приглашен в резиденцию Президента Хо Ши Мина, который после этой встречи написал письмо в Политбюро ЦК КПСС и подтвердил заслуги «товарища Хай Тхяня» перед вьетнамской революцией и выразил пожелание, чтобы П.А. Скржинскому выдали въездную визу в СССР, что и было сделано.

Вернувшись на родину, Платон Скржинский стал работать диктором и переводчиком вьетнамской редакции на московском радио и растить дочь. В 1988 году он снова побывал во Вьетнаме — по случаю 40-летия со дня основания 307-го батальона. Там он встретился с бывшими однополчанами, побывал на родине покойной жены. П.А. Скржинский ушел из жизни 26 марта 2003 года. Но его имя и его подвиги были записаны в историю двух народов как свидетельство интернационализма, духа сплоченности и взаимопомощи разных народов в борьбе против своих врагов.

Федор Бессмертный встретил Великую Отечественную войну пятнадцатилетним подростком, а в 1942 году его угнали на работу в Германию. Конец войны он встретил во Франции, в лагере для перемещенных лиц. Чтобы как-нибудь прокормиться, Бессмертный вступил в Иностранский легион и был отправлен на войну в Индокитай. Затем он и два легионера-поляка бежали в джунгли. Там они встретили 307-й батальон вьетнамских партизан и влились в его состав, повернув оружие против французских колонизаторов. Федор Бессмертный пользовался всеобщей симпатией вьетнамских бойцов, участвовал в разработке тактических операций. Он прекрасно владел трофейным французским оружием и подрывным делом, бегло говорил по-вьетнамски и участвовал во множестве боевых операций, за что и получил две медали «За участие в войне Соппротивления». Здесь,

в отряде, Федор Бессмертный женился на партизанке Нгуен Тхи Винь, красивой и мужественной девушке.

В Советский Союз Федор Бессмертный вернулся в 1958 году вместе с двумя детьми⁶⁹. Спустя некоторое время он скончался от туберкулеза, и газета «Комсомольская правда» опубликовала статью о нем, назвав героем Вьетнама⁷⁰.

Несомненно, дальнейшее изучение новейшей истории Вьетнама позволит узнать новые имена наших соотечественников, оказавшихся в Индокитае на службе в Иностранном легионе.

* * *

Приложение

Имя им — ЛЕГИОН

Русские легионеры в Индокитае, конец XIX — середина XX века.

Условные обозначения и сокращения:

— СРЛГ: член Союза русских людей государевых, Индокитайский подотдел, вторая половина 1920-х годов;

— 1 ИВ: Первая Индокитайская война вьетнамского народа против французских колонизаторов (1946—1954).

АПАЦАНОВ Владимир Иванович. СРГЛ.

АРХИПОВ Сергей (Arkchipoff Serge). Начало 1930-х годов.

АТОЯНЦ Григорий Васильевич. СРГЛ.

БЕЛЯВСКИЙ Иосиф (Юзеф) Станиславович. 1910-е годы.

БЕЛЯЕВ

БЕССМЕРТНЫЙ Федор.

И.В.БИБЛИЧЕНКО.

БОГДАНОВ Николай Михайлович. СРГЛ.

БОРДИАНУ Василий [Иванович]. 1 ИВ.

БУГАЕНКОВ Леон Николаевич. СРГЛ.

БУКАЛОВ. 1930—1940-е гг.

ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ Александр А. 1 ИВ.

ВЫСОЦКИЙ Дмитрий Тимофеевич. СРГЛ

ГАРКУША Владимир Ваниофатьевич. СРГЛ.

ГОЛОДНОВ Борис Дмитриевич. СРГЛ.
ГОРБАНЬ Карп Ефимович. СРГЛ.
ГОРБАЧЕВ Николай Стефанович. СРГЛ.
ГОРОДНИЧЕНКО Михаил. 1940-е годы.
ГУБИН Василий Михайлович. СРГЛ.
ДАРМАНЬНЦ Даниел Аванесович. СРГЛ.
ДАШКЕВИЧ Михаил Никитич. Начало 1930-х годов.
Де КНОРРЕ Алекс (De Knorre Alex). Начало 1930-х годов.
ДИМИТРОВ Николай Иванович. СРГЛ.
ДОБРОВИЧ Влад. (Dobrovich Vlad.). Начало 1930-х годов.
ДОЛГОВ Иван Петрович. СРГЛ.
ДОМРАЧЕВ Василий Васильевич. СРГЛ.
ДОРОЖКИН Прокофий Алексеевич. СРГЛ.
ДУПЛИЦКИЙ Серж (Douplitzky Serge). Начало 1930-х годов.
ЕЛИССЕВ Федор Иванович. 1 ИВ.
ЖИТОМИРСКИЙ Жак (Jitomisky Jacques). Начало 1930-х годов.
ЖУКОВ Александр Яковлевич. СРГЛ.
ЗВАРИШ Петр Николаевич. СРГЛ.
ИВАНОВ (*псевдоним*). 1940-е годы.
ИВАНОВ Борис Дмитриевич. СРГЛ.
ИВАНОВ Илья (Ilia Ivanoff). 1 ИВ
ИВАНОВ Петр Васильевич. СРГЛ.
КАРНЕРИ (*псевдоним*). Трубач. 1940-е годы.
КИРЕЕВ Семен Ермолаевич. Начало 1930-х годов.
КОВАЛЕВ (Kovaloff). Начало 1930-х гг.
КОВАЛЬЧУК-ПРЕЙМ Виктор Михеевич. 1 ИВ.
КОМАРОВ Владимир. 1940-е годы.
КОПОТОВ Иосиф Парфеньевич. СРГЛ.
КОРЯКИН Михаил Павлович. СРГЛ.
КРИЖИТСКИЙ Андрей (Krijitsky Andre). Начало 1930-х годов.
КУРЗАНОВ Темир Султанович. СРГЛ.
ЛАЙКОВ Ефрем Иванович. СРГЛ.
ЛЕВАШЕВ Николай Владимирович. СРГЛ.
ЛИТОВЧЕНКО Федор Леонтьевич. СРГЛ.
ЛИХАРЕВ Максимилиан Павлович. СРГЛ.
МАЗГУЛЯК-БЛУДОВ Петр Максимович. СРГЛ.
МАКСИМОВ Радион Егорьевич. СРГЛ.
МАРЦИНКЕВИЧ Сергей Иванович. СРГЛ.

- МИРОШНИЧЕКО Петр Владимирович. СРГЛ.
МУХИН Илья Гаврилович. СРГЛ.
НАТОЧИЙ Николай Михайлович. СРГЛ.
Небиридзе Алексей (Alexis Nebieridze). 1 ИВ.
ПАДЕРЕЧЕ Василий Иванович. СРГЛ.
ПЛЕШАКОВ Ефим Михайлович. СРГЛ.
ПРАВОСУДОВИЧ Жан (Pravossoudovich Jean). Начало 1930-х — 1940-е годы.
РАХМАТУЛЛИН Гелтман.
РЫВУЦКИЙ Федор Павлович. СРГЛ.
САВАЛЮК Василий Николаевич. СРГЛ.
САЛАМАТИН Федор Павлович. СРГЛ.
СИЗ. 1940-е годы.
СКОРОХОД Яков Дмитриевич. СРГЛ.
СКРЖИНСКИЙ Платон Александрович. 1 ИВ.
СЛЮСАРЕНКО Константин (Slioussarenko Constantin). Начало 1930-х годов.
СМИРНОВ Николай Федорович. СРГЛ.
СОЛОВЬЕВ Жорж (Solovieff Georges). Начало 1930-х годов.
СТАЦЕНКО Максим Николаевич. СРГЛ.
СТЕПАНОВ Степан Семенович. СРГЛ.
СТОЛИЦА Дмитрий Юрьевич. 1 ИВ.
СУРЖИН Борис Васильевич. СРГЛ.
ТЕМНИКОВ Николай Георгиевич. СРГЛ.
ТЕРЛЕЦКИЙ Василий Иванович. СРГЛ.
ТИХОМИРОВ Виктор (Tikhonravoff Victor). Начало 1930-х годов.
ТОКХАДЗЕ. Капитан. 1940-е годы.
ТРУФАНОВ Александр Алекстархович. СРГЛ.
ТРЮХИН Павел Лукич. СРГЛ.
ХЕЛЕМЕНДИК Петр Константинович. СРГЛ.
ЦУРАНОВ Василий Яковлевич. СРГЛ.
ЧАЛКИН Марк Павлович. СРГЛ.
ЧЕБОТАРЕВ Павел Савельевич. СРГЛ.
ЧЕНКЕЛИ Алексис (Tchenkeli Alexis). Начало 1930-х годов.
ШАРАПОВ Николай Абрамович. СРГЛ.
ШАТАЛОВ — КАСТРО-МАКИЕВСКИЙ Николай Михайлович. СРГЛ.
ЯЗЕВ Дмитрий. 1910—1920 годы.

Примечания

¹ К 1885 г. Вьетнам был полностью завоеван французскими колонизаторами, которые разделили страну на три части: Тонкин, Аннам и Кохинхину, являвшимися соответственно северной, центральной и южной частями страны. Кохинхина стала колонией, а Тонкин и Аннам — протекторатами Франции. Эти части в географическом плане назывались Бакбо, Чунгбо и Намбо, они собственно и составляли Индокитай или Вьетнам. Французский Индокитай (Индокитайский Союз) включал в себя Вьетнам и протектораты Лаос и Камбоджу.

² *Князь К.А. Вяземский. Путешествие вокруг Азии верхом (Дневники)* // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Фонд 178, музейное собрание 8390, тетрадь 19, лист 272.

³ Мемориал — Мартиролог // [www. memorial.krsk.ru/belok.htm](http://www.memorial.krsk.ru/belok.htm), дата посещения: 27.05.2009.

Об Иностранном легионе имеется обширная литература, прежде всего мемуарная. Индокитай представлен воспоминаниями легионеров, в основном участников Первой Индокитайской войны (1946—1954). См., например: *Bonnescarrere Paul. Par le sang verse. La Legion Etrangere en Indochine*, 1968 и др. Книг исследовательского характера крайне мало, особенно об участии русских в Иностранном легионе в Индокитае. В качестве таких редких примеров можно назвать книгу французского военного историка Тибора Жешко (*Szecszo Tibor. La Legion Etrangere en Indochine, 1919—1941. Paris, 1989*) и университетскую дипломную работу Мирей Нико (*Mireille Nicoud. L'emploi de la Legion Etrangere en Indochine, 1945—1975. These de l'Universite, 1997. Tome 1—2*).

⁴ Эта информация получена от В.М. Алпатова, заместителя директора ИВ РАН, который узнал о бывшем легионере от своего отца М.А. Алпатова. В 1928—1932 гг. М.А. Алпатов работал директором средней школы в станице Романовской (Ростовская область), где математику преподавал Д. Язев. В начале 1930-х гг. он был отстранен от работы в школе (возможно, по причине своего пребывания за границей и службы в Иностранном легионе) и задержан властями. После неудачной попытки бежать он был арестован. Дальнейшая судьба Д. Язева неизвестна.

⁵ Вспоминал Д. Язев и многие другие эпизоды из своей «легионерской» жизни. Так, он любил рассуждать о том, что в природе всё соразмерно и гармонично, например, ухо слона равно листу лопуха и т.д.

⁶ Цит. по: *Szecszo Tibor. Op cit. P. 313.*

⁷ *Тарусский Е.* Беседы на бивуаках // Часовой. 1938. № 207. С. 19.

⁸ Историк А.В. О कोरोков отмечал, что в Легионе «авторитет офицеров базировался не на происхождении, а на реальном военном опыте. Офицеры делили со своими подчиненными все тяготы полевой жизни, отчего в Легионе возникал особый дух боевого братства, столь близкий русскому офицерству» (см.: *О कोरोков А.В.* Краткий исторический обзор деятельности политических организаций первой волны эмиграции // Эмиграция и репатриация в России. Москва, 2001. С. 404). Тем не менее, следует отметить, что в Легионе не всё было так идеально, как представлялось вначале. Так, в дневниковых записях русского историка П.Е. Ковалевского есть упоминание о письме, которое он получил в декабре 1921 г. от своего знакомого, служившего в Легионе в Марокко: «Добровольные каторжные работы на пять лет. Плохо кормят, живут в бараках, обращение, как со скотом, климат ужасный, никаких сношений с внешним миром, умоляет прислать словарь и газеты». Цит. по: Русские кадровые офицеры на службе в Легионе // *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Москва, 2004.

⁹ *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях. Москва, 1969. С. 24.

¹⁰ Согласно подписанному контракту, каждый записавшийся в легион приравнивался к статусу французского солдата и должен был получать жалованье — 100 франков в месяц, а сразу же после подписания контракта получал аванс в 500 франков. См. также: *Недзельский Е.* Иностраный легион и Русские // Своими путями (Прага). 1925. № 8—9; *Легионер.* Русские во французском Иностранном легионе // Часовой (Париж). 1931. № 55. 15 мая.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Недзельский И.* Указ. соч. С. 36—40.

¹² *Тарусский Е.* Указ. соч. С. 19.

¹³ *Легионер.* Указ. соч. С. 16—17.

¹⁴ *Szecska Tibor.* Op cit. P. 321.

¹⁵ Этот Союз был создан 12 октября 1920 г. в болгарском городе Тырново-Сеймен группой монархически настроенных офицеров Сергиевского артиллерийского училища. Своё действующее название он получил 24 августа 1924 г., через два месяца — 19 октября — его Устав был утвержден князем Кириллом Владимировичем. И в том же году правление Союза переехало в город Горна-Джумая, где и находилось до момента упразднения в 1928 г. В основные задачи Союза входило объединение русских эмигрантов, признававших претендентом на российский трон великого князя Кирилла Владимировича, пропаганда

идей монархизма, подготовка выступлений против Советской власти, оказание помощи своим членам. Союз был задуман как полуконспиративная организация, имел развитую сеть своих местных органов (подотделов, отделов, колоний) во многих странах Европы, Азии, Африки, Америки.

¹⁶ Подробнее см.: *Соколов А.А.* Деятельность «Союза русских государственных людей» в Индокитае // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Идеология, история, культура, политика, экономика. Москва, 2009. С. 260—277.

¹⁷ Всего переписка включает 71 рукописный документ на 147 листах.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Фонд 5763, опись 1, дело 8, лист 235.

¹⁹ Там же. Фонд 5763, опись 1, дело 8, лист 232, письмо Г.И. Демтьеву от 16 января 1926 г.

²⁰ Там же. Фонд 5763, опись 1, дело 8, лист 237, письмо Г.И. Демтьеву от 15 февраля 1926 г.

²¹ Там же. Фонд 5763, опись 1, дело 8, лист 266.

²² *Tibor Szecsko*. Op cit. P. 321.

²³ В 1946 г. по распоряжению французской военной администрации Георгий Правосудович был сопровождающим советской военной миссии в Сайгоне. См. подробнее: *Соколов А.А.* Советская военная миссия во Вьетнаме (26 октября 1946—13 января 1947 г.) // Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная ценность и политическая реальность. Губеровские чтения. Выпуск 1. Москва, 2009. С. 147.

²⁴ *Tibor Szecsko*. Op cit. P. 280—281.

²⁵ *Левитов М.Н.* Корниловцы после Галлиполи (см.: www.dk1868.ru/history/LEVITOV1.htm, дата посещения: 08.12.2006). Автор приводит отрывок из воспоминаний/ письма поручика Козицкого (который, вероятно, тоже служил тогда в Индокитае). Также упоминается и офицера Мищеринов, но не ясно, служил ли он в Индокитае.

Киреев Семен Ермолаевич был эвакуирован в Бизерту с флотом. Жил в эмиграции во Франции, с 1931 г. в Иностранном легионе в Индокитае. Умер в 1978 г. во Франции.

Дашкевич Михаил Никитич — из семьи священнослужителя. Окончил духовную гимназию. Участник Гражданской войны. С ноября 1917 г. в Корниловском ударном полку. С 1930 г. служил в Индокитае.

²⁶ *Tibor Szecsko*. Op cit. P. 321.

²⁷ *Ibid.* P. 315.

²⁸ Ibid. P. 143.

²⁹ *Елисеев Ф.И.* В Индокитае — против японцев и в плену у них (В Иностранном легионе французской армии). Нью Йорк, 1966. Эти записи были изданы отдельной книгой в России: *Елисеев Ф.И.* В Иностранном легионе и в плену у японцев. Москва, 2005. Далее все цитаты приводятся именно по этому изданию.

³⁰ Во время Второй мировой войны 1939—1945 гг. иностранные офицеры, прожившие во Франции не менее 10 лет, могли поступить во французскую армию в звании временных офицеров (*titre temporaire*). Иностранному легиону считался во французской армии образцовым соединением. В Легион стремились попасть лучшие французские офицеры. Рядовой состав и сержанты — были исключительно иностранцы, среди них преобладали немцы. Легионеров, чистокровных французов, были единицы.

³¹ *Елисеев Ф.И.* В Иностранном легионе и в плену у японцев. С. 7.

³² Там же. С. 8.

³³ Там же. С.6.

³⁴ Там же. С. 47.

³⁵ Там же. С. 30.

³⁶ Там же. С. 5.

³⁷ Там же. С.9.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ В приведенном ранее списке Тибора Жешко также упоминается Константин Слюсаренко.

⁴⁰ *Елисеев Ф.И.* В Иностранном легионе и в плену у японцев. С. 15.

⁴¹ В приведенном ранее списке Тибор Жешко упоминается Леон Комаров.

⁴² Комаров А.В. (1830—1904) — русский генерал, участник Кавказской войны и Туркестанских походов.

⁴³ *Елисеев Ф.И.* Указ. соч. С. 51—53.

⁴⁴ Там же. С. 165.

⁴⁵ *Окороков Александр.* Русские добровольцы. Москва, 2007. С. 94—95.

⁴⁶ Цит. по: *Полян Павел.* Жертвы двух диктатур. Москва, 1996. С. 379.

Причем репатриации подлежали только **советские** граждане, тогда как не советские — не подлежали, поэтому огромную роль играли

критерии советского гражданства, которыми руководствовались при репатриации западные союзники СССР. Это: (1) или проживание до 3 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до этой даты, (2) или пленение позднее 11 февраля 1945 г. (даты подписания Ялтинского договора). То есть согласно этим критериям, принудительной репатриации не могли подлежать жители Эстонии, Латвии и Литвы, Западной Украины и Северной Буковины, а также старые русские эмигранты, покинувшие Россию до сентября 1939 года. Из этого исходило, например, правительство Великобритании.

⁴⁷ В это время в Легион записалось большое число немцев, среди которых было много бывших эсэсовцев, которые таким образом уходили от возмездия. В последующие после окончания Второй мировой войны 20 лет немцы и выходцы из СССР составляли самый большой процент легионеров. Как позднее жаловались вьетнамцы своим советским друзьям, во всех французских кабаках во Вьетнаме, расположенных в местах дислокации Легиона, постоянно слышались русские и немецкие песни.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: *Соколов А.А.* Советская военная миссия во Вьетнаме (26 октября 1946—13 января 1947 г.).

⁴⁹ Согласно официальному бланку этот комитет находился в Ханое. См.: Archives d'histoire contemporaine, Fondation nationale des Sciences politiques, Fond Jean Sainteny, 1 SA — 1.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Интервью с В.Л. Вишняком. Москва, 29 августа 1999 года.

⁵³ Этот факт подтверждается воспоминаниями Ф.И. Елисеева.

⁵⁴ В их числе упоминается Петр Новиков (Pierre Novikoff).

⁵⁵ Service historique de l'Armee de Terre (Chateau de Vincennes), Indochine, dossier 10 H -531, Saigon, 3 Janvier 1947.

⁵⁶ Service historique de l'Armee de Terre (Chateau de Vincennes), Indochine, dossier 10 H — 184.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Цит. по: *Вербицкий Г.Г.* Остарбайтеры. Санкт-Петербург, 2004. С. 41.

⁵⁹ Г.Г. Вербицкий — автор упомянутой выше книги.

⁶⁰ Его адрес в Индокитае: Bordianu Wasily, M. 44894 S.P. 50540, C.C.R.T.O.E.

⁶¹ Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997. Москва, 1999. Том 1. С. 633; Новое русское слово. Нью-Йорк, 1952, 9 ноября. № 14801.

⁶² Личное письмо автору от Виталия Кустова (Киев), внука В.М. Ковальчук-Прейма.

⁶³ *Гинодман Вениамин*. Нам казалось, что мы увидели дно преисподней // Газета. 20.11.2003.

⁶⁴ *Le Van*. Nhung ngay song ben hang binh chau Au // *Xua va nay*. 2004. So 207. Thang 3.

⁶⁵ В статье вначале русские легионеры называются *Льенсо*, (т.е. советские), а потом — *Нга* (т.е. русские).

⁶⁶ Автор статьи отмечал, что многие русские легионеры переживали, что после возвращения на Родину будут наказаны за службу в Иностранном легионе. Известно, что некоторая их часть затем была репатрирована в СССР.

⁶⁷ О них опубликовано немало статей. Одним из первых подробно о судьбах легионеров-интернационалистов написал известный советский журналист-международник Иван Щедров в своей книге «В пятнадцати километрах от Сайгона» (Москва, 1967), в главе «Парни из легенды». О Федоре Бессмертном много публикаций подготовили украинские журналисты — Андрей Манчук и др.

⁶⁸ В этом батальоне, которым командовал Фам Хонг Шон, бывший студент и человек исключительной храбрости, добровольно воевали многие перебежчики-легионеры, выходцы из стран Европы: поляки Юзеф Садовский и Эдвард Урбинский, чех Стефан Пастерик, немец Адольф Пешем и другие.

⁶⁹ Всего в семье Федора Бессмертного было трое детей, один из них умер из-за болезни.

⁷⁰ После смерти мужа вдова уехала с детьми в родной Вьетнам. Впоследствии сын Федора — Николай Бессмертный — вернулся в СССР и поселился в Донецке, занявшись бизнесом. Другие члены его семьи живут в Ханое.

М.А. Сюннерберг

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ КУРСА
ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ: ПРОЕКТ УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ ПО РОМАНУ
НГУЕН НЯТ АНЯ «ДЕВУШКА
ИЗ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ»**

Как известно, преподавание вьетнамского языка в востоковедных ВУЗах России ориентирует студентов прежде всего на профессиональный перевод, в первую очередь политический и дипломатический. В связи с этим приоритетное внимание уделяется освоению грамматики и умению адекватно перевести фразу с одного языка на другой в рамках последовательного перевода. Однако, как показывает практика, при таком подходе большинство студентов (особенно те из них, кто еще не прошел стажировку во Вьетнаме) имеют ряд общих слабых мест в знании вьетнамского языка. К ним относятся:

- плохое восприятие на слух вьетнамской речи;
- слабое знание разговорного вьетнамского языка;
- недостаточное владение бытовой лексикой;
- трудность формулирования собственных мыслей на вьетнамском языке;
- недостаточное представление о реалиях вьетнамской жизни.

Системный курс домашнего чтения

Вышеперечисленные недочёты обуславливают необходимость создания некой новой дополнительной матрицы изучения вьетнамского языка, в рамках которой возможно их минимизировать. В качестве одной из таковых выступает курс домашнего чтения, что является общепринятым аспектом в обучении западным языкам. При этом необходимо отметить, что в практике преподавания восточных языков, в частности, вьетнамского не всегда уделяется должное внимание важности занятий по домашнему чтению художественной литературы как основы для более полного понимания вьетнамского языка, особенно разговорного и бытового, или же этот аспект отсутствует полностью.

Как правило, все вышеуказанные недостатки присущи студентам как минимум до периода стажировки (т. е. первые 2—4 года обучения), а иногда и после нее. Если же стажировка не предполагается, то в условиях отсутствия постоянного общения с носителями языка и без тренировок речи в ходе занятий выпускники зачастую владеют лишь навыками последовательного перевода, но не подготовлены к поддержанию обычной беседы.

В связи с этим представляется целесообразным ввести единый системный курс домашнего чтения в рамках дисциплины «Вьетнамский язык». Его структура может быть примерно следующей:

- единый курс домашнего чтения на разных годах обучения вьетнамскому языку с собственным пособием (снабженным лексико-грамматическими и страноведческими комментариями, упражнениями и словарем) или же просто текстом того или иного произведения для каждого года обучения;
- книги от более легкого содержания на первом курсе к более трудным на четвертом (адаптированные сказки и детские рассказы на начальных курсах, адаптированные произведения, представляющие интерес для студентов на средних курсах, полностью оригинальные романы вьетнамских классиков литературы на старших);

- изменение содержания заданий: смещение акцента с изучения грамматики на первых курсах на тренировку разговорных навыков на старших курсах.

В качестве основных задач пособий по домашнему чтению можно отметить следующие:

- развитие разговорных навыков студентов;
- обогащение словарного запаса студентов;
- навык самостоятельной организации и систематизации лексического материала;
- стимулирование мыслительной деятельности студентов;
- повышение коммуникативности студентов в общении с носителями языка, преодоление языкового барьера.

Как видно, эти задачи направлены в первую очередь именно на повышение умения вести диалог на изучаемом языке. Таким образом, особое внимание уделяется коммуникативному аспекту вьетнамского языка, а не грамматическому, на который делается основной упор в ходе традиционных занятий. В качестве интегрированного результата самостоятельной и аудиторной работы над домашним чтением можно определить следующие умения, выработанные в ходе данной работы:

- умение адекватно понимать смысл прочитанного даже при наличии незнакомых слов и непонятных конструкций;
- умение выделять главное и второстепенное в полученной информации достаточно большого объема на иностранном языке;
- умение строить сложные фразы и мысли посредством имеющегося, порой ограниченного, лексического запаса;
- умение выработать в себе и представить на вьетнамском языке собственную точку зрения по проблемам, затрагиваемым в изучаемом художественном произведении.

Для более быстрого достижения отмеченных задач мы предлагаем использовать некоторые новые подходы в преподавании и самостоятельном изучении вьетнамского языка, которые затрагивают три важные сферы: фонетику, лексику и общие знания о реалиях изучаемой страны. Речь идет о следующих трех инновациях, которые в той или иной степени нашли применение в первом издании подобного рода — базовом пособии по

домашнему чтению для 3-го года обучения на основе романа Нгуен Нят Аня «Девушка из вчерашнего дня» («Cô gái đến từ hôm qua»):

- аудирование и аудиокниги;
- самостоятельная организация лексики в электронных текстовых редакторах;
- иллюстративный материал и электронная версия текста.

Аудирование и аудиокниги

Важнейшим аспектом изучения любого иностранного языка является его звуковое фонетическое восприятие. Наша идея состоит в том, чтобы при работе над домашним чтением совместить аспект непосредственно чтения и звукового восприятия прочитанного. Для этого каждый текст книг по домашнему чтению должен быть снабжен аудиозаписью, воспроизводящей этот текст. Запись делается этническими вьетнамцами с хорошим произношением и дикцией. Поскольку в ВУЗах изучается ханойский диалект вьетнамского языка, то предпочтение отдается северным вьетнамцам. Хотя в некоторых случаях целесообразно использовать южновьетнамского диктора, чтобы познакомить учащихся с особенностями речи жителей Южного Вьетнама, тем более что из этой части страны в последние годы все больше поток приезжающих в Россию (особенно среди туристических групп). В зависимости от содержания того или иного текста в роли диктора может выступать один или несколько человек.

Наличие подобной аудиокниги обеспечивает:

- постоянную фонетическую тренировку;
- чтение диктора показывает правильное членение предложения и тем самым способствует лучшему усвоению лексики;
- лучшее восприятие прочитанного;
- возможность работы над текстом в любой момент;
- лучшее представление о темпе, ритме, интонации, свойственным разговорной речи;
- разнообразие учебного процесса.

При этом не стоит ограничиваться лишь прослушиванием звукозаписи. Большая эффективность будет достигнута при условии того, что каждый студент самостоятельно сделает запись собственного голоса, прочитав текст или отрывок из него. Прослушивая собственную запись, студент получает возможность воспринять свою речь со стороны, найти недочёты в произношении и понять, над чем именно стоит дополнительно поработать.

Организация работы с аудиокнигой может выглядеть следующим образом. Вначале студенты прослушивают начитанную дикторами аудиозапись, затем сами записывают свой голос, после чего прослушивают получившуюся собственную запись. В рамках аудиторных занятий учащиеся могут сравнить собственное произношение с записями своих одноклассников. Как показывает практика, чужие фонетические ошибки легче выявляются и усваиваются. Самостоятельное начитывание особенно уместно на младших курсах — во-первых, в силу того, что в этот момент фонетика еще находится в стадии становления, так и в силу той простой причины, что тексты там, как правило, значительно меньшего объема и их можно записать полностью и совместно прослушать во время занятий.

Самостоятельная организация лексики в электронных текстовых редакторах

Наша идея заключается в том, что студент может организовать систематическую работу над усвоением лексики таким образом, чтобы он сам выступал своеобразным составителем собственного уникального словаря. Самостоятельная организация лексики предоставляет учащимся следующие преимущества по сравнению с использованием обычного двуязычного словаря (отдельного или специально помещенного в конце пособий по домашнему чтению, где собрана основная лексика прочитанного произведения):

- собственный творческий процесс;
- вариативность словарей;
- уникальность словаря;
- удобство использования словаря.

Как осуществить подобную организацию лексики и в чем заключена уникальность студенческого словаря такого типа?

При помощи программы Exel (из пакета Microsoft Office операционной системы Windows) или аналогичной ему программы Numbers платформы Mac возможно организовать работу над усвоением лексики следующим образом (в качестве примера даны апробированные на занятиях образцы организации работы над лексикой по учебнику для 1-го курса А.П. Шилтовой¹ и той лексикой, что дополнительно давалась на занятиях; для удобства отображения взято только 25 слов из более чем 1 тысячи в том виде, как они были представлены в словаре одного из студентов).

Мы рекомендуем студентам, читая текст романа, заносить новые, незнакомые или уже известные, но не до конца усвоенные слова, по мере их нахождения, в таблицу Эксель (или Намберс для платформы Мак). Документ Эксель/Намберс состоит из нескольких Листов, в каждом из которых есть практически неограниченное количество колонок и строк. Благодаря этому, а также наличию полезной функции Сортировки (Windows)/Реорганизации (Mac) по алфавиту возможно творчески подойти к работе с лексикой.

Всего предполагается создание четырех листов в зависимости от подачи и сортировки лексической информации в каждом из них. В первом листе, который мы условно называем Порядок, помещаются слова в том хронологическом порядке, в каком они были узнаны или найдены студентами. Каждый лист состоит из трех обязательных для подобной работы колонок и неограниченного числа вспомогательных по усмотрению студента. В первой колонке располагается вьетнамское слово, во второй — его перевод на русский язык. Очень важна третья колонка, где каждый студент сам определит ту или иную категорию, к которой, по его мнению, это слово относится. Кроме того, возможно создать и еще несколько колонок, например колонку синонимов данного слова; колонку примеров употребления понятия и т. д. В общем виде этот лист выглядит так (табл. 1).

На этом листе слова идут в том порядке, в каком они были впервые встречены студентами. Применительно к домашнему

Таблица 1. Порядковый словник

Вьетнамское слово	Русский эквивалент	Тематика
ta	Мы	Семья
đi	Идти	Действие
và	И (<i>союз</i>)	Грамматика, части речи
bà	Бабушка; госпожа	Семья
họa sĩ	Художник	Литература и искусство
chai	Бутылка	Предметы
trà, chè	Чай	Еда и напитки
mua	Покупать	Действия
ba ba	Пресноводная черепаха	Животные
má	Щека	Анатомия
mã	Лошадь (<i>кит.</i>)	Животные
cá	Рыба	Животные
gà	Курица	Животные
khi	Обезьяна	Животные
đu ðu	Папайя	Еда и напитки
vở	Тетрадь	Предметы
ngủ	Спать	Действие
nghi	Отдыхать	Действие
mơ	Абрикос	Еда и напитки
Nga	Россия; Нга (<i>имя</i>)	География
bơ	Масло	Еда и напитки
ừ	Да (<i>разг.</i>)	Грамматика, части речи
bờ	Берег	География
yêu	Любить	Действие
mèo	Кошка	Животные
tranh	Картина	Литература и искусство
mẹ	Мама	Семья
bố, cha	Папа	Семья
tay	Рука	Анатомия
thơ	Стихи	Литература и искусство

чтению, это означает, что слова первой главы будут идти ранее слов второй главы, второй — ранее третьей и т. д. Такой хронологический порядок записывания слов помогает воссоздать в памяти тот пласт лексики, что использовался в том или ином сюжете романа и тем самым позволяет передать его, используя именно активную лексику.

Начиная со второго листа, применяется алфавитная сортировка. Второй лист условно назван нами Вьетнамский алфавит — слова в нем сортируются по вьетнамскому алфавиту. Это выглядит следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Вьетнамский алфавит

Вьетнамское слово	Русский эквивалент	Тематика
bà	Бабушка; госпожа	Семья
ba ba	Пресноводная черепаха	Животные
bố, cha	Папа	Семья
bơ	Масло	Еда и напитки
bờ	Берег	География
cá	Рыба	Животные
chai	Бутылка	Предметы
đi	Идти	Действие
đù ù	Папайя	Еда и напитки
gà	Курица	Животные
họa sĩ	Художник	Литература и искусство
khi	Обезьяна	Животные
mã	Лошадь (<i>кит.</i>)	Животные
má	Щека	Анатомия
mẹ	Мама	Семья
mèo	Кошка	Животные
mơ	Абрикос	Еда и напитки
mua	Покупать	Действия
Nga	Россия; Нга (<i>имя</i>)	География
nghi	Отдыхать	Действие

Окончание табл. 2

Вьетнамское слово	Русский эквивалент	Тематика
ngủ	Спать	Действие
ta	Мы	Семья
tay	Рука	Анатомия
thơ	Стихи	Литература и искусство
trà, chè	Чай	Еда и напитки
tranh	Картина	Литература и искусство
ừ	Да (<i>разг.</i>)	Грамматика, части речи
và	И (<i>союз</i>)	Грамматика, части речи
vở	Тетрадь	Предметы
yêu	Любить	Действие

Как видно, в этом листе слова идут в алфавитном порядке и являют собой вьетнамско-русский словарь. То же самое мы делаем на третьем листе с той лишь разницей, что сортировка теперь ведется по русскому слову, и колонка с русскими словами для удобства ставится перед колонкой с вьетнамскими. В результате получается русско-вьетнамский словарь (табл. 3).

Таблица 3. Русский алфавит

Русский эквивалент	Вьетнамское слово	Тематика
Абрикос	mơ	Еда и напитки
Бабушка; госпожа	bà	Семья
Берег	bờ	География
Бутылка	chai	Предметы
Да (<i>разг.</i>)	ừ	Грамматика, части речи
И (<i>союз</i>)	và	Грамматика, части речи
Идти	đi	Действие
Картина	tranh	Литература и искусство
Кошка	mèo	Животные
Курица	gà	Животные

Окончание табл. 3

Русский эквивалент	Вьетнамское слово	Тематика
Лошадь (<i>кит.</i>)	mã	Животные
Любить	yêu	Действие
Мама	mẹ	Семья
Масло	bơ	Еда и напитки
Мы	ta	Семья
Обезьяна	khi	Животные
Отдыхать	nghi	Действие
Папа	bố, cha	Семья
Папайя	đu đủ	Еда и напитки
Покупать	mua	Действия
Пресноводная черепаха	ba ba	Животные
Россия; Нга (<i>имя</i>)	Nga	География
Рука	tay	Анатомия
Рыба	cá	Животные
Спать	ngủ	Действие
Стихи	thơ	Литература и искусство
Тетрадь	vở	Предметы
Художник	họa sĩ	Литература и искусство
Чай	trà, chè	Еда и напитки
Щека	má	Анатомия

Наконец, на четвертом листе сортировка ведется по Тематике, т. е. тем категориям, которые студент самостоятельно определил для тех или иных слов. Это позволит учащемуся получить своеобразный тематический словарь, где слова будут сгруппированы по тематическому принципу. Для удобства восприятия разные категории можно выделить разным цветом. Так как одно и то же слово может быть отнесено разными людьми к разным категориям, а также в силу того, что каждый сочтет необходимым заносить в словарь разное количество слов, то словарь у

каждого будет во многом уникальным. Более того, каждый учащийся может по собственному вкусу увеличить число вспомогательных колонок, что еще больше расширит возможности его словаря. К примеру, можно создать колонку синонимов или антонимов для каждого нового слова, пословиц и поговорок, где оно используется и т. д. (табл. 4).

Таблица 4. Тематический словарь

Русский эквивалент	Вьетнамское слово	Тематика
Рука	tay	Анатомия
Щека	má	Анатомия
Берег	bờ	География
Россия; Нга (<i>имя</i>)	Nga	География
Да (<i>разг.</i>)	ừ	Грамматика, части речи
И (<i>союз</i>)	và	Грамматика, части речи
Идти	đi	Действие
Любить	yêu	Действие
Отдыхать	nghi	Действие
Спать	ngủ	Действие
Покупать	mua	Действия
Абрикос	mơ	Еда и напитки
Масло	bơ	Еда и напитки
Папайя	đu đủ	Еда и напитки
Чай	trà, chè	Еда и напитки
Кошка	mèo	Животные
Курица	gà	Животные
Лошадь (<i>кит.</i>)	mã	Животные
Обезьяна	khi	Животные
Пресноводная черепаха	ba ba	Животные
Рыба	cá	Животные
Картина	tranh	Литература и искусство
Стихи	thơ	Литература и искусство

Окончание табл. 4

Русский эквивалент	Вьетнамское слово	Тематика
Художник	họa sĩ	Литература и искусство
Бутылка	chai	Предметы
Тетрадь	vở	Предметы
Бабушка; госпожа	bà	Семья
Мама	mẹ	Семья
Мы	ta	Семья
Папа	bố, cha	Семья

В результате, благодаря этой программе, каждый студент будет иметь сразу четыре типа словарей: два вьетнамско-русских (хронологический и алфавитный), русско-вьетнамский и тематический. И что, на наш взгляд, особенно важно — эти словари будут созданы им самим. При этом важно отметить, что подобная работа не отнимает много времени: вручную заполняется только первый лист по мере поступления новых слов. Информация на остальных листах копируется с первого листа и сортируется нажатием одной кнопки «Сортировка и фильтр», что занимает не более нескольких секунд для каждого листа.

Дальнейший потенциал для совершенствования словаря видится нам в использовании гиперссылок (о них подробнее речь пойдет в следующем разделе статьи), при помощи которых возможно увязать тот или иной сложный термин с соответствующей статьей на вьетнамском или русском языке различных интернет-энциклопедий (например, Википедии). Некоторые объекты можно снабдить гиперссылками на их фотографии, так чтобы при нажатии на нужное слово появлялось изображение того объекта/понятия, которое за ним стоит.

Иллюстративный материал и электронная версия текста

Третьим полезным нововведением, которое значительно модернизирует процесс изучения иностранного языка, предстает снабжение текста изучаемого произведения богатым иллюстра-

тивным материалом, а также электронной версией самого текста. При этом под иллюстративным материалом мы понимаем не только собственно фотографии, отображающие тот или иной объект, но и страноведческие комментарии, которые позволяют проникнуться реалиями Вьетнама. Изучение страны в рамках институтских занятий ведется преимущественно на основе академических изданий, уделяющих мало внимания простым, бытовым или очевидным для авторов (но не для читателей-студентов) сюжетам и проблемам жизни Вьетнама и его общества. Поэтому зачастую студент обладает довольно широкими познаниями в области истории, филологии или экономики Вьетнама (которыми не могут похвастаться и многие вьетнамцы), но теряются при соприкосновении с совершенно обыденными и простыми реалиями Вьетнама. Например, практически полное отсутствие пешеходных тротуаров в городах, заметное замирание жизни в обеденное время, неумение и нежелание вьетнамцев ходить пешком и их готовность отменить чуть ли не любое мероприятие из-за дождя или, из другой области, использование системы слов родства в качестве личных местоимений. Не стоит принижать и роль фотографий — визуальное восприятие изучаемого материала крайне важно.

При этом максимально эффективное и масштабное внедрение данного нововведения возможно при наличии электронной версии текста изучаемого произведения. Если в масштабах печатного издания основное место в силу их ограниченного объема (как правило, 100—200 страниц) отводится непосредственно тексту и упражнениям к нему, то в электронном тексте возможности дополнительных комментариев и иллюстративных материалов практически неограниченны. При помощи гиперссылок на собственные дополнительные комментарии или доступные материалы сети Интернет возможно разъяснить или наглядно продемонстрировать любой объект или явление, если в этом есть необходимость. К примеру, при упоминании в тексте того или иного географического объекта, учебного заведения или общественно-политического деятеля можно дать ссылку на их подробное описание или биографию на вьетнамском языке. Этот же прием можно применить не только к важным «научо-

емким» объектам, но и в первую очередь к самым обиходным. Например, в следующей фразе из текста представленного романа «lát sau tôi chạy ra trước hiên đứng ngắm cảnh xe cộ qua lại — в следующее мгновение я выбежал на веранду, чтобы полюбоваться проезжающими мимо машинами» возможно снабдить гиперссылками и фотографиями сразу несколько слов, за которыми скрываются незнакомые студентам реалии: вид веранды в типичном вьетнамском доме, а также характеристику вьетнамских транспортных средств. Это не только увеличит степень усвоения прочитанного (всегда лучше запоминается то, что ты более-менее адекватно себе представляешь, с чем ты как бы знаком), но и расширит лексический запас читателя. А главное — значительно повысит интерес к изучаемому материалу, так как сделает его в разы более живым и наглядным по сравнению с традиционным текстом.

Распространение электронных мультимедийных гаджетов способствует тому, что студенту будет удобнее иметь на руках именно электронную, а не печатную версию произведения, т. к. она будет все время доступна.

Необходимо отметить, что снабжение гиперссылками электронной версии текста — наиболее трудоемкая и технически сложная часть работы для составителей подобных пособий по домашнему чтению (в рамках пособия «Девушка из вчерашнего дня» эта инновация планируется лишь частично), однако именно она потенциально открывает наибольшие возможности для масштабного усвоения материала.

Структура пособия по домашнему чтению по роману Нгуен Няч Аня «Девушка из вчерашнего дня»

Целевой аудиторией пособия являются студенты-вьетнамисты 3-го года обучения. К этому времени у них накапливается лексический запас, достаточный для восприятия текстов большого объема, и общие представления о вьетнамской грамматике. Кроме того, как правило, именно после третьего года обучения студенты отправляются на стажировку в страну изучения, и в этом смысле им окажутся весьма полезными реалии страны,

отраженные в романе. Однако при наличии особо «сильных» групп данное пособие может быть использовано и во 2-м семестре 2-го курса.

Выбор именно этого произведения как базового курса домашнего чтения обусловлен несколькими причинами. Важнейшей из них, по нашему мнению, является возможность для российских студентов, находясь в Москве, познакомиться посредством этой книги с повседневной жизнью своих ровесников во Вьетнаме. Представленный роман интересен также тем, что в нем посредством диалогов между героями активно представлена разговорная речь современного вьетнамского языка, которой не всегда уделяется должное внимание в рамках основного курса изучения вьетнамского языка. Роман дает читателям представление как о самом Вьетнаме, так и о разговорной речи, что особенно важно накануне языковой практики в стране изучения, которая наиболее часто бывает именно после третьего курса. Роман построен преимущественно на диалогах, что опять же способствует усвоению разговорной речи, а также пониманию столь важного и специфического именно для вьетнамского языка явления, наиболее сложного для восприятия студентами, как системы употребления терминов семейно-родственных отношений в качестве личных местоимений.

Данное пособие состоит из двух вводных разделов: организационно-методического и краткой биографии Нгуен Няч Аня; трех основных частей: текста, комментариев и заданий, а также помещенного в конец издания словаря. Отдельно к пособию прилагается диск с аудиозаписью и электронной версией текста романа.

Первая часть пособия воспроизводит текст книги «Девушка из вчерашнего дня». Для лучшей организации учебного процесса составителем пособия с согласия автора была несколько изменена компоновка произведения. В измененной редакции роман состоит из 16 глав, а его общий объем составляет около 100 страниц. Таким образом, при 2 часах занятий в неделю чтение всего текста и аудиторная работа по нему укладываются в рамки одного семестра (4 пары в месяц, итого 16 пар в полугодии).

При этом для лучшего усвоения материала и понимания студентами прочитанного мы сочли необходимым адаптировать и

немного сократить исходный текст автора (также с его согласия). Необходимость адаптирования текста обусловлена в первую очередь тем, что Нгуен Нят Ань, большую часть своей жизни работая в Южном Вьетнаме, использует немало южновьетнамских диалектных слов и выражений. В силу того, что основным диалектом вьетнамского языка считается ханойский (северный), этим словам, как правило, подбирался соответствующий северный эквивалент. Небольшое сокращение текста было необходимо как для лучшего понимания отдельных сложных и запутанных фраз, так и для того чтобы уместить весь материал в отведенное для домашнего чтения время.

Вторая часть посвящена кратким комментариям к главам романа. Комментарии носят как лингвистический, так и страноведческий характер. Они преследуют цель, во-первых, довести до сведения студентов некоторые важные и запутанные грамматические и лексические явления вьетнамского языка, а во-вторых, разъяснить малопонятные для россиян реалии современного Вьетнама. Для большей наглядности часть комментариев снабжена фотографиями. При этом лексико-грамматические комментарии носят строго вспомогательный характер и функционируют именно в рамках более адекватного понимания содержания прочитанного, а не замещают собой грамматический учебник. В силу этого составитель пособия целенаправленно не уделяет много места заданиям по этому аспекту (ограничившись лишь одним упражнением к каждой из глав), т. к. это совершенно другой тип работы и общения со студентами. Комментарии составлены как на основе учебно-научной литературы по вьетнамскому языку, так и сформулированы составителем на основе его знаний разговорного вьетнамского языка.

Третья часть пособия представляет собой Задания по домашнему чтению. Они рассчитаны на закрепление нового лексического материала, творческую деятельность в рамках ответов на заданные вопросы. Эти вопросы в свою очередь делятся на две условные группы: по непосредственному содержанию романа и носящие общий характер. Если при ответе на первые из них перед студентом стоит задача адекватно отразить содержание прочитанного, то во время ответа на вторую категорию во-

просов, от него требуется формулирование личной точки зрения на те проблемы, что затрагиваются в романе. На один из общих отвлеченных вопросов в каждой главе предполагается написание творческого эссе объемом не менее страницы.

Одной из особенностей представленного романа является большое число слов и выражений, связанных с мимикой и жестами человека, т. е. тем, что мы в первую очередь встречаем в повседневном общении. В связи с этим отдельная часть лексических заданий посвящена именно этому важному аспекту речевой культуры человека.

В конце пособия помещен словарь, содержащий размещенные в алфавитном порядке основные слова (около 650 слов), необходимые для понимания содержания романа. Данный словарь не охватывает весь пласт лексики произведения, в том числе и некоторых новых для студентов 3-го курса слов, и требует дополнительного использования того или иного общего вьетнамско-русского словаря.

Отдельной частью пособия является диск, содержащий аудиозапись и электронную версию текста романа.

Рекомендации по использованию пособия студентами и по организации аудиторных занятий

На каждую из глав романа отводится одно аудиторное занятие и несколько часов самостоятельной работы дома. Студентам рекомендуется следующая методика прочтения текста романа и данного пособия (которая в принципе применима к любым текстам по домашнему чтению), состоящая из трех основных этапов:

- первое «ознакомительное» прочтение текста без использования словаря и прочей вспомогательной литературы, в том числе и комментариев самого Пособия. Основная задача на данном этапе — получить общее представление о содержании прочитанного, уловить его основную суть даже при в той или иной степени неполном его понимании и наличии определенного числа незнакомых слов и грамматических конструкций. Прослушивание аудиозапи-

си вьетнамского диктора. Примерное затрачиваемое время — 20—30 минут;

- повторное «фундаментальное» прочтение: начиная с Комментариев, помещенных во второй части пособия, затем внимательного прочтения текста и нахождения в словаре абсолютно всех незнакомых слов, конструкций и выражений. На этом же этапе рекомендуется выполнение лексико-грамматической части Заданий (в которых слова, как правило, идут вслед за текстом), помещенных в третью часть книги. Примерное затрачиваемое время — 2—3 часа;
- итоговое прочтение текста (как минимум, на следующий день после повторного прочтения) без использования словаря и с полным пониманием читаемого. После этого рекомендуется подготовить ответы на вопросы из Заданий, написать эссе по одному из вопросов, а также повторно прослушать аудиозапись и самому начитать материал в рамках аудирования. Примерное затрачиваемое время — 50—60 минут.

Таким образом, общее время самостоятельной работы над каждой главой составляет от 3 до 5 часов.

Данное пособие не претендует и не ставит целью являть собой жесткий шаблон проведения аудиторных занятий и предоставляет преподавателю свободу действий во время занятий. Тем не менее составитель предлагает следующую схему, уже апробированную с различными группами вьетнамистов:

- краткое пояснение Комментариев к тексту: 5—10 минут;
- ответы на вопросы студентов по прочитанному материалу — трудность с переводом отдельных слов, с пониманием целой фразы, в которой отдельные компоненты понятны, но общий смысл неясен: 5—10 минут;
- совместное прослушивание аудиозаписи студентов: 10—15 минут;
- проверка лексико-грамматических заданий и пояснения к употреблению и синонимичному ряду тех или иных слов: 10—20 минут;
- общение со студентами по Вопросам и темам для обсуждения, помещенным в конце Заданий: 30—40 минут.

Общее затрачиваемое время: 60—90 минут.

Как видно, основное время уделено не переводу, а живому общению со студентами по сюжету романа и по проблемам общего плана, обсуждению характеров и поведенческих мотиваций героев и любопытных реалий вьетнамского общества, встречающихся в тексте романа. Мы полагаем, что данная форма работы, построенная на основе домашнего чтения с интегрированными в него вышеперечисленными новыми подходами, сможет стать эффективным дополнением к основному курсу вьетнамского языка и поможет преодолеть отмеченные в начале статьи недостатки, свойственные студентам-вьетнамистам.

Примечания

¹ Шилтова А.П., Нго Ньы Бинь, Норова Н.В. Учебное пособие по вьетнамскому языку. Москва, 1989.

А.В. Rogovtseva, А.Я. Sokolovskiy

ПРИНЦИП ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ «ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК КАЖДЫЙ ДЕНЬ»¹

В издательстве Дальневосточного федерального университета к 30-летию вьетнамоведения в ДВГУ вышло учебное пособие «Вьетнамский язык каждый день». Данное методическое издание является пособием для практических занятий по вьетнамскому языку для студентов второго курса, изучающих вьетнамский язык. При аспектном преподавании вьетнамского языка оно используется на занятиях по Практической грамматике и лексике вьетнамского языка при шести часах в неделю.

Целью пособия является формирование коммуникативной и профессиональной компетенции, умеющего его использовать как средство общения в ситуациях профессиональной деятельности. Настоящее пособие предназначено для формирования навыков профессионально ориентированной речи у студентов, которым предстоит использовать вьетнамский язык как средство общения в разнообразных ситуациях профессиональной деятельности.

Учебное пособие состоит из восьми частей:

1. Образование и учеба за границей (Giao duc va du hoc).
2. Отдых и туризм (Nghỉ ngoi va du lich).

¹ *Роговцева А.В., Соколовский А.Я.* Вьетнамский язык каждый день. Tiếng Viet hang ngay: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. Федерал. Ун-та, 2010. 232 с.

3. Медицина (Y te).
4. Вьетнамские праздники (Ngay le cua Viet Nam).
5. Культура питания. Продукты питания (Van hoa an uong. Thuc pham).
6. Составление письма. Трудовая деятельность. (Cach viet thu. Viec lam).
7. Вьетнамская живопись. (Hoi hoa Viet Nam).
8. Приложение « Учимся весело» (Phu luc «Chung toi hoc cho vui»).

Учебное пособие « Вьетнамский каждый день» отличается принципом отбора и подачи материала. Прежде всего необходимо сказать, что учебный материал подбирался с учетом его информативности, полезности, оригинальности и учета региона, в котором предстоит работать будущим специалистам со знанием вьетнамского языка. Каждая часть пособия включает несколько оригинальных текстов, к которым дается вокабуляр и система упражнений на развитие и отработку грамматического и лексического материала. Заостряется внимание на тех языковых трудностях, которые требуют постоянного повторения. Так, например, Первая часть — Образование и учеба за границей (Giao duc va du hoc) включает 8 оригинальных текстов:

- a) Cach nao de hoc ngoai ngu hieu qua nhat
- b) Sinh vien Viet Nam lam them o nuoc ngoai
- c) Kinh nghiem du hoc Nhat
- d) Viet Nam hoc o Truong Dai hoc Quoc Gia Vien Dong
- e) Du hoc tai Phap
- f) Du hoc tai Nga
- g) Chon nham Truong
- h) Van de giao duc o mot so nuoc chau A

Эти восемь текстов сопровождаются послетекстовыми заданиями и лексикограмматическими упражнениями, обеспечивающими корректировку и систематизацию ранее усвоенных языковых единиц, формирование новых лексико-грамматических навыков. Каждая часть, включающая от 5 до 8 текстов, предназначена для формирования у обучающихся навыков и умений смысловой интерпретации прочитанного, профессио-

нально ориентированной речи на материале изучаемой единой тематики. Система упражнений, представленная в Учебном пособии, соответствует этапам формирования речевых умений и навыков как в области подготовленной речи, так и в области неподготовленных высказываний в форме монологов, диалогов и полилогов, дискуссий и т. д.

Учебно-речевые упражнения, предназначенные для формирования умений и навыков, связанных с порождением неподготовленных высказываний, основаны на усвоении лексического и грамматического материала в процессе его репродукции и комбинированной отработки в тренировочных упражнениях условно-речевого характера.

Поурочно, в каждой части пособия имеются специальные упражнения и задания, посвященные самоконтролю сформированных умений и навыков, что позволяет учащимся самостоятельно следить за уровнем своих речевых умений на вьетнамском языке и давать им оценку самостоятельно.

Применяемая методика направлена на повышение мотивации более эффективного усвоения лексических, грамматических и фразеологических составляющих разговорной вьетнамской речи. Что касается фразеологизмов, то как известно, их во вьетнамском языке, как и в любом другом, очень много. Они украшают вьетнамскую речь, делают ее более живой, точной и выразительной. По этой причине в каждой части пособия даются вьетнамские пословицы и поговорки, а также другие фразеологические единицы. Например крылатые слова и выражения. Которые, кстати, очень хорошо отражают вьетнамский менталитет и вьетнамскую культуру. Это такие, например, фразеологизмы, пословицы и поговорки, как:

1. Biet thi thua tot, khong biet thi dua cot. Знаешь — говори, а не знаешь — других послушай.
2. Biet noi cung phai biet im lang. Умей сказать, умей и молчать.
3. Noi voi buc vach. Как об стенку горох.
4. Noai hoi noi voi ke ngu. Дурака учить, что мертвого лечить.
5. Dung chon vo bang mat, hay chon bang tai. Жену выбирай не глазами, а ушами.

6. Gian tien giao bac khong bang giao ban giao be. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

7. Thuyen khong lai nhu gai khong chong. Лодка без рулевого, что жена без мужа.

При формулировании заданий авторы пособия стремились сделать его таким, чтобы оно пробуждало у учащихся интерес не только к самому вьетнамскому языку, но и к вьетнамской культуре, внутреннему миру и менталитету вьетнамцев, их способу видения мира и их ценностей. Поэтому особое место в учебном пособии занимает 8-й раздел — *Chung toi hoc cho vui* (Учимся весело). Он представляет собой занимательное Приложение, носящее самостоятельный характер. В него входят всевозможные сканворды, смешные истории, зашифрованные вьетнамские слова, популярные вьетнамские песни (а также хорошо известные русские и советские песни, которые очень популярны во Вьетнаме и сегодня). Этот раздел пособия предназначен для самостоятельной работы студентов. Его содержание может также активно использоваться во время внеаудиторной работы. То есть при проведении вьетнамских вечеров и капустников, в Дни посвящения в студенты и во время других культурных мероприятий.

При составлении Учебного пособия «Вьетнамский язык каждый день» его авторы использовали как свой практический опыт преподавания вьетнамского языка, так и практику его преподавания во Вьетнаме (в Ханойском университете), где в свое время неоднократно проходили языковую стажировку, как они сами, так и их студенты. Безусловно, использовался богатый опыт наших уважаемых коллег из ИСАА при МГУ (А.П. Шилтовой, Т.Н. Филимоновой, В.В. Ремарчука) и коллег с восточного факультета Санкт-Петербургского университета (И.С. Быстрова и В.С. Панфилова, к сожалению, уже ушедших от нас в мир иной).

Авторам пособия хотелось, с одной стороны, учесть современные процессы, происходящие в стремительно развивающемся мире и во вьетнамском обществе, учесть региональное положение Владивостока, как ворот в страны АТР, а с другой стороны, авторы хотели дать студентам такое пособие, которое

обогастило бы их знания и содействовало их становлению как специалистов-профессионалов.

Авторы приурочили выход своего учебного пособия к 30 летию вьетнамоведения в ДВГУ, который в 2010 году вместе с тремя другими крупными вузами Приморского края: Дальневосточным техническим университетом (ДВПИ), Тихоокеанским экономическим университетом и Уссурийским педагогическим университетом, вошел в состав Дальневосточного федерального университета. Нам представляется уместным в данной статье привести некоторые основные работы, которые были написаны и опубликованы дальневосточными вьетнамистами. Пусть это будет наш своеобразный научный отчет перед уважаемыми коллегами из Москвы и Санкт-Петербурга. Это следующие работы:

— Во Куок Доан. Слова-частицы «thi» (ти) и «la» (ла) — основные средства выделения темы и ремы во вьетнамском языке. // *Материалы Третьей научной конференции преподавателей и студентов Восточного института*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. — С. 37—38;

— Во Куок Доан. Русские служебные новообразования и их возможные соответствия во вьетнамском языке. // *Материалы Четвертой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института «10 лет Восточному институту (1899—1999)»*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — С. 105;

— Во Куок Доан. Вьетнамские слова *quan he tu* в научном исследовании // *Материалы Второй научной конференции преподавателей и студентов Восточного института*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. — С. 36—38;

— Во Куок Доан. Семантико-синтаксические свойства релятивов с лексемой «отношение» в современном русском языке. Автореф. дис. Канд. филол. наук. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. — 19 с.

Даньковская О.А. Проблема происхождения культа бога очага во Вьетнаме // *Материалы Четвертой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института «10 лет Восточному институту (1899—1999)»*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — С. 63—64.

— Завгородняя Н.Г. Прошлое и настоящее народной вьетнамской песни жанра «куан хо» (*dan ca quan ho*). // *Материалы Четвертой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института*

«10 лет Восточному институту (1899—1999)». Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 1999, — С.102.

— Завгородняя Н.Г. Понятия «занка» (народная песня) и «казао» (частушка) во вьетнамском устном народном творчестве и их жанровая специфика. // Материалы Третьей научной конференции преподавателей и студентов Восточного института. Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 1998. — С.45—46.

— Завгородняя Н.Г. К вопросу об истории возникновения и формирования жанра вьетнамской обрядовой поэзии. // Известия Восточного института ДВГУ, — Владивосток, Издательство Дальневосточного университета. 2001, — С.162 —169.

— Ивашова М.А. Типы морфем в современном вьетнамском языке // Тезисы докладов четвертой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ, Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 1999, — С.117—118.

— Ивашова М.А. Особенности морфемы в языках изолирующего типа (на материале вьетнамского, тайского и китайского языков // Тезисы докладов шестой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ, 18 апреля 2001 г., — Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2002, — С. 148—150.

— Ле Тхи Тху. Внешнеэкономическая политика Вьетнама на современном этапе // Материалы международной научной конференции «Российский Дальний Восток в системе экономических интересов стран- членов Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества, Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2001. — С. 44—49.

— Марченко Е.А. Язык вьетнамских рекламных слоганов. Российско-вьетнамские отношения. История и современность. Материалы научно-практической конференции , посвященной 60-летию установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом и 30-летию вьетнамоведения в ДВГУ. Владивосток : 2010—192 с.

— Маштакова О.А. Вьетнамская традиционная проза малых форм // Материалы Четвертой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института «10 лет Восточному институту (1899—1999)». Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 1999. — С.109.

— Маштакова О.А. Лексический минимум по вьетнамскому языку. Уч. пособие. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — 136 с.

— Митрофанова Ю.С. Жанр повествовательной поэмы во вьетнамской литературе XVII — XIX вв. // Тезисы докладов Третьей научной

конференции преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ. — Владивосток, Издательство Дальневосточного университета. 1998. — С.70.

— Мишукова Д.Д. К вопросу о классификаторах во вьетнамском, китайском и тайском языках. // Тезисы докладов Шестой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ. 18 апреля 2001 г., — Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2002. — С.148 —150.

— Мишукова Д.Д. Индия и страны Юго-Восточной Азии: политическое, экономическое, культурное, научно-техническое сотрудничество на примере отношений Индии и Вьетнама. // Материалы международного симпозиума Россия — Индия. Взаимодействие в области науки, культуры и образования, Владивосток, 12—14 ноября 2002 г. — Владивосток, Издательство Дальневосточного университета. 2002, — С.49—54.

— Mishukova D.D. Classifiers in Vietnamese — Классификаторы во вьетнамском языке //Сборник тезисов Международной конференции Евровьет V Современный Вьетнам: особенности переходного периода, 28—30 мая 2002 г, Санкт-Петербург, — С. — Петербург. 2002 . — С. 113—115.

— Мишукова Д. Д., Соколовский А.Я. Сравнительная характеристика классификаторов во вьетнамском, китайском и тайском языках // Известия Восточного института ДВГУ, — Владивосток, Издательство Дальневосточного университета. 2003. — С.91—101.

— Мишукова Д.Д. Культурные особенности взаимодействия мышления и речи (пространственная модель мира и классификаторы во вьетнамском языке) // Материалы научной конференции студентов и аспирантов ДВГУ 2003 г., — Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2003, — С.35—40.

— Mishukova Darya Noat dong v3n hoa cua Trung tarn van hoa Viet Nam va vai tro cua no trong giao liru v5n hoa // Tom tat bao cao Hoi thao Quoc te Viet Nam hoc Ian thii2,ТРНСМЖ 14—16/07/2004, tr.187. (Мишукова Д.Д. Деятельность Центра вьетнамской культуры ДВГУ и его роль в культурном обмене // Сборник тезисов II Международной конференции по вьетнамоведению, г. Хошимин, 14 —16/07/2004. — С. 187.

— Мишукова Д.Д. О природе и происхождении классификаторов во вьетнамском языке // Сборник тезисов ICANAS 37, Издано Секретариатом XXXVII Международного конгресса востоковедов, Москва 2004, — Том 1, С. 116—118.

— Мишукова Д.Д. Проблема классификаторов во вьетнамском языке: степень изученности // Известия Восточного института ДВГУ,

Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2004. С. 130—147.

— Mishukova D.D. Loai tu trong tieng Viet // Symposium on linguistics ISPAL 6. С. 95—96.

— Мишукова Д.Д. Путешествие в страну драконов и фей. Ханой: 2006. — 222 с.

— Мишукова Д.Д. О словообразовании во вьетнамском языке. // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. № 13, 2006. — С.121—135.

— Приписная О.В. Некоторые вопросы лингвистической географии Вьетнама. // Тезисы докладов Третьей научной конференции преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. — С. 78—79.

— Роговцева А.В., Соколовский А.Я. Вьетнамский язык каждый день. *Tieng Viet hang ngay*: Учебное пособие.- Владивосток: Изд-во Дальневост. Федерал. Ун-та, 2010—232 с.

— Соколовский А.Я, О возможности дальнейшего развития представлений о фонеме на материале слоговых языков изолирующего типа. АН СССР, Институт востоковедения. Конференция. Тезисы докладов М.: 1977. — С. 91— 93.

— Соколовский А.Я. Эталонны ли фонемы и силлабемы? (К вопросу о фонологических вариантах.) // Вариативность как свойство языковой системы. Ч.2 М.:1982. — С. 68—70,

— Соколовский А.Я. О возможности фонологического описания изолирующих языков ДВ и ЮВА с помощью общелингвистического понятия фонемы. Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР. Ч.1. М.: 1983. — С.51—53.

— Соколовский А.Я. Идеиное воспитание — важный фактор подготовки востоковедов. Проблемы комплексного воспитания студенческой молодежи. Депонир. АН СССР. ИНИОН.М.: 1982.

— Соколовский А.Я. Учебный вьетнамско-русский словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та. 1986. — 300 с.

— Соколовский А.Я. Методические указания куратору по организации воспитательной работы в учебной студенческой группе (из опыта работы восточного факультета). Владивосток: 1986. — 28 с.

— Соколовский А.Я. Нравственно-эстетическое воспитание — составная часть учебно-воспитательного процесса в вузе. Краевая межвузовская конференция. Владивосток: 1987. — С. 77.

— Соколовский А.Я. Владивосток — Хайфон: социалистический интернационализм в действии. Журнал «Проблемы Дальнего Востока». № 12. М.: 1988. — С. 176—179.

— Соколовский А.Я. Методические указания по организации самостоятельной **работы** студентов, изучающих китайский язык на 1-м курсе. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. — 19 с.

— Соколовский А.Я. О причинах разных точек зрения на фонологию современного китайского языка. // Актуальные проблемы китайского языкознания. М.: 1988. — С. 73—76.

— Соколовский А.Я. О базисных единицах фонологии изолирующих языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Тезисы докладов // IV международный симпозиум ученых социалистических стран по теоретическим проблемам языков Азии и Африки. Тезисы докладов советских языковедов. М.: 1986. — С. 79—81.

— Соколовский А.Я. О фонологической особенности современного вьетнамского языка. Материалы I советско-вьетнамского лингвистического симпозиума. М., ИВАН 1988.

— Соколовский А.Я. Об автономности вьетнамских фонем и силлабем. Материалы III советско-вьетнамского симпозиума по лингвистике. М.: 1989.

— Соколовский А.Я. Мост дружбы: Владивосток — Хайфон. Владивосток, Дальиздат. 1988. — С.318 (соавтор Колганов Ю.А.)

— Соколовский А.Я. Фонетические особенности ляонинского наречия (Актуальные вопросы китайского языкознания. М., 1990. — С. 43—47.

— Соколовский А.Я. Отрицал ли А.А. Драгунов наличие фонем в китайском языке. Конференция к 100-летию А.А. Драгунова. Фрунзе, 1991.

— Соколовский А.Я. Введение в сегментную фонологию изолирующих языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Владивосток, 1992. — 180с.

Соколовский А.Я. О типологических особенностях фонем изолирующих языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всероссийской конференции. М., 1992. — С. 20—22.

— Соколовский А.Я. О некоторых особенностях экспонирования информации в изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. М., 1994. — С. 123—128.

- Соколовский А.Я. Проблема фонемы в изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Автореферат канд. дисс. М.: 1989. — 23 с.
- Соколовский А.Я. On the question of the constitutive function of the phoneme in Modern Chinese. Pacific science congress. Khabarovsk, 1979. Vol. 2 М.: 1979. — P.288—290.
- Соколовский А.Я. Некоторые аспекты вьетнамской фонологии в освещении современных вьетнамских лингвистов. Новое в изучении вьетнамского языка и других языков Юго-Восточной Азии. Материалы к обсуждению на III советско-вьетнамском симпозиуме. М., 1989. — С. 23—27.
- Соколовский А.Я. Об автономности вьетнамских фонем и сллабем. Новое в изучении вьетнамского языка и других языков ЮВА. Материалы к обсуждению (там же) М.:1989. — С. 27—31.
- Соколовский А.Я. К вопросу о механизме передачи информации в изолирующих языках Дальнего Востока и Юго — Восточной Азии. XXXVIII Всероссийская межвузовская научно-техническая конференция. Владивосток, 1995. Сборник докладов, т. 1. Ч.. 2. — С.145—147.
- Соколовский А.Я. О мотивации изучения восточных языков у студентов неязыковых факультетов вузов. Всероссийская научная техническая межвузовская конференция. Сборник докладов. Владивосток, 1995. Ч. 2. С. 148—149.
- Соколовский А.Я. Новая кафедра: перспективы развития. Известия Восточного Института № 2. 1996. — С.10.
- Соколовский А.Л. О разных типах фонологических единицах в языках ДВ и ЮВА. Известия Восточного института № 2. 1996. С.90—100.
- Sokolovsky A. Y. On function of phoneme and syllabem in the process of transference of information in the isolating languages of the Far East and the South East Asia. Abstracts. The Fourth International Symposium on Languages and Linguistics. Asiatic Linguistics. Bangkok, Thailand: 1996 — P. 182—189.
- Sokolovsky A. Y. Mot vai suy nghi ve van de co che Truyen thong tin trong nhung ngon ngu don lap cua cac nuoc vung Vieng Dong va Dong Mam. — Hoi nghi quoc te «Tieng Viet va vice day tieng Viet cho nguai nuoc ngoai. (Tom tat bao cao). Ha Noi — — 4. — 1996, tr.57—58.
- Соколовский А.Я. Природа фонемы и ее выделяемость в формоизолирующих языках. Китайское языкознание. IX международная конференция. Материалы. М., 23—24 июня 1998 г. С. 167—170.

— Соколовский А.Я. Из опыта преподавания китайского языка по программе дополнительного образования. Проблемы преподавания китайского языка. Материалы межрегионального семинара. Владивосток, 1998, с. 16—18.

— Соколовский А.Я. Таиланд. Портрет страны поющих танцев. Журнал «Восточная Азия». Зима 1997—98. — С. 16—18.

— Соколовский А.Я. Дальневосточный индологический центр: перспективы становления и развития. Международный симпозиум «Проблемы сознания в трудах индийских философов и современные аспекты человеческой деятельности». Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 1997. — С. 165—169.

— Соколовский А.Я. Юго-Востоковедение Азии — новое научное направление в ДВГУ. Высшее образование на Дальнем Востоке. История, современность, будущее. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998. — С. 193—195.

— Соколовский А.Я. Учебный вьетнамско-русский словарь. Издание 2-ое стереотипное. Изд-во Дальневост.ун-та, 1997. — С. 193—195.

— Соколовский А.Я. Годы великой добродетели в пятнадцатом, по европейскому летосчислению, веке, в государстве Дай-вьет, ныне именуемом Вьетнам. (Предисловие) // Рубеж. № 3. 1998. — С. 213—214.

— Соколовский А.Я. Силлабема — наименьший носитель информации в изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Третья научная конференция преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ. Тезисы докладов. Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 1998 — С. 44 —45.

— Соколовский А.Я. Некоторые структурные особенности основного носителя информации в языках изолирующего строя (на примере вьетнамского и китайского) // Классическое высшее образование. Достижения, проблемы, перспективы. Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 1999. — С. 230—231.

— Соколовский А.Я. По-индийски «намастэ», по-вьетнамски «тяо», по-тайски «саватди», а по-русски «здравствуйте» (К пятилетию кафедры филологии стран Южной и Юго-Восточной Азии) // Известия Восточного института ДВГУ Владивосток. № 5. 1999. — С. 139—145.

— Соколовский А.Я. Этот удивительный мир — Вьетнам // Предисловие к книге Л.С. Трофимовой «Мой Вьетнам. Узнаваемый и непознанный». Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 1999. — С. 11—21.

— Соколовский А.Я. Программа для учащихся гимназий, колледжей, школ с углубленным изучением языков. // Второй язык (вьетнамский, корейский, хинди). Владивосток: 1999. — С. 4—18

— Соколовский А.Я. Лексический минимум по вьетнамскому языку / Составитель О.А. Маштакова. Научн. редактор А.Я. Соколовский. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — 136 с.

— Соколовский А.Я. Роль общенационального литературного вьетнамского языка в свете современных языковых процессов национальных меньшинств Вьетнама/ Вторая научная конференция преподавателей и студентов Восточного института. Тезисы докладов. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. — С. 35—36.

— Соколовский А.Я. К вопросу о внутренней структуре языкового знака в языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. // Китайское языкознание. Изолирующие языки. X Международная конференция. Материалы. Москва, 20—21 июня 2000 г. М.: 2000. — С.247—249.

— Соколовский А.Я. Российско-вьетнамской дружбе крепнуть! // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. № 13, 2006. — С.228—229.

— Соколовский А.Я. Международная конференция «Вьетнам в современном мире» // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. № 13, 2006. — С.230.

— Соколовский А.Я. Очерки по вьетнамской культуре. Владивосток: Изд-во ДВГУ. — 2000. — 120 с.

— Соколовский А.Я. Символы вьетнамской культуры и искусства // Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества. Материалы II Международной научной конференции. Владивосток: 2000. — С. 213—218.

— Alexander Ya. Sokolovsky. On The structure of language signs in languages of Far East and South East Asia. // Abstracts of 5-th International Symposium on Languages and Linguistics. November 16 —18, 2000. Hochimin. 2000. — P. 156—157.

Соколовский А.Л., Симоненок А.В., Витайя Вонгдитхай. Едем в Таиланд. Русско- тайский путеводитель-разговорник. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. — С. 76.

— Соколовский А.Я. Предисловие к книге Л.С. Трофимовой «Из дальних странствий возвратись ...». Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. — С. 15—20.

— Соколовский А.Я. О фонологических моделях описания изолирующих языков ДВ и ЮВА // VI научная конференция преподавателей и студентов Восточного института. Тезисы докладов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.

— Sokolovsky A. On informatics function of phoneme and syllable in isolating languages of Far East and South East Asia // Abstracts. The 11th Annual Southeast Asia Linguistics Conference. Institute of language and Culture for Rural Development Mahidol University. Bangkok, Thailand, 2001. — P. 80.

— Соколовский А.Я. Interregional culture relations between Primorski krai (Russia) and Vietnam during the postsoviet period // Book of abstracts for International Bi-Annual Conference EVROVIET V «Modern Vietnam: transitional identities». St Peterburg: 2002. — P. 192.

— Соколовский А.Я. Книжная выставка в Центре вьетнамской культуры ДВГУ: «Война во Вьетнаме: взгляд сквозь годы» // Альманах «Власть книги» № 3. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2003. — С. 77—81.

— Соколовский А.Я., Мишукова Д.Д. Сравнительная характеристика классификаторов во вьетнамском, китайском и тайском языках // Известия Восточного института ДВГУ. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2003. — С.91—100 с.

— Sokolovski A. Ya. Cultural relation between Far-Eastern region of Russia and South-, South-Eastern countries. XXXVII Международный конгресс востоковедов. Тезисы. М.: 2004. Ч. 1. — С. 307—308.

— A. Ya. Sokolovsky. On different types of phonological units in isolating languages of the Far East and South East Asia. The 6th Pan-Asiatic International Symposium on Linguistics (Abstract). Ha Noi, 2004. — P.277.

— Старовойтова Л.В. Казао, занка- жанр устного народного творчества Вьетнама. // Материалы Третьей научной конференции преподавателей и студентов Восточного института. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. — С. 69.

— Старовойтова Л.В. Образ положительного героя в произведениях вьетнамского писателя То Хоай. // Материалы Четвертой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института «100 лет Восточному институту (1899—1999)». Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — С.121—122.

— Сучкова Е.В. Противоречия или синтез западной и восточной культур во Вьетнаме? // Россия — Восток — Запад. Проблемы межкультурной коммуникации. 3-я международная конференция 5—7 апреля 2007, Владивосток, Дальневосточный государственный университет. Программа и тезисы конференции, Владивосток: Издат-во Дальневост. ун-та, 2007. — С.103.

— Сучкова Е.В., Соколовский А.Я. Путешествие в мир вьетнамской поэзии и прозы: Учебно-методический комплекс по вьетнамскому языку. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. — 153 с.

— Сыров С. Особенности структуры языкового знака во вьетнамском языке. // Тезисы докладов Третьей научной конференции преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. — С. 150—152.

— Шамрай А.Е. Заимствование как один из видов словообразования современного вьетнамского языка. // Тезисы докладов Третьей научной конференции преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. — С. 71—72.

— Шамрай А.Е. Некоторые особенности фонетических заимствований в современном вьетнамском языке. // Материалы Четвертой научной конференции преподавателей и студентов Восточного института «100 лет Восточному институту (1899—1999)». Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — С. 115.

Т.Н. Филимонова

ТРАГЕДИЯ РЕФОРМАТОРА В РОМАНЕ НГУЕН СУАН КХАНЯ «ХО КУИ ЛИ»

С конца прошлого века во вьетнамской литературе, причем, как во Вьетнаме, так и в диаспоре, наблюдается повышенный интерес к теме исторического прошлого страны. Свидетельством этому является целый ряд появившихся один за другим крупных, часто многотомных, исторических романов, таких как, роман Нгуен Монг Зиака (Nguyễn Mộng Giác) «Река Кон в период половодья» (Sông Côn mùa lũ), в центре которого времена Тэй-шонов, роман Ву Нгок Диня (Vũ Ngọc Đĩnh) «Двенадцать шыкуанов» (Mười hai sứ quân), посвященный событиям X в., роман Хоанг Куок Хая (Hoàng Quốc Hải) «Бурные времена эпохи Чан» (Bão táp triều Trần), роман Нгуен Кхак Фука (Nguyễn Khắc Phục) «Столица Дракона» (Kinh đô Rồng), рассказывающий о начальном периоде становления династии Ли, и произведения многих других писателей. В этом же ряду находится и исторический роман Нгуен Суан Кханя¹ «Хо Куи Ли», вышедший в Ханойском издательстве «Фу Ны» в 2000 г.

Этот объемный — 834-страничный — роман сразу же привлек к себе внимание, как в литературоведческих, так и в читательских кругах. Об этом свидетельствует тот факт, что почти сразу же по выходе в свет он был удостоен премии Союза писателей Вьетнама за роман 1998—2000 гг. и премии Союза писателей Ханоя за 2000—2001 гг., а также к нашему времени выдержал более десяти переизданий.

В центре произведения Нгуен Суан Кханя — подлинные и вымышленные события и персонажи вьетнамской истории с конца XI в., то есть времени заката династии Чан (XIII–XIV вв.), до приблизительно 1400 г.

Как следует из названия романа, главный герой его — один из крупнейших вьетнамских реформаторов эпохи средневековья Хо Куи Ли (1336–1407), который именно в это время постепенно сосредоточил в своих руках реальную власть и в 1400 г., низложив династию Чан, основал собственную династию Хо, просуществовавшую до 1407 г. При этом, как известно, фигура Хо Куи Ли и его правление оцениваются достаточно противоречиво, что следует из официальной вьетнамской историографии и даже из художественной литературы².

Кроме того, в романе фигурирует целый ряд как подлинных исторических персонажей, так и вымышленных. Среди подлинных исторических персонажей: вторая жена Хо Куи Ли — принцесса Хуи Нинь (Huy Ninh); старший сын Хо Куи Ли — Нгуен Чынг (Nguyễn Trùng), первая жена Нгуен Чынга и дочь врага Хо Куи Ли высокопоставленного сановника Чан Нгуен Ханга (Trần Nguyễn Hạng); император Чан Нге Тон (Trần Nghệ Tông), его сын и наследник — Тхуан Тон (Thuận Tông); жена Тхуан Тона и дочь Хо Куи Ли — Тхань Нгау (Thánh Ngẫu); знатный сановник Чан Кхат Тян (Trần Khát Chân), который в то же время является спасителем и приемным отцом вымышленной возлюбленной Нгуен Чынга по имени Тхань Май; монах и предводитель народного восстания Фам Шы Он (Phạm Sư Ôn) и некоторые другие персонажи, например, крупный чиновник и поэт Нгуен Фи Кхань (Nguyễn Phi Khanh), его сын — выдающийся государственный деятель и поэт Нгуен Чай (Nguyễn Trãi) и т. д.

К вымышленным персонажам относятся возлюбленная Нгуен Чынга — певица Тхань Май (Thanh Mai); верный сторонник Хо Куи Ли и друг Нгуен Чынга — Нгуен Кан (Nguyễn Cẩn); сын монаха Фам Шы Она — школяр Фам Шинь (Phạm Sinh); историк-летописец Шы Ван Хоа (Sử Văn Hoà), дочь которого стала женой Фам Шиня, и некоторые другие.

У каждого из них свои личные истории, которые в той или иной степени отражены в романе и в то же время тесно пере-

плетаются друг с другом. Так, история самого Хо Куи Ли в подробностях прослеживается в романе от рождения и до 1400 г., включая первую женитьбу, трогательные отношения со второй женой, взаимоотношения с двумя совершенно разными по характеру сыновьями, дочерью, маленьким внуком, императорами, при которых он служил, своими сторонниками и противниками. На протяжении всего повествования мы видим, как Хо Куи Ли упорно движется к своей цели — сосредоточить в своих руках власть для проведения необходимых для дальнейшего развития страны реформ и основать собственную династию, но при этом путь его трагичен.

Истории остальных персонажей также даются как достаточно полные жизнеописания, но к концу романа каждая имеет свое завершение. Любимая вторая жена Хо Куи Ли, ревностная буддистка, медленно умирает от переживаний за мужа. Вынужденный расстаться с возлюбленной, как верный сын, решает остаться при отце Нгуен Чынг, хотя он и предвидит весь трагизм и безысходность ситуации. В душевных муках из-за неспособности удержать власть в руках дома Чан уходит из жизни старый Нге Тонг. Неспособный править страной, под давлением Хо Куи Ли сначала уходит в даосские отшельники, а затем и из жизни молодой Тхуан Тон. Не жалея своего трехлетнего внука, Хо Куи Ли настойчиво готовит его к церемонии интронизации. Из-за смерти мужа и боязни за судьбу маленького сына, ставшего жертвой амбиций отца, чахнет дочь Хо Куи Ли. После подавления крестьянского восстания казнен его предводитель монах Фам Шы Он. В результате провала антихокуилисского заговора повешен Чан Кхат Тянь. Страшной смертью погибают летописец Шы Ван Хоа и его верная жена. И только Фам Шинь, сын Фам Шы Она, и дочь Шы Ван Хоа скрываются от преследований, обрекая себя на скитальческую, но свободную жизнь под чужими именами.

Композиционно действие романа «закольцовано» между первой и последней, тринадцатой, главой, которые названы соответственно «Праздник присяги в Донгко» (Hội thề Đòng Cồ) и «Праздник присяги в Доншоне» (Hội thề Đón Sơn).

В первой главе подданные приносят присягу на верность престарелому императору Чан Нге Тонгу, а в последней должны

присягнуть малолетнему императору-наследнику, внуку Хо Куи Ли. Первое событие происходит в Тханглонге, а второе во вновь построенной Хо Куи Ли новой столице Тэйдо.

В самом начале романа говорится, что император Чан Нге Тонг решил устроить этот ежегодный праздник с церемонией присяги торжественнее, чем обычно, из-за сложного положения страны как внутри, так и за ее пределами. В романе говорится: «Чамские войска во главе с императором Те Бонг Нга несколько раз совершали опасные набеги на страну, подходя вплотную к столице. Зависимые крестьяне под предводительством монаха Фам Шы Она подняли восстание и в течение трех дней бесчинствовали в Тханглонге. Император Чан Зюэ Тонг потерпел поражение во время похода на Чампу. Император Чан Фе Де был смещен императором-наставником Чан Нге Тонгом и убит. Сам Чан Нге Тонг оставался императором-наставником при трех императорах из дома Чан, в конце концов, посадив на престол своего младшего сына Чан Тхуан Тонга. Иными словами, при крайне нестабильном положении страны власть находилась в руках старого императора и его малолетнего наследника. В то же время с каждым днем возрастало могущество первого министра Хо Куи Ли»³. В романе этого-то могущества и боялись старейший император и значительная часть его подданных.

Праздник же присяги в Доншоне проходил в уже совершенно других условиях, а именно, после смерти императора Чан Нге Тонга, когда власть в стране была окончательно выпущена из рук правящей династии и благодаря хитрым козням Хо Куи Ли фактически перешла к нему. Но праздник не удался, потому что Хо Куи Ли вместе со своими сторонниками раскрыл заговор, целью которого было его убийство. В результате заговорщики и их сторонники были разоблачены и казнены, а Хо Куи Ли одержал очередную победу.

Основанный на подлинных исторических событиях, зафиксированных во вьетнамских летописях, с множеством подлинных исторических персонажей, роман в тоже время содержит и много вымысла, что вполне естественно для исторического романа, поскольку вымысел позволяет облечь сухие исторические факты в живую плоть. Но это же дает возможность автору трак-

товать события и оценивать персонажей, ставить вопросы исторического и иного характера. Благодаря чему, роман может быть рассмотрен с разных точек зрения, например, таких как, соотношение исторической правды, в том виде, в каком она нам известна, и авторского вымысла; проблема власти вообще и власти в конфуцианстве; взаимоотношения Вьетнама с северными и южными соседями, то есть с Китаем и с Чампой; конфуцианство, буддизм и даосизм во вьетнамском обществе в эпоху Чан и многих других. Одна из возможных тем, вытекающих из романа, трагедия Хо Куи Ли как реформатора.

В романе Хо Куи Ли описывается, прежде всего, как человек умный, образованный, честолюбивый, волевой, коварный и жестокий, который во времена очевидного упадка династии Чан постепенно сосредоточил в своих руках всю власть, чтобы проводить важные реформы в стране для возрождения ее былого величия, причем любыми средствами. Например, в экономической сфере он ограничил земельные владения и количество зависимых крестьян вьетнамской аристократии; для решения финансовых вопросов страны ввел в обращение бумажные деньги; будучи конфуцианцем и борясь с властью буддийских монастырей, принудил огромное количество буддийских монахов вернуться к мирской жизни, чтобы реальным трудом приносить пользу обществу, и тому подобное. Его преобразования затронули армию и конкурсные экзамены. Чтобы обезопасить свои тылы, он решил перенести столицу из Тханглонга к себе на родину и построить там новый величественный город Тэйдо. Но, к сожалению, его реформаторские идеи не были поняты и поддержаны. Они вызвали мощную оппозицию, главным образом, в среде аристократии и служилого конфуцианства, которые, не надеясь побороть его своими силами, стали искать поддержки у внешнего врага: то у чамов, то у китайской династии Мин. Поэтому Хо Куи Ли в романе крайне одинок. Мысль о его одиночестве неоднократно подчеркивается в романе. Например, старший сын Хо Куи Ли Нгуен Чынг говорит: «Я увидел в глазах отца мольбу ... и вдруг осознал, что он ужасно одинок. Можно сказать, что это было одиночество предателя, замыслившего захватить трон, а можно, что и одиночество человека, вершашего

большие дела»⁴. Или автор пишет: «... когда умерла жена, Хо Куи Ли почувствовал, насколько он одинок, и это чувство доводило его до головокружения. Но ведь одиночество верный спутник таких людей, как он. Так что своим одиночеством он даже и гордился. Более того, он думал, что должен быть одинок. Только так он сможет совершить в этой жизни великие дела»⁵.

Даже близкие люди, понимая одиночество Хо Куи Ли, его жалеют. Прежде всего, его вторая жена, принцесса Хуи Нинь. А вот как описываются размышления о Хо Куи Ли Нгуен Чынга, человека совершенно иного, по сравнению с отцом, склада характера: «На самом деле Чынг очень хорошо понимал замыслы своего отца. Тот хотел найти для страны настоящее спасительное средство. При этой мысли его сердце охватила волна сочувствия к отцу, полного и восхищения и жалости одновременно... Чынг отнюдь не был наивен. Он хорошо знал, какие слухи ходят об его отце среди чиновничества и в простом народе. Говорят, что отец его коварен. Сеет смуту. Вынашивает изменнические замыслы. ... А тот на самом деле хочет найти спасительное средство! Что это — благое намерение или, как говорят люди, хитрые слова? <... > Иллюзии отца или его чрезмерные амбиции? Именно в этом заключается его трагедия, его беда. Спасительное средство! Кто же ему поверит? Народ? Чиновничество? Старый император Нге Тонг? Я? Или его единомышленники? Они что, идут за ним ради поисков спасительного средства?»⁶.

Зная крайнюю подозрительность отца и страшась его репрессий, Нгуен Чынг сжигает попавшую к нему книгу неизвестного, как говорится в романе автора, под названием «Дивные повествования земли Линь Нам» (Linh Nam chích quái), являющуюся редким образцом вьетнамской средневековой прозы. В книге содержится предание, направленное против его отца, о злом духе в облике девятихвостого лиса — Хо тине. По народному преданию, в глубокой древности этот дух обитал на западе Тханглонга, но после того как победу над ним одержал Государь — Дракон Лак, в том месте образовалось нынешнее Западное озеро⁷. В книге же это предание имело продолжение, в котором было написано, что у злого лиса было 9 сыновей, Государю-Дракону Лаку удалось уничтожить восьмерых, а девятый

сбежал. Он-то и есть Хо Куи Ли⁸. Иными словами, Хо Куи Ли — живое воплощение злого духа⁹.

Из истории известно, что Хо Куи Ли, сам будучи конфуцианцем, пытался провести в стране не только экономические и другие преобразования, но и осмелился посягнуть на конфуцианство, позволив себе критиковать учение и его основоположников. Именно этому вопросу в романе посвящено основное место.

Сначала резкое неприятие у образованного сословия вызывают два произведения Хо Куи Ли, написанные им на «номе», вьетнамском иероглифическом письме, и представляющие собой переводы и толкования из конфуцианского Пятикнижия, а именно, Книги песен (Kinh Thi) и Книги преданий (Kinh Thu). Самым смелым из оппонентов Хо Куи Ли оказывается подлинное историческое лицо, конфуцианец Доан Суан Лой (Đoàn Xuân Lôi), служивший преподавателем в Школе сынов отечества (Куок Ты Зиам) и имевший репутацию правильнейшего, ортодоксальнейшего конфуцианца. Он пишет императору Нге Тонгу возмущенное послание. Но Нге Тонг, сам поддержавший это начинание, показывает послание Хо Куи Ли. После чего Хо Куи Ли с горечью думает: «Как же жалки наши лауреаты конкурсных экзаменов! Несмотря на всю свою образованность, они только и умеют, что собирать и переписывать мысли людей прошлого. Не печально ли это!»¹⁰.

А несколько позднее, в 1392 г. Хо Куи Ли завершает свой известный труд «Минь Дао» (Minh Đạo, «Ясный путь»), который был «мечтой всей его жизни». В романе этот труд характеризуется как «дерзкий», потому что критикует самого Конфуция за некоторые его поступки, а также ряд других теоретиков конфуцианства и неоконфуцианства за их «учение о принципах» (Lý học). Как известно, само это сочинение не сохранилось и о его содержании можно судить лишь по упоминаниям в других источниках. Например, в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» Нго Шы Лиена про него сказано следующее: «Хо Куи Ли сочинил «Минь Дао» в четырнадцати главах и представил на высочайшее имя. Коротко говоря, речь там шла, о том, что Чжоу-гуна следует признать первым мудрецом, а Кун-цзы — только первым учителем; что в Храме культуры Чжоу-гун дол-

жен занимать центральное место с обращенным к югу лицом, а Кун-цзы — боковое место с лицом, обращенным к западу; что в «Лунь юэ» есть четыре сомнительных места из разряда таких, например, как встреча Кун-цзы с Нань-цзы; как истощение продовольствия в царстве Чэнь; как приглашение Гунн-шань Фу Жао и Би Си и желание философа отправиться к ним. Хань Юя он называл торгашем в ученой мантии. Что же касается таких последователей Конфуция, как Чжоу Маошу, Чэн Хао, Чэн И, Ян Ши, Ло Чжунси, Ли Яньпин, Чжу — цзы, то он называл их многоученными, но бездарными, говорил, что, не понимая существа дела, они старательно занимались плагиатом»¹¹.

В романе же говорится, что по мнению Хо Куи Ли, все эти теоретики конфуцианства — «пустые фантазеры, не думающие о насущных, житейских делах. Возможно, они умны, хорошо образованы, но их теории совершенно бесполезны для народа нашего Дай Вьета»¹². И он с восхищением приводит в пример императора Чан Минь Тонга (годы правления 1314—1329), который отверг совет двух известных конфуцианцев времен своего правления Ле Куата (Lê Quát, первая половина XIV в.) и Фам Шы Маня (Phạm Sư Mạnh, первая половина XIV в.) провести изменения в стране по китайскому образцу со словами: «В нашей стране уже есть свои устои. Юг и Север слишком разные. Если мы будем следовать за китайскими конфуцианцами ((*bach diên thư sinh*, букв. «белолицыми учениками») в поисках путей развития, это может привести к большой смуте»¹³.

В романе после прочтения книги император Чан Нге Тонг издает указ, в котором хвалит ее как раз за подчеркивание различий между своей страной и северным соседом: «Мы полагаем, что Юг и Север действительно разные. Возьмем для примера наших предков. Чан Нян Тонг дважды одерживал блестящие победы над Нгуенами и при этом не забывал о традиции древних Лак вьетов татуировать тела изображениями дракона; в старости он же основал тхиен-школу «Бамбуковый лес» и стал Бодхисаттвой только на нашей земле. Или Чан Хынг Дао, который в пух и прах разбил врагов, заставив северян дрожать от страха. И наш отец, мудрейший император Минь Тонг, тоже не стал следовать за китайцами, чтобы не поколебать установления наших предков.

Сейчас, прочитав сочинение «Минь Дао», я вижу, что оно исполнено духом нашей земли. Совершенномудрые жили давно, а мы живем сейчас. Совершенномудрые жили на Севере, а мы живем на Юге. Поэтому не следует копировать древние времена, чтобы не навредить настоящему. Не следует подражать северянам, чтобы не испортить обычаев нашей страны...»¹⁴.

Это сочинение Хо Куи Ли вызвало еще более бурную реакцию среди образованного сословия. В лагере сторонников Хо Куи Ли его горячо одобряли. Хвалебно отозвался о «Минь Дао» Нгуен Фи Кхань, который в своем письме Хо Куи Ли, написал, что в нем «... каждая строчка, каждый иероглиф написаны кровью и выражают мечту о том, чтобы страна была сильной, а народ богатым (người mạnh dân giàu — как известно, это популярный лозунг времен вьетнамского «Обновления» после 1986 г. Т.Ф.) и чтобы наш Юг был просвещенным...»¹⁵. В романе восхищены сочинением младший сын Хо Куи Ли, Хо Хан Тхьонг (Hò Hán Thương), и его молодой сподвижник Нгуен Кан. Первый сравнивает сочинение отца с «жемчужиной, переливающейся перед глазами» и благодарит отца за то, что тот дал ему не только жизнь, но и возможность «ясно видеть звезды над дорогой», по которой он идет¹⁶. Второй же говорит: «Что такое Минь Дао? Это путь мудрого правителя (minh chủ). Мне посчастливилось жить рядом с таким мудрым правителем. И мне понятны ваши устремления...»¹⁷.

Но больше было тех, кто сочинение Хо Куи Ли резко осудил, имея на то свои причины. Как сказано в романе, самым ярким противником сочинения Хо Куи Ли опять-таки стал преподаватель Школы Сынов Отечества Доан Суан Лой. По прочтении «Минь Дао» он снова написал императору Чан Нге Тону послание, в котором обвинил автора сочинения в том, что, критикуя древних, Конфуция, Чжу Си и проч., выдвигая свои реформаторские идеи, идущие вразрез с древними порядками, тот слишком много на себя берет, действует не по чину, сеет хаос и тем самым еще больше усугубляет положение в стране, за что его надо примерно наказать в назидание потомкам. И опять после прочтения этого послания Хо Куи Ли огорчает узость и робость мышления представителей вьетнамского конфуцианства,

для которых книги совершенномудрых превратились из «золотых дворцов» в «тюрьму»¹⁸.

Особую позицию по отношению к «Минь Дао» имеет в романе «правильный» конфуцианец, летописец Шы Ван Хоа. В ответ на сочинение Хо Куи Ли он пишет «Рассуждение о Минь Дао» (Minh Đạo luận), в котором признавая необходимость изменений в стране для ее дальнейшего развития, также критикует Хо Куи Ли. Но объектом его критики становятся не нападки Хо Куи Ли на конфуцианство и конфуцианцев, а, прежде всего, его нападки на буддизм. Он пишет, что расцвет и упадок — естественные, постоянно сменяющие друг друга этапы в развитии любой страны. Вьетнам пережил период затяжного упадка в эпоху северной зависимости, но сумел сохранить «душу страны» (hồn nước)¹⁹, которая начала крепнуть при правителях независимой страны Нго Куйене (939—944), Динь Бо Лине (968—979), Ле Дай Хане (980—1005). Затем династия Ли, достигнув расцвета, постепенно пришла в упадок. И то же происходит с династией Чан. Поэтому изменения нужны, но только если они во благо для «души страны». «Душа» же Дайвьета, его гор и рек, — это суверенитет страны, это благополучие его народа, это культура (văn hiến), доведенная до каждого дома, до каждого человека. Однако нападки Хо Куи Ли на буддизм, насильственное возвращение в мир монахов, умирание деревенских пагод, ... этому противоречат. Шы Ван Хоа пишет: «В Минь Дао должны гармонично сочетаться инь и ян. Конфуцианство — это ян души страны, а буддизм — инь»²⁰. По его мнению, буддизм дал стране и народу много хорошего. Пагоды и просвещали, и врачевали души людей от бед. А отдельные конфуцианцы, такие как Ле Куат или Чыонг Хан Шиеу (XI в.), нападали на буддизм от недалекого ума, замечая в нем только плохое и не видя хорошего. Кроме того, если опираться только на конфуцианство, то будет крен в сторону ян. «А ян — это твердость, это поспешность, это чрезмерность»²¹, говорит Шы Ван Хоа, которые не знают мягкости и снисходительности, и потому ведут к жестокости, кровопролитию и упадку.

Взаимоотношения Хо Куи Ли и консервативного конфуцианства хорошо характеризует знаковый эпизод со сном. Однажды Хо Куи Ли вызывает к себе Шы Ван Хоа, который славился сво-

им умением толковать сны, чтобы тот объяснил ему значение одного странного и страшного сна. В своем сне он издалека увидел какого-то человека, стоящего на верхнем этаже дворца, где имели право появляться только высокопоставленные придворные. Однако одежда этого человека по цвету не соответствовала ни одному из девяти, даже низших, чиновничьих рангов²². Хо Куи Ли очень удивился. Но когда он спросил незнакомца, кто он, тот не обратил на него никакого внимания. Хо Куи подошел ближе и, задрав голову вверх, постарался разглядеть его лицо. Человек же взял и повернулся к нему спиной. Тогда Хо Куи Ли крикнул, что велит, чтобы ему отрубили голову. Только после этого, человек обернулся. Лицо его было покрыто белой известкой, а на нем выделялись ярко красные губы, из которых устрашающе выступали зубы. Хо Куи Ли испугался, закричал и проснулся.

Прежде чем растолковать сон, кстати, не без опасения за собственную жизнь, Шы Ван Хоа сказал Хо Куи Ли, что в этом сне заключена правда, которую совесть Хо Куи Ли хочет скрыть от других людей и от самого себя, в том числе. Толкование же его было следующим. Белолицый человек из сна символизировал образованное сословие. А то, что Хо Куи Ли смотрел на него снизу вверх, означало, что обычно сам Хо Куи Ли смотрел на образованных сверху вниз. Потому что считал их «слишком посредственными и глупыми, и действительно пренебрегал ими, ненавидел и даже противопоставлял себя им»²³. По мнению Шы Ван Хоа, сон должен был помочь Хо Куи Ли исправиться, вернуть образованных на должную высоту. То же, что во сне он увидел представителя образованного сословия, свидетельствует, что Хо Куи Ли постоянно думает об этих людях, а то, что человек повернулся к нему спиной, говорит о несогласии этих людей с Хо Куи Ли по многим вопросам.

После этого Хо Куи Ли спросил Шы Ван Хоа, сколько, по его мнению, ученых мужей в Тханглонге его поддерживают. Шы Ванг Хоа смело ответил, что почти все им недовольны, и посоветовал прекратить строить новую столицу. Так как лично он по-прежнему считал, что для удачного месторасположения столицы «Главное — высокая нравственность (Đức), а не труднодоступное место»²⁴.

Эти слова привели Хо Куи Ли в ярость: «Что? Остановить перенос столицы? Ни за что! И что это за фальшивая фраза «Главное — высокая нравственность, а не труднодоступное место»? Как я могу остаться здесь? Где полно преданных тупиц, которые только и знают, что вкрадчиво разглагольствовать о «правильном правлении» (vương Đạo), а на самом деле продажны и полны коварных замыслов, чтобы, как можно дольше, продлить состояние застоя в стране? Даже вы, человек, которого все почитают за благородного летописца (người chép sử quân tử), человек, обеспокоенный упадком страны, и вы с ними заодно?»²⁵.

Причины неприятия «Минь Дао» со стороны большинства конфуцианского сообщества назвал отцу и его старший сын, Нгуен Чынг. Между ними произошел следующий разговор:

Сын: «Я думаю, что интересна та книга, которая вызывает споры. Ваша книга, отец, именно такова. Вы первый в нашей стране, кто осмелился подвергнуть анализу Конфуция. Конфуций — солнце учения «образованных» (Đạo Nho). Но ведь солнце обсуждают, поэтому и Вашу книгу следует обсуждать».

Отец: «Скажи яснее, что ты о ней думаешь?»

Сын: «Ваше сочинение — это «программа реформ» (biện pháp).

Отец: «Плохих или хороших?»

Сын: «Когда Куан Чонг проводил реформы, Ты Ло и Ты Конг их осудили, а Конфуций всячески превозносил, потому что Куан Чонг принес прогресс (văn hiến). Реформы Тхыонг Ыонга и Ли Ты также частично удались, но потомки их осудили, потому что простые люди от них сильно пострадали».

Отец: «Но я не Тхыонг и не Ли. Разве я сжигаю конфуцианские книги? Я пишу книги, проповедую добродетель, несу образование вплоть до отдельных деревень. Я хочу добиться прогресса...»

Сын: «Но ваше учение пренебрегает понятием «преданность» (trung).

Отец: «Верно. Но Куан Чонг не ушел из жизни вслед за принцем Ку, а напротив, стал поклоняться Те Хоан Конгу, врагу принца Ку, который был просвещенным правителем».

Сын: «В Вашей книге говорится о переменах, но эти перемены слишком спешные. В этом весь вопрос».

Отец: «В чем же здесь вопрос?»

Сын: «Конфуций хотел, чтобы в стране каждый человек занимался своим делом. Народ занимался делами народа, чиновники — делами чиновников, а правители делами правителей. И не допускал, чтобы нижестоящие обсуждали дела вышестоящих. Вы, отец, чиновник, а позволяете себе обсуждать дела правителей и даже оценивать слова самого Конфуция. Желая все делать быстро, вы не идете по стопам древних. Вы нарушили «правило соответствия названия сущности вещей» (chính danh). И тем самым вызвали недовольный ропот служилого люда. Желанием все делать быстро объясняются и Ваши методы проведения реформ. Простые люди хотят только сытно есть и сладко спать. Вы же то издаете указ о бумажных деньгах, то вводите ограничения на зависимых крестьян, то проводите перепись населения, то организуете тайный сыск... А чиновники всем этим злоупотребляют. Отец! Послушайте меня. Я Вам прямо скажу: народ не с вами».

Отец: «Ну, ну! Успокойся, сын. Я знаю, что многое из того, что ты говоришь, верно. Но в твоих словах есть один существенный недостаток: ты не учитываешь, насколько наша страна сейчас в хаосе. Необходимы изменения, необходимы перемены. Само собой, это сопряжено с жестокостью, со страданиями, но я постараюсь, чтобы посыпалось как можно меньше голов и пролилось как можно меньше крови. Сейчас меня беспокоит только одно: китайцы стали поглядывать в нашу сторону. Они окрепли, у них покой и порядок, а у нас в стране полный раздор. Дела не окончены, а народ пассивен. Я молю Небо, чтобы оно дало мне еще два десятка лет... Сын, очнись, наконец! Не будь таким слабаком! Нужно еще только 20 лет и я создам новое поколение служилых людей. А нынешние гнилые конфуцианцы к тому времени умрут. Чего же бояться, что не все меня сейчас поддерживают?»²⁶.

Поначалу противником Хо Куи Ли, мечтающим убить врага, является и Фам Шинь, ведь по его вине погиб его отец, предводитель восстания, монах Фам Шы Он и пострадали некоторые другие персонажи романа. Более того, перед смертью во время казни отец призвал сына отомстить за него. Все это привело Фам Шиня к мысли, что «...именно Хо Куи Ли принес все стра-

дания на землю Дайвьета»²⁷. Но постепенно, после прочтения «Минь Дао» и личного общения с Хо Куи Ли, наряду с ненавистью, в нем родилось и восхищение этим безусловно коварным и жестоким человеком, который в тоже время осмеливается иметь гигантские и дерзновенные замыслы. Непосредственно вовлеченный в круг заговорщиков против Хо Куи Ли, он, в конце концов, принимает решение отойти в сторону, предпочесть личное, хоть и бесприютное, счастье с любимой карьере оскопленного приближенного Хо Куи Ли, на которого может быть возложена миссия быть «человеком Хо Куи Ли» при китайском дворе. Но происходит это не без влияния летописца Шы Ван Хоа. Тот, много пострадавший от Хо Куи Ли за правду, рассказал Фам Шиню, как противники Хо Кюи Ли во главе с Чан Кхат Тяном предложили ему написать клеветническую книгу про Хо Куи Ли, да такую, чтобы «имя Хо Куи Ли стало черным пятном в исторических трудах»²⁸. Шы Ван Хоа очень удивился и сказал, что для конфуцианца при написании книги самое главное — это правда, потому что клевета навредит не столько оклеветанному, сколько клеветнику. А когда Чан Кхат Тян заметил, что чтобы показать свою преданность (*trung hiếu*) правящему дому и уничтожить врага, все средства хороши, Шы Ван Хоа от предложения отказался. Фам Шиню он сказал, что, хотя Хо Куи Ли ему и не нравится, но, по его мнению, еще не настало время хвалить его или хулить. Ведь главное — правильно понимать истинные нужды страны (*hồn nước*). Он не знает, кто в этой схватке прав, а кто нет, кто через поколения окажется победителем, а кто побежденным, но то, что страна нуждается в переменах, очевидно²⁹.

Таким образом, писатель показывает в романе как реформаторские силы, так и антиреформаторские. Но, как бы разделяя позицию Фам Шиня и Шы Ван Хоа, окончательную оценку Хо Куи Ли не дает. И несмотря на то, что роман кончается на вроде как победе Хо Куи Ли над своими противниками, ведь ему удастся раскрыть заговор, предотвратить свою смерть и уничтожить врагов, предчувствие будущего краха Хо Куи Ли витает над страницами романа. Это чувствует и сам Хо Куи Ли, потому что, как конфуцианец, понимает, что его стремление узурпиро-

вать власть не правильно и по определению не может пользоваться поддержкой в стране. Мысли о том, что он не верен правящей династии, не верен Чан Нге Тонгу, который поверил ему и привел к вершинам власти, постоянно терзают Хо Куи Ли.

Однажды ему снится кошмар, в котором он встречается с уже умершим императором Нге Тонгом, читающим трактат Хань Фэя, китайского философа Ш в. до нашей эры и идеолога реформ. Сам Хо Куи Ли знает эту книгу почти наизусть. И между ними происходит разговор о власти следующего содержания. Нге Тонг говорит, что, хотя эта книга и предназначена для правителей, но мудрецы не советуют ее читать, потому что она проповедует «неправильное правление» (bá Đạo). А он читает и, благодаря этому лучше понимает Хо Куи Ли. Дальше Нге Тонг спрашивает, что по мнению Хо Куи Ли в книге самое важное, и тот отвечает, что она хорошо учит, как правителю удержать трон, но при этом в ней упущен один важный момент: «Когда страна загнивает, когда она насквозь проедена сотнями червей, когда умершими от голода крестьянами завалены все дороги, когда простые люди нещадно эксплуатируются, а им некому пожаловаться, когда талантливые люди уходят в отшельники, когда существует угроза извне и повсюду орудуют грабители, то что в такой ситуации надлежит делать благородному мужу?» На это Нге Тонг отвечает, что существуют разные способы поведения в подобной ситуации: например, кто-то всеми силами сохраняет верность государю, а кто-то радуется и сбивается в «дьявольские стаи», чтобы предать старого правителя и основать новую династию. Понимая, что речь идет о нем и чтобы оправдаться, чтобы объяснить свое поведение Нге Тонгу, Хо Куи Ли говорит императору: «У меня не было другого выхода. Я очень Вас ценю и очень Вам благодарен. Благодаря дружбе с Вами, я стал тем, чем я являюсь сегодня. Но когда дело разваливается, когда чиновники сплошь вымогатели, когда у дома Чан не осталось ни одного крупного таланта, когда все надо перелопатить, чтобы посеять новые семена, то приходится пренебречь всеми великими заслугами дома Чан перед Дайвьетом; необходимо перешагнуть через это. И народ тоже должен пережить перемены... Это болезненно!

Это жестоко! Но у меня не было другого выхода... Я вынужден был нарушить клятву верности Вам»³⁰.

Хо Куи Ли переживает и сомневается, но упорно идет к цели. В разговоре со старшим сыном он говорит: «Более 100 лет Дайвьет был могущественным государством. И это великая заслуга дома Чан. Но сейчас династия прогнила и заслуживает того, чтобы быть низвергнутой. В настоящий момент я единственный человек, который легко может это сделать. Но смогу ли я также легко поколебать и глубокую благодарность народа дому Чан?»³¹. По тем же причинам скорый крах предвещает Хо Куи Ли и поверженный Чан Кхат Тян, один из лидеров антихокуилистов. Перед казнью Хо Куи Ли говорит ему, что хотя и признает, что он герой, но не может помиловать. На что Чан Кхат Тян отвечает: «Я понимаю... Вы тоже умный человек ... но я думаю, что, в конце концов, вас ждет та же участь, что и меня. <... > Да, Вам удалось построить великий, каменный город, но вы не сможете построить такой же в сердцах людей»³².

Подводя итоги, можно сказать, что хотя Нгуен Суан Кхань и не дает окончательную оценку деятельности Хо Куи Ли, он тем не менее в своем романе поддерживает саму идею необходимости реформ для успешного существования страны, а главную причину неудач реформатора видит в непонятости, и, как следствие, в отсутствии широкой поддержки в обществе, которые в результате превратили личную трагедию Хо Куи Ли в трагедию всего вьетнамского народа, поскольку привели к завоеванию Дайвьета Минским Китаем.

Очевидно, что, благодаря этому, содержание романа, его пафос оказались очень созвучны тем переменам, которые охватили Вьетнам с конца 80-ых годов XX в. И хотя вьетнамское «Обновление» не выдвинуло идеолога и практика реформ, подобного Хо Куи Ли, однако «переключка эпох» оказалась своевременной и уместной.

Примечания

¹ Нгуен Суан Кхань (Nguyễn Xuân Khánh), писатель, переводчик, журналист, родился в 1933 г. в Ханое. В 1951—1952 гг. учился в ханойском Медицинском институте. Затем ушел в Народную армию, прини-

мал участие в Войне Соппротивления против французов. С конца 1959 г. работал корреспондентом в журнале «Литература и искусство армии» (Văn nghệ quân đội), в 1965 г. перешел в газету «Пионер» (Thiếu niên tiền phong). С 1983 г. на пенсии. Литературным творчеством начал заниматься с 1957 г. Однако в дообновленческий период вышел всего один сборник его рассказов: «Глубоко в лесу» (Rừng sâu, 1963). Другие произведения писателя увидели свет лишь в эпоху реформ. В 1990 г. был опубликован, причем под псевдонимом, роман «Воображаемая земля» (Miền hoang tưởng), написанный еще в 1971 г., а в 1993 г. вышла книга из серии «литературные портреты» «Жорж Санд, писательница любви» (George Sand — Nhà văn của tình yêu).

² См., например, «Рассказ о словопрениях с дровосеком на горе Уединенья» и «Рассказ о ночном пире у реки Полноводный проток» в сборнике средневековых вьетнамских новелл «Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы // *Нгуен Зы. Пространные записи рассказов об удивительном*. Ханой, 1981.

³ *Нгуен Суан Кхань*. Хо Кюи Ли. Ханой, 2002. С.15—16 (Nguyễn Xuân Khánh. Hồ Quý Ly. Hà Nội, 2000. Tr. 15- 16).

⁴ Там же, с. 101.

⁵ Там же, с. 571.

⁶ Там же, с. 33.

⁷ См. перевод этого предания в кн. Кнорозова Е.Ю. «Мифы и предания Вьетнама». Санкт-Петербург, 2000. С.80.

⁸ *Нгуен Суан Кхань*, с. 56.

⁹ Лис-оборотень — популярный персонаж китайской фольклорной и авторской литературы. Встречается и во вьетнамской литературе. См., например, «Рассказ о ночном пире у реки Полноводный проток» в сборнике средневековых вьетнамских новелл «Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы // *Нгуен Зы. Пространные записи рассказов об удивительном*. Ханой, 1981.

¹⁰ *Нгуен Суан Кхань*, с. 370.

¹¹ Цит. по: *Никитин А.В.* Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // *Универсалии восточных культур*. Москва, 2001. С.249.

¹² *Нгуен Суан Кхань*, с. 478.

¹³ Там же, с. 478.

¹⁴ Там же, с. 479.

¹⁵ Там же, с. 492.

¹⁶ Там же, с. 482.

¹⁷ Там же, с. 482.

¹⁸ Там же, с. 490.

¹⁹ «Душа страны» (hồn quốc, в более китаизированном варианте quốc hồn), под которой понимается «национальный дух, национальное самосознание» — важное и несколько раз встречающееся в романе понятие. Происхождение и смысловое наполнение его требуют изучения. Сейчас можно сказать, что оно часто встречается в патриотической вьетнамской литературе начала XX в. В пример можно привести известные стихотворные произведения «Воззвание к душе страны» (Kêu hồn quốc) представителя Тонкинской общественно-просветительной школы (1907) Нгуен Куйена (Nguyễn Quỳên, ?—1941) или, скажем, «Пробуждение души страны» (Tinh quốc hồn sa) одного из идейных лидеров антифранцузского движения Фан Тю Чиня (1872—1926).

²⁰ Нгуен Суан Кхань, с. 540.

²¹ Там же, с. 540.

²² При династии Чан желтый цвет предназначался императорам, чиновники первого ранга носили одежду фиолетового цвета, второго ранга — ярко красного цвета, третьего ранга — бледно красного цвета, четвертого, пятого, шестого и седьмого — бирюзово-голубого цвета, а восьмого и девятого рангов — зеленого цвета. См. Нгуен Суан Кхань, с. 545.

²³ Нгуен Суан Кхань, с. 548.

²⁴ Там же, с. 549.

²⁵ Там же. С. 549—550. «Вьонг Дао» предполагает гуманное, ненасильственное правление. Противопоставляется «ба Дао», то есть правлению, основанному на насилии.

²⁶ Там же. С. 484—486.

²⁷ Там же. С. 606.

²⁸ Там же. С. 659.

²⁹ Там же. С. 659—661.

³⁰ Там же. С. 476.

³¹ Там же. С. 104.

³² Там же. С. 821.

Краткие данные об авторах

1. **Воронин Анатолий Сергеевич** — старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН

2. **Григорьева Нина Валерьевна** — кандидат исторических наук, доцент Восточного факультета СПбГУ

3. **До Минь Као** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института изучения Китая Академии общественных наук СРВ

4. **Кобелев Евгений Васильевич** — кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН

5. **Локшин Григорий Михайлович** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН

6. **Мазырин Владимир Моисеевич** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН, доцент Института стран Азии и Африки МГУ

7. **Марченко Евгения Александровна** — сотрудник СП «Вьетсовпетро», Вунгтау, СРВ

8. **Мурашева Галина Федоровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

9. **Новакова Оксана Владимировна** — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ

10. **Познер Павел Владимирович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

11. *Поляков Алексей Борисович* — кандидат исторических наук
12. *Роговцева Анна Владимировна* — старший преподаватель кафедры филологии ЮВА Восточного института Дальневосточного Государственного университета (Владивосток)
13. *Соколов Анатолий Алексеевич* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН
14. *Соколовский Александр Якубович* — кандидат филологических наук, профессор, декан факультета изучения стран Южной и Юго-Восточной Азии Восточного института Дальневосточного Государственного университета (Владивосток)
15. *Сюннерберг Максим Алексеевич* — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ
16. *Тригубенко Марина Евгеньевна* — кандидат экономических наук, заведующая сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института экономики РАН
17. *Усов Илья Викторович* — кандидат исторических наук, старший преподаватель Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»
18. *Федорин Андрей Львович* — доктор исторических наук, ректор Института практического востоковедения
19. *Филимонова Татьяна Николаевна* — кандидат филологических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ
20. *Цветов Пётр Юрьевич* — кандидат исторических наук, ведущий советник Управления международных связей Аппарата Совета Федерации

SUMMARY

The 18th of May The Centre of Vietnam &ASEAN Studies of the Institute of Far Eastern Studies of RAS held a Second academic workshop on «Timely Issues of Vietnamese studies in Russia». The conference was attended by more than 50 researchers from the Russian and Vietnam academic and educational centers, representatives of MOFA RF and the Embassy of Vietnam in Russia. The conference proceedings were highlighted by Russian and Vietnamese mass media.

This collection of «Vietnamese Studies: Issue 2» represents the academic papers by the workshop participants. Like the workshop proceedings traditionally divided in two panels — the «Modern Vietnam» and «Traditional Vietnam», the content of this collection is structured by the same principal.

Part I of the booklet represents articles analyzing the domestic and foreign policy of the SRV under the light of results of the XI Congress of the ruling Communist Party of Vietnam which was held in January 2011. In view of those who studies Vietnam the CPV Congress was especially important not only because of the changes in the leadership of the Party and the State but also because of the new faze of the «Innovation policy» (Doi moi) and the adopted Program for the SRV socio-economic development through to 2020.

Several articles as usual are focused on the timely issues of the Russia-Vietnam relations in its actual model of the strategic partnership, which as noted by the authors, id generally relevant to the current interests of the two countries as well as to the interests of maintaining peace, security and stability in the region of Asia Pacific. The authors stress that the further development of many positive trends in Russia — Vietnam relations as well as the recent aggravation of the international situation in the region of the South China Sea underlines the need of the active

support and non stop following from the scientific community of Russia. It is very much needed for creation of the well informed and competent public opinion in our country as well as for decision-makers in our policy. For this reason the transformation of such academic workshop in the traditional annual forum of researchers was strongly supported by all participants of the conference.

The second part contains articles of Vietnamese studies' scholars on some new aspects of well known events of ancient and modern history of Vietnam, as well as articles experts in Vietnamese linguistics and philology.

This collection of papers is recommended to acknowledge for teachers and students studying the East Asian region.

Actually presented second collection of the papers of the participants of the workshop includes the contributions made on the different scientific level and on the very different subjects. All conclusions and opinions of the authors not necessary coincides with any general positions of the Center of Vietnam and ASEAN studies IFES RAS.

Научное издание

Вьетнамские исследования

Выпуск 2

Вьетнам сегодня и вчера

Корректор *Н.Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 23.04.2012.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 24,5. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.

Заказ № 9